

ЭЙМАН ТОРЕН

Ошибки
АРХИТЕКТОРА

Что-то плохое должно случится. Страшное. И Шэйли вероятно может стать причиной этого. Или это всего лишь плохой сон и ничего ужасного не происходит? Задыхаясь от бега, она просыпается рядом с любимым человеком, только вот... а кто она, почему в голове нет никаких воспоминаний, кроме тех, что она видела в кошмаре?

Разбираясь в себе и открывая новые страницы прошлого, девушке приходится бороться с собой и своими чувствами, жизнь превращается в лабиринт из которого нет выхода.

И если бы она знала о том, что в этот мир вместе с ней пришло что-то жуткое, что нельзя остановить...

Пролог

“Внимание, перегрузка! Внимание! Будьте внимательны. Перезагрузка мира, перезагрузка!”

Мерзкий высокий голос был вездесущ и от него начинала болеть голова.

— Простите, ава архитектор, — её тронули за плечо, она вздрогнула и обернулась. — Приготовьтесь, пожалуйста, к перезагрузке мира.

На неё смотрело бесстрастное лицо класса стандартной души, пол на данный момент женский, вид номер три. Правильный овал, светлые зелёные глаза, короткие светлые волосы, идеальное тело, рост метр семьдесят. Одета она была в обтягивающие штаны, жилет по горло, с обозначением её номера, а по сути имени, на ногах высокие сапоги. На одной руке стандартный передатчик с датчиками и историей перемещений, на другой начальный рисунок на коже, говорящий о её возрасте и достижениях.

— Ава архитектор? — позвала снова душа, когда не получила ответа.

— Да...

— Перейдите на платформу, пожалуйста, с вами внутри мир не перезагрузить.

Она кивнула. Нахмурилась. Кто она?

Посмотрела на себя. Ночнушка в пол, дорогая, с кружевами.

"Из Яллы", — говорил он.

Он? Кто? Мотнула головой. Подол скрывал ноги. Рукава скрывали руки. Пальцы. Она посмотрела на свои пальцы и почему-то вспомнила, как она касалась ими его кожи. А от его прикосновений у неё внутри всё ныло и скручивало в узел.

Да. Иан. А она Шэлли. Шэйли... Или нет, она архитектор. Душа высшего класса, вид один, изменяемый, основа версия три, партия шестьдесят шесть, порядковый номер восьмой из десяти или сто восемь. Да. Душа, один точка один точка ноль три точка шесть шесть точка один ноль восемь.

И сейчас из-за неё перегрузят этот мир, а всё, что было в нём, пропадёт навсегда.

— Ава архитектор?

— Не надо, — прошептала она и обернулась. — Не надо перезагружать!

— Простите? — душа смотрела в недоумении. И Шэйли удивилась, потому что души стандартного класса вне материальных тел не умеют испытывать эмоции.

Замешательство длилось столько, что платформа уже загудела, а голос над их головами начал обратный отсчёт.

“Внимание, перезагрузка мира. Обратный отсчёт: десять-девять-восемь...”

— Ава архитектор, прошу вас пройти на платформу, — взмолилась стандарт.

Вездесущий голос гремел над ними, ноги Шэйли никак не могли сделать шаг. Стандартная душа, стоя на платформе, смотрела с просьбой, на "пяти" протянула руку. И она протянула свою в ответ, но потом...

“...три-два...”

Шэйли вырвала руку и ринулась прочь.

“Перезагрузка мира невозможна. Ошибка считывания. Мир не очищен. Внимание. Перезагрузка мира невозможна. Ошибка считывания. Ошибка. Примите решение!”

— Надо вернуть её, — удручённо проговорила стандартная душа.

— Оставь, — она обернулась на грубый голос.

— Ава палач? — и она склонилась в почтительном поклоне.

— Приостанови перезагрузку, — отдал он приказ.

— Да, ава палач, как прикажите. На какое время?

— До моего распоряжения.

Она ещё раз склонила голову. А он спрыгнул с платформы.

— Вы отправитесь за ней?

— Да, развлекусь.

И он хищно улыбнулся, отчего у стандартной души, которая не должна была испытывать эмоции, тем не менее внутри всё содрогнулось.

“Внимание. Перезагрузка мира приостановлена. Внимание...”

Глава 1 Шэйли

Шэйли открыла глаза и резко села.

— Что случилось, милая? — Иан смотрел на неё в замешательстве.

— Я... — она задохнулась, тяжело дыша и понимая, что ничего плохого не случилось.

Но то, что она видела не было сном. И это очень пугало.

— Что-то приснилось? — он нагнулся к ней, приобнял и поцеловал в лоб. — Ты сама не своя.

— Да. Просто... мне кажется, что скоро мы все умрём, — прошептала Шэйли.

— Шэй, любимая, — он покачал головой и присел на кровать. — Я думал, что всё прошло.

— Прости, — отозвалась она одними губами, сдерживая слёзы.

— Отдохни сегодня, Шэйли, хорошо?

Она кивнула. Мужчина с грустью улыбнулся, потом, погладив по щеке, притянул к себе и поцеловал. Внутри неё всё отозвалось, потянулось к нему на встречу. Стало тепло, захотелось большего. Но он остановился, встал, сжав её руку, а потом вышел, оставив одну.

Шэйли словно осиротела. Ей так хотелось, чтобы он не уходил, чтобы остался с ней, чтобы продолжил целовать, и так дальше, ещё больше...

Почему-то казалось, что это даст ей понимание того, что происходит, потому что внутри была какая-то невыносимая тревога, а ещё пропасть.

Пропасть из пустоты воспоминаний. Их не было. Только обрывки, вспышки. Кто она, где находится, что происходит? Кроме её имени и имени мужчины, который только что вышел, у неё не было ничего. На руке был брачный браслет. Такой как и у него. Откуда она это знала, Шэйли понятия не имела, но знала. Точно знала. Иан — её супруг.

Она мотнула головой — даже не знала, как сама выглядит!

— Госпожа? — после слабого стука, в комнату вплыла женщина лет тридцати. Рыжие волосы под светло-зелёным платком, овальное лицо, тёмные, кажется, немного с прищуром,

глаза, высокие скулы, прямой нос, бледные, но пухлые губы. На ней была сероватая блуза, зелёного, как высохшая трава, цвета жилет, и такого же цвета юбка в пол. — Доброго утра, ваша милость.

— Доброго, — отозвалась Шэйли, пытаясь понять, кто это. В голове не было ничего.

— Как вы? Господин сказал, что дурно спали? — проговорила женщина и, подойдя к шторам, открыла их, впустив в комнату свет утра.

— Да, — прошептала она в ответ.

— Ну, ничего. Завтрак вас взбодрит. Чего хотите?

— Не знаю, — Шэйли хотела рыдать. Она старалась держаться, но видимо получилось плохо.

— Ох, не надо, госпожа, не расстраивайтесь, — женщина небрежно махнула рукой. — Я схожу посмотрю, что там и как, принесу самое вкусненькое.

И она подмигнула Шэйли, направилась к двери.

— Примем ванну и станет легче, — женщина вышла.

— Эйва? — позвал кто-то там, снаружи, куда вышла женщина и она отозвалась, прикрыв за собой дверь комнаты.

Шэйли облегчённо вздохнула. Значит, это Эйва и она, видимо, кто-то вроде её прислуги? Так? И как же хотелось, чтобы так и было.

Она закрыла глаза, пытаясь понять, что же на самом деле происходит, но отчаянно не находила внутри ничего, кроме тревоги и вот этого яркого воспоминания, которое было каким-то далёким и на деле начинало таять, становясь нереальным и тусклым, как сон.

Шэйли огляделась и встала. Комната была большой, спальня. В стене напротив дверь. Кровать большая, тумбы по бокам, комод, ворсистый мягкий ковёр, ещё одна дверь, зеркало...

В зеркале отражалась женщина лет двадцати пяти, не больше. Бледная кожа, брюнетка, волосы заплетены в косу доходящую до середины спины. Глаза у неё были карие, большие, лицо худое, но круглое, аккуратный чуть вздёрнутый нос, брови тёмные, ресницы. Шэйли сказала бы, что женщина красива.

Она перенесла взгляд с отражения на себя, глянула вниз, осматривая, та же ночная рубаша, что уже видела, длинная, с пышными рукавами. Шэйли приподняла подол, потом сняла ночнушку — тело было стройное, грудь совсем небольшая, стройные ноги, низ наверное немного тяжелее верха, но в целом приятная женская фигура. Услышав за дверью суету, она быстро надела рубашку назад, замерла и прислушалась — никто не зашёл и она решила выглянуть в окно.

За окном была жизнь города. Улица полна людей. Лошади, повозки. Мужчины и женщины, возле стен сидит несколько стариков, переговариваются между собой. Дети снуют туда сюда, собаки бегают с ними, кошка на крыше соседнего здания греется развалившись на солнце.

На глаза Шэйли навернулись слёзы, она посмотрела вверх, на небо, и снова в её голове прозвучали громогласные слова: “Внимание, перезагрузка мира, через...”

Она зажмурилась, сжалась, осела на пол, подобрав под себя ноги и расплакалась.

Но пока она здесь, мир не погибнет. Она точно это знала. Значит она будет здесь. Будет. Да?

Сидя в ванне, Шэйли пыталась вспомнить хоть что-нибудь. Вокруг неё хлопотала Эйва, которая распорядившись о завтраке, вернулась, чтобы помочь девушке принять ванну.

Шэйли наблюдала за суетливой и очаровательной служанкой и всё никак не могла вспомнить её. Это было так странно, потому что как можно забыть такую яркую, щебечущую, шуструю и милую женщину?

— Эйва? — позвала она, решившись на отчаянный шаг. Внутри было доверие, но конечно и страх, что если ошибётся, то будет печально.

— Да, госпожа? — женщина развернулась. — Будем одеваться на выход или... в домашнее?

И она уверенно кивнула головой — согласие Шэйли ей было не нужно. Впрочем, что девушка могла ответить? Лучше уж пусть пока так.

— Эйва, подожди, — девушка приложила усилие, чтобы сказать.

— Да? — женщина наконец застыла и внимательно посмотрела на Шэйли.

— Я ничего не помню, — всхлипнула та, понимая, что сейчас расплачется снова и это будет нехорошо, странно.

— Ну-ну, госпожа, не надо. Вы поэтому плакали, когда я пришла?

Шэйли кивнула, посмотрела на оставшуюся спокойной Эйву.

— Совсем ничего? — вопросительно склонила голову служанка.

— Совсем, — глухо ответила девушка. — Только имя своё и кажется Иана.

И нахмурились с надеждой всмотрелась в лицо женщины. Та кивнула. А девушка выдохнула, с радостью, что хоть в имени супруга не ошиблась.

— Но меня же тоже помните, — приободряюще возразила Эйва.

— Нет, прости, не помню. Я слышала как тебя позвали, когда ты уходила, — и отчего-то Шэйли стало очень стыдно.

— Ох, ну, ладно, не беда, — покачала головой служанка. — Давайте выбирать.

Она достала сложенную банную простынь. Завернула в неё Шэйли, после того как помогла выбраться из ванны.

— Так, рассказываю, — защебетала Эйва. — Вас зовут Шэлинна Лар Вайден, вы из очень знатной и обеспеченной семьи землевладельцев и заводчиков лошадей, ваш дядя конюх его величества.

— Оу, — эта информация была абсолютно странной и чужой.

— Ваш папа был полковником кавалерии и погиб при сражении в Р'гаине. Ваша мама не пережила горя, бедняжка, захворала и почилла всего через десять дней после смерти супруга.

Всё это Эйва говорила спокойно, размеренно, словно ребёнку историю рассказывала. А Шэйли слушала и не понимала, почему внутри не колет, почему не задевают эти слова. Она сирота, а ей всё равно? Не было внутри и намёка на горе.

— Вас, крошку, дядя отдал в храм, — продолжила служанка. — Вам говорят было лет пять, не больше.

— В храм? — нахмурилась девушка.

— Да, богини-матушки, Йэтри, — и Эйва закрыла глаза на этих словах, постояла так некоторое время молча. А Шэйли вдруг поняла, что женщина отдаёт должное богине, поминает её добрым словом. Так было надо обычно, так сама девушка делала множество раз.

И вот теперь зашевелилось. Появились воспоминания.

Шэйли маленькая стоит в огромной зале на коленях. Вокруг неё много таких же девочек, как она, разных возрастов, разных рас. Они смотрят на витражи под потолком и видят изображения богини-матушки, богини-покровительницы, прекрасной Йэтри, они

читают тихим шепотом молитву и от их голосов создаётся странный чарующий шум, завораживающий и благостный.

— Я помню, — проговорила Шэйли, когда Эйва открыла глаза и посмотрела на неё.

— Ну, вот, — улыбнулась служанка. — Богине блага!

— Света богине, — не думая проговорила на это девушка, потому что сотни раз говорила эти слова.

— А потом вас отдали в дом Шёлран, и вот вы супруга Иана Шелрана, — заключила женщина. — Садитесь, займусь вашими волосами.

Всё это время Эйва одевала Шэйли — мягкую плотную юбку в пол с красиво расшитым бисером поясом, приятного красно-коричневого цвета, шелковая блуза молочного цвета. Сев перед зеркалом, что находилось в ванной Шэйли наблюдала, как служанка творит волшебство с её длинными черными волосами.

— А чем занимается Иан? — Шэйли никак не могла вспомнить. Да и про семью супруга тоже. Только что-то о благословении, которым теперь одарит этот дом богиня, раз они взяли в него жрицу, а Шэйли точно была ею.

— Он в хранителях первого наследника. Как и все вторые сыны благородных семей, он военный. За его заслуги на двух последних войнах его определили в корпус хранителей королевской семьи. Он несёт службу при его высочестве первом наследнике королевства Жайнó из дома Па'Араста, — проговорила Эйва расчёсывая и укладывая волосы девушки.

Шэйли кивнула, хотя ничего не поняла, разве что помнила, что Иан носил мундир, синий такой, с эполетами и аксельбантом. Она была от него в восторге, потому что мужчина был в форме неотразим. Впрочем он просто был неотразим и без формы. От мысли стало стыдно и она покраснела.

Но даже если Эйва заметила, то виду не подала и продолжила:

— А сама семья Шелран состоит из старшей сестры вашего супруга Нииллы, по брачному союзу Сэнóри. Её брак был неудачным, точнее, — Эйва задумалась, застыв на мгновение, но потом опять пришла в движение, — супруг её погиб трагически, а она осталась молодой вдовой. Она живёт в уединении в летней резиденции Шелранов, той что в Хиите.

И женщина многозначительно посмотрела на девушку, хотя никакого понятия что за летняя резиденция и вообще, где этот самый Хиит, у неё не было.

— А глава дома, старший брат вашего супруга, его светлость герцог Верóн Шелран, кто-то вроде, даже не знаю как сказать, советник его величества в сфере каких-то там экономических интересов государства или что-то в этом роде, — и Эйва с сомнением повела плечом. — Но он не из торговцев, и не вздумайте никогда о нём так сказать, это его злит. Скорее он банкир.

И Шэйли кивнула в согласии. Вспомнить этого самого Верона у неё не получалось.

— Вот супруга у него из торговцев как раз, — продолжила вкладывать в голову девушки знание горничная. — Её зовут Ланира, но все предпочитают называть просто Ланой.

И у девушки всплыло воспоминание — надменный и холодный взгляд голубых, как небо, глаз белокурой красавицы, с такой точёной фигурой и одетой богато и роскошно. Только вспомнить при каких обстоятельствах она её видела, никак не получалось.

После завтрака, Эйва грациозно уплыла с подносом, сказав, чтобы Шэйли отдыхала до обеда, а если захочется пройтись или погулять в саду, чтобы позвонила и служанка тут же придёт составить ей компанию и помочь разобраться в устройстве дома, которое по

признанию девушки, она тоже совсем не помнила.

Шэйли сидела на кушетке, уставившись в книгу, которую явно читала до того как у неё отшибло память и до того, как мерзкий голос над её головой начал предупреждать о скорой перезагрузке мира.

Она закрыла глаза и попыталась вспомнить людей, о которых говорила Эйва. Но получалось скверно — она и саму служанку не могла вспомнить, чего уж о всех остальных. Вот только этот взгляд, как там её? Ланы? Да, пренебрежительный взгляд голубых глаз.

У Иана есть брат? Верон? Шэйли нахмурилась, напряглась, пытаюсь вспомнить, как выглядит мужчина, ведь наверняка она его видела. Не могла не видеть — тем более Эйва отметила, что живут они все вместе.

Но вспомнить никак не получалось.

В голове снова появился храм, она снова стояла на коленях и молилась. Над ней стоял человек. Мужчина. Это тот самый Верон? Нет. Служитель богини.

— Помни о заветах, помни о своей душе, помни о долге! — увещевал мужчина. — Богине нельзя врать, она не приемлет такой грязи, тем более от своей дочери, от жрицы, что отдала храму жизнь и кровь!

И от этих слов и от тона служителя внутри у Шэйли появился невероятный страх перед лицом богини, невыносимый и всеобъемлющий. Страх этот заполнял её, топил внутри, не давал дышать, душил.

Она вздрогнула, обернулась и ответила, что не готова. Встретилась с грустным, суровым взглядом глаз изумрудного цвета. Мужчина кивнул и ушёл. А ей стало отчаянно больно, страх не ушёл, только укоренился в ней, её затрясло, она разрыдалась и потеряла сознание.

Шэйли вздрогнула и открыла глаза. Она уснула во время чтения, кто-то заботливо укрыл её мягким пледом и почему-то не было сомнения, что этот кто-то конечно Эйва. За окном было темно.

— Прямо спящая богиня, — улыбнулся Иан выйдя из ванной комнаты. На нём была только штаны и рубашка, он видимо умывался, потому что волосы вокруг лица были влажными. — С пробуждением тебя, любимая.

Он подошёл к ней и нагнувшись поцеловал.

— Соскучился по тебе, — прошептал он ей в губы. — Так надоело ходить в совет и ждать там весь день неизвестно чего. Отпустить на отдых отпустили, а бумажки никак не могут подготовить.

Иан сел рядом с ней, давая Шэйли возможность себя обнять.

— Обещали завтра всё сделать, но столько я уже этих завтра слышал, — он недовольно поморщился, что совершенно не испортило его красивое лицо. — Эйва сказала, что ты не обедала.

Шэйли кивнула:

— Проспала, кажется, — ответила она, а Иан улыбнулся.

— Ужинать спустимся вниз? — спросил он.

— Я не хочу есть, — и это была чистая правда, а ещё ей не хотелось снова быть одной без него, хотелось, чтобы он её обнимал, целовал...

— Шэй, — он покачал головой, потом погладил её по спине. — Надо есть, детка. А хочешь поужинаем здесь? Вдвоём?

— Хочу, — и она радостно закивала ему, а он рассмеялся её изменившемуся от радости лицу.

— Согласен, я тоже не хочу с ними есть, — и он снова поморщился, потом притянул Шэйли к себе. — Хочу другого...

И она в нём растворилась. Поцелуи переросли в обоюдные жаркие ласки, а дальше их закружило страстью обладания друг друга. И, богиня, как она была счастлива наконец-то это ощутить. Невероятно счастлива. Словно воды напилась после мук нестерпимой жажды.

— Так и не поужинали, — заметил Иан, поглаживая её плечо, когда она лежала прижимаясь к нему всем телом, потому что боялась снова потеряться.

— Прости, — прошептала она.

Он фыркнул, потом ухмыльнулся:

— Буду есть тебя, — и с этими словами приподнялся, а потом нагнулся так, что укусил Шэйли за плечо. Она взвизгнула, рассмеявшись, и попыталась вывернуться, но не получилось, потому что его сильные руки её не отпустили.

И под её визг и смех Иан кусал её куда придётся, а потом вдруг резко остановился, заглянул в озадаченное из-за остановки, но радостное лицо.

— Я люблю тебя, Шэй, — проговорил он и девушка поняла, что всё, снова их двоих сейчас унесёт желанием. Но сопротивляться она была не намерена, наоборот протянула к нему руки.

Он был таким невообразимо прекрасным, идеальным, как ей казалось. Такой нежный и при этом её пробирало от прикосновений, поцелуев — безумие, совершенное. Шэйли чувствовала стыд и невообразимую негу, утопая в ней, отдаваясь во власть мужчины, который точно знал, что и как надо сделать, чтобы она потерялась, несмотря на то, что казалось бы она сама не своя, испугана пустотой прошлого и тревожными снами, похожими на реальность, но в их близости было столько естественности, столько реальности.

— Я тоже люблю тебя, Иан, — ответила она, задыхаясь от тягучего омута страсти.

Глава 2 Эйва

Эйва сидела на кухне и пила чай. Вокруг неё хлопотала повариха Шелранов.

— И чего ты сидишь, Эйва? — недовольно проговорила Яци. — Разве не нужно девочку к ужину одевать?

Она пожала плечами:

— Меня не звали. Тем более господин Иан вернулся. Может они и не спустятся теперь вообще.

— Развратники! — фыркнула повариха. — В моё время не было такого. Этими делами только в ночи занимались!

Эйва рассмеялась:

— Ой, перестань. Тоже мне, скажешь. Можно подумать никто никого под утречко в кладовой или в жаркий день на сеновале не обжимал. Чистые все какие.

Яци недовольно зыркнула на служанку.

— Да и дело молодое, — ответила на это Эйва. — Им положено. Никак не могут отлипнуть друг от друга.

— Пусть бы уж детей наконец сделали, — заворчала на это Яци. — А то отлипнуть не могут, грешат без конца — и в завтрак, и в обед, и в ужин, а детей нет. Пустая девка выходит.

— Ой, что ты завелась? — повела головой горничная. — Дай ей в себя прийти. Лица нет на бедняжке, а ты с детьми пристала.

— А что? Благодать-то где?

— Сказала бы я тебе, но побойся гнева богини, — зашипела на повариху Эйва. И обе

женщины закрыли глаза и воздали про себя хвалу Йэтри. — Выжила и то хорошо!

— Всё такая же странная? — спросила Яци, тяжело вздыхая.

— А какая должна быть? — не любила Эйва такие разговоры. — Но уж поди лучше н́хры нашей.

Повариха осторожно подняла голову вверх, нахмурилась и прислушалась, словно эта самая "нихра" могла их услышать. В этот момент в кухню влетела всклоченная и расстроенная Юллин.

— Что случилось, крошка? — спросила Яци взволнованно.

— Эйва, тебя госпожа Лана зовёт, — только и смогла выдать из себя девушка, потом расплакалась и убежала с кухни.

— Дочь прóклятых богов, я ж говорю, ну истинная н́хра! — проговорила зло кухарка.

— Смотри, еду испортишь злостью, — заметила Эйва, вставая.

— А я злая, да. И ничего, пусть ей встанет поперёк. Снова небось тут не так, там не этак! Уух! — и женщина сотрясла кулаком воздух направляя его наверх, туда, где были покои госпожи Ланиры.

— Уймись, Яци, — покачала головой служанка.

— Бедный мой мальчик, не повезло ему вступить в союз с такой мерзкой девицей...

И под ворчание и проклятия кухарки, Эйва вышла с кухни и отправилась наверх к госпоже Лане.

Та сидела в комнате перед зеркалом и прекрасное лицо её было перекошено трагизмом такой глубины, словно мир перестал существовать. Увидев служанку, она всхлипнула и её глаза даже увлажнились слезами, и конечно Эйва, должна была отреагировать на это представление в лучших традициях королевских театральных постановок.

"Самые пробирающие эмоции, как правило не имеют ничего общего с честностью," — говорила её бабушка, которая была примой большого королевского театра и любимицей короля и аристократической публики. От бабушки им с матерью достались яркие рыжие волосы и невероятное умение абстрагироваться от любых проблем.

Эйва надела маску озабоченности и подплыла к супруге хозяина дома.

— О, ваша светлость, что случилось? — служанка подошла и положила руки на плечи Ланы. — Солнечная моя, не надо плакать, вы испортите лицо.

Госпожа была невероятно красива той невообразимо чистой сияющей красотой. Глаза лучились голубым светом, даже сейчас при свете ламп вечернего освещения внутри дома. Волосы густые, мягкие и светлые, тёплого пшеничного оттенка. Лицо такое детское, нежное, ресницы густые, брови чуть темнее волос, на щеках румянец, припухшие губы были идеальной формы, и несмотря на то, что нижняя губы сейчас была искривлена и тряслась в деланной истерике, всё равно была прекрасна.

Если бы Лану сейчас увидел кто-то другой — пылкий юноша, суровый муж, сердобольная тётушка или парочка простодушных стариков, то все они дрогнули, перенимая эту невообразимую печаль, стали бы скакать вокруг неё, пытаясь узнать причину её печали и желая как угодно исправить положение. Но в этом доме все знали какой может быть Ланира Шелран, поэтому, если и потакали этим спектаклям, то только чтобы оставить свою душевное равновесие в целостности и сохранности. Потому что нервы эта особа портила так же виртуозно, как и проницала окружающих на восторгание или сочувствие.

— Эта глупая девица всё испортила! — с досадой произнесла Лана.

— Что она испортила, госпожа?

— Всё! Посмотри на платье! Посмотри на мою голову! Я должна спуститься к ужину, но я совсем не готова. Я не вынесу этого!

Эйва подошла к платью, лежащему на кровати. В целом ничего такого с ним не было, намётанный глаз горничной видел недостатки, но это были мелочи, не такие, чтобы заламывать руки и утверждать, что жизнь кончена.

Она развернулась к Лане. Та сидела в тонкой нижней сорочке, скорбное лицо, растрёпанная голова, но скорее из-за того, что сама так сделала в гневе на Юллин.

— Давайте всё исправим? — предложила женщина и вернулась к ней.

— Ах, Эйва, нет сил, нет сил, — проговорила Лана, когда служанка стала заниматься её волосами. — Это какой-то кошмар. Юллин совершенно невозможна. Почему я должна это терпеть? Ответь мне!

— Ваша светлость, я могу помогать и вам, если хотите, — ответила Эйва.

— Разве можно успеть? — заморгала она своими голубыми глазами. Потом на лице появилась кислая мина. — Хотя, конечно, что там этой сиротке храмовой надо.

Эйва повела головой, но комментировать замечание не стала. Да хозяйке это было и не нужно.

— Но всё равно, — возмутилась она. — Пока мы здесь, это может и возможно, хотя мне будет безгранично стыдно за твою переработку.

И горничная точно знала, что не будет ни разу.

— А вне дома? Эйва, — и Лана всхлипнула, — а поездка? Ты хоть представляешь как меня удручает эта поездка? Без тебя она превратится в катастрофу, Эйва! Эта глупая деревенская девица с кривыми руками всё испортит! А это недопустимо! Я должна выглядеть безукоризненно, лучше всех! Это же дворец, Эйва! Королевский двор!

— Госпожа, я думаю, что всё будет хорошо, — и служанка как раз закончила укладывать волосы Ланы в красивую элегантную причёску.

— Нет, Эйва, только посмотри! — и девушка указала на зеркало. — Ты сотворила такую красоту всего за сколько? А Юллин возилась бы весь вечер!

Госпожа подошла к служанке, которая приготовила платье, чтобы можно было надеть.

— И вот это, — Лана недовольно покачала головой, рассматривая своё отражение в зеркале. — Это платье уже устарело, такой крой остался в прошлом. В ушедшем сезоне!

— Совсем недавнее прошлое, госпожа, — мягко заметила ей Эйва.

— Оно годится для ужина дома, но если бы были гости, это было бы неприемлемо! — воскликнула хозяйка. — Я лицо этого дома, я должна выглядеть лучше всех! И на королевской свадьбе тем более.

— Вы будете, ваша светлость, — ответила ей Эйва, оправляя ленты платья и застёгивая пуговицы на рукавах.

— Эйва... — Лана надула свои очаровательные щёчки.

— Вы самая красивая женщина, которую я видела. А вы же знаете, что я видела очень много красавиц. — И это было правдой. Эйва провела большую часть своей жизни в столичном королевском театре. И да, она видела самых красивых женщин их страны, поэтому могла честно сказать, что Ланира Шелран была невероятно красивой. — Вы покорите их, даже если наденете платье селянки.

— Ох, Эйва! Уговори его, чтобы он вернул тебя ко мне, — захныкала Лана.

— Я? Госпожа, с чего вы взяли, что он меня послушает?

— Тебя послушает! — ответила она, направляясь к выходу. — Определённо. Он вообще

кажется слушает всех, кроме меня.

— Приятного вечера, госпожа, — сказала Эйва ей вслед, немного склонив голову.

— Отдыхай, дорогая. Перед сном помощь мне будет не нужна, — снисходительно улыбнувшись ответила на это Лана, исчезая за дверью.

Через час Эйва нежилась в ванне, пытаясь прийти в себя. Несмотря на то, что с крошкой Шэйли не было проблем, ну кроме внезапной потери памяти, всё равно работы в доме было невероятно много. Слуг после зимы не хватало, конкретно после вспышки хнийской лихорадки и смерти трёх домашних слуг — служанки, что раньше была горничной у Шэйли, лакея и дворовой девчушки, которая делала много черновой работы, которая теперь легла на обычных слуг, некоторые из которых болезнь пережили, но последствия остались и работали они теперь медленнее и порой хуже, чем раньше.

— Эйва!

Это была Юллин, она присела возле ванны на корточки, вид у неё был расстроенный, глаза на мокром месте. И Эйва понимала печаль девочки — Лана была действительно тяжёлой и непримиримой хозяйкой.

— Да, милая?

— Давай поменяемся? — спросила она.

— Юлли, я бы с удовольствием, но как ты себе это представляешь? — и про удовольствие Эйва, конечно соврала, хотя понимала, что ей было с хозяйкой намного легче, чем совсем ещё юной, неопытной девочке.

— Я больше не могу, она вздорная, злющая...

— Тихо, — шикнула женщина и оглянулась. — Уши есть везде, нельзя так, Юлли! Если держишься за место...

— Не хочу никакого места, — всхлипнула девушка. — Она так меня извела, и продолжает изо дня в день. Никаких сил больше нет. Я вставать с утра не могу. А эта поездка во дворец! Эйва!

И Юлли разрыдалась, уткнувшись в свои колени.

— Сегодня с утра перепутала какую-то её баночку и она мне чуть волосы не повыдергивала! — запричитала девушка сквозь слёзы. — А как в этих банках её разобраться? Мази, кремы, лосьоны, зелья всякие! У-у-у-у, ведьма, клянусь, ведьма как есть!

Эйва вздохнула.

— Я постараюсь помочь, — предложила она, — давай так — пока герцог не отдал другого распоряжения, я просто буду помогать тебе, но на тебе моя часть работы по дому.

Девушка подняла на Эйву заплаканное лицо.

— Правда? — шмыгнула она носом.

— Правда.

— Спасибо, Эйва, спасибо! — просияла Юлли. — Пусть богиня тебя бережёт!

— И тебя, детка!

И конечно Эйва знала, что пожалеет об этом. Но уж таким она была человеком. Была доброй в ущерб себе, хотя порой так ругала себя за это, но жестокий жизненный опыт ничему её не учил.

Утро было нервным.

Спасая Юллин от очередной вспышки гнева хозяйки, пришлось помогать Лане, но конечно в ущерб второй госпоже. Хорошо хоть Шэйли и вправду была достаточно самостоятельной девушкой — жизнь в храме не предполагала излишеств в виде личной

служанки или горничной. Жрицы несмотря на возраст и положение в обществе всё делали самостоятельно. Младшим, если нужно помогали старшие, но в целом эта помощь была достаточно скудной.

О укладе жизни внутри храмов Эйва знала от своей подружки, которая из храма сбежала и в поисках яркой и интересной жизни добралась до столицы, а там уже оказалась в театре. Конечно жизнь дала ей, наивной, по носу, и яркой и интересной была у других. Впрочем, Рьена не грустила, даже наоборот. Она научилась много чему, познакомилась много с кем, влюблялась, разочаровывалась, падала и поднималась.

Для Эйвы подруга была кем-то вроде примера стойкости и неуныния. Чего только Рьена не пережила, но всё равно вставала с колен и шла вперёд. Бойкая девчушка умерла от болезни, всего неделю не дожив до своего двадцатидвухлетия. Последними её словами было "эх, жаль, а я почти добралась до вершины". И Эйва всегда помнила эти слова и всегда говорила их себе, потому что это было тем единственным, что имело смысл.

"Совсем немного и будет вершина, главное не проморгать!"

И теперь, когда смотрела на бедняжку супругу Иана, становилось так грустно от потерянного взгляда огромных карих глаз, которые смотрели со страхом и неуверенностью, поэтому Эйва хотела ей помочь. Помочь справиться, научиться не унывать. Идти вперёд и верить, что вот-вот и будет вершина, а дальше...

"А дальше по ходу дела разберёмся", — смеясь всегда говорила Рьена.

Шейли собралась почти без помощи прислуги, хотя Эйва послала Юллин подобрать девушке наряд — не было сомнения, что госпожа с данной задачей самостоятельно не справиться.

Иан проводил супругу к завтраку в столовую. Там за столом уже сидел глава дома, читал сводки и хмурил своё и без того отталкивающее лицо.

Эйва решила помочь сегодня здесь и видела, как побледнела, увидев его, Шэйли.

Бедняжка действительно не помнила?

"Ох", — вздохнула горестно про себя Эйва. Она могла себе представить, что вполне вероятно Шэйли ожидала увидеть кого-то вроде Иана, а на деле... И без всего прочего братья были очень разными, в чём-то словно и не братья вовсе.

Иан внешне был в мать, а Верон пошёл в отца. А вот с характерами всё было наоборот. Говорят, что мать была сурова, холодна и скупа на эмоции, а вот отец был весельчаком, балагуром, влюблённым в жизнь мечтателем. Домашние его обожали, потому что редкие вспышки гнева были мимолётные и пустые, а вот винулся он всегда с лаской, вниманием и подарками. Для него не было различия — семья или слуги. Он одинаково хорошо относился ко всем и даже нелюдима, ворчливая Яци, когда вспоминала его, всегда плакала, хотя слезливость была ей вообще не свойственна.

Эйва служила в доме Шелранов всего три года, поэтому обо всём происходящем до неё, узнала от домашних слуг, хотя не очень любила сплетни, но надо же было как-то разбираться, что к чему.

Верон Шелран был герцогом. Славился суровостью, непримиримостью, хладнокровием в делах. Кое-кто даже называл его беспринципным особенно в том, что касалось дел, но с другой стороны — он был богат, заработал своё состояние сам, так что понятно, если бы не было в нём цепкости боевого пса, то и толку бы не было никакого.

Хотя, как и все в этой стране, восемь лет назад попал в жернова разрушительной войны. С которой вернулся покалеченным и истерзанным, но кажется его изувеченная внешность в

делах ему только помогала, придавала внушительности и, видимо, не давала партнёрам воспринимать молодого герцога поверхностно, с ухмылками и пренебрежением.

Верон был умён и на деле, как видела Эйва, ей это нравилось, не допускал для себя ничего лишнего.

Увидев его впервые, первым порывом было пожалеть мужчину, но ему жалость была не нужна. Он без неё прекрасно обходился. Был холоден и бесстрастен, как и мать, по крайней мере так про него говорили домашние.

— Доброе утро, — Иан приносил с собой улыбки и почти всегда был очаровательным и приветливым.

— Доброе, — буркнул в ответ старший брат, глянув на пару поверх читаемой им сводки.

— Ну, видимо не у всех, — усмехнулся младший хозяин, помогая супруге сесть за стол, а потом устраиваясь рядом.

— Тебе так и не дали бумаги? — спросил Верон, игнорируя замечание брата.

— Нет, — удручённо ответил Иан. — Кажется они меня извести хотят.

Ответить Верон не успел, потому что в столовую вспорхнула Лана.

— Доброе утро, — она улыбнулась, потом косо глянула на Шэйли. — Кого мы видим?

— Оставь её в покое, — прервал супругу Верон, опережая Иана. Лана фыркнула на это и, зыркнув на совсем сжавшуюся Шэйли, снова натянула милейшую из своих улыбок.

— Я вчера оставила тебе счета, — она села и надула свои очаровательные губки. — Но ты их не просмотрел.

— Просмотрел, — ответил Верон, не поднимая глаз от сводки.

— Но не оплатил? — в недоумении застыла Лана, которая принимала от Эйвы тарелку с завтраком.

— Нет, — отрезал он. — Если оплачу, то половину. Придётся выбирать.

И кажется все знали, что сейчас начнётся.

Глава 3 Шэйли

Утро Шэйли было хорошим, она даже решила спуститься позавтракать со всеми вместе, конечно предполагая, что Иан будет с ней.

Но, как только она вошла в столовую, поняла насколько глупо поступила.

Там уже сидел старший брат Иана и, увидев его, Шэйли подумала, что и шагу ступить теперь не сможет. Но её супруг проводил её до стула, на деле просто пронёс по комнате, даже сам того не заметив. Девушка села, потом встретилась взглядами с Эйвой, которая прислуживала за завтраком и увидела искреннее сочувствие на лице горничной.

Потом исподтишка глянула на хозяина дома снова, благо он закрывался сводкой, но...

Иногда так неприятно смотреть на что-то уродливое, но всё равно продолжаешь это делать, и Шэйли была как раз в таком положении. Ей не хотелось смотреть на Верона Шелрана, но её взгляд то и дело возвращался к его лицу.

Утром, наблюдая за тем, как Иан одевается, Шэйли думала, что супруг невероятно красивый. В голову лезли мысли смотреть, любоваться, желания трогать его, обнимать, целовать... и они смущали её и она точно знала, что жрице не пристало такими мыслями осквернять свою голову, но остановиться не могла. Восхищение било через край, а ещё совершенно не верилось, что Иан любит её, хочет и неужели даже видит в ней что-то красивое? Девушка, которую она видела в зеркале, была привлекательной, но с красотой этого мужчины не сравнить. Правда Шэйли казалось, что происходящее между ними не могло быть наигранным или неискренним.

Супруг был на голову выше неё, по её мнению был идеально сложен, крепкий и стройный. Шатен, с серо-зелёными глазами, нос был немного вздёрнут вверх и придавал его лицу такой задорный вид, тем более Иан почти всегда улыбался, если не губами, то глазами. Взгляд его словно искрился. Лицо было мягким, нежным, с родинками над правой бровью и на подбородке слева, он носил бакенбарды, которые придавали ему более серьёзный вид. Почему-то Шэйли казалось, что если бы не они, то вот эти волосы до плеч и улыбка эта озорная — ну, нашкодивший подросток, а не мужчина двадцати пяти лет, побывавший, как она знала, уже на двух войнах.

И сидя за столом, пытаясь заставить себя не выглядеть одеревеневшей, и уж тем более, невежливой, она отчаянно пыталась заставить себя не смотреть, а на деле не пялится, на старшего брата её супруга и уж тем более не пугаться его вида.

Ростом Верон судя во всему был на полголовы выше Иана, по крайней мере, пока сидел за столом, именно такая разница была между ними. Волосы у него были такого же цвета, что и у младшего брата, но коротко стриженные. С одной стороны его лицо было лицом кажется весьма привлекательного мужчины, только такого сурового, волевого, непримиримого, что ли. Скулы словно каменные, тяжёлые, брови нахмуренные, нос, в отличии от брата, прямой, острый. А вот левая сторона его лица... она была обезображена и Шэйли никак не могла понять чем — может взрывом? Глаз скрывала повязка, и девушка почему-то подумала, что глаза нет вовсе — слишком сильно было покалечено лицо. И судя по пальцам левой руки это были не все увечия старшего брата Иана.

И как только Шэйли более менее уняла себя, постаралась отвлечься, вслушиваясь в разговор братьев, в столовую вплыла супруга Верона. Девушка поблагодарила богиню, что дала ей силы сдерживать восхищение, потому что вспоминая холодный надменный взгляд красавицы Ланиры Шелран, Шэйли почему-то даже и подумать не могла, что в реальности супруга хозяина дома настолько прекрасна.

Лана была идеальна. Во всём.

Взгляд к ней тянулся так же, как к её изувеченному супругу, и главное, и в первом и во втором случае, причиной было потрясение.

— Что значит ты оплатишь половину? — взгляд голубых глаз на идеально красивом лице стал озадаченным.

— Десять нарядов это уже перебор, дорогая, — ответил Верон, не поднимая на неё взгляда.

— Ты действительно не понимаешь?

И Шэйли поняла, что сейчас грянет буря. Иан устроился поудобнее, ухмыльнулся едва заметно.

— Нет, Ланира, не понимаю. У тебя недостаточно платьев?

— Те, что есть не подходят. Мы же едем на свадьбу второго наследника, что ты предлагаешь мне делать с этим?

— Ланира, — Верон отложил сводку, а ухмылка Иана стала заметнее.

— Нет, нет, — она мотнула головой. — Я должна выглядеть безукоризненно, ясно? Ты богачейший человек королевства, я твоя супруга — мои наряды должны говорить о достатке, глядя на меня все они будут оценивать тебя, а ты предлагаешь мне выглядеть, как нищенка?

— Ты не будешь выглядеть нищенкой, дорогая, но вернёшься обратно именно ею, если продолжишь тратить деньги в той же манере, — ответил хозяин.

— Неужели я так многого прошу?

— Десять нарядов? Когда мы едем меньше, чем на четверо суток? Да, Ланира, это много, — ответил Верон. — Особенно, учитывая то, что в этом доме у тебя две гардеробные, забитые до отказа.

— Нет, десять нарядов на четверо суток — это мало! Этого недостаточно, на деле это минимум. Утренний наряд, вечерний, — она стала выставлять свои изящные пальцы, — каждый день новый. Наряд на свадьбу. На церемонию один, на праздничный фуршет другой. А ещё может быть охота. И я уже не говорю о том, что банально что-то может испачкаться или испортиться. Я не могу выйти в свет в одном и том же дважды! Это плохой тон! Надо мной будет потешаться двор, а это значит и над тобой тоже.

Шэйли чувствовала себя не в своей тарелке, она очень не любила склоки и ссоры, избегала их, столбенела, когда при ней ругались, или ругались на неё. Сейчас ей тоже хотелось выйти из столовой, но Иан, сидящий рядом уже откровенно озорно улыбался, а Верон кажется вообще не изменился в лице. Он был отстранённым и спокойным, хотя на лице его супруги была трагедия мирового масштаба.

— Нет, Ланира, — отрезал он. — Выбери из того, что есть.

— Всё это уже нельзя надеть, — с досадой вспыхнула она.

— Тогда продай, — ответил ей супруг.

— Что? — Лана захлебнулась в возгласе.

— Продай то, что не нужно. Будут деньги на новые наряды. На те пять, а может и на больше, — ответил герцог.

— Ты шутишь? — прошипела она.

— Нет, дорогая, думаю у тебя отлично получится, — ответил хозяин дома и ухмыльнулся.

— Я по-твоему торговка?

— Нет, но, постой, — Верон склонил голову, — твой отец — да, и очень хороший. Думаю это у тебя в крови. Больше к этому возвращаться не намерен.

— Ты, ты... — она вскочила со стула, так что он упал.

— Верон? — подал голос супруг Шэйлин, перебивая Лану.

— Да, Иан?

— Я тут подумал, дай мне денег. Нужны новые эполеты и кушак, а то те, что есть, вышли из моды. Да и мундир...

— Не смей, Иан, маленький засранец, — взвизгнула Лана и, кинув в него салфеткой вышла из столовой. Но потом вернулась и ткнула в воздух своим красивым тонким указательным пальчиком. — И я не буду есть, пока вы оба не извинитесь!

Иан подавился смехом, а потом уже перестал сдерживаться.

Верон повёл головой, и вернулся к сводке.

— Госпожа не вернётся? — спросил старый лакей, подходя к столу, поднимая и ставя на место стул. — Прикажете отнести ей завтрак в комнату?

— Полагаю она уже сыта, — ответил Верон. — Кровушки нашей с утра хлебнула и довольно.

Иан продолжил смеяться, а лакей поклонился и убрал посуду Ланы.

— Что едят? — спросил младший брат у старшего, успокаиваясь и кивая на сводку.

— Это праздный интерес или...

— Верон, — цыкнул Иан.

— Война, — ответил глава дома Шелранов, и при упоминании этого слова внутри у

Шэйли всё сжалось.

— Где?

— Тьян и Санда.

— В полку молчат... — слегка нахмурился Иан.

— Ну, зато эти, — старший Шелран указал на сводку, — галдят во всю.

— Как это влияет на нас?

— Если война действительно станет реальностью, то наши активы в производствах Тьяна будут под угрозой. А если они проиграют, то мы весьма ощутимо потеряем, — ответил Верон. — Не говоря уже о проблеме, которая возникнет, если наше королевство вмешается в конфликт.

— Его величество на это не пойдёт, — покачал головой Иан.

— Его высочество пойдёт.

Шэйли подняла на супруга глаза.

— Да и... — он был невероятно пренебрежителен.

— Тебя призовут на войну, Иан, — глянул на младшего брата Верон, а потом взгляд его зацепился на мгновение с Шэйли. И её словно парализовало, она выронила вилку из рук.

— Шэйли, — покачал головой Иан, потом видимо с укором глянул на брата. — Всё хорошо, милая.

— Простите, — она сжалась.

Её супруг вздохнул, потом встал и обнял её.

— На этой очень жизнерадостной ноте, я вас покину, — и Иан поцеловал её в макушку, — потому что бумажки, даже если они будут не нужны из-за начала войны, надо для приличия всё-таки получить.

— Ты знаешь, кто задерживает дело? — спросил Верон, как ни в чём не бывало.

— Не знаю точно, но догадываюсь, что это Сиварн. Всё никак не простит мне свою руку, — ответил Иан, потом сжал пальцы Шэйли, оставил её. Проходя мимо брата сжал его правое плечо, они кивнули друг другу и младший Шелран вышел.

Шэйли стало не по себе. Она глянула исподтишка на хозяина дома, но быстро отвела взгляд, чувствовала себя зверьком, которого загнали в угол.

— Эйва, — позвал Верон служанку, которая спокойно стояла всё это время возле огромной тумбы, на которой были расставлены блюда господского завтрака.

— Да, господин Верон? — кивнула женщина, откликаясь.

— Будь любезна, выведи госпожу погулять сегодня, хотя бы в сад. А то с таким цветом лица и аппетитом, боюсь она долго не протянет.

И Шэйли вскинула на него голову, снова встретилась с жутким взглядом сурового с одной стороны и изуродованного с другой лица, поняла, что говорят конечно про неё.

— Хорошо, ваша светлость, мы вчера хотели выйти, но госпожа Шэйли уснула днём и я не стала её тревожить, — ответила Эйва.

Он кивнул, потом встал, сложил сводку.

— Я буду в кабинете, — возвестил он, обращаясь к служанке и лакею. На что Эйва присела, а лакей поклонился корпусом. И они были в этих позах, пока Верон Шелран, слегка прихрамывая на левую ногу, не вышел из столовой.

После завтрака Эйва исполнила указание главы дома.

— Все считают меня чокнутой? — спросила Шэйли, когда сидела в невероятно красивом саду, что был во внутренней части дома, противоположной улице.

— Кто? — подняла на неё голову Эйва, нахмурилась.

В саду была ранняя весна. На девушку надели кейп с меховым подкладом, а ноги закутали в плед. Деревья уже покрылись зелёной дымкой молодой листвы, на некоторых ветках и клумбах были ранние цветы, наполняя двор приятным чарующим ароматом весны.

— Все. Иан, его брат, его супруга...

— С чего взяли, госпожа? — нахмурилась Эйва.

— Потому что все так смотрят. Этакая странная снисходительность, — удручённо произнесла Шэйли. — Даже ты вчера не удивилась, когда я сказала что ничего не помню. Словно это норма. А Иан расстроился от моих слов про скорый конец света. Я сумасшедшая?

— Ох, нет, милая, — и женщина села рядом с ней. — Это не снисходительность. Просто присматриваются к вам. Это потому что вы болели.

— Болела?

— Да, госпожа, вы болели хнийской лихорадкой, — пояснила Эйва, взяв руку Шэйли в свою. — Вас заразила служанка. И ещё пару человек в доме. Сама она, увы, с болезнью не справилась.

И Шэйли вспомнила хрупкую, но бойкую девочку блондинку, что была её прислугой. Миса. И она умерла?

— А вы сами лежали десять суток без сознания, в горячке, — покачала головой Эйва. — Мы все очень переживали за вас, госпожа Шэйли, думали, что вы не справитесь, но слава богине-матушке, вот вы здесь.

И горничная прикрыла глаза, чтобы поблагодарить богиню. Девушка сделала так же.

— А всё остальное — пустяки, — продолжила служанка. — У этой болезни тяжёлые последствия. Слабость, рассеянность, тревожные мысли, плохой сон, а иногда потеря памяти. И именно поэтому я не удивилась, когда вы сказали что ничего не помните. Память вернётся постепенно, не переживайте.

— Спасибо, Эйва.

Шэйли пыталась вспомнить болезнь. Что-то было внутри такое тяжёлое, снова вспышками. Кажется Эйва ухаживала за ней пока девушка болела. Вспоминались беспокойный взгляд Иана, а ещё этот суровый, полный какого-то жутковатого недовольства взгляд Верона.

— Он меня ненавидит? — вдруг спросила Шэйли. Может она что-то сделала, что глава дома так на неё смотрит. — Старший брат Иана.

— Ох, нет, — удивилась Эйва. — Это-то с чего решили?

— Он так на меня смотрел...

— Он на всех так смотрит, — ответила горничная, махая рукой.

— Неправда, — упрямо качнула головой Шэйли. — Он так посмотрел только на меня. С такой злостью что ли...

— Бросьте, милая, — Эйва пригнулась к ней и зашептала. — Он смотрит так на всех, потому что иначе не получается. Но поверьте, лучше так, чем если бы он улыбался.

И она озорно глянула на девушку. Та смущённо улыбнулась, пряча лицо. Нельзя было так шутить, но действительно — вероятность, что хозяин дома, улыбаясь, будет ещё более зловещим, чем когда был серьёзен, была очень велика.

— А что с ним случилось?

— Война, ваша милость, — ответила Эйва.

— Он был на войне? — удивилась Шэйли, которая не могла никак вспомнить что к

чему. — Ведь Иан военный, разве старший брат тоже должен был служить?

Женщина вздохнула.

— Семь лет назад все были на войне, первые, вторые сыны, даже немощные старики порой уходили. Та война затронула всех.

— Почему я не помню. Это ведь важно. Такое забыть? — расстроилась девушка.

— Вы были девочкой, жили в храме, говорят война туда не дошла, славили силу Йетри, — ответила Эйва. — А я была в столице. Тяжело было. А господин Верон, говорят спас брата, но я мало знаю. Я тут всего три года. Да и что там произошло знают только они двое.

— А сколько тут я? И сколько мне? Я этого тоже не помню, — смутилась Шэйли.

— Вам двадцать два, почти двадцать три. А здесь вы полтора года, — улыбнулась служанка.

И девушка кивнула. Так было странно не помнить таких очевидных вещей, как твой возраст или сколько времени ты чья-то супруга. Шэйли чувствовала себя отвратительно из-за этого.

Сейчас мысли вернулись к завтраку. На самом деле, там в столовой, она дрогнула не из-за упоминания войны, а из-за взгляда Верона. Глаз у него был ярко зелёный и Шэйли увидела перед собой тот взгляд из вчерашнего воспоминания. Печальный и суровый взгляд изумрудных глаз.

— Странно, мне кажется, что я видела господина Верона раньше. Совсем раньше, — проговорила девушка скорее сама себе, чем обращаясь к служанке.

— Вероятно, — тем не менее, кивнула, отвечая, Эйва. — Ваши родители и родители братьев Шелранов были дружны. И господин Верон должен был стать вашим супругом.

Глава 4 Эйва

Шэйли уставилась на горничную широко распахнув глаза, и Эйва пожалела, что сказала это. Девочка просто дар речи потеряла.

— Я ему отказала? — выдавила из себя Шэйли. — Из-за внешности?

Женщина вобрала в себя воздух, чтобы попытаться её успокоить, но не успела, потому что девушка мотнула головой и тихо с придыханием произнесла.

— Вот почему он меня ненавидит? Потому что я выбрала брата?

— Нет, госпожа, — Эйва поспешила прервать мысленный ураган, что явно поднялся в этой хорошенькой и растерянной головке. — Во-первых, господин Верон не из таких мужчин, уж поверьте мне, в этом я разбираюсь. Во-вторых, жрице нельзя вступать в брак без любви к избраннику.

— Богине лгать нельзя, — кивнула Шэйли рассеянно, и служанка тоже кивнула в подтверждение этой мысли.

— Да, — тем не менее она словами подтвердила своё мнение. — И я правда считаю, что он не ненавидит вас. Он очень переживал, когда вы болели, лучших лекарей вам из столицы вызвал.

— Переживал за благо, — отозвалась девушка скорбно и Эйва горестно вздохнула.

— Нет же, я же была уже здесь, когда вы и господин Иан стали супругами. Вы любите друг друга, ну же. И вы отказали господину Верону намного раньше. Он в браке три с половиной года.

Шэйли нахмурилась, наконец вынырнула из своих тягостных мыслей и подняла на Эйву свои красивые тёмные глаза.

— Оу... — нахмурилась девушка. — Да, я вчера вспомнила, я думала, что это сон, но наверное не сон. Я видела Верона в храме. И у него было два глаза, ну точнее он не был...

— Обезображен, — кивнула женщина, сама достраивая теорию, которую выдала девочка. Сколько этой бедняжке было до начала войны с Гинной? Пятнадцать? А ему?

— Я сказала, что не готова.

— Вам было пятнадцать, может шестнадцать. А ему двадцать... эмм... — Эйва прикинула на вскидку, исходя из того, что сейчас ему тридцать или около того, — три? Может на год меньше, или больше.

— Мне было страшно.

— Ещё бы, — сжала пальцы девушки служанка. — Представляю, милая. Тем более вокруг была война, а вы в храме жили на тот момент почти всю жизнь.

Шэйли успокоилась, Эйве удалось проводить её в комнату, устроить на кушетке с чашкой согревающего чая и книгой, и уйти, с намерением вернуться в комнату девушки к обеду. А пока было немного времени на себя.

Но, когда она спустилась вниз и прошла мимо кабинета хозяина, он окликнул её. Горничная вздохнула и зашла внутрь.

— Господин Верон? — Эйва склонилась в поклоне.

Вообще он ей нравился. Она любила прямых мужчин, честных и открытых, даже если они были грубы и суровы.

Эйва на своей шкуре узнала, что чем больше в мужике поворотов, изворотов, разговоров и прочей мишуры, то меньше добра от него можно ждать. Чаще всего, такой славный очаровательный балагур или достопочтенный муж на людях, окажется на деле полным засранцем. А тут понятно всё. Никаких сюрпризов.

— Расскажи мне как она? — спросил герцог.

— Всё более менее хорошо, ваша светлость, — отозвалась Эйва.

— Выглядит она мягко говоря не важно, — отозвался он, не поднимая головы от документов. Ими был завален весь стол. А ещё сводками, домовыми книгами, и было абсолютно непонятно, как он вообще во всём этом разбирается. И убирать стол прислуге было категорически запрещено, да даже заходить лишний раз в кабинет было нельзя.

— Ну, — Эйва сражалась с собой, чтобы рассказать ему о происходящем с девочкой. Горничная была уверена, что ему Шэйли была не безразлична. В причины не лезла, но понимала, что всё не так прозаично, как может показаться со стороны.

Он поднял на неё взгляд. Эйва вздохнула:

— Вчера она сказала, что ничего не помнит.

Он нахмурился. Хотя куда уж дальше, в самом деле. Но оказывается можно.

Лицо Верона было жаль, видно было, что это было когда-то красивое лицо. Ну, по той части, что осталась цела и по семейным портретам, которые были в библиотеке, по крайней мере, можно было заключить, что до ранения этот молодец был горяч и неотразим. Только суровость и холодность отталкивали от него окружающих, но это, по мнению женщины, были мелочи. Уж её бы точно не оттолкнуло.

— Насколько ничего не помнит? — осторожно уточнил он.

— Судя по всему достаточно серьёзно, — ответила Эйва. — Вас вот сегодня, как первый раз увидела.

Он склонил голову набок, потом отложил перо, которым писал. Откинулся в кресле.

— А я думал, что забываем, — проговорил он.

И Эйва с восторгом прыснула со смеху — ну, вот-вот, чувство юмора невероятное! За одно это этого мужика можно любить до беспамятства. А все эти его шрамы от взорвавшегося боекомплекта — пффф! И Эйва знала, что у него не только лицо такое, но и рука, большая часть спины, нога. Осколки до сих пор были под кожей и порой причиняли боль, которую он стоически терпел. Куда тут быть милым и приветливым?

— Простите, ваша светлость, — извинилась она за смех, потом подняла на него взгляд.

— Не надо, Эйва. Как думаешь, чего мне не хватило?

— До незабываемости? — уточнила женщина, а хозяин дома кивнул. — Пожалуй, нужно больше драмы.

— Или ужаса.

— Или его, — хихикнула женщина.

— Я поработаю над этим.

И Эйва улыбнулась ему. Он кивнул, потом слегка нахмурился:

— Это конечно очень печально. Я, признаться, хотел попросить тебя... — и он снова выпрямился, подался корпусом к столу, сложив на столешнице руки. — Иана тоже пригласили на свадьбу второго наследника. Я думал, что если Шэллине хорошо, то мы могли бы отправиться туда, а потом, на обратной дороге заехать в Хиит. Но раз она в таком состоянии, то значит Иан обойдётся без свадьбы. А моя прекрасная супруга без твоей помощи.

— Вот это настоящая драма с элементами ужаса, — заметила Эйва.

Он ухмыльнулся.

— В лучших традициях классиков, — кивнул он. — Я решил, что Шэллине нужно остаться там.

— В Хиите? — и это тоже была так себе история, но на этот раз горничная решила промолчать.

— Да. Ей понравилось в прошлом году, насколько я помню.

— Да, уединение госпоже Шэйли по нраву.

— Горный воздух пойдёт ей на пользу. А Иан пусть развлекает, раз у него увольнительная, — и было понятно, что с решением этим спорить не было никакого смысла.

— Когда вы нас отправите? — спросила женщина.

— Думаю, что нет смысла ехать отдельно, — проговорил герцог. — Мы с герцогиней отправимся в столицу на свадьбу, сопроводим вас до Хиита. Оставим вас там. А сами...

— Ваша светлость, простите...

— Говори, Эйва, — он сделал жест рукой.

— Быть может вы разрешите сопроводить вас в столицу? Юллин останется с госпожой Шэйли в Хиите, а я помогу госпоже Ланире. А на обратном пути мы поменяемся, — и конечно он мог сказать ей нет, но он снова усмехнулся.

— Хочешь нервы мои поберечь?

— Вы платите мне хорошее жалование, — ответила Эйва. — Конечно я забочусь о вашем самочувствии.

— Я подумаю, — ответил он, улыбаясь. — Можешь идти.

— Да, ваша светлость, — и она присела в реверансе.

— И, спасибо, Эйва, — сказал ей Верон, когда она уже выходила.

Шэйли героически хотела спуститься к обеду, но Эйва отговорила её.

Верон почти никогда не обедал в столовой, Лана продолжит устраивать голодовку, а

Иан так и не вернулся из здания военного совета, где уже несколько дней безрезультатно пытался получить документы на свою увольнительную, в которую его отправил сам первый наследник, в качестве благодарности за службу. В свете этого не было никакого смысла сгонять слуг в столовую.

Но малышка Шэйли хотела спуститься скорее из принципа, чтобы доказать, что хозяин дома не вызывает у неё тех эмоций, которые на самом деле вызывал. Эйва понимала её, однако так-то — бросаться на эти баррикады было делом пустым.

За обедом на кухне, где за столом собрались все слуги дома, много говорили о предстоящей свадьбе второго наследника. Слуги шутили, что это было сделано принцем Гаяном для того, чтобы подвинуть в будущем своего старшего брата, принца Жайнэ. Много обсуждали саму свадьбу и самих наследных принцев. Некоторые слуги и в глаза-то не видели никого из королевской семьи, несмотря на то, что хозяин дома имел титул герцога и был советником короля.

Сама Эйва за свою жизнь видела королевскую семью очень часто. Последний раз после войны, на первой пышной постановке, которая ознаменовала не только окончание войны, но и саму победу, вырванную ценой невероятных усилий и тысяч исковерканных жизней. Что до наследников, то Эйва была знакома с обоими лично.

Гаян, невероятно бравый и пылкий красавчик, а теперь жених, был завсегдаем закулисья театра, боготворя то одну диву, до другую. Жайнэ тоже волочился по юбкам актрис и танцовщиц, но без азарта и не отдавая предпочтение какой-то одной, не вступая в долгие или пылкие интрижки. Поговаривали, что он вообще был не до девушкам, и его романы с театральными красавицами скорее всего были лишь для отвода глаз.

Но Эйва в "поговаривали" не лезла, сплетни терпеть не могла, не поддерживала подобные разговоры, и уж конечно не озвучивала того, что могла знать. Поэтому за обедом лишь улыбалась шуточкам, порой весьма дурным, но что ж делать, ханжой, слава небу никогда не была, принимала жизнь такой какая есть и себя в ней такой, какой была.

Женщину сейчас больше тревожило решение Верона отправить брата и его супругу в Хиит. Нет, он был прав — горный воздух несомненно должен был пойти на пользу здоровью Шэйли. В городе ей было тяжело, выходила только в сад, в отличии от супруги главы дома, она никого не знала, общалась только с домашними, а господин Иан вечерами пропадал в клубах, выпивая с сослуживцами и давними друзьями.

В Хиите же было бескрайнее природное раздолье: горные озёра, луга, леса — красота невероятная. Дом стоял в отдалении от городка, собственно Хиита, с населением в пару тысяч человек. Жил городишко животноводством, производствами сыра и вина, а летом богатеями, которые приезжали сюда в поисках тишины, покоя, горного воздуха и серных источников.

Там было спокойно, скучно конечно, но девочка была жрицей, так что к развлечениям и не привыкла. Поэтому в прошлом году, летом, когда была там, цвела и радовалась жизни. Много читала, гуляла, рисовала, составляла компанию хозяйке, сестре Иана и Верона.

Омрачало её пребывание там только частое отсутствие супруга, который десять дней проводил на службе, а потом на несколько дней приезжал в Хиит к Шэйли, но быстро уставал от тишины и покоя, устремляясь обратно в город. Хотя, конечно, службу никто не отменял и все всё понимали.

А сейчас у него не было этой причины. У Иана было пятьдесят накопленных дней отпуска и Эйва даже представить себе не могла, что устроит младший Шелран, когда узнает

о решении брата.

Ужин прошёл вполне хорошо. Лана не спустилась, сославшись на головную боль и припомнив конечно, что ни один из братьев прощения у неё так и не попросил. Никто из них, правда, и не собирался. Эйва же была рада, что не пришлось разрываться между девушками и что смогла уделить внимание младшей госпоже.

Шэйли была очаровательна той милой и нежной красотой, которая может и меркла на фоне невероятно потрясающей Ланиры, но тем не менее притягивала к себе внимание. Она не была девушкой в беде, она умела быть улыбчивой, бодрой и благодарной, с ней было приятно общаться. Она не задирала нос, любила людей не только любовью жрицы Йетри, но и сама по себе, потому что не сталкивалась со злом лицом к лицу. Была действительно чиста и невинна.

Сидя в столовой, улыбаясь тому, что рассказывал Иан, который пока ещё видимо не был ошарашен новостью об скором отъезде в горы, она была такой яркой звёздочкой, что иные самые невероятные красотки могли ей позавидовать.

Верон сегодня был вполне лёгким в общении, не хмурился, открыто говорил с братом, который наконец-то получил свои бумаги и мог теперь отдыхать со спокойной душой.

Эйва подозревала, что хозяин дома хочет сообщить о своих планах после ужина, когда Шэйли поднимется наверх, а братья останутся наедине. Но даже если план был таким, этого не произошло — Иан умудрился испариться после ужина, потому что как же не отметить, во второй раз уже, отпуск с друзьями в клубе?

И в конечном итоге Верон выпил в одиночестве в кабинете, потом поднялся к Лане и, нет, не повинился... но сделал так, чтобы она перестала истерить, уснула счастливой и наутро ей уже не захотелось говорить о платьях. И Эйва уверилась, что продаже некоторых нарядов из гардероба госпожи всё же быть.

Отношения супругов были весьма однозначными. Но в некотором смысле для таких как они — идеальными. Он вступил с ней в брак из-за денег, её отец согласился отдать дочь за титул, невероятно нужные для него знакомства и пропуск в самые влиятельные дома королевства. Никто никого не любил, но никто никого и не обманывал, при этом выполняя обещания данные при заключении брака. Отличная сделка в лучших традициях аристократии и мещанства.

Иногда герцог посещал покой супруги и доводил её до исступления, своей холодностью и весьма жёстким и грубым выполнением супружеского долга. Но Эйва знала, что Лане это было по нраву, так что почему нет. Осуждать горничная точно не собиралась, раз герцогиню всё устраивало. Может ей иногда и нужна была ласка, но тут Верон закрывал глаза на интрижки супруги на стороне. Главное было то, что он выставил бы её вон, если бы она попала на этом, но Лана слишком сильно ценила чистоту и презентабельность фасадов, чтобы быть неосмотрительной.

Эйва столкнулась с этим, почти сразу как попала сюда. Не удивилась, да и вообще глазом не моргнула, чем заслужила уважение хозяина дома.

Когда нанимали, у неё состоялся очень своеобразный разговор с господином Вероном. Эйва изрядно повеселилась.

Девушка, что была горничной у Ланиры, оказалась воровкой. Подворовывала всё, что плохо лежало — столовое серебро, кое-какие безделушки, но была так опрометчива, что стащила у хозяйки брошь. Какую-то невзрачную, валявшуюся на дне внушительного размера шкатулки с украшениями, посчитав, что Лана не заметит. Но вот тут белокурая нихра не

была бы собой — она ещё как заметила и сотворила такой скандал, словно у неё бриллиантовое ожерелье утащили.

Горничную прижали, Верон хотел даже сдать органам правопорядка, но после войны там все были очень жестоки, так что Иан попросил за девушку и её просто выставили вон, с наказанием, что будут следить. И у Шелранов было достаточно власти и влияния, чтобы девица не могла рассчитывать, что это будет пустая угроза. Такую семью знали, устройся она в какой другой дом и начав заново воровать, возмездие бы настигло её неотвратимо.

Но это было тогда только полбеда — все последующие горничные, которых нанимали к Лане, просто сбегали от неё после первой же вздорной истеричной вспышки или злого выпада. Верон видимо отчаялся найти супруге служанку, поэтому даже не стал скрывать от Эйвы плачевность положения, в котором пребывал.

— Если справитесь мисс Кастир, продержитесь месяц и согласитесь остаться, то я увеличу ваше жалованье вдвое.

— Ваша светлость? — не поняла женщина и нахмурилась.

— Считайте, что это подкуп. Её невозможно вытерпеть. За терпение будет доплата, хотя скорее всего даже её будет недостаточно.

Эйва улыбнулась, кивнула — он её этим не напугал.

Лана, конечно капризничала, но капризами горничную было не взять. Эйва знала своё дело отлично, поэтому очень скоро поняла, что и как надо делать, дабы госпожа герцогиня перестала устраивать трагедии на пустом месте и заламывать руки в мелочном отчаянии. Лана даже прониклась любовью, насколько вообще была на неё способна, к своей горничной. Эйва осталась и чувствовала себя здесь вполне комфортно.

И Верон увеличил ей жалованье даже на большую сумму, чем обещал.

Ночью Эйва отлично спала, но утро взорвалось скандалом, который горничная ждала накануне.

Иан вернулся под утро. Встретился со старшим братом в прихожей и грянул гром.

Глава 5 Иан

Иан всегда был славным малым. Про него все так и говорили — этот славный малый Иан. Его это раздражало, но он умел играть по правилам. И за годы отточил умение, стал первоклассным игроком.

Иногда правда срывало крышку, но тут благо, что так просто его было не взять, благо, что семья влиятельная, благо, что со вторым наследником на короткой ноге. Да и много ещё разных благ. Но самый главный — Верон всё решал.

Иан, как-то, было дело, пытался бунтовать, а потом сдался, решив, что и ладно, пусть будет так. Пусть решает брат.

Смирение было не связано с тем, что пять лет назад во время войны при наступлении, Верон прикрыл собой младшего брата и стал таким какой он есть, а на Иане не было даже царапины.

Он вообще, пройдя две войны, остался целым и невредимым, так что некоторые, не знающие его близко, считали, что младший Шелран отсиживался в штабе. Иан злился на это, потому что вот чего никогда не делал, так это не трусил и не отсиживался за спинами других или при штабах, несмотря на то, что мог, очень даже.

Именно такие неосторожные слова в его сторону обычно и приводили его на дуэли или в грубые драки. Но Иан был задирой всегда, даже в детстве, а разгребал всё, понятное дело, Верон. И старший брат кажется считал себя в ответе за всю их семью, а младший не имел

желания его переубедить.

Правда скандалил порой против решений старшего, ну так, приличия ради.

Вот, когда брат решил вступить в союз с Ланирой Пэнгарт, из рода торгашей, почти оскандалившейся в отношениях со вторым наследником, ядовитой, но, чтоб её красивой, стервой.

Или, когда оказалось, что теперь ему, Иану, надо вывозить давнее соглашение с семьёй друзей отца и вступать в брак с Шэллиной Лар Вайденом, которую дядька сдал в храм, потому что после гибели родителей племянница была ему не нужна.

Сам Иан помнил её мелкой очаровательной бойкой девчонкой, с которой он дрался из-за игрушек — она кусала его, он щипал в ответ, а она со слезами бежала жаловаться Верону или Ние, а Иану потом влетало от них, потому что “Шэйли маленькая леди и обижать её нельзя”.

И тут она оказывается должна стать его супругой, хотя изначально стоваривались родители на брак с Вероном.

Иан поскандалил, но в храм отправился и, увидев девушку, понял почему Верон сам не выполнил данные обязательства.

Шэйли была очаровательна: тихая, милая, красивая, а её тёмные, полные доверия, глаза задевали Иана за живое. Он мог отказаться от брака с ней, потому что формально то, что она была жрицей богини-матушки, снимало с Шелранов обязательства по брачным договорам. Этот отказ даже сыграл бы храму на руку, потому что состояние, оставленное родителями Шэйли, переходило бы в пользование жрецов. И нет, жизнь Шэйли это не улучшило бы ни разу.

Иан не знал точно, почему согласился — причин было много. Но Шэйли была главной.

Ему было откровенно жаль её, он знал как тяжело жить в храме, а ещё его раздражала позиция дяди девушки, который по сути просто выкинул ребёнка брата, словно это ненужный хлам, а не маленькая девочка, которая оставшись сиротой, нуждалась во внимании и заботе, а не в строгости и порой нечеловеческих условиях жизни. И Иан проникся к ней нежностью, которая в конечном итоге переросла в любовь.

Он точно мог сказать, что любил Шэйли. Но вот сам брак его тяготил. Младший Шелран был не готов расстаться с привычным ему образом жизни. Хотя гулянок стало в разы меньше, хотя ему хотелось быть для неё хорошим супругом, хотя рядом с Шэйли ему было хорошо. Но...

— Я не собираюсь сидеть в Хиите! — взвился Иан, когда Верон с утра отловил его в дверях дома.

Голова нещадно болела, потому что вчера не рассчитал и перебрал, а теперь мучило дикое похмелье. Младший Шелран не планировал кутить до утра, хотел пропустить пару стаканчиков, сыграть несколько партий в карты, а потом вернуться домой. Но, как вышло, так вышло.

— Мне плевать собираешься или нет, — отрезал Верон. — Ей нужен свежий воздух.

Иан фыркнул.

— А тут его нет нигде, а благодаря тебе, — старший брат покачал головой, подразумевая, что воняло от младшего весьма отвратно, — ещё и дома теперь находиться нельзя.

— Не надо, Верон! — взвился Иан. — Слово я каждый день такой.

— А нет? Разве что в остальные разы ты приходишь в более приличное твоему

положению время, — заметил брат.

— Я получил отпуск, я...

— И проведёшь его в Хиите, — перебил его Верон.

— Что там делать? — закатил глаза младший Шелран.

— Отдыхать, — рыкнул глава дома. — Твоей супруге нужен отдых. Город не идёт ей на пользу и, если в прошлом году ты умудрился увилить от нахождения там...

— У меня служба! — возмутился Иан перебивая брата.

— Прикрываясь службой, — продолжил Верон, словно этого выпала и ждал, — то в этом не получится.

Младший Шелран хотел что-то возразить, но похмелье было беспощадно и сражаться с братом Иан больше был не в состоянии. Понимал, конечно, что если сейчас отступит, то уже обратно к разговору не вернётся, но сил хватило только на упрямое:

— Я не буду там сидеть весь отпуск, Верон. И не жди! Не больше месяца, ясно?

— Ты будешь там столько сколько нужно, — ответил старший Шелран.

Иан обречённо рыкнул и вышел из кабинета, хлопнув дверью.

Поднявшись наверх, к Шэйли он не пошёл, пройдя в свою комнату, соединённую с той, что они занимали с супругой, общей ванной комнатой. Он снял с себя одежду, свалив кучей на полу, пошёл мыться. В таком виде к Шэйли было идти нельзя.

Иан вообще был убеждён, что супруга не до конца понимает, что из себя представляет отдых в клубе военного общества Эсанты и кавалерийского полка имени святой Вальды. Впрочем, и не надо было ей этого знать.

Шэйли он нашёл спящей на кушетке. Супруга была в ночнушке, закутанная в плед. Он вздохнул и устыдился — ждала его и уснула.

— Шэй, милая, — позвал он, присаживаясь перед ней на одно колено.

— Иан? — прошептала она, просевшим после сна голосом. Потом глянула в окно. Нахмурилась.

— Почему ты не в постели, Шэйли?

— Я ждала, что ты придёшь и наверное уснула. Уже утро?

Он кивнул:

— Прости, я потерялся... немного, — виновато проговорил Иан.

— С тобой всё хорошо? — спросила она совершенно спокойно, а ведь положено было устроить злую истерику.

— Да, да, — и он сжал её руку. — Перебрал вчера. Голова теперь болит, но так мне и надо.

Шэйли слегка улыбнулась, потом погладила супруга по щеке.

— Не надо, боль это плохо. Может выпить порошок?

— Неа, предлагаю что-то другое, — и она не успела ничего ответить, как Иан встал и подхватил её на руки.

После болезни она стала совсем худенькой, были кости одни, и сейчас, когда брал на руки, заметил, что проверяет изменился ли её вес. И когда понимал, что немного потяжелела, когда под руками было наконец мягкое тело, искренне радовался.

Иан по-настоящему испугался, что потеряет её, когда она угасала на глазах под натиском страшной, часто смертельной болезни.

Ему было хорошо с Шэйли, такая уютная, интимная тишина, которой он ни с кем не хотел делиться. И желание быть с ней было не поддельным, настоящим. Иан понял, что

ревнивый, хотя до неё, с другими девицами, вообще было плевать. А тут стало важно, что он у неё был один и его это выворачивало наизнанку — это было страшно и одновременно до упоения потрясающе.

А ещё он каждый раз отдавался этой близости с головой, сам не понимал отчего. Хотя нет, понимал — видел тёмные, бездонные глаза Шэйли, когда она открывала их после того, как приходила в себя после их близости, смущённый и полный любви взгляд.

— А давай сегодня туда не пойдём? — спросил Иан, обнимая Шэйли.

— Давай, — прошептала она.

— Верон хочет, чтобы мы отправились в Хиит, — решил сказать ей он.

— Оу, когда? — она едва заметно напряглась.

— С ними, они в столицу на свадьбу, а мы в Хиит. Но думаю, что проведём там пару недель и вернёмся в город. Не выгонит же он нас назад, в самом деле, — и из-за того, что на свадьбу не попадал Иан тоже негодовал, но тут был согласен с братом, потому что Шэйли пока нельзя было ко двору. Он вообще не хотел её никому показывать, и в особенности принцу Гаяну.

Конечно проваляться в постели весь день не получилось, в итоге они спустились к обеду, потому что оказалось, что и Верон и Лана в городе, а значит можно было спокойно поесть.

После обеда появился один из штабных, принеся ещё какие-то документы на подпись. Иан выругался, отправил Шэйли погулять с Эйвой в сад, а сам прошёл в библиотеку с пришедшим офицером.

— Что, никак не отстанут от тебя? — в библиотеку вошла Ланира, вернувшаяся из города и разминувшаяся с визитёром в дверях.

Настроение у неё было приподнятое — или Верон дал ей денег на наряды, или порадовал своим скупым суровым исполнением супружеского долга.

— Поедатели бумажек, — пренебрежительно фыркнул он и собрался идти в сад.

— Иан, тебя не берут на свадьбу, — она поймала его за локоть, когда младший Шелран направился к двери.

— Горе-то какое, — ухмыльнулся он. — Но второй наследник и с ним весь двор вполне знает, как я выгляжу в мундире. Чего больше красоваться? Я ж не ты.

— Ну, второй наследник и достаточно большая половина двора прекрасно знает, как ты выглядишь и без мундира, — и Лана повела головой, похлопала ресницами, изображая невинность, которой в ней не было ни грамма.

Иан повёл плечом, потом высвободил руку, не желая сейчас ввязываться в её игры.

— Иан, — она капризно надула губу. — Мне будет скучно без тебя. И Гаян без тебя будет вести себя отвратительно. Ну же, уговори Верона, Иан!

— Лана, мы с Шэйли едем в Хиит, — ответил он.

— Ты не едешь из-за неё? — она развела руками. — Это невыносимо, сколько можно носиться с ней?

— Она приносит благо этому дому, — Иан так же развёл руками.

— А я принесла достаток, и это важнее “блага”. Потому что иметь благо и быть голодным хуже, чем наоборот. Но со мной никто не носится!

— Хм, — ухмыльнулся младший Шелран. — Прости, но достаток она тоже принесла. Так что два — один в её пользу.

Лана фыркнула:

— Нет, Иан, счёт в мою пользу, — и голос её просел, она приподняла бровь и стала самой собой — яркой высококлассной стервой.

— В этом, Ланира, твой счёт намного больше, чем у многих.

И Иан предпочёл оставить её, потому что начинало раздражать.

— Ты один из лучших, — крикнула она ему вслед.

Но и жалеть Иан не собирался. Потому что был славным малым и хорошим игроком.

Глава 6 Ланира

Ланира, расстроившись, что не смогла немного перетянуть на себя внимание Иана, поднялась наверх. До появления этой его святоши всё было намного проще и веселее.

Иан не был чистюлей, не испытывал угрызений совести из-за их связи, при этом был вполне активен и почти никогда, когда у Ланы была возможность зажать его в каком-то углу, ей не отказывал. Собственно он и сам иногда переходил в наступление, что ей тоже невообразимо нравилось. А уж это незабываемое щекочущее нервы ощущение опасности, что их поймают, но ради чего вообще жить, если не для вот этого?

Ланира Пэнгарт ненавидела скуку. Благо, у неё была возможность веселиться по-полной. Точнее она научила себя веселиться всегда, независимо от происходящего.

Всю жизнь она была аксессуаром, сначала при отце, потом в постелях своих любовников.

Все они были шикарные аристократы, потому что став, несмотря на происхождение, первой красавицей двора, Ланира не разменивалась по мелочам. И конечно самый яркий её роман был со вторым наследником. Самый яркий и приведший её в итоге к катастрофическим последствиям.

Гаян был красавцем, невероятным, ненасытным, не обделённым женским вниманием, да чего там, любого внимания, и дело было не в его титуле. Но во время романа с Ланирой, он был поглощён только ею и это тешило её самолюбие и тщеславие.

Намерения его были весьма конкретными, как она думала, да и не только она. Отец строил далеко идущие планы, рассчитывая получить титул, пожалованный его величеством, если принц решится бы на брак с Ланой. Но этого не случилось.

Король разрешение не дал, а Гаян не настаивал. И в итоге кто-то из породистых девок, имеющих титул в отличии от дочери семьи Пэнгарт, и кому посчастливилось родиться в семьях герцогов, графов и еже с ними, распустили грязные слухи, отчего репутация Ланиры пострадала настолько, что даже если бы Гаян и захотел настоять и сделать её своей супругой, то просто не смог бы.

Тогда на помощь пришёл союз со старшим сыном семьи Шелран. Вернувшийся изувеченным с войны Верон оказался в весьма затруднительном финансовом положении.

Отец его получил удар, ещё когда война была в самом разгаре, и от него так и не оправился. С его смертью вскрылся тот факт, что Шелраны почти разорены, а на фоне полной разрухи страны, восстановление благосостояния семьи было для Верона делом невероятно сложным. Потеряв ещё и мать, ставший герцогом Верон выплатил долги с оставшегося наследства матери, но дела всё равно были плохи.

Тогда отец Ланиры, неустанно искавший выходы в высший свет, прежде всего для того, чтобы участвовать в послевоенном восстановлении королевства, предложил ему союз со своей дочерью. Всё было просто — от Верона титул герцога и знакомства, а от Тила Пэнгарта хорошее приданое.

Когда Ланира узнала, что отец решил отдать её за Шелрана, она была глупо счастлива,

потому что подумала об Иане. Его она знала, потому что младший сын Шелранов был другом второго наследника.

Они много чего делали вместе — кутили, охотились, пили, трахались. Лана сама участвовала в нескольких таких оргиях. Правда в этом безобразии непосредственная близость у неё была только с Гаяном, он никого к ней не подпускал, так что Иан был с ней близок только до определённой степени.

А ещё ей казалось, что младший Шелран спасает её репутацию браком именно по просьбе принца. И осознание это заставляло её светиться от радости, вожделеть тот момент, когда она снова сможет быть с Гаяном, потому что в допустимости их близости в случае, когда она станет супругой Иана Шелрана, Ланира не сомневалась.

И каким же жестоким было осознание, что супругом её станет Верон. Даже титул герцогини, который она получала, не мог успокоить внутренний ураган из разочарования, обиды, злости и обречённости. Ланире в целом было плевать на то, как выглядел герцог Шелран, всё это его уродство она могла бы пережить. Но вот его характер и отношение к окружающим и к ней — она была разбита вдребезги.

Но она приспособилась. Да и богатство грело её, а ещё возможность жить, не особо изменяя привычкам.

Верон, в определённом смысле, дал ей возможность появляться в обществе с высоко поднятой головой, быть на много ступеней выше, чем многие другие, плевать на их мнения и радуясь завистливым шепоткам за спиной.

Она была красива, молода, была законодательницей моды. Она делала, а за ней повторяли, в попытке дотянуться хоть немного, стать ближе, добиться расположения. Её внимания и дружбы теперь искали, а она могла позволить себе снисходительно взирать на всё это с высоты своего положения.

А ещё Верон закрывал глаза на её интрижки — главное правило не оскандалиться. Но тут Лана была научена прежними разочарованиями, поэтому соблюдала осторожность и следила за собой, тщательно отбирая ухажёров.

Ну, а когда было совсем невмоготу — Иан всегда был где-то рядом и да, никогда не отказывал. Правда так было до его вступления в брак. И Шэйли раздражала Ланиру. Словно на фоне чистенькой и невинной сиротки-жрицы она выглядела невыносимо грязной, порочной, её от себя самой воротило невыносимо. Как никогда.

Сейчас же раздражителем стала и свадьба второго наследника.

— Я не хочу туда ехать, — всхлипнула она, когда в вечер после утреннего скандала Верон стоял в дверях смежной с комнатами супругов ванной комнаты. — Это отвратительно.

И Лана скорбно сложила руки на столике перед зеркалом, за которым сидела.

— Неужели? Ты не хочешь ехать, но при этом тратишь заграничные суммы на наряды? — он оттолкнулся от дверного косяка и, хромя, прошёл к ней в комнату. Выпив и устав за день, он уже не пытался держаться, делая вид, что ему не больно. — Или это была такая изощрённая попытка вывести меня, чтобы я отказался ехать на свадьбу вовсе?

— И ты не хочешь, чтобы Иан ехал? — заметила она в раздражении.

— Думаю, что Иан и без меня не хочет туда ехать.

— Всё это из-за этой вашей девочки одуванчика...

— Нашей девочки, Лана. Смирись, что этот одуванчик часть и твоей семьи тоже, — он встал за её спиной. — И что тебе Иан? Что его присутствие изменит?

— Он друг Гаяна, он смог бы...

— Что?

Она глянула на него через отражение в зеркале.

— Потому что ты просто встанешь в сторонке и будешь с нескрываемым удовольствием наблюдать за моим позором! — прошипела герцогиня.

И конечно, Лана прекрасно понимала, что слова эти выведут её супруга из себя. Верон ухмыльнулся, потом положил ей руки на плечи. Больно сжал, оперевшись на неё и пригнувшись к самой её голове.

— Твой позор, дорогая? — проговорил он холодно и жёстко. — Меня позорит уже то, что ты моя супруга. Каждый раз выходя в свет, улыбаясь всем этим холеным и мерзким паразитам, когда ты держишь меня под руку — это позорище, действие, сродни ярмарке уродцев, дорогая.

Она скривилась от боли и на его действия и на слова.

— И это даже без упоминания о твоей репутации.

— Ты будешь попрекать меня этим всю нашу жизнь? — спросила она с надрывом.

— Это плата за моё терпение, — так же жёстко проговорил герцог. — И разве это не часть нашего договора с твоим отцом?

— Порой ненавижу тебя, — прошептала Лана.

— О, как приятно, что хотя бы порой наши чувства взаимны, — ответил он.

— Верон, я прошу тебя... — прошептала она. Он положил ей руку на шею. — Я ошиблась, я знаю, но..

— Ох, Ланира, если бы ты ошиблась раз, всего раз и это не имело бы никакого значения, дорогая, — Верон сжал её шею одной рукой, а второй больно надавил на спину. — Но ты постоянно совершаешь одну и ту же ошибку. Ты с упорством дурака лезешь в одну и ту же нору, загоняя себя в положение, из которого потом так сложно выбраться.

Она всхлипнула, хватанула воздух ртом, потому что стало тяжело дышать.

— Я оплачу твои наряды, — склонившись ниже, к самому её уху, проговорил герцог. — Но это всё. Больше ты не получишь ничего, ни одной новой сорочки до самого большого летнего бала. И не пытайся меня провести. Я помню все твои трюки, потому что я плачу за них. Не вздумай подменить счета или провести ещё какую аферу. Я закрываю глаза на много чего, но здесь не вздумай делать меня идиотом, я в своём праве и если не послушаешься, то очень горько пожалеешь. Поняла?

Она слегка повела головой и моргнула, из глаз потекли слёзы.

— Согласна? — Лана снова кивнула, но Верон с ещё большей силой сжал её плечо, ослабляя хват руки на шее. — Мне нужен внятный ответ, дорогая.

— Да, я согласна, — ответила она с трудом.

— Хорошо, — он кивнул и посмотрев на её отражение в зеркале, встретился с ней взглядами. — Мне уйти? Или остаться?

— Останься, — ответила Лана.

Верон ухмыльнулся.

— Знаешь, ты дашь внушительной форы самым прожжённым портовым шлюхам, — он выпрямился, и потянул её за собой, так и не отпустив её шею, но вторую руку положив ей на талию.

— Тебе никогда не надоест оскорблять меня, — заключила она, когда была грубо перенесена супругом к кровати и брошена на неё без каких-либо нежностей.

Верон стянул с неё нижнюю сорочку.

— Оскорблять? Нет, Ланира, дорогая, это комплимент.

И он всегда был с ней груб, потому что он был тем, кто точно знал, что она из себя представляет. Она и не пыталась никогда быть с ним такой, какой была с другими. Всё это представление милой, очаровательной, нежной и такой трепетной девицы, Верону было ни к чему. Он видел Лану насквозь. Ни разу ей не удалось провести его — да признаться, она не сильно старалась. Они поняли друг о друге всё и сразу, принимая условия брачного союза, не пытались быть теми, кем не были.

А в постели — худшее, что он мог сделать, так это быть с ней трепетным, внимательным и ласковым, быть скучным, как многие другие. Ей нравилась грубость, а грубость Верона так просто сводила с ума, вызывала зависимость. Это наверное было неправильно и походило на болезнь, но не пошли бы все к низшим богам?

Герцог и герцогиня Шелран были партнёрами, которые постоянно пытались прижать друг друга, ища более выгодные позиции друг для друга, в своём партнёрстве. Держали друг друга в тонусе. И близость не была исключением.

— Посмотри на это с другой стороны, дорогая, — проговорил он ей, когда они лежали рядом в постели — он полусидя, прикрыв глаза, а уставшая и счастливая Лана на животе, подмяв под себя подушку. — Большинство этих напыщенных индюков имеют титул, но не имеют средств, чтобы поддерживать себя на уровне, соответствующему ему.

Она повернула голову так, чтобы видеть его.

— Все они будут смотреть на тебя и понимать, что их наряды, приобретены по кредитным распискам, большинство из которых лежит у меня на столе, — и Верон положил ей руку на спину, погладил мягко. — По сути они все принадлежат мне, а значит и тебе.

И герцогиня не могла не признать, что утопала сейчас в неге.

— И они давятся от зависти понимая, что в отличии от них, у нас есть не только титул, но и деньги. Что всё, что есть у тебя ты можешь себе позволить. А им остаётся только кудахтать от бессильной злобы, потому что одного твоего желания может быть достаточно, чтобы они лишились всего, начиная с домов и заканчивая исподним.

— Ты ужасный человек, — проговорила Лана, улыбаясь.

— И тебе это нравится, — ухмыльнулся Верон.

Он хотел встать и уйти, но она поймала его за рукав рубашки, которую он не снял, да и почти никогда не снимал, видимо не желая лишней раз показывать свои шрамы.

— Поспи со мной, — попросила она и это было редким желанием, порывом, который иногда находил на неё в такие моменты, как сейчас.

Верон нахмурился, но не ушёл, Лана перебралась через него, чтобы спать на той стороне, что не была изувечена, хотя конечно смогла сделать так, что он снова притянул её к себе и она захлебнулась от радости, с силой вжимаемая в поверхность кровати, получая то, чего хотела.

И в том был ещё один смысл. Такой нервной, не находящей себе места, пребывающей в раздрае, Лана была только перед днями очищения.

Утром она отправилась отдавать оплаченные Вероном счета своему портному, который с радостью принял заказ от своей самой богатой и потому любимой клиентки. Вернувшись, поднялась наверх, застыла посреди комнаты в обиде на саму себя и своё чрево, которое никак не желало работать так, как у всех.

— Госпожа? — в комнату шмыгнула Юллин, которую герцогиня приказала к себе

позвать, как только пришла домой.

— Приготовь мне ванну, — отдала она приказ и пройдя наконец вглубь комнаты, сняла шляпку и кейп.

— Да, госпожа, — отозвалась девушка и ушла в ванную комнату.

Какое-то время Лана в раздражении слушала радостные напевы служанки и шум воды, наполняющей ванну.

В дверь постучали, герцогиня нахмурилась. Это была Эйва.

— Ваша светлость? — она присела, сделав шаг в комнату.

Лана кивнула:

— Юллин, оставь всё как есть и можешь идти. Дальше я сама.

— Помочь вам раздеться? — спросила служанка, выходя из ванной комнаты.

— О, небеса, иди уже, Юллин, кажется сапожник сделает это намного лучше, чем ты, — раздражалась герцогиня и совершенно спокойно наблюдала, как надувшаяся на её слова горничная вышла из комнаты. — Эйва, поможешь мне?

— Да, госпожа.

— Что там? — спросила герцогиня, зная, что служанка пришла не просто так.

— Послание, — и горничная показала Лане свёрнутый квадрат письма.

— От кого?

— От графа Барная, — ответила Эйва.

Герцогиня Шелран вздохнула.

Она как-то оказала некоторые неосторожные знаки внимания мальчишке, сыну графа, а потом внезапно за ней стал волочиться и папаша. Оба они были статными красавцами. Сын пылкий, неугомонный восемнадцатилетний романтик, а отец бравый горячий в прошлом военный, которому было чуть за сорок, с супругой бесцветной и утомлённой жизнью, которая понятное дело такого молодца не могла бы удовлетворить и в лучшие свои годы, чего уж говорить о сейчас.

— Эйва, я такая плохая? — спросила Лана, когда горничная сняла с неё верхнюю часть её наряда.

— Ваша светлость? — нахмурилась женщина. — С чего такие разговоры?

— О, Эйва, у меня снова не будет ребенка, — горестно ответила герцогиня. — Я никогда не рожу, да?

— Не переживайте, госпожа. Вы молоды, здоровы, всё будет хорошо.

— Меня это убивает, — качнула она головой, опираясь на женщину, когда вылезала из юбок. — Эти курицы, вступают в брак и рожают одного за другим, и это при том, что их супруги подходят к ним раз в год. Один раз и вот тебе ребёнок. А я... может это... Эйва...

И на глаза навернулись злые обидные слёзы.

— Ну, ваша светлость, всё будет, обязательно.

— Я так хочу урвать их, всех этих... но я так боюсь, Эйва, а вдруг они все будут думать, что это не его ребёнок? — и эта мысль так сильно тревожила её, хотя она и изменяла Верону, но в этом была очень осторожной, так подвести его она никогда бы себе не позволила, это было принципиально для неё. — Как думаешь, на кого он будет похож?

— Ваша милость, это знают только боги, — ответила горничная.

— Верон и Иан похожи на отца. А я похожа на их мать? Да?

— Нет, госпожа, кажется наоборот. Волосы и глаза у них в мать, а вот сама внешность у вашего супруга в отца, а у его брата в мать.

Лана тяжело вздохнула.

— Не накручивайте себя, госпожа, — Эйва прошла в ванную и отключила воду. —
Добавить порошки?

— Да, чтобы голова не болела.

— Да, госпожа. И хотите скажу вам новость, которая надеюсь вас порадует?

Герцогиня прошла в ванную комнату и окончательно разделась.

— Скажи.

— Господин с утра разрешил мне сопровождать вас ко двору вместо Юллин.

— Правда?

— Да.

— Это прекрасная новость, — улыбнулась Лана и она была рада, потому что несмотря ни на что Эйва была невероятной в своём понимании, услужении и верности. Последнее было в ней самым главным и ценным.

— Что делать с письмом? — спросила горничная.

— Посланник ждёт? — уточнила герцогиня.

— Да, мальчик внизу.

— Отправь назад.

— Не прочтаете? — уточнила Эйва.

— Нет. Не прочитаю и не отвечу, — отозвалась Лана, погружаясь в тяжёлые мысли.

Уже к вечеру, Юллин передала герцогине ещё одно послание. И это Ланира не могла проигнорировать или вернуть без ответа.

С утра она была в храме, морщилась, потому что ненавидела запах плавящихся свечей. А в дни очищения особенно сильно реагировала на резкие звуки, которых здесь было очень много — даже самые тихие шаги в пустых залах и коридорах превращались в невыносимый гулкий топот.

— Герцогиня, — ей поклонился главный служитель, улыбнулся этой своей мерзкой улыбочкой. Хотелось врезать ему по лицу.

— Здравствуйте, дядя, — поздоровалась Ланира и улыбка слезла с лица служителя.

— Ваша светлость, приличия...

— О, хватит, — она повела головой и пошла во внутренний двор храма, где было не так пусто и не так гулко.

— Благословение богини никогда не коснётся тебя, племянница, если будешь так относиться к вере и тому, что с ней связано, — увещевал он, чем раздражал её ещё больше.

— О, конечно, вы говорите мне это без конца, только толку никакого нет, — ответила герцогиня, выходя на свежий воздух.

— Ты скверна нашего дома, — выругался он.

— Так чего вы от меня хотите? Оскорблять позвали? Так я могу уйти...

— Проклятия богини тебе на голову, Ланира!

— Они кажется и так уже в избытке на моей голове, — и она устала от этих препирательств, у неё всё болело из-за дней очищения. Хотелось лечь и не шевелиться, но хорошо, что они начались сейчас, а не на празднике в честь свадьбы Гаяна.

— Ланира! — он повысил голос, поймал её за руку, потом боязливо огляделся. — Тебе нужно научиться смирению.

— И вам тоже, дядя! — этот мелкий, отвратительный мужичок был двоюродным братом её отца и она ума не могла приложить, как так вышло, что он стал служителем в храме

богини.

— Богине нужна твоя помощь и за неё она возблагодарит тебя, — ответил он, успокаиваясь.

— Неужели?

— Да.

— И что же нужно богине, а точнее вам и храму, — Лана недовольно подняла бровь.

— Тебе нужно, чтобы супруга Иана Шелрана вернулась обратно в храм.

Глава 7 Шэйли

— Эйва, а скажи, пожалуйста, как я должна была реагировать на новость о том, что мы едем в Хиит? — спросила Шэйли, когда они с Эйвой шли в храм, потому что девушке захотелось воздать хвалу богине, особенно это хотелось сделать перед предстоящей поездкой.

— Я не совсем понимаю вас, госпожа, — слегка нахмурилась горничная.

— Ну, Иан явно расстроен этой поездкой, — пояснила девушка. — И он видимо ждал, что я тоже расстроена. Но я не помню ничего о Хиите и, понимаешь?

И Шэйли молилась за женщину каждый день, потому что более внимательного и понимающего человека в своей жизни кажется не встречала. Ну, насколько девушка могла судить по своим ощущениям.

— Да, ваша милость, я поняла, — кивнула Эйва. — Господину Иану не то, чтобы там не нравилось. Но там тихо и скучно, городишко далеко, да и развлечений там нет никаких. Вы были там в прошлом году, вам понравилось. Там очень красиво и воздух горный, невероятный.

— А тебе там нравится?

— Я была там несколько раз, и мне везде хорошо, — ответила горничная. — Для меня дело не в месте, а в людях, которые в этом месте есть. А в поместье Шелранов в Хиите живут хорошие люди.

— Хорошо, — улыбнулась девушка.

— Но не обязательно показывать супругу, что вы не особо расстроены поездкой, — подмигнула Эйва заговорщически, чем вызвала у Шэйли смешок.

Девушка прижалась к горничной, с которой шла под руку по улице, и снова попыталась вспомнить сестру Иана, но получалось не очень. Точнее перед глазами стояла мягкая улыбчивая девочка лет пятнадцати, смотрящая ласково и мягко. Но ведь Ниила была старшей в семье Шелранов, значит ей сейчас за тридцать или около того? И исходя даже из этого разговора, Шэйли видела её взрослую, но почему же никак не могла вспомнить, как она выглядит?

Храм в Ласце был грандиозным, одним из самых красивых в стране, а ещё невероятно гулким. Огромные залы, пустые коридоры, целые галереи с мрачными монохромными витражами и мозаикой. Это было специально так сделано — пустота бытия здесь должна была ощущаться, как нигде в другом месте.

Богов, которым поклонялись, было несколько. Все они были высшими и всем им строили храмы, но вот в каждом были разные порядки и устои. А в больших городах строили огромные здания, состоящие из пяти залов, каждый из которых был святилищем какого-то из почитаемых высших богов.

Все эти постройки были многоуровневыми, сложными, с коридорами и переходами, порой открытыми участками под открытым небом. Все такие храмы называли “единением”

и они все впечатляли своими размерами и внешней красотой.

Шэйли и Эйва прошли в ту часть, что была посвящена богине-матушке Йетри. В зале горели свечи, было несколько женщин, что стояли у алтарей на коленях и молились. Обычно Йетри просили о благополучии в доме, о здоровье, о детях.

Шэйли тоже помолилась у алтаря и это действие было отработанным и машинальным. Она точно знала как надо, слова сами лились из неё, их она кажется никогда не забудет.

— Я бы хотела поговорить со служителем, — тихо проговорила она, выходя из залы и подходя к Эйве, которая зажгла свечу и вышла наружу, ждать госпожу.

— Как вам будет угодно, мне подождать здесь?

— Да, побудь на скамейке, на солнышке, я скоро, — улыбнулась Шэйли и прошла во внутренний коридор.

У неё был знак богини с собой, знак жрицы, который позволял ей проходить во внутренние помещения храма. Шэйли прошла по коридору, умея передвигаться тихо, так чтобы не было этого, пробирающего до костей, звука шагов, отражающегося от стен и потолка.

Служителя она заметила во внутреннем садике, почти сделала шаг, а потом выйдя из-за колонны увидела, что он говорит с Ланирой. Шэйли шагнула обратно, чтобы её не было видно. Она и сама не поняла, зачем это сделала.

Отсюда было не слышно о чём они говорят, но девушка заметила, что супруга Верона хмурится, потом говорит что-то явно со злостью. А дальше она повела рукой, мотнула головой и направилась в коридор и, конечно наткнулась бы на Шэйли, если бы служитель не пошёл следом за герцогиней, чем дал возможность девушке обойти колонну и переместиться в сад.

— Если хотите благословения, то сделаете всё как надо, — возвестил он, догоняя Ланиру.

— Не многого ли вы и храм хотите, святой человек? — прошипела супруга Верона.

— Нет, это на благо. Всем. И тебе тоже, — ответил служитель, на что герцогиня лишь недовольно усмехнулась и они удалились.

Шэйли не стала ждать возвращения служителя, она вышла обратно, но через другой коридор. Конечно, к невообразимой досаде девушки, Ланира заметила Эйву, которая понятное дело сказала, что в храме она сопровождает супругу Иана.

Обратно женщины возвращались не пешком, а вместе с герцогиней в карете, что безумно смущало Шэйли.

Всю дорогу Лана была хмурой и задумчивой, не проронила ни слова. А уже когда зашли в дом, прошли в гостиную и остались одни, Шэйли решилась окликнуть её.

— Я хотела сказать, — произнесла она смущаясь и перебирая перчатки в руках. — Хотела сказать, что за благословение богини-матушки не нужно платить.

— Что? — зло уставилась на неё Ланира, приподнимая одну бровь.

— Я хотела... — начала повторять Шэйли.

— Я слышала, что ты сказала, — прервала её герцогиня. — Какого низшего ты решила мне это сказать, блаженка?

— В храме я случайно услышала часть разговора со служителем, — ответила девушка и сжалась под суровостью взгляда, появившегося на лице Ланы.

— О, вот как? — проговорила она каким-то совершенно жутковатым тоном. — То есть строишь из себя святую, а на деле вон оно как. Или что, жрицы могут себе такое позволить

— вам слушать чужие разговоры не возбраняется?

— Нет, прости... те, я не хотела, — залепетала Шэйли пристыженно. — Но он солгал. И я... благословение даётся просто так!

— Неужели? — и сколько же было яда в голосе герцогини, сколько едкого пренебрежения. — Ну что ж — не работает это ваше благословение. Я потеряла ребёнка трижды. Что на это мне может сказать богиня?

Шэйли опешила, на глаза навернулись слёзы сочувствия.

— Мне жаль!

— Не надо, — оборвала её Ланира. — Пожалей себя. А я обойдусь без твоей жалости святая невинность.

И с этими словами супруга старшего Шелрана направилась вверх, оставив Шэйли пристыженной, в слезах и расстроенных чувствах.

Девушке было грустно из-за потерь Ланиры и было обидно из-за откровенной лжи служителя. Как так можно? Если герцогиня пришла за помощью, то зачем было так с ней поступать — просить что-то взамен благости богини? И что он просил? Денег? Ничего другого Шэйли в голову не могло прийти. Деньги в обмен на то, что богиня подарит герцогине Шелран ребёнка? Как ужасно!

Конечно Шэйли сейчас была совершенно потерянной из-за этого провала в памяти, но ей казалось, что сама вера в богиню-матушку была чем-то прекрасным и хорошим. Внутри всё наполнялось каким-то светом и теплом, когда девушка думала о Йетри. И сегодня в храме она тоже чувствовала силу молитвы, чувствовала силу, что дарило ей святилище. Почему-то казалось, что так было всегда. И поэтому слова служителя были для неё непонятны — лгать богине нельзя! А он получается лгал?

— Что с тобой? — спросил Иан, найдя Шэйли в гостиной в расстроенных чувствах.

— Нет, всё хорошо, — соврала она, чтобы не волновать его.

Супруг покачал головой недовольно:

— Шэй, не надо, — он сел рядом и взял её за руку. — Что такое?

— Просто ходила в храм и наверное устала.

— Надо было взять обратно экипаж.

— Мы приехали с Ланирой, — ответила Шэйли, — она тоже была в храме.

— О, тогда понятно почему ты расстроена, — улыбнулся Иан. И она нахмурилась, не до конца понимая о чём именно он говорил. А точнее переживая, что он с такой лёгкостью относится к несчастью супруги брата. — Сложно переносить Лану в большом пространстве, а уж в столь ограниченном... — пояснил он.

И Шэйли выдохнула, улыбнулась. Он нагнулся, поцеловал её.

— Пойдём обедать?

— Пойдём, — кивнула Шэйли, соглашаясь и успокаиваясь.

Уже вечером, когда Иан остался в библиотеке с братом, а Эйва поднялась с Шэйли вверх, чтобы помочь ей подготовиться ко сну, девушка решила задать вопрос, потому что тревога не отпускала.

— Эйва, а можно я спрошу у тебя? — проговорила она едва слышно, когда женщина расчёсывала её волосы и заплетала в косу.

— Конечно, ваша милость, — улыбнулась горничная.

— Если бы тебе сказали, что благословение богини-матушки можно купить, ты бы поверила?

— Смотри кто мне скажет, — ответила она. — Если вы скажете, то да, а если кто другой — нет, наверное.

Шэйли закивала, скорее сама себе, чем Эйве.

— Что вас беспокоит? — спросила женщина.

— Мне немного не по себе, потому что сегодня услышала от служителя откровенную ложь и теперь не знаю, что с этим делать, — честно ответила девушка.

— Ну, что тут скажешь, — покачала головой женщина. — Если у вас есть возможность помочь тому, кому солгали, раскрыть ему правду...

— Я сделала это, — ответила Шэйли, вспоминая реакцию Ланы и её горе, отчего на глаза снова навернулись слёзы.

— Что такое? — Эйва присела рядом и сжала руку госпожи.

— Просто, мне очень грустно...

— Ещё бы, вы же жрица Йетри, конечно вам грустно, что кто-то прикрываясь её именем творит что-то нехорошее, — посочувствовала госпоже горничная. — Но я верю, что если боги действительно существуют, то они обязательно накажут тех, кто, прикрываясь их именем, творит тёмные дела.

— Спасибо, Эйва!

На следующий день Шэйли решилась на отчаянный шаг — она без помощи Эйвы пошла бродить по дому. Точнее у девушки была конкретная цель — она хотела дойти до библиотеки, чтобы положить ту книгу, что дочитала, и взять другую.

Шэйли уже знала, где столовая, где гостиная, где музыкальная комната. Знала, как выйти во внутренний сад, но самое главное — где дверь в кабинет хозяина. Потому что с ним ей встречаться не хотелось, несмотря на то, что она доказывала себе, будто не боится его.

Методом не сложных прикидок и расчётов она выбрала дверь, что по её мнению была дверью в библиотеку, и не ошиблась. Для неё это была маленькая, пусть глупая, но победа. Она вошла внутрь и опешила, потому что за столом, что был здесь, сидел Верон, обложив себя несколькими книгами и внимательно изучая то одну, то другую, что-то записывал в блокнот.

Первым порывом Шэйли было уйти, но старший брат Иана поднял на неё взгляд. Она смущённо повела головой:

— Простите, не хотела мешать, — извинилась она.

— Ты не мешаешь, — ответил он, вернувшись к своим книгам. — Это такой же твой дом, как и мой.

И Шэйли решила найти в себе сил ещё на один внутренний подвиг — шагнула в комнату, чтобы выполнить запланированное, стараясь не обращать внимания на хозяина дома.

Но это оказалось весьма проблематичным, потому что совершенно не понимала, где могла бы стоять та книга, что была у неё в руках, и уж тем более не знала, что и где искать ей на замену. Стало досадно от своей беспомощности и она замерла посреди библиотеки, растерянно переводя взгляд с одного стеллажа с книгами на другой.

— Давай, — Шэйли даже не заметила, как Верон встал из-за стола и подошёл к ней. Протянул руку, чтобы взять книгу.

— А? — она захлопала на него глазами и всё старалась не пялиться на шрамы, но как можно смотреть на лицо человека со шрамами на пол лица и при этом не смотреть на них?

— Книгу, — спокойно пояснил старший Шелран.

Шэйли старалась сосредоточиться на его глазе, но кажется это было ещё более нелепо, поэтому она отдала книгу и смущённо потупила взор. Вот и набралась смелости!

— Понравилось? — спросил Верон, изучая корешок.

— Очень приторно, — ответила она, потому что книга и вправду была какой-то совсем наивной и пустой. Все были в ней такими дико счастливыми, что даже несмотря на то, что девушка была рада за героев, но история оставила какое-то странное внутреннее сомнение, словно сказка для маленьких детей, не имеющая с реальностью совершенно ничего общего.

— Вот как? — и понять с какой интонацией был задан этот вопрос Шэйли не смогла.

— Да, — честно ответила она, и если он сейчас подтрунивал над ней иронизируя, то пусть считает, что она глупая и иронии не поняла.

— Этот автор любит приукрашивать и возводить всё в наивысшую степень, ему бы легенды с участием богов писать, — спокойно произнёс Верон.

С этими словами он прошёл к одному из стеллажей и поставил книгу на полку.

— Держи, — он дал ей одну книгу, потом ещё две, и ещё одну с самой верхней полки. — Это наверное менее приторное, но и не слишком жуткое.

И сделал Верон это с таким равнодушием, что озадачил Шэйли.

Она уставилась на стопку книг, оказавшихся в её руках. Сначала решила уйти с ними к себе, но потом подумала, что это глупо. И, вспомнив, что собиралась быть смелой, обернулась на диваны и кресла, что здесь были. Устроившись в кресле, решила начать читать каждую книгу и выбрать какую-то одну, которая больше всего понравится.

— А где Иан? — спросил её Верон, когда она села в кресло и положила книги на колени.

— Он ушёл в казармы, сказал, что нужно забрать кое-какие вещи. К обеду обещал вернуться, — ответила Шэйли, на что хозяин угукнул, кивнул и потерял к ней всякий интерес, снова углубившись в изучение своих книг.

Шэйли в итоге тоже углубилась в чтение. Первая же книга увлекла её настолько, что она не заметила, как прочитала четверть.

— Что ты делаешь? — в библиотеку вплыла Лана, обратилась к супругу, потом заметила Шэйли и от девушки не ускользнуло то, что герцогиня, увидев её, на мгновение закатила глаза. Но с другой стороны и понятно — она сидела подтянув к себе ногу, совершенно не держа спину и выглядела вероятно совершенной дикаркой, а не супругой аристократа.

— Работаю, — ответил Верон, не поднимая на супругу головы.

— Это юридические книги, — нахмурилась Лана, подходя к столу, больше не обращая внимания на Шэйли, которая выпрямилась и села как положено. — Решил сменить род деятельности?

— Нет, пытаюсь понять, как вывести активы из производств Тьяна, при этом не потерять много, но если надо надавить юридически, — спокойно ответил ей старший Шелран.

— Спроси моего отца, у него там друг, наверняка он мог бы помочь, — ответила герцогиня.

Верон нахмурился и хмыкнул.

— Что? — спросила она.

— Я говорил с твоим отцом накануне, он знает о нашей проблеме.

— И он ничего не сказал?

— Нет, — ответил Верон и встретился с ней взглядами.

— Странно, — повела головой Лана. И кажется впервые Шэйли видела её спокойной и такой, размеренной что ли. — Хочешь я напишу ему сама?

— А он ответит тебе? — поинтересовался герцог.

— Он был наречённым отцом на моей церемонии дарения имени перед лицом богини, — ответила ему супруга. — А потом приезжая в гости всё время щупал меня... за щёчки.

— Ого, — и это был Иан. — Прямо-таки щупал?

Она фыркнула, а младший Шелран усмехнулся, потом заметил Шэйли и подошёл к ней.

— Что тебя сподвигло заняться делами семьи, дорогая? — спросил Верон, не обращая внимания на слова супруги и брата. И снова было совершенно непонятно с какой окраской он это говорит.

Лана снова фыркнула:

— Это касается нашего благосостояния, дорогой, — она-то точно съязвила, сделав упор на слово “нашего”.

— Хорошо, — ухмыльнулся Верон. — Напиши.

Шэйли всё-таки никак не могла оторвать восхищённого взгляда от Ланиры Шелран. Она была тонкой, изящной, невероятно красивой. Манеры, взгляды, жесты. Несмотря на то, что она часто была ядовитой, всё равно это было так красиво, так завораживало. Шэйли казалось, что в ней самой и десятой доли такой элегантности нет. И конечно красоты.

Но яда в Ланире было конечно в разы больше.

— Мы вчера были в храме, — проговорила герцогиня за обедом. — Стало интересно, ну мне-то от богини-матушки ждать благословения глупо. А вот что ж Шэллина им не полна?

Глава 8 Верон

Верон Шелран сколько себя помнил был жёстким.

Упрямство и прямолинейность он унаследовал от матери — стройной, привлекательной женщины, скупой на проявления каких-либо чувств, тем более на ласку и нежность. Но это Верон и Иан с избытком получали от отца и сестры.

Да и нежности все эти старший сын герцогов Шелран скорее отрицал, чем нуждался в них. Терпел от сестры, потому что та любила обниматься, гладиться, целоваться, а если Верон не давался, то расстраивалась почти до слёз. И когда родился Иан, стало невероятно хорошо, потому что Ния переключились на него, а от Верона наконец-то почти отстала. И конечно, слава высшим, что младший брат от всех этих нежностей млел, радовался им и никогда не отказывал в этом сестре, которую обожал совершенно заочно.

Но вот с дочерью Лар Вайденов у Верона всё было совсем по-другому. Эта маленькая, шумная, свободолюбивая девчушка творила с ним, всё, что хотела, и он никогда не был против.

Чета Лар Вайденов приезжала в гости в летнее поместье в Хиите почти каждое лето ещё до того, как у них родилась дочь.

Тразан Лар Вайден был военным офицером, как и все вторые сыны аристократических семейств. Он был высоким, светловолосым, кареглазым, улыбчивым, разговорчивым, приятным человеком. Его супруга Марисса или Мури́, как все ласково её называли, была красивой тонкой, совершенно воздушной, как казалось Верону, девушкой.

И супруги Лар Вайден друг друга обожали. При виде этой пары даже у матери Верона на лице появлялась какая-то совершенно не свойственная ей мягкая улыбка. А отец Верона

вообще души в обоих не чаял.

И конечно в любви родилась совершенно чудесная и очаровательная Шэллина, которая не была ограничена строгостью этикета, ей позволялось всё, потому что ею восхищались и радовались безгранично. Она могла натворить что угодно и все лишь умилялись этому, приговаривая — лишь бы не опасно для здоровья.

Дети Шелранов, все трое, любили Шэйли. Ния возилась с ней не менее воодушевлённо, чем с Ианом. Тот безумно ревновал, но, тем не менее, в его лице Шэйли находила достойного партнёра для всякого рода безумных проделок, за которые Иану очень даже попадало, в отличии от Шэйли. Но, хотя младший сын Шелранов и возражал против такого отношения, всё равно продолжал творить всякого рода шалости и был рад тому, что у него есть союзник, готовый его поддержать в любом начинании.

Верон же пусть и оставался самым разумным из этой связки детей, тем не менее был невероятно привязан к Шэйли. А она была привязана к нему.

Ему она радостно несла палки, камни, грязь, листики, мёртвых птиц, лягушек, гусениц и прочие свои детские сокровища. И он всегда с радостью принимал эти дары, а ещё с радостью принимал её объятия и поцелуи, несмотря на то, что Шэйли почти всегда была липкая и чумазая, но счастливая.

Его так грели её открытая улыбка и визгливый смех. А песни... эти её чудовищные песни, когда она распевала одно и то же слово десятки, а может даже сотни раз подряд, и изводила всех, кроме него. Отец качал головой, приговаривая, что у Верона стальные нервы, но на деле ему было отчего-то жаль, когда все прогоняли её с этими её странными песнями-трелями, а она заплаканная приходила к нему.

— Можно я тебе спою, Вер? — спрашивала Шэйли. — Никто не хочет слушать.

— Можно, — кивал он, а она обнимала его и радостно начинала петь почти в ухо, чем сводила с ума, но он терпел, потому что потом она говорила ему, что любит его больше всех остальных.

Верон прекрасно помнил, как отец получил известие о том, что Тразан Лар Вайден погиб в битве при Р'гане. Герцог побледнел, оторвав глаза от письма, по щекам потекли слёзы и он в бессилии опустился на стул, отдавая письмо супруге. Мать Верона пробежала по нему глазами, закусил губу, нахмурившись, потом спешно собралась и уехала. Конечно к Лар Вайденам, потому что знала реакцию матери Шэйли на эту страшную весть. Женщину новость не просто подкосила — она её убила.

Ещё через десять дней они сидели на второй церемонии прощания, теперь уже с матерью Шэйли.

Верон видел одинокую и никому не нужную крошечную девочку в платье траурного темно-лилового цвета, с трагичным чёрными лентами и цветами чёрных фиалок на броши. Вид её, потерянной и скромно сидящей на скамье рядом с её дядей, разрывал ему сердце.

Больше всего на свете он хотел подойти к ней и забрать отсюда навсегда. Он понимал, что жизнь её будет теперь совершенно печальной и тяжёлой, потому что брат её отца был грубым и жестоким человеком, нелюдимым и замкнутым, хорошо относившимся только к лошадям, которых разводил.

Верон в бессилии сжимал кулаки и силился не плакать, потому что слёз и так было в достатке — отец, Ния, Иан рыдали, и даже мама смахивала скупые слёзы платком.

На прощании в доме, он сначала долго пытался подойти к Шэйли, когда её обступила толпа якобы сочувствующих её горю взрослых. А потом потерял из виду и, обойдя весь дом,

почти отчаялся, но нашёл под столом в главной зале, где выставлялись положенные траурные угощения.

— Что ты тут делаешь? — спросил Верон.

— Мне надоело, что все они гладят меня по голове, — буркнула девочка.

— Побывать с тобой? — спросил он и она кивнула.

Верон вздохнул, под стол конечно ему лезть было уже нельзя, слишком взрослый, поэтому сел рядом и их разделяла только лилового цвета скатерть.

Какое-то время Шэйли сидела под столом, но потом вылезла и забралась старшему сыну Шелранов на руки.

— У меня мама умерла, — сказала она ему и на глаза Верону навернулись слёзы.

— Я знаю, Шэлл.

— Умерла это когда не вернётся уже, да? Папа тоже.

— Да, — и хотя до того держался, чтобы не плакать, стало понятно, что больше не сможет.

— Теперь я совсем одна буду, — проговорила девочка и уткнулась в него, а из его глаз полились слёзы.

Шэйли подняла на него свои огромные тёмные, как у отца глаза, погладила по щеке:

— Не плачь, Вер, — попросила она, хотя сама плакала.

— Я не брошу тебя, — ответил он ей, видя, как слёзы текут по её щекам и так сильно желая сделать хоть что-то, чтобы высушить их. — Обещаю тебе, Шэлл. Не брошу.

— Обещаешь? — всхлипнула она.

— Да. Мы будем видеться, и на лето поедem в Хиит. Ты не будешь одна, я сделаю всё, чтобы не была.

И Шэйли обняла его, расплакалась, а он прижал так сильно как только мог и тоже плакал в её волосы, отчаянно желая, чтобы его желание было реальным, исполнилось.

Их нашла его мать, она забрала Шэйли, которая от усталости и рыданий уснула у Верона на руках. У него в руках осталась только её заколка с маленькой лошадкой, одна из пары, которые он сам подарил ей, когда они были на ярмарке в Хиите прошедшим летом.

Как оказалось, тогда он видел её последний раз.

Время шло, а Шелраны так и не ехали навестить Шэйли.

Все дети были расстроены, кто-то из них постоянно пытался спросить об этом, но родители переводили разговор или обещали, что обязательно поедут в ближайшее время. А потом Иан не выдержал и во время ужина спросил прямо, почему прошло столько времени, но они так и не поехали в гости к Лар Вайденам и так и не увидели Шэйли.

Родители переглянулись, отец хотел что-то сказать и Верон, по тому как мужчина нахмурился, понял, что снова оправдание, но мама решила не врать и отчеканила:

— Мы не сможем поехать к ним, не сможем больше видеть Шэйли. Она теперь в храме, она стала жрицей Йетри. Она приносит благо своей семье, служа богине-матушке и молясь ей.

Ния замерла с ужасом в глазах, Иан нахмурился ничего не поняв, а отец бросил салфетку на стол и, резко встав, вышел из столовой.

Дальше ужинали в полной тишине, и после Верон отправился к отцу, сидящему в своём кабинете в полной темноте. На столе перед ним стояла открытая бутылка выпивки и стакан.

— Почему ты не забрал её к нам? — прямо спросил Верон.

— Потому что он не позволил, — ответил отец. — Я хотел, Верон. Твоя мать просила.

Но...

— Почему к ней нельзя?

— Потому что храм так живёт. Девочку-жрицу можно увидеть только после того, как ей исполнится пятнадцать.

— Мы должны ждать десять лет, чтобы увидеть её? — спросил старший сын Шелранов.

— Таковы правила, — ответил отец и внутри у Верона всё сжалось от ненависти к правилам, богине, храму и Коулу Лар Вайдену.

— Я дал обещание, что не брошу её, — с горячностью проговорил мальчик.

— К сожалению, Верон...

— Нет, ты не слышишь меня? — перебил он отца, почти прокричал от злости. — Я обещал, отец. Я обещал, что не позволю ей быть одной.

— Верон, прости, — мужчина покачал головой. В глазах у него тоже были горькие слёзы. — Через десять лет ты можешь попросить её стать твоей супругой, и если она даст согласие, то ты сможешь забрать её из храма.

Тогда Верон ушёл от отца не сказав ни слова. А потом, спустя десять лет, когда пришёл забрать Шэйли, но она не согласилась уйти с ним, ушёл из храма.

Её отказ разбил ему сердце, хотя тогда он был слишком взвинчен, растерян, слишком подавлен происходящем вокруг хаосом войны, чтобы правильно понять её слова, а когда понял, было поздно. Из отражения в зеркале на него смотрело чудовище, которым он постепенно стал не только снаружи, но и внутри.

— Ты рано встал, — проговорила заспанная Ланира, заглядывая в ванную комнату, где он умывался перед тем как одеться, чтобы уйти в город.

— У меня дела в банке и в конторе, — ответил он. — Надо всё уладить перед отъездом. Не хочу думать об этом.

— А что с Тьеном?

— Твой названный отец ответил мне. Он выкупит активы, но я дам обязательства помочь кредитами после окончания войны, — ответил Верон. — Думаю, как сделать так, чтобы старый извращенец не провёл нас.

Она присела на край ванны.

— И другие дела есть, — добавил он.

Его супруга фыркнула.

— Выбить из кого-то последние гроши? — спросила Лана. — Оставлять детей голодными?

— О, сколько лишней драмы...

— Порой мне кажется, что это... — и она нахмурилась, задумалась, на лице появилась, как он видел через отражение в зеркале перед которым брился, неподдельное выражение скорби, обиды. — Они все проклинаяют нас, и поэтому я не могу забеременеть.

— Поэтому ты достаёшь этим Шэллину? — заметил Верон.

— Вы все так её защищаете, а меня? Я не достойна вашей защиты?

— Ну, что такое? — он умылся и развернулся к ней. — Граф или его сын не понимают слова “нет”?

— О, Верон, — Лана недовольно мотнула головой и надулась, якобы оскорбившись. — Ты опустился до слезки за мной?

— Нет, я просто приглядываю за тем, что принадлежит мне и, несмотря на твоё мнение, готов это защищать, если придётся.

— Неужели? — закатила глаза супруга. — На дуэль его вызовешь?

— Что? Ланира, — ухмыльнулся Шелран. — Я банкир, а не дуэлянт. Я разорю его.

— Как это низко, — ответила она.

— Зато не прозаично, — заметил Верон, пожав плечами, и ушёл к себе, чтобы одеться.

Прислуги, несмотря на статус у него не было, поэтому в обычные моменты он одевался сам, а в особых случаях ему помогал старший лакей. — Мальчишке-то есть пятнадцать? — спросил он у супруги, которая так и осталась в ванной — сидела, глядя на своё отражение в зеркале на стене.

— Ему почти девятнадцать, — зло отозвалась она.

— Оу, большой мальчик. И как он? Судя по всему не очень?

— Я тебя прошу, хватит!

— Зато его будущая супруга будет тебе очень благодарна, что научила его чему-то большему, чем пара традиционных поз.

Она не ответила, поэтому он заглянул в дверной проём, встретился с ней взглядами:

— Мне порой кажется, — проговорила Лана с надрывом, — что у тебя сердце тоже в ключья разорвало взрывом.

— Может быть. Хорошо, что тебе не нужно моё сердце, — и он подмигнул ей, уходя.

Иногда Верона посещала мысль о том, что он и сам не заметил, как уродство изувечило его и внутри тоже.

Он был жёстким, непримиримым, упрямым, да, но всё же его растили в семье, где были на первом месте понятия благородства и чести, но ни первого, ни второго в Вероне теперь не осталось. Точнее он перестал вспоминать о них, когда столкнулся с разорением семьи.

Отец, ведомый вот как раз этими качествами, а ещё состраданием и мягкостью, умер и оставил семью почти ни с чем. Верону перешёл титул и долги, почти банкротство, и из этой ямы он не мог выбраться, без помощи извне, несмотря на все свои знания и острый ум.

Брак с Ланирой был спасением — отец её дал с ней приличное приданое, прежде всего из-за её печальной славы низко павшей первой красавицы двора. Верон не просто расплатится с долгами, он смог снова начать приумножать своё состояние, и на данный момент у его супруги в банке был счет суммой в полтора раза большей, чем та, что дал её отец за союз с ней.

По началу Верону было сложно с Ланирой, он старался быть благородным, но потом — понял, что оно ей не нужно. А разобравшись в её потребностях, лишь зло усмехнулся сам себе...

И вот это гниение уже было не остановить. Всё, что было в нём хорошего, кажется безвозвратно ушло, разложилось, оставляя лишь шрамы и едкий туман из желчного сарказма и иронии, в котором тонули просьбы должников отложить оплату по счетам.

— Хорошего дня, ваша светлость, — улыбнулась Эйва, с которой он встретился в дверях.

— Спасибо, Эйва, — отозвался Верон. — И передай, чтобы к обеду меня не ждали.

— Да, господин.

Он почти вышел, но потом обернулся:

— И, Эйва, скажи, пожалуйста, Яци, что она тоже едет в Хиит, я думаю, что после свадьбы мы с герцогиней там немного побудем.

— Да, господин, ваша сестра будет счастлива, — ответила горничная.

Ещё одна причина, по которой внутри умерло ещё что-то хорошее — Ниилла Шелран и

тот ужас, что с ней случился.

Интерлюдия — Палач

Вне времени и вне осознания. Всего лишь движение рукой и мир разрушен до основания. Нет ничего, что могло бы остановить или унять. Созданы такими, такими им быть вечность. Без чувств, без сожалений.

Четыре высших души, не знающие жалости и не принимающие сдачи. Все для них враги. Приказ исполнен. Вокруг лишь прах и тишина.

Они были идеальны в своей порочности, непобедимости и смертоносности.

Последнее слово Инквизиторов.

Нельзя уничтожить.

Но можно разобрать. На части. Наделать множество копий. Бесконечность. Блеклые и ничтожные.

Сколько он уже идёт в поисках себя? Когда это стало смыслом? Когда он всё потерял. Когда было нужно тепло. Когда оно было. Не было смысла хранить. А как потерял внутри стало отчаянно больно, до жуткого воя, хриплого рыка.

Он не должен чувствовать. Душа ранга палач не имеет право на привязанность. Душа ранга палач не может сожалеть. Душа ранга палач не имеет право на любовь.

Палач должен быть чист и пуст.

Но он не был. Не был. Сотни миров. Тысячи жизней. Он искал. Идеальный хищник ищет другого идеального хищника. самого нужного. самого важного. самого любимого.

Глава 9 Эйва

Эйва, в некотором смысле, понимала госпожу Ланиру, но всё равно была очень зла на те слова, что герцогиня сказала в адрес Шэйли за обедом, несколько дней назад.

Бедная девочка была сама не своя после этого — мало того, что без памяти, что полная неизвестности поездка через несколько дней, что Иан из-за этого на нервах весь и не знает, как себя унять, так ещё эти горькие слова.

Высшие и низшие, ну правда — ни хера, как она есть. Злое, мстительное существо низшего мира, прислуживающее падшим богам и выполняющее тёмное дело по терзанию хороших людей и насылающее проклятия и беды на их дома.

Конечно горничная отстранилась от этого гнева на хозяйку, тем более ей предстояла поездка с герцогами в столицу. Да и Эйве с господином Ианом удалось Шэйли успокоить, вывести из состояния истерики, которая у неё была пару дней, потому что нет в ней никакого благословения, богиня её не любит, она не слишком усердно молится и даже было что-то вроде “моё чрево проклято”.

На это ушло всё время до отъезда и все нервы. В поездку Эйва собирала обеих девушек в каком-то тумане, чего уж говорить о ней самой. И в итоге осознание, что она всего через два дня окажется в столице накрыло её в экипаже, когда половину дороги они уже проехали.

Ланира и Шэйли ехали в карете вместе, и это было печально, потому как младшую девушку это смущало и обижало до слёз, а герцогиня ни за что не стала бы извиняться за то, что наговорила. Сидели они друг от друга по разным противоположным углам, смотрели в разные стороны и как же было хорошо, что дорога занимала всего половину дня, потому что иначе это грозило бы перерасти в катастрофу с очередными истериками, при чём от обеих девиц.

Мужская часть Шелранов предпочла в это женское противостояние не лезть и отправились в Хиит верхом. Конечно для господина Верона это было испытанием — Эйва

не сомневалась, что у мужчины болело всё тело. Но видимо боль была терпимым испытанием, которое можно было перенести, чтобы сохранить своё душевное равновесие. Что до Иана, то он вообще получал нескрываемое удовольствие, как мальчишка, которого отпустили побегать в поля без присмотра.

Слуги ехали в отдельном экипаже. Яци мирно спала всю дорогу и это было прекрасно. Повариха учинила форменную истерику связанную со поспешностью сборов, на которую её вынудил герцог, отдав ей распоряжение ехать в Хиит накануне отъезда. Женщина была дотошной, помешанной на мелочах квочкой, у которой всё было плохо ещё задолго до того, как что-то начиналось. Она опаздывала заранее, практически накануне встречи или отъезда, портила всё заранее, даже не приступая к делу. В общем, собираясь, она извела слуг, сильнее, чем десять Ланир. И сон в котором Яци пребывала в дороге, ехавшим с ней в одном экипаже Эйве и Юллин, был ниспослан богами.

Последняя была сначала рада тому, что старшая горничная заменит её на свадьбе, а потом поняла, что столицу не увидит, свадьбу не увидит, королевскую семью не увидит, и расстроилась. На это Эйва только горестно вздохнула, снова ругая себя за то, что проявила излишнюю заботу и доброту.

Она не хотела в столицу. Ей было сложно возвращаться туда и откровенно страшно быть при дворе. Оставалось только молиться богине-матушке, чтобы помогла ей справиться и отвела от неё всяческие неприятности.

Проехав Хиит, они с неприятностью отметили, что дороги развезло, несмотря на то, что снег сошёл давно. Но в деревне всё было как всегда немного с задержкой, но это воздух, эти звуки — Эйва отпустила свои тревоги и подставила лицо тёплым солнечным лучам.

Переезжая через реку стало понятно, что и мост почти развалился, мужчины даже попросили женщин выйти и пройти по нему пешком, чтобы избежать беды, если тяжести экипажей, подмытая рекой конструкция, не выдержит.

Сам дом был таким каким Эйва его и помнила. Она была тут три раза. Каждый год семья приезжала сюда навестить госпожу Нииллу. Точнее из трёх раз, Иан был здесь всего в прошлом году и то, только из-за находившейся здесь Шэйли. Обычно приезжал Верон и было видно, что герцог погостил бы подольше, радуя сестру своим присутствием, но супруга его начинала ныть, капризничать, устраивать скандалы от скуки, а это было губительно для шаткого душевного состояния хозяйки.

— Ой, ну правда, правда? Верон! — вдовствующая графиня Сэнори не могла устоять на месте, когда брат спешился, отдавая своего коня слуге и обнимая сестру. — Вы приехали! Я так рада, так рада!

— Ну, Ния, всё хорошо, — герцог поцеловал сестру в щёку. В глазах у неё стояли слёзы.

— Иан? — обрадовалась она, когда спешился и второй младший брат. — Я так соскучилась!

— Ния, — он дал себя обнять, натянуто улыбаясь, но очень быстро отстранился, не стал ждать, чтобы слуга забрал у него коня, отвёл животное в сторону, лишь бы не общаться с сестрой дольше возможного. Потом подошёл к экипажу, где ехали его супруга и супруга брата.

— Лана, Шэйли, — воскликнула вдовствующая графиня, и всё так же, радости не было предела.

Все немногие слуги дома стояли вдоль зелёной посадки на фасаде дома.

Эйва знала дворецкого, напыщенного щуплого старикашку, грубияна и забулдыгу. Её он

ненавидел до скрежета в зубах. Эйва прям ждала, что сделает ей какую-нибудь гадость, а уж если бы её выставили, то у него был бы персональный праздник. Ещё была экономка, мягкая, полная женщина, из местных, которая приходила сюда, чтобы навести порядок в делах дома и слуг, и уходила обратно в город, где у неё, насколько знала Эйва, была семья. Ещё была горничная госпожи — Янра. Приветливая молоденькая женщина, чуть младше самой Эйвы, они нашли с ней общий язык и в прошлые визиты герцогов, отлично ладили. Ещё две дворовые девочки, они помогали по дому, но всё время в нём не жили, тоже были местными, из Хиита.

Но были и незнакомцы. Эйва впервые видела конюха, крепкого мужчину, на вид её ровесника, но лицо она рассмотреть не успела, потому что он забрал коней Шелранов и повёл их, как она поняла, в сторону конюшен. И ещё одного мужчину, одетого по простому, как и конюх, но более чисто и опрятно выглядящего. Он был светловолосым, загорелым, что говорило, что всё же работал на свежем воздухе, а не в доме, руки были тоже рабочими. Он стоял немного в стороне, смущённо переминался с ноги на ногу, словно ждал, что сейчас его отправят прочь. Глаза у него были голубые, красивые, лицо приятное, с ухоженными усами и небольшой бородой, улыбка чуть кривоватая, но добрая.

Верон со всеми поздоровался, после чего зашёл внутрь дома, за ним поспешила Янра, которая по сути отвечала за дом и хозяйку. Госпожа Ниилла тем временем разговаривала с Ланой, которой пока не успела надоест своим вниманием и назойливостью, поэтому герцогиня была приветлива и вежливо отвечала на все вопросы сестры супруга. Правда Иан тоже был здесь и, вполне возможно, Лана просто не хотела конфликта с ним, точнее усугублять ту ссору, в которую уже влезла, задев Шэйли ранее. Последняя держалась молодцом, стараясь не удивляться, не быть странной самой, хотя наверняка у неё в голове была сейчас невообразимая буря из мыслей и вопросов.

Тем временем Яци выбралась из экипажа под радостный возглас вдовствующей графини, которая подлетела к поварихе, как только её заметила. Женщина расставила руки и позволила госпоже утонуть в тёплых объятиях.

— Ох, Яци, ты побудешь со мной? — спросила госпожа Ния.

— Конечно, светлость моя, накормлю вас, родненькая моя, чем захотите, — на глаза женщины навернулись слёзы.

— Паштет и хлеб, можно? — спросила графиня.

— Да, конечно, сколько угодно, — ответила Яци.

В это время служанки и вот этот светловолосый мужчина, которого Эйва раньше не видела, стали помогать разгружать вещи. Сама она взяла свои и вещи госпожи Шэйли и пошла в сторону входа для слуг. Но не успела сделать и шаг, как дорогу ей преградил дворецкий.

— А блудница в дом не зайдёт, — прохрипел он Эйве в лицо, а потом плюнул ей под ноги.

Горничная застыла и тяжело вздохнула, встретившись с покрасневшимся от злости взглядом старого дворецкого. Кажется он стал ещё более безумным с тех пор, как она видела его в последний раз.

— Какого? — возмутился Иан.

— А? — обернулась на дворецкого вдовствующая графиня и Эйве не нужно было видеть её лицо, чтобы понять, что женщина была на грани нервного срыва.

— Снова притащили эту падаль, — тем временем прошипел старик. Выпивкой от него

разило шагов за десять. — Не позволю осквернять дом светлый. Вон!

И он замахнулся кулаком, но сделать ничего не успел. Сзади всхлипнула старшая сестра Шелранов, Иан сделал шаг, чтобы поймать руку старика, но быстрее всех оказался конюх. Эйва и глазом моргнуть не успела, как он ниоткуда возник между ней и дворецким.

Из дома выскочил Верон и Эйва видела, что герцог сделал жест рукой, после чего Иан увёл Лану и Шэйли в дом. А ещё глянув с беспокойством через плечо, туда, где стояла графиня, горничная увидела, что рядом с Нииллой стоял светловолосый незнакомец. Она вцепилась в него с отчаянием утопающего и с ужасом наблюдала за происходящим.

— Ваша светлость, — каркал старик, обращаясь к Верону, — нельзя блудницу в дом пускать, безобразие! Падшую девку до покоев светлых допускать, не позволю.

— Ты ошалел? — прорычал герцог.

— Ваша светлость, — выдавил дворецкий, теряясь.

— Эйва, в дом! — приказал старший Шелран.

И горничная вздрогнула, глянула на конюха, что заслонял её собой. Он посмотрел на неё сверху — не то, чтобы был высокий, Эйва была ему по плечо, но мужчина был плотным, сильным, от него пахло конями и сеном. Коротко стриженные чёрные, волосы, щетина, глаза тёмные, но точно цвет не разобрать. Лицо было суровым, каменным, да и весь он был напряжён, хотя чего сражаться со свихнувшимся пьяницей?

Эйва обошла его и от неё ускользнуло то, что они с герцогом не сговариваясь встали так, чтобы её от дворецкого закрыть.

Горничная знала, что конюху приказали отправить дворецкого вон, что тот и сделал. А дальше Эйве было не до воспоминаний о неприятном инциденте, потому что закрутилась в делах. Никто из хозяек с ней не заговорил об этом, хотя видно было, что Лана была недовольна и раздражена, а Шэйли хотела спросить подробности, но скорее всего постеснялась.

После ужина господа устроились в музыкальной гостиной, отпустив слуг. Эйва спустилась вниз в кухню и застала презабавную картину — с одной стороны стояла Яци, грозная и воинственная, а с другой домашние слуги дома, “возглавляемые” двумя незнакомцами.

— Что происходит? — спросила Эйва. За ней в кухню спустились Юллин и Янра.

— Они тут хозяйничать решили, — зашипела Яци, тыкая в сторону слуг огромным ножом.

— Серьёзно? — и кажется у горничной сейчас нервы сдадут. — Я хочу есть, мне завтра вставать ни свет ни заря, а ты хочешь, чтобы я без ужина осталась?

И Эйва решительно пошла в сторону поварихи, которая заслоняла собой приготовленную для прислуги еду.

— Эйва, я не шучу!

— Да и не надо, мне и смеяться не хочется. Мне нужно поесть, потом смочь уснуть, потом смочь встать, а дальше дорога в целый день и ты прекрасно знаешь, что нихра твоя любимая проведёт её в голоде, чтобы фигуру свою сбересть, — и Эйва отодвинула опешившую Яци, положила себе еды, после чего села за стол. — Хватит людей страшить, злюка. Еду портишь злостью.

Повариха фыркнула, но тем не менее стала накрывать на стол, а слуги расселись всё-таки по своим местам и приступили к трапезе.

Уже под самый конец ужина в проёме возник щуплый мальчишка в форме королевского

кавалерийского полка.

— Доброго вам, — поздоровался он. — У меня послание к его светлости герцогу Шелрану.

Эйва, которая уже почти доела, встала, опережая светловолосого мужчину.

— Давай, дружок, — протянула она ему руку.

— Поздно из столицы, случилось чего? — спросила Яци.

— Я был в доме Шелранов, в Ласце, а там сказали, что герцог здесь, — ответил посланник, когда Эйва с письмом отправилась наверх.

— Ого-го, — воскликнула повариха и усадила юношу за стол. — Садись, мальчик, поешь. Помотало тебя сегодня.

В гостиной на рояле тихо играла Лана, как ни странно была совершенно спокойная и тихая, сама на себя непохожая. Вдовствующая графиня Сэнори что-то рассказывала остальным. Шэйли сидела рядом с Ианом на диване, напротив герцог с сестрой.

— Простите, ваша светлость, — окликнула его Эйва.

Верон кивнул, встал и подошёл к ней.

— Послание доставили только что, — она отдала хозяину свёрнутый и запечатанный листок гербовой бумаги.

Он взял, пробежал глазами и нахмурился.

— Что там? — спросил Иан, кажется Эйва видела, что у него глаза загорелись надеждой, что может дело касается его и он сможет со спокойной душой отсюда удрать.

— Первый священнослужитель большого единого храма заболел, — ответил герцог. — Свадьбу второго наследника откладывают на неделю.

— Что? — кажется пискнула Лана, но горничная точно знала, что сейчас герцогиня в этой комнате самый счастливый человек.

— Священнослужитель заболел и они теперь ждут его выздоровления, — пояснил Верон спокойно, отдавая ей бумагу.

— Да он помер небось, — фыркнула Ланира, забирая у супруга послание. — Ему сто лет не меньше. Какой смысл ждать его выздоровления?

— Значит пошлют за тем, что в северном храме, — предположил Иан.

— Скорее всего, — кивнул Верон. — Но ждать всё равно неделю. Не вижу смысла возвращаться в город, так что подождём здесь.

— Мы остаёмся? — переспросила Лана, а Верон обернулся на Эйву и кивнул ей.

— Сообщи, пожалуйста, остальным.

И сейчас в комнате стало ещё на одного счастливого человека больше — госпожа Ниилла радостно захлопала в ладоши, радуясь известию.

Впрочем Эйва тоже была рада. Она поклонилась и ушла вниз.

— Что? — спросила Яци, когда служанка спустилась.

— Никуда не едем, неделю ждём здесь.

После ужина Эйва вышла во внутренний двор, тот что был у задней, служебной части дома. Там сидели слуги-незнакомцы. Мужчины крутили самокрутки и тихо разговаривали.

— А можно мне тоже, — спросила Эйва, потому что покурить было тем, что сейчас было очень необходимо. Ну или выпить, но выпить неоткуда взять, а покурить вот есть.

— Держи, — улыбнулся светловолосый и протянул ей сделанную себе самокрутку. — Нас так и не представили. Я Бэлт.

— Эйва, — представилась она, забирая курево и садясь рядом с ним.

— А это Рэндан, — представил мужчину конюха. Горничная кивнула и он дал ей прикурить.

— Куришь, Эйва? — к ним вышла Янра.

— Ты же знаешь, что нет, — ответила женщина. — Просто сегодня вот прямо надо.

— Как там госпожа? — спросил Бэлт, подразумевая конечно старшую сестру Шелранов.

— Беспокоишься, что без тебя не заснёт? — ухмыльнулась Янра.

— Она с братом старшим, — спокойно ответила Эйва.

— Ты не злись на старика, — проговорила служанка графини. — Он таким после хнийской лихорадки стал.

— Да он всегда такой был, — фыркнула на это женщина. — А что до обид, то я не обижаюсь, если бы мне каждый раз золотую монетку давали бы, когда так обзывают, была бы уже богаче герцога нашего.

— Так часто обзывают? — спросила с сожалением Янра.

— Да ваш дед вон сколько уже всего мне наговорил за то время, что я тут работаю? Месяца три можно жить безбедно.

Янра рассмеялась, а мужчины усмехнулись. К ним подтянулись другие слуги.

— А что правда свадьбу отменяют? — спросила Юллин.

— Ну, как сказала наша герцогиня, скорее всего священнослужитель и вправду помер или почти, — Эйва докурила и встала.

— Брось, с чего ему? — нахмурилась Янра.

— Да я его когда видела последний раз, а это было до войны ещё, он уже был стариком древним, как мир, еле ноги волочил. А это сколько времени прошло? Помрёт. Так что...

— Что? — уточнила Юллин.

— Священнослужителя хоронить надо. Неделю решать будут, что вперёд — свадьба или похороны. Если свадьба, то северного священника дождутся и тогда всё как было, но на неделю позднее. А если похороны — то снесь уже готова, скатерти сменят, ленты в городе с жёлтых на лиловые перевесят. Вот тебе и что, — она развела руками, сняла косынку и ушла, потому что сил уже не было никаких.

А главное — Эйва была рада, что не надо пока ехать в столицу. Рада, что пока точно избежит встречи со королевским двором и наследниками.

Глава 10 Шэйли

Шэйли никак не могла понять, что происходит и её это невыносимо тревожило.

Она с трудом перенесла дорогу, ей было тяжело находиться рядом с Ланирой. Обида была острой, доводящей до слёз. И самое болезненное было то, что воспоминаний о себе у Шэйли не было. На душе скребли кошки. Неужели в словах Ланиры была истина — она плохая супруга, она плохая жрица, она плохая женщина? Эти мысли жалили, как пчёлы, и никак нельзя было от них избавиться.

А потом, приехав в загородное поместье Шелранов, она столкнулась с целым рядом странностей. Первой была реакция старшей сестры Иана, но Шэйли списала эту диковатую, словно болезненную радость на то, что женщина просто очень давно не видела свою семью. Дальше случилась сцена с участием Эйвы и, как поняла Шэйли, местного дворецкого. Вопросы о произошедшем заполнили девушку и она с трудом сдержалась, чтобы не задать их Эйве, когда горничная помогала ей одеться к ужину.

Сам ужин тоже был странным. Теперь уже было окончательно понятно, что Ниилла необычная, но Шэйли убеждала себя, что люди не могут быть одинаковыми, что ничего

такого... И обидно было, что старшую сестру Иана, Шэйли не помнила, хотя была здесь в прошлом году летом и видела её, общалась же с ней. Может если бы помнила, то было бы понятнее её поведение?

В довершение вечера оказалось, что Верон и Ланира остаются с ними ещё на неделю, потому что свадьбу второго наследника отменили из-за болезни, а может и смерти главного священнослужителя.

Встав с утра, Шэйли Иана рядом не нашла. К ней пришла Эйва, которая как-то всегда угадывала момент пробуждения девушки и это было удивительно.

Приняв ванну, она узнала от Эйвы, что Иан взял лошадь и ускакал в поля, но обещал вернуться как раз к моменту окончания завтрака, чтобы вместе со всеми отправиться снова на конную прогулку.

— Вашего супруга хлебом не корми, дай в седле посидеть, — улыбнулась Эйва, заплетая волосы Шэйли и укладывая их в причёску, чтобы было удобно при поездке верхом.

— Эйва, а я умею ездить на лошади? — спросила девушка.

— Умеете, в прошлом году вас господин Иан учил, и у вас очень неплохо получалось, — ответила горничная.

— Хорошо, — кивнула Шэйли, смущаясь.

Она всё никак не могла отпустить вопросы, что её мучали.

— Эйва, а можно я спрошу? — обратилась она к горничной, смущаясь. Она не хотела спрашивать и скорее всего так и мучилась бы этими мыслями, если бы служанка уехала сегодня с утра в столицу. У кого-то другого Шэйли ни за что не стала бы спрашивать.

— Да, госпожа, — доброжелательно кивнула ей женщина.

— У меня несколько вопросов, — она покраснела.

— Не смущайтесь, милая, — Эйва села рядом.

— Почему тот старик, дворецкий, да? — горничная кивнула. — Почему он назвал тебя...

— Блудницей? Из-за этого, — вздохнула женщина и убрав воротничок показала тонкий белый шрам, что был у неё на шее.

— О, Эйва, — Шэйли захлопала глазами, она не замечала на горничной шрама, хотя он был судя по всему длинным, шёл по левой стороне от позвоночника, от самой линии роста волос и уходил ниже. — Но, я не понимаю... как это связано?

— Дело в том, что так наказывают продажных женщин, — ответила Эйва. — Если девицы плохо работают, грубят клиентам или своим содержателям, то те их так наказывают. Провинность — шрам. Но так, чтобы не сильно портить тело. Некоторым и лицо могут испортить, чтобы все знали, что такая блудница очень проблематичная. Как-то так.

Шэйли смотрела на Эйву и понимала, что это какая-то невыносимая ошибка. Девушка точно знала, что женщина, что сидит перед ней, хорошая, что она не делала ничего плохого, что она не продавала себя, это было так жутко и так невозможно, что хоть криком кричи.

— Откуда он? Кто это сделал? — спросила она, подразумевая не каких-то там содержателей, а какого-то конкретного плохого человека, который причинил Эйве зло.

— Это было очень давно, госпожа. Сейчас всё хорошо.

— Мне очень жаль, Эйва!

— Спасибо, госпожа.

Спрашивать про сестру Шелранов времени не было, поэтому она спустилась к завтраку. И к нему действительно вернулся Иан. После они все вышли через задние двери, что вели во

внутренний сад, прошли мимо домовых построек и зимнего сада, вышли через ограждение и там были служебные постройки — кладовые, конюшня, зимний огород, который был своего рода продолжением зимнего сада, просто скрытым от глаз посторонних людей и гостей.

Конюх был в глазах Шэйли огромным, суровым и даже жутковатым мужиком. Он был скуп на эмоции и немногословен. Она откровенно побаивалась его, ещё как впервые увидела вчера, а сегодня, оторопев стояла на площадке и ждала, когда ей подведут её лошадь, тем более, что понятия не имела получится ли у неё справиться с животным. Перед ней предстал огромный зверь, который рядом с конюхом был конечно обычным, а вот рядом с ней просто нереально здоровенным.

— А где Рийси? — спросил Иан, подходя к ним.

— Серая, господин? — уточнил конюх.

— Да, — кивнул супруг Шэйли.

— Она померла зимою, — ответил мужчина. — Хорошая была кобыла, спокойная.

— Жаль, я учился на ней верхом ездить, — качнул головой Иан.

— Старенькая была, — ответил конюх. — Этот мерин смиренный, господин.

— Да, помню. Просто здоров для Шэйли, она в седле не очень у нас умеет.

Мужчина скупно кивнул и кажется хмыкнул.

— Седло дамское не даст упасть, а мерин не понесёт, — дал он комментарий, глядя на девушку. — Главное, не очень резко дёргайте поводья. Боль, она никому не приятна. Слегка, и он всё поймёт.

Иан подхватил Шэйли и усадил в седло, пока конюх держал её, как оказалось коня, а не лошадь. Потом супруг взял и аккуратно провёл её по кругу, что тут был, поясняя, как ей сидеть и что делать. Но в целом, Шэйли поняла, что чувствует себя достаточно комфортно, а значит с верховой ездой скорее всего она справиться.

— А мне ты попросил седлать самую брыкастую лошадь? — просила Лана, глядя на Иана.

— А это имеет значение? Тебя скинет даже мёртвая, потому что ты злая. А злых никто не любит, — ответил он.

Конюх вывел лошадь для герцогини и та фыркнула:

— Это что? — громко спросила Лана, указывая на седло.

— Ваша светлость? — не понял её конюх, нахмурился.

— Я не вчера родилась, можно мне нормально оседлать? Иан, чтоб тебя! — и она гневно глянула на него, понимая, что распоряжение по седлу мог дать он, а если и не давал, то просто не указал на эту ошибку конюху. Но Шэйли толком ничего не понимала в этом и вполне возможно просто сделала неверные выводы.

— Простите, ваша светлость, — буркнул слуга, и как раз в это время из конюшни вывел своего коня Верон.

— Я возьму твоего, — перехватила у него животное Лана.

— Конечно, ваша светлость, — шутливо поклонился ей герцог. Конюх подставил ей руку под ногу и герцогиня, к невообразимому восхищению Шэйли грациозно села на коня своего супруга.

— И давайте уже, чего копаетесь? — приподняла она бровь и пустила животное галопом, покидая двор.

Иан подвёл мерина Шэйли к Эйве, которая вышла, к ним, сопровождая Нииллу.

Сестре Шелранов лошадь подал тот светловолосый мужчина, который был для Шэйли

загадкой. Она понимала, что он слуга, что не должен быть так тесно связан со своей госпожой, но она держала его за руку, цеплялась, и вчера кажется не собиралась идти без него спать. Старшая сестра Иана и Верона села в седло, потом тоже самое сделал Иан.

— А где Ланира? — спросила Ния, глядя на герцога.

— Ускакала, — ответил он.

— Давайте уже, дальше собираетесь, — фыркнул Иан и они с сестрой тоже уехали, оставив Шэйли и озадачив её. Может ей надо было отправить коня за ними?

— Простите, ваша светлость, — снова повинился конюх, обращаясь к старшему Шелрану.

— Ничего, ты не мог знать. Я сам виноват, надо было тебе сказать, — успокоил его Верон.

Слуги начали менять седло на обычное и это, конечно, заняло время.

— Эйва, — обратился герцог к горничной. — А что с вещами её светлости?

— Я послала за ними, ваша светлость, — ответила горничная. — Надеюсь, всё прибудет завтра.

Он нахмурился.

— Но, если нет, то с вашего позволения я могу взять несколько нарядов её милости, госпожи Нииллы и кое-что переделаю так, чтобы устроило герцогиню.

— Эйва, ей нужно тут всех покорить, — и он погладил мерина Шэйли по морде.

— Ей нужно быть красивой, ваша светлость, — заметила на это Эйва.

Верону подвели коня, он сел в седло.

— Если дело только в этом, Эйва, то нет ничего проще — ей надо голой сидеть перед зеркалом.

Шэйли улыбнулась, вернулся Иан.

— Ну и?

Верон сделал кивок в сторону выезда. И Шэйли отправилась за ним.

Несмотря на то, что Иан старался держаться рядом с ней, всё же иногда терпения у него не хватало, и он, подгоняя коня, уезжал от неё вперёд, потом возвращался и так снова, и снова.

Верон сначала тоже был где-то впереди, но потом отстал от Ланиры и Нииллы, постепенно расстояния между ним и, плетущейся в конце процессии, Шэйли сокращалось. И она нервничала из-за этого, ей не хотелось ехать с герцогом, но всё тем и закончилось — Иан оставил супругу на брата и с радостью присоединился к герцогине и вдовствующей графине, которые кажется в седле родились.

— Не переживай, — вдруг сказал Верон.

— А? — она посмотрела на него, нелепо потянула поводья и коня в его сторону и животное решило, что его разворачивают.

— Пррр, — остановил их старший брат Иана. — Тихо-тихо.

Шэйли была раздосадована.

— Всё получится, просто нужно чаще это делать, — сказал Шэйли Верон и похлопал мерина по крупу. — Хочешь можем пойти пешком?

— Но... это будет странно и долго, — возразила девушка, хотя предложение ей определённо понравилось.

— Мы можем пойти назад к дому, а когда они нас нагонят, поскакав назад, снова сядем в седло, — и он был таким мягким, совсем не таким, как она его видела обычно, каким

привыкла понимать в своих мыслях.

— Хорошо, — кивнула она, улыбаясь.

Он спешился, потом помог ей, взяв на руки и поставив на землю, словно она ребёнок. Шэйли показалось, что он на мгновение застыл с ней в руках, замешкался перед тем, как поставить её. Но может ей только показалось? Впрочем, внутри разлилось какое-то невообразимо тёплое давно забытое чувство, такое родное, что ли, уютное. И да, странное.

Верон подал ей повод и пошёл рядом, встав к ней той своей стороной, которая не была обезображена. И почему-то Шэйли показалось, что он сделал это специально. Они шли молча, но это молчание не было неловким, не угнетало её. В голове всплывали смутные образы, размытые, словно она вспоминала что-то, что происходило не с ней, видела это через толщу воды.

Шэйли шла по дороге и была уверена, что ходила по ней множество раз. И это было даже не воспоминание, а ощущение, словно всё было знакомо и повторялось в её жизни прежде. Но почему? Может это оттого, что она была здесь в прошлом году? Но воспоминание было таким основательным и при этом таким далёким. Деревья были больше, дорога была шире, всё вокруг было ярче. Но понятно — было лето и вокруг всё было зелёным, всё цвело.

Она глянула на старшего брата Иана и почему-то захотелось взять его за руку. Это было таким сильным желанием, что она устыдилась его, испугалась. Но в голове всплыла картинка — мальчик лет десяти или немного больше, ведёт её за руку, а она ребёнок, потому что смотри на него снизу, видит руку в его руке. Она счастлива идти с ним, хотя лицо её мокрое от слёз, внутри обида, но вот это ощущение его присутствия, доверие, любовь...

Шэйли встала как вкопанная и уставилась на Верона, который прошёл чуть дальше и не сразу осознал, что она остановилась.

Он обернулся, нахмурился. И Шэйли осознала с ужасом, что этот мальчик был он, Верон. Вер...

— Мы обратно, — радостно возвестила Ланира, проскакав мимо них, потом Ниилла, и Иан.

Шэйли вздрогнула.

— Пешком или верхом? — спросил у неё герцог.

— Верхом, — ответила она, и внутри ошарашенно поняла, что хотела, чтобы он взял её на руки и посадил в седло. Собственно это он и сделал, а Шэйли в это мгновение словно утонула в ледяной воде стыдливого чувства, дарящего радость.

— Что-то случилось? — спросил Верон, глядя на неё снизу.

И она хотела спросить про то, что увидела, хотела, но к ним вернулся Иан.

— Всё хорошо? — спросил он, протягивая ей руку.

— Да, — кивнула Шэйли, с невероятной неохотой отводя взгляд от герцога и переводя его на своего супруга.

Старший Шелран тоже сел в седло и теперь они ехали втроём, но потом Верон всё же обогнал их, оставляя наедине и внутри у девушки вдруг стало грустно и пусто.

— Ты устала? — спросил Иан, когда они въехали во двор.

— Да, немного, — решила согласиться она, потому что завертелось внутри метелью какая-то невообразимая тоскливая печаль.

— Рэндан, — позвала конюха вдовствующая графиня. — А как моя девочка?

— Хорошо, ваша милость, — ответил мужчина.

Старшая сестра Шелранов подошла к деннику, где стояла белая с черными пятнами лошадь.

— Ты помнишь, что она мне очень дорога? — спросила она у конюха.

— Да, госпожа.

— Эту кобылу мне подарил отец Шэйли, и ещё двух жеребцов для Верона и Иана, — она глянула на братьев. Иан, который помогал в этот момент Шэйли, застыл. — Иан, а где твой конь?

— В конюшне при казарме, милая, — ответил супруг Шэйли и переглянулся со старшим братом. Тот нахмурился и посмотрел на брата с вопросом.

— Хорошо, — проговорила в этот момент их сестра. — А вот конь Верона погиб на войне. Так жаль...

И Шэйли видела, как на глаза женщины навернулись слёзы.

— Поэтому, — буркнул Иан, отвечая на немой вопрос брата, и накинул повод на перекладину.

Ниилла вышла словно в бреду с конюшни и отправилась в дом. Верон вздохнул, потом посмотрел на конюха.

— Что с кобылой?

— Немного прихрамывала, господин. Я перековал и сейчас уже хорошо, — ответил слуга. — Вэйды отличная порода, устойчивые, не пугливые, выносливые, красивые.

И говорил он это с таким восхищением в голосе, и Шэйли видела, как смягчились его суровые черты лица.

— Мы потеряли наших на войне, — проговорил Верон. — Мой спас меня, но пал, а коня Иана пришлось убить, потому что ранение было очень серьёзным. Но лучше ей не знать.

Конюх нахмурился, кивнул.

— Так, ваша светлость, оно понятно...

— Просто сказал, чтобы ты был в курсе, — пояснил герцог. — Она ещё много раз об этом заговорит.

— Рэндан, — позвал напряжённый и хмурый Иан.

— Да, господин?

— Конюшня и кони в отличном состоянии. Ты отлично справляешься.

— Спасибо, господин, — конюх поклонился и было видно, что глаза его наполнились какой-то гордостью, как показалось Шэйли.

Остаток дня прошёл тихо. Перед ужином Шэйли всё же решилась спросить у Эйвы про Нииллу.

— Ох, госпожа, — покачала головой горничная. — Это долгая и непростая история. Да и надо ли вам сейчас расстраиваться, перед ужином?

— Я постараюсь держаться, — ответила девушка, потому что мучившие вопросы стали множиться и готовы были завалить Шэйли, придавив насмерть под своим весом.

— Хорошо, — явно с неохотой кивнула Эйва. — Супруг госпожи Нииллы, граф Сэнори, тоже прошёл войну. И вернулся оттуда, но не до конца.

Горничная нахмурилась, вздохнула, подбирая слова.

— Он был плох, душевно. То, что он там видел, что пережил, очень его задело. И в итоге он сломался, — служанка горестно покачала головой. — Это случилось, кажется даже года с окончания войны не прошло. Он не смог жить в мире с окружающими и собой. Они жили в Ласце, как и Шелраны, на соседней от них улице. И граф в один вечер отпустил всех слуг,

взял мушкет, зарядил и выстрелил в графиню.

Шэйли втянула в себя воздух, застыла.

— Она была в постели, он лёг рядом, хотя она была жива, но он выстрелил и в себя. И так она, бедняжка, и пролежала с ним, пока не нашли, — горестно нахмурилась Эйва, а Шэйли всхлипнула, но сдержала слёзы. — Ваш супруг, господин Иан — он очень любит сестру, был привязан к ней, как ни к кому. Он, говорят, очень переживал за состояние графа, просил герцога что-то придумать. Но вот... и в ту ночь он, говорят, не спал совсем. Извёлся, и утро даже не настало, как он побежал к сестре в дом. Там её и нашёл.

— О, богиня! — прошептала Шэйли.

— Она вот, бедняжка, хоть телом почти восстановилась, но увы, разум её не излечился. Она пьёт капли от нервов, у неё плохой сон. Город, после случившегося, стал пугать её, а Шелраны не позволили Сэнори её забрать к себе, отправили сюда. Любой пустяк может расстроить её до срыва, поэтому все её очень берегут.

— Иан не хотел приезжать... — проговорила Шэйли сама себе, не ожидая ответа.

— Думаю, что вашему супругу очень тяжело видеть сестру такой, — всё же проговорила Эйва. — Поэтому он избегает поездок сюда. Хотя безусловно его присутствие радует её как ничьё другое.

Ужин был напряжённым — что-то случилось между братьями, но Шэйли не знала что.

В конечном итоге Иан, уже оставшись без слуг в гостиной, предложил Верону избавиться от странных слуг, которые, как поняла Шэйли оказались тут совсем недавно. Это привело Нииллу в состояние оцепенения, потом беспокойства.

— Ты хочешь выгнать Бэлта? — спросила она, хмурясь, глядя на самого младшего брата.

— Ния, это правильно, — проговорил Иан. — Они непонятно откуда взялись, мы ничего о них не знаем и ты позволяешь этому...

— Он хороший, — прошептала вдовствующая графиня, когда брат запнулся, чтобы подобрать менее жёсткое слово, чтобы охарактеризовать новых слуг. — Он мне очень помогает.

— Ния! Это не прилично! — отрезал младший Шелран.

— Верон, — она с упрямством посмотрела на другого брата. — Прошу тебя, Верон, не выгоняй их. Они хорошие. Лошадки такие спокойные с Рэндом, а Бэлт так помогает мне. Пожалуйста.

Герцог вздохнул, хотя лицо его было нахмуренным и суровым, как всегда. И глядя на него Шэйли всё пыталась понять всплывшую днём в памяти картинку. Тот мальчик не мог быть Верон.

— Ниилла, нет, — отрезал Иан.

— Ты не можешь так поступить со мной, не можешь так поступить со мной... — и она повторила это ещё несколько раз, впадая в какое-то совершенное отчаяние, потом ушла в себя, будто её не было — взгляд стал пустым, лицо неживым.

Ланира фыркнула недовольно, встала и вышла из гостиной. Верон глянул на Иана сурово и с осуждением, потом поцеловал сестру и вывел её.

— Иди спать, Шэйли, — приказал ей супруг и было понятно, что возражать или что-то говорить на это нет никакого смысла.

Она поднялась наверх, разделась и легла. Но сон не шёл. Она ворочалась в постели в очередной раз пытаясь осознать происходящее. Это было словно уже самым понятным для неё — то, что она ничего не понимает. Смешно, конечно, но ещё и очень горько.

Внутри появилось ещё одно воспоминание, тяжёлое, болезненное и страшное.

Иан пришёл словно тень — он был настолько пьян, что даже не заметил, что Шэйли всё ещё не спала. Просто снял сапоги и, сдвинув одеяло, лёг на кровать, моментально заснул. Она попыталась позвать его, но это было бесполезным занятием. Поэтому девушка стянула с него одежду, под какое-то невнятное бурчание, потом накрыла одеялом и постояв так некоторое время, поняла, что ей просто необходимо выйти на свежий воздух.

Она накинула на себя тёплый плед и вышла на внутренний балкон дома.

— Что случилось? — она вздрогнула и увидела на другой стороне балкона Верона, которого не заметила, когда выходила.

— Нет, ничего, — покачала она головой.

— Шэйли, — вздохнул он горестно и она увидела перед собой безумно уставшего человека. — Где Иан?

— Он спит.

— Напился? — она кивнула на его вопрос. — Так что случилось? Обидел тебя?

— Нет, — поспешила ответить Шэйли. — Просто ваша сестра была такая и я...

— Напугала тебя? — спросил Верон, потирая переносицу.

— Нет, я просто вспомнила, — она осеклась.

— Я знаю, что ты ничего не помнишь из-за болезни, — произнёс он и направился к ней. Сейчас он очень сильно прихрамывал на левую ногу.

— А? — до Шэйли вдруг дошло, что именно он сказал и она ужаснулась.

— Да, — он встал рядом с ней, облокотившись на перила балкона. — Надо сказать отлично получается скрывать.

— Простите, — устыдилась девушка.

— Не надо. Я понимаю, — он был очень мягким сейчас, снова таким, как днём. — Что ты вспомнила?

— Я не знаю, если честно, — Шэйли и сама не поняла, почему решила рассказать. Может просто очень устала всё это в себе держать, тянуть за собой ношу, даже не осознавая, что эта ноша для неё значит. Да и днём она хотела спросить его о том, что всплыло перед глазами. — Я просто увидела женщину, такую бледную, она была не в себе, словно безумна. У неё были темные волосы и светлые глаза, она лежала в постели и держала меня за руку, пальцы у неё были ледяные, а мне было очень страшно, а она... она всё говорила, повторяла: “я не выживу в этом доме, я не выживу в этом доме”.

Верон вздохнул, кивая.

— Это была твоя мать, — сказал он очень тихо, осторожно.

— Моя мама? — нахмурилась девушка.

— Но ты не помнила о своём детстве и до болезни. Так что...

— Почему? — и вот тут Шэйли накрыла какая-то безумная паника.

— Ты провела в храме почти семнадцать лет, — ответил Верон. — За это время ты не виделась с родными и близкими людьми. Забыла всё.

— А мама? Почему она так говорила?

— Потому что твой отец погиб, это известие сразило её. Они были очень красивой, любящей друг друга, парой. Брат твоего отца, твой дядя, жестокий и чёрствый человек, которого твоя мать безумно боялась. Почти так же как ты меня.

— Я не боюсь вас! — вспыхнула она, но произнесла это всё равно каким-то болезненным шёпотом.

— Правда? — ухмыльнулся Верон.

— Да! — с горячностью произнесла Шэйли. — Просто мне кажется, что вы ненавидите меня.

— Что? — и это было искреннее удивление. — С чего вдруг?

— Вы хмуритесь и смотрите на меня так... — девушка запнулась.

— Какой стороной? — спросил Верон, ухмыляясь.

— Перестаньте, — мотнула головой Шэйли. — Вы относитесь так ко мне, потому что я вам отказала?

Он взглянул на неё, и этот взгляд её поразил. Несмотря на то, что он ухмылялся, во взгляде была боль. Потом он оттолкнулся от перил, вздохнул.

— Иди спать, скворушка, — проговорил Верон и ушёл, оставив её одну.

И это слово, ударило, сковало её. Шэйли замерла, вцепившись в перила.

“Скворушка”... он так называл её в детстве. Только он.

Тот мальчик, который вёл её за руку по дороге, когда она рыдала из-за испорченного платья, хотя на деле никогда не переживала из-за таких вещей, но тут она была на прогулке с Нией, Ианом и Вероном. И она попросила надеть на неё красивое платье, ради старшего сына Шелранов, а Иан толкнул её на реке в грязь и она расстроилась до слёз. А Верон обнял её и в итоге тоже весь испачкался.

И они шли домой вместе. Вер... она его так любила и почему-то внутри было так много боли связанной с ним. Почему?

Глава 11 Верон

Верон кажется уже не мог справляться со всем этим безумием, начавшим его одолевать ещё в городе, а здесь только усугубившись.

Лана и её мерзкое поведение, Иан и его взбалмошное недовольство, Шэйли и её безграничная печаль...

И вот теперь оказывается, что у сестры в доме живут два, невесть откуда взявшихся, мужика, один из которых выглядит так, словно сотню человек придушил и глазом не моргнул, а второй наоборот ведёт себя так благопристойно, словно не безродный деревенщина, а аристократ какой, да ещё и с Нииллой носиться так, словно она ему родная.

Дворецкого здешнего Верон никогда не любил. С детства чувствовал себя с ним рядом неуютно — у слуги было больше напыщенности, чем у хозяев, словно титула герцога носит он. Но в целом это было нормой во многих домах, и всё бы ничего, если бы Киннан не пил, как низший.

Отец Верона терпел его только потому, что знал его с детства и не мог выставить вон человека, преданного семье, как никто другой, даже несмотря на то, что преданность эта была болезненной и порой неадекватной. Однако у Верона не было этой мягкости и сентиментальности отца и он давно бы выставил вон этого пьянчугу, но всё же понятие верности действительно не было пустыми словами для Киннана, и он трепетно относился к Ниилле, приняв близко к сердцу состояние хозяйки.

Приехав, Верон сразу понял, что в доме всё совсем не ладно. Герцог зашёл внутрь, незаметно кивнув Янре, горничной, что ухаживала за сестрой, с намерением выяснить, что вообще происходит и почему ему не сообщили о новых работниках. И от Верона не ускользнуло то, что Ния до того, как подойти к нему, стояла рядом с одним из них, вцепившись в его руку и рубаху.

— Что происходит, Янра? — спросил он строго у служанки, когда она зашла за ним в

дом.

— Простите, господин. Простите... — начала лепетать женщина, которая побаивалась герцога и никогда на него не смотрела, по понятным причинам.

— Янра, хватит мямлить, — не выдержал Верон, уставший с дороги. — Просто скажи откуда эти два мужика взялись?

— Они поздней осенью пришли, простите, господин, надо было сообщить, но я...

— Откуда они пришли? — перебил он её.

— С перевала, — и Янра указала рукой в сторону гор.

Ни разу не полегчало, не стало понятнее и Верон был готов прибить женщину, которая сейчас сжалась под его натиском и кажется ещё немного и забудет как говорить в принципе.

— Так... — он попытался привести её в чувства, успокаивая себя и выравнивая тон. И когда кажется почти получилось, на улице завопил Киннан. Герцог выругался и они с горничной отправились обратно.

Дворецкий накинулся на Эйву — преградил ей путь, не желая пускать внутрь.

Картина была отвратительной. Старик собирался ударить служанку и её видимо заслонил собой конюх, лицо которого в мгновение перекосило так, что стало понятно — если Киннан ещё что попытается сделать, то слуга прибьёт его, и ему хватит для этого одного удара. Сомнения в недюжей силе молодца у Верона не было.

Поэтому герцог кивнул Иану, не менее злобно настроенному против дворецкого, и брат увёл Лану и Шэйли. Ниилла стояла снова вцепившись во второго мужчину и вид у неё был такой, что сейчас начнётся полномасштабная истерика, которую унять можно будет, только дав сестре немалое количество капель и порошков.

Эйву дворецкий обозвал падшей и блудницей. И Верону было понятно, что это из-за шрама на теле женщины — старик и раньше герцогу на предмет этого недовольство высказывал, а горничную откровенно презирал и, скорее всего, оскорблял наедине, но при хозяевах такого не позволял никогда.

Тогда герцог просто приказал оставить горничную в покое, потому что лично ему было наплевать, даже если шрам она получила всем известным способом и он говорил о её нелицеприятном прошлом — сейчас она была незаменимой и очень хорошей работницей. Кто он такой, чтобы осуждать её за прошлые ошибки, тем более, что он в них не очень верил.

Подойдя к дворецкому Верон понял, что старик пьян, ну или накануне отлично залил в себя горячительного, да так, что не протрезвел до сих пор.

Приказав Эйве идти в дом, он с конюхом не сговариваясь прикрыли женщину от зло вращающего глазами Киннана, который кажется не собирался сдаваться без боя и это было плохо.

— Янра, уведи госпожу Нииллу в дом, — приказал Верон, пытаясь понять, что теперь делать.

Старшая сестра герцога вцепилась в светловолосого слугу, но он уговорил её пойти вместе с горничной и сам остался на улице. Девочки-служанки и повариха тоже быстро убежали прочь.

— Ваша светлость, господин Верон, где такое видано, — проворчал старик воинственно. — Богов таким гневить, пускать в светлый дом гниль!

— Киннан, ты совсем потерялся? — спросил герцог, очень стараясь себя сдерживать, потому что самому захотелось удавить старого дурака.

— Ваша светлость! Вы только подумайте, сколько грязи! Дышать же нечем. И наши,

наши девки, вон, заразна скверна же, поглядите на это? — и он указал в сторону двух стоящих рядом мужчин. — Душегубы и развратники! Дезертиры они, погань!

Верон очень удивился, что конюх держал себя в руках, у него челюсть нижнюю так закусил, что и полному идиоту было бы понятно — сейчас рванёт. Но старик кажется потерял остатки разума:

— Притащили в дом, теперь разврат, блуд и непотребщина!

— А ты святой? — прохрипел, выходя из себя, герцог. — Или пьянством низших гоняешь? Думаешь, они на твой дух не сунуться?

— Ва-ва-ваша светлость, — обомлел старик.

— Проводите его домой, у него в городе живёт сестра, — отдал приказ Шелран.

— Господин Верон, вы меня гоните, а их оставляете? — изумился дворецкий, побледнев и став ещё более жутким.

— Проспись и протрезвей! Раньше я тебя в своём доме видеть не намерен.

Киннан возмутился было, но тут уже конюх принял приказ и перешёл к его исполнению, в прямом смысле вынося старика за ворота. Второй мужчина поклонился герцогу и пошёл за ними.

Верон же зашёл в дом и позвал Янру.

— Говори! — приказал он, потому что терпение его было готово взорваться с мгновения на мгновение.

— Простите, господин, — снова повинилась женщина, начав нервно мять в руках подол платья. — Я должна была сказать раньше, написать, но-но была...

И она всхлипнула, встретившись с герцогом взглядами.

— Было тяжело в холодный сезон. Лютая погода стала рано, болели все, — она говорила сбивчиво, но старалась не сорваться в слёзы, чувствуя свою вину перед хозяином. — Киннан заболел хнийской лихорадкой. Все мужчины от него заразились — конюх наш, брат его, и садовник. Их доктор к себе всех забрал, в город, чтобы мы с ними не сильно мучились и не заразились от них.

Она перевела дух, тяжело вздохнув.

— И вот как-то непогода была, ветер ураганный, дождь сильный и холодный, они пришли от перевала, попросили ночлега, — и она снова повела головой, немного в сторону, места себе не находя и чувствуя безграничную вину за свою сердобольность. — Я испугалась, конечно, в доме ведь ни одного мужчины не осталось. Но разрешила, там в сенной поспать, хотя там не особо тепло, но и не на улице, конечно. Но они поблагодарили и больше не просили ничего. Я в ту ночь не спала совсем — боялась из-за них. Да и госпожа нервная была, вы же знаете, как на неё непогода действует, особенно гроза, — и Верон кивнул ей на это, потому что знал, что Ния действительно очень плохо реагирует на дождь. — Но ничего не случилось, они утром ещё раз поблагодарили и уйти хотели. Мы их покормили, потому что, ну, не по-человечески как-то голодными отпускать.

Горничная нахмурилась, снова вздохнула.

— А они пока ели, в зимнем саду затрещала крыша, из-за непогоды стёкла на крыше в нескольких местах лопнули, а под утро повалил снег мокрый, тяжёлый, вот они и посыпались. Мы так испугались, и госпожа. И в доме холод был. Потому что Киннан откладывал чистку дымохода, а потом заболел. Мы только в домашней части протопить смогли, а в господской нет. В домашней и жили, и госпожа со мной, — и Янра снова устыдилась. — И они предложили всё починить. И крышу сделали, и камин прочистили и

мы смогли дом протопить целиком. А Рэнд с лошадьми так хорошо обращается. И Бэлт. Они вроде такие мне показались не плохими.

Горничная пожала плечами.

— Я решила, что раз мужчин нет пока, то может, пусть помогут. Они, пока не было холодов, на конюшне жили, а потом как стало совсем холодно, то я в кладовые их пустила, а дверь между ними и домом закрыла от греха. Но они никогда и ничего, — и она подняла на герцога полные слёз глаза. — Простите, ваша светлость, я понимаю — не надо было так, очень опасно это. Но мне было так тяжело, я тут одна крутилась, а потом... потом...

И Янра проморгалась, потому что слёзы ей было сдерживать уже очень сложно. И Верон унимал себя, хотя всё это было ему не особо интересно, но понимал, что прерывать её нельзя и придётся слушать весь рассказ от начала до конца, со всеми этими бесконечными заиканиями и “простите”.

— И я подумала, что как только кто-нибудь из мужчин в себя после болезни придёт, то я их отправлю, но Киннан совсем сдал, характер ещё хуже стал, чем был. Скандалить начал, — и она кивнула в сторону улицы, как бы напоминая об устроенном дворецким представлении. — И присутствие её милости его не останавливали. Злой стал, вздорный, пить начал всё время. И напугал её как-то, бедняжку, у неё случился срыв и такого давно уже не было. И я не знала как её успокоить, а Бэлт смог.

И она уставилась себе под ноги.

— Он её успокоил и я даже не знаю как, но просто подошёл, за руку взял, что-то ей сказал и она унялась. А Киннан на нас, на домашних, кидался, я боялась его больше, чем Рэнда и Бэлта. А садовник наш не пережил болезнь. А конюх стал руками слаб, совсем с лошадьми не мог. Сейчас он в городе живёт. И брата его младшего в болезни отправили куда-то то ли в Ласцу, то ли в столицу. Он не вернулся. Так Бэлт и Рэндан и остались, — Янра вздохнула, словно набираясь сил. — И госпожа спокойная, благостная. Она теперь лекарство днём почти не пьёт. Только на ночь.

— И она с ним засыпает? — уточнил Верон, потому что понимал, что скорее всего так и есть.

Ния после случившегося с ней ужаса не могла спать одна, ей было дико страшно оставаться в одиночестве и ложиться спать, поэтому кому-то приходилось сидеть с ней, пока она хотя бы уснёт, и лучше всего получалось у Верона и Иана, хотя последний это делал с большой неохотой. И для герцога было очевидно, что ничего сейчас не понимающая в приличиях старшая сестра, скорее всего, доверяя слуге настолько глубоко, засыпает тоже с ним.

— Да, ваша светлость, — выдавила Янра, теряя голос и становясь пунцовой. — Я пыталась быть с ней, но она не хочет. Но я по-началу была с ними, стояла в дверях, чтобы она не видела. Ваше право меня выгнать за это всё, но они хорошие, никакого зла от них не было. И Бэлт с госпожой очень внимательный и обходительный. Я никогда не замечала ничего лишнего, несмотря на то, что госпожа, она же, как дитя.

И Верон хотел выставить их обоих немедленно, хотел.

Он позвал к себе мужчин, после разговора с Янрой, как только те вернулись из Хиита. И они были сдержанны и покорны, понимали своё положение — не спорили и кажется действительно ждали, что герцог выставит их вон.

Конюх был немногословным, хмурым детиной, действительно казалось опасным, если смотреть со стороны. Такого нельзя было злить, он не был увальнем-добряком, это был

матёрый волчара, и он стоял перед герцогом спокойно, открыто, но при этом и с долей смирения.

Что до Бэлта, то этот был скромн и тих, когда Верон спрашивал — отвечал. И речь, которую слышал герцог, была довольно приятна, видно было, что мужчина образован, при чём образование это было не на уровне "умеет читать и писать", нет — у него была поставлена речь, у него были манеры и переодень его, вполне себе знатного рода молодой мужчина получится.

Но это не было на деле чем-то удивительным, потому что многие сыны знатных домов попали на войну и вернулись оттуда в разорённые дома, к пустой земле, не имея средств на существование и уж тем более на поднятие благосостояния своего рода. А не имея возможности восстановить дом, они теряли титул.

По закону королевства титул был привязан к земле и дому на ней, зачастую размер этого дома не имел значения, достаточно было того, что в нём можно было жить. И те, кто вернулся в опустошённые войною земли делали всё возможное, чтобы построить хоть какой захудалый домишко, дабы вернуть себе титул и место в обществе. Таких аристократов звали "худая знать" и таких было очень много.

Сам Верон чуть не стал одним из них, потому что хоть дом у него и остался нетронутым, но содержать его не было возможности, да и есть ли смысл в подобном, когда нечего есть?

Но главное, что его поразило и расположило к ним, в некоторой степени, — Бэлт попросил не выгонять их официально. Если надо уйти, то они уйдут, пусть герцог только прикажет. Но тихо, как бы сами, просто пропадут, потому что вдовствующая графиня расстроится, если герцог выставит их, а слуга очень не хотел её огорчать. Стоящий за ним конюх согласно кивнул.

Герцог Шелран решил, что пока оставит всё как есть, и мужчин выгонять не будет — здесь остаётся Иан, сестра будет под присмотром, а Верон съездит в столицу на свадьбу второго наследника, подумает как быть, и вернётся с готовым решением.

Но и тут всё пошло наперекосяк — церемонию отложили. И Ланира была права, потому что конечно священнослужитель скорее всего преставился. А значит отложено всё не на неделю, а на много больший срок.

И это было тяжело. В первую ночь Верон был с сестрой, пока она засыпала. Ланира дождалась его и устроила плановую истерику, что ей здесь будет скучно, что она хочет в город, что нечего носить, ведь наряды у неё только на свадьбу, и уж конечно они не подходят для того, чтобы в них расхаживать среди грязи, коней и деревенских, как она называла всех живущих в Хиите людей.

Иан на утро предложил конную прогулку. Как поиздевался — поездки верхом давались Верону с трудом. Из Ласцы в Хиит он решил ехать верхом, чтобы не быть в одном экипаже с Ланой и Шэйли. Ему было жаль девушку, оставшуюся наедине с герцогиней, но если бы он там был, то Лана наверняка сыграла бы какую-нибудь мерзкую сценку, чтобы развлечь себя и в очередной раз попортить кровь ему и Шэйли. Так что пришлось пойти на жертву и выбрать меньшее из зол.

Но прогулка... боги... мало того, что все болело, но он так усердно старался держаться от Шэйли подальше, потому что рядом с ней начинало внутри шевелиться что-то мягкое, полное нежности, что он уже давно и не помнил в себе, место чего давно заменили холодный расчёт, цинизм и злая ирония.

Но у Иана не хватало терпения на неспешный шаг, ему хотелось припустить коня, а не плестись позади, так что Верон вздохнул и остался с Шэйли, чем дал возможность брату делать, как ему хотелось. И в итоге стало тянуть внутри, зануло, застонало — размеры бедствия разрослись до невиданных размеров.

Верон закрывал глаза на отношения Иана и Ланы, но до свадьбы с Шэйли.

Правда надо было сказать, что, после заключения союза, младший брат очень старался быть хорошим и примерным супругом, он действительно, как видел Верон, нежно и с трепетом относился к девушке. Старался не обижать её и не задевать, но всё равно норов брал своё — Иана вот так, как сейчас уносило, только здесь в поля, а в жизни в разгул. И хорошо, что Шэйли была такой наивной, такой чистой в своих собственных мыслях, поэтому не думала о других плохо, смотря на них лишь через себя саму, а там было очень красиво, там всё не принимало уродство мира, не знало о нём.

Но самое болезненное для Верона было то, что его чувства к ней ни разу не унялись, не исчезли, не истлели со временем, как истлело всё вокруг, да и он сам прогнил в требуху.

Он избегал Шэйли, очень хотел, чтобы она не вспоминала ничего про детство и про него, потому что он сам хотел бы всё это забыть. И конечно из-за того, что тогда она вспомнит его слово, которое он не смог сдержать. А уж сколько времени прошло и как сильно он изменился, но вот это детское, чистое и не исполненное, обернувшееся невольным предательством, обещание, всё ещё тяготило его и тревожило.

И снимая её с седла, так не хотелось отпускать, утянуло водоворотом воспоминаний и горя, что испытал, когда потерял и не смог вернуть. Сердце так сжалось болью, что Верон испугался сам себя, потому что понимал, что чем дальше, тем сложнее будет ему себя сдерживать.

И о каких ещё приличиях может идти речь? Киннан прав — сплошной разврат и грех...

Вечером, до ужина, Иан влетел в библиотеку, которая здесь выполняла роль гостиной, а так же кабинета.

— Ты их не выгоняешь? — процедил младший брат, подразумевая конечно новых слуг.

— Пока нет, — как можно спокойнее ответил Верон.

— Ты шутишь?

— Иан, — устало повёл головой герцог. Второй день здесь, а у него уже ощущение, что столетие и никакого просвета, сплошные беды.

— Они непонятные, мутные, ты не можешь допускать их в дом, тем более до сестры! — почти кричал брат. — Ты с ума сошёл, Верон? Приличия, что уже значения не имеют?

— А вот сейчас пошутить изволил ты, Иан. Ты о приличиях заговорил? — и да, старшего Шелрана беспокойство не отпускало, но Ния действительно выглядела лучше и уж что говорить, но ему было плевать на приличия, если его сестре было впервые с той страшной ночи хорошо и спокойно. — Уверен, что готов поговорить на эту тему?

— Ладно, ладно, я понял! А что насчёт безопасности? Ты понятия не имеешь, кто они. Что они тебе сказали? Ты видел конюха? Он же вылитый каторжник, — Иан перевёл разговор на другой весомый довод. — Что от него можно ждать? Ты знаешь? Я вот нет и выяснять не хочу.

— Если бы хотели то сделали, когда нас не было. Они тут с осени, — заметил Верон. — И ты его похвалил сегодня. И я согласен — конюшня в идеальном состоянии.

— Потому что лучше уж он будет думать, что я доволен, чем обратное, не находишь?

— О, высшие и низшие, Иан, ты...

— Не смей, Верон, не смей, — и младший Шелран мотнул головой и по взгляду герцог понял куда всё это сейчас приведёт.

— Да, Иан, да, ты был прав, а я ошибся, — встал старший брат. — Да, но сколько можно? Я признаю свою вину! Но что это изменит?

— Хочешь сделать ещё хуже? — взвился Иан. — Он спит в её комнате!

— Да, Иан, потому что мы с тобой этого не делаем! — взорвался Верон. И его младший брат фыркнул со злостью, хотел что-то возразить, но лишь повёл головой. — Что? Нечего ответить? Да, Иан, да — сиди с ней, пока она засыпает, заботься о ней — гуляй, читай, корми, чтобы не нужно было думать о ком-то другом, кто сделает это за тебя или не сделает.

— Ты знаешь, что я делал бы это, но у меня служба, я не могу быть здесь. Да ты и сам, не очень-то стремишься, — стал выворачиваться младший Шелран. — А в городе ей невыносимо!

— О, конечно, служба, — развёл руками Верон. — Всё сводится к ней. Только это просто пустое оправдание. Ты отслужил своё, Иан, ты можешь уйти в отставку. И ты прекрасно знаешь, что в отличии от тебя, который даже смотреть на Нию не может, я не отказывался заботиться о ней. И если бы ты помогал мне, я жил бы здесь с ней, присматривал, пока ты работал бы в городе и занимался нашими делами. Если бы я мог положиться на тебя, Иан, мне здесь было бы даже лучше. Но я не могу, не могу.

— И поэтому ты позволяешь какому-то... — он запнулся, повёл головой упрямо, — даже не знаю...

— Разговор окончен, Иан, — отрезал Верон. — Занимайся Шэйли.

— Будь хорошим мальчиком, Иан, — скривился младший брат. — Да, да.

И в конечном итоге он довёл Нииллу до слёз, заведя-таки разговор о приличиях и том, что не пристало подозрительным личностям жить в доме.

Верон усугублять не стал, хотя хотелось врезать Иану от души, но уж этого сестра точно не пережила бы, поэтому он увёл её, впадшую в обычное своё состояние ступора, наверх. Там с помощью Янры уложил в постель, дал капле и дождался, пока она уснёт.

На него сон не шёл и он вышел на балкон, подышать свежим воздухом и попытаться навести порядок в своих мыслях. Но и этого сделать не удалось — на балкон вышла безумно печальная Шэйли. От одного её вида ему стало горько, захотелось обнять, он с болью вспомнил ощущение её тела в своих руках и затаило, заныло так отчаянно, что и представить было сложно, что с ним такое ещё может случиться. Поразительно и так пронзительно печально.

И он не смог сладить с собой, на эмоциях от разговора с ней, хотя и пытался отшутиться, но назвал её этим родным — “скворушка”.

И теперь уж точно она что-то вспомнит и всё будет совсем плохо.

Глава 12 Эйва

Утром в ванной комнате между покоями герцога и герцогини сломался кран над ванной. У госпожи Ланиры это конечно же вызвало негодование и господин Верон, тяжело вздохнув, вышел, пообещав прислать слугу, чтобы всё починили.

— И получается, что это либо этот жуткий мужик, размером с гору, — скривилась Ланира, пока Эйва причёсывала её. — Или этот симпатяга, но явно извращенец, который влез в доверие к Ниилле?

— Вероятно, госпожа, — ответила горничная, которая не была так критично настроена против мужчин.

Да, отношения между вдовствующей графиней и этим Бэлтом были очень неоднозначными, но за те несколько дней, что хозяйева провели здесь, стало уже абсолютно понятно, что слуга относиться к старшей сестре Шелранов очень трепетно, ласково и уважительно. Ни разу Эйва не заметила чего-то между ними, что могло бы дать возможность усомниться в чистых намерениях мужчины.

Хотя вдовствующая графиня много времени сейчас проводила с семьёй, но и в это время Бэлт не сидел без дела — он помогал тому, что “размером с гору” на конюшне, потом они прочищали трубы всех дымоходов, которых было шесть, и вот наконец чинили крышу зимнего сада, вставляя в повреждённые части стекло вместо фанеры, установленной ими же, когда они ещё поздней осенью появились в доме.

— Хотя этот, ну как его, симпатичный, конечно поприятнее, — заметила герцогиня, потом осмотрела причёску. — Как всегда идеально, Эйва. Благодарю.

И горничная стала одевать госпожу. У герцогини было несколько нарядов, помимо приготовленных непосредственно для свадьбы, которые Эйва предусмотрительно захватила с собой. На всякий случай. И вот совсем не прогадала. Но время шло, наряды конечно уже не удовлетворяли потребности её светлости, которая не привыкла повторяться со своими выходами и не важно — в свет или на завтрак-обед-ужин в кругу своей семьи.

— Что с нарядами из дома? Они приедут когда-нибудь? — надулась Лана.

— Я не могу знать, госпожа. Но с вашего позволения, — и Эйва отошла от неё, зайдя в гардеробную. — Я могу что-то из этого перешить.

— Хм, — Ланира придиричиво склонила голову. Вкус у герцога был отменный и Эйве нравилось, что в целом она понимала её нужды. — Да, вот эти два — юбки отличные, но верх очень трагичен. Сделаешь что-то с нижней частью, чтобы можно было отдельно надевать?

— Конечно, — кивнула Эйва. — Но верх. Может блузы или рубашки? Ещё можно сарафаны, — горничная показала пару нарядов, которые можно было изменить. — Из этого можно сделать что-то этническое.

Ланира осмотрела самую служанку, на которой была шерстяная серая рубашка и темно-зелёный сарафан.

— Да, делай. И возьми у герцога или Иана пару сорочек, — ответила герцогиня. — Думаю вместе, будет прекрасно.

В этот момент в покоях герцога затопали мужские шаги. Ланира обернулась и узрела конюха.

— Кран починить сказали, — ответил он ей.

И Эйва склонила голову, скрывая улыбку, потому что это было невероятно забавно — и реакция госпожи, и реакция слуги.

Герцогиня Шелран была прекрасна и почти всех очаровывала, подобные ему, обычно смотрели на неё во все глаза, просто потому что она внешне была, как высшая богиня. И она всегда ждала этой реакции, наслаждалась ею. А тут — он не смотрел на неё, вообще словно её не было. Не то, что восхищения, вообще не было никаких эмоций. И Ланиру кажется это выводило из себя. Эйва видела, как герцогиня просто не может понять, что не так, почему не работают её красота и природный шарм.

— Последи за ним, — пригнулась Лана к горничной. — Кто его знает. Не хочу, чтобы он сюда заходил.

— Да, ваша светлость, — склонила голову Эйва и взглядом проводила герцогиню до

двери. И как она плыла, как плыла. Правда конюх даже и не собирался на неё смотреть.

Горничная прибралась в комнате, сложила вещи в гардеробной, забрала те, что нужно было переделать и, выйдя в комнату, столкнулась со взглядом мужчины. Значит за ней он смотрел?

Она внутренне улыбнулась, но на деле и вида не подала. Сложила баночки и прочие мелочи на столике герцогини, приводя их в порядок, собрала одежду для переделки, потом ту, что надо было постирать. Обернулась и на этот раз конюх уже стоял в дверном проёме, но слава богине, на ковёр не наступил.

— Я всё сделал, — возвестил он, своим хриплым, грубым голосом.

— Не вздумай наступить на ковёр, а то мне придётся его чистить, — рукой остановила его Эйва. — Я думала, что там всё прогнило?

Она видела пятно ржавчины на кране и подумала, что оттого он и сломался.

— Прогнило, — кивнул он, соглашаясь.

— И как ты его починил?

— Временно.

Эйву прям веселило это — “да”, “нет”, “конечно”, “я сделал” и так далее и тому подобное. Словно этот мужчина вообще не умел говорить или по жизни туго соображал, но внутреннее чутьё говорило ей, что всё у него в порядке.

— Просто хочу знать, насколько временно и можно ли исправить, — пояснила она.

— Можно, — проговорил он.

И она усмехнулась, потерев лоб.

— Я сделаю, если хозяин разрешит в городе краны нужные заказать, — проговорил конюх и это было самое длинное предложение, которое она от него слышала.

— Спасибо, — склонила она голову в благодарности и ожидая, что он догадается, что надо выйти. Но он так и стоял, глядя на неё. Хотя бы не шевелился и то хорошо.

Она взяла в руки ворох одежды госпожи и пошла в наступление на мужчину. Он опешил на мгновение, лицо его стало озадаченным.

— Сделал? Так на выход, — повела головой Эйва и он сначала попятился от неё, а потом усмехнулся и, развернувшись, прошёл через ванную комнату и комнату герцога, подгоняемый горничной вон из комнат.

— Может помочь? — спросил он.

“Чтобы её наряды конюшной пахли”, — подумала женщина.

— Спасибо, я сама, — сказала она вслух, не желая обижать человека, который судя по всему помощь предложил достаточно искренне. Да и лично Эйву ни капельки не смущал конский запах, да и вообще любой рабочий запах.

Они вместе дошли до крутой винтовой лестницы, что использовалась слугами и вела вниз, в рабочие комнаты.

Конюх кажется нарочно спускался медленно и Эйву это раздражало, но в середине она наступила на одну из юбок, что несла, конечно же потеряла равновесие и тут была очень даже счастлива, что он шёл впереди, потому что поймал её и глазом не моргнув. Но горничной подумалось, что даже если бы она шла перед ним, то всё равно поймал.

— Прости, — выпалила она оказавшись в недюжего размера объятиях.

— Угу, — кивнул мужчина пристально глядя ей в глаза.

Пауза затянулась и Эйва почувствовала себя неловко. Но это было так странно для неё, потому что обычно она не терялась.

— Если ты не собираешься на руках меня отнести вниз, то отпусти, пожалуйста, — нашлась она, но при этом чувствуя исходящую от него мужскую силу, такую особенную, которая тянет из женщины жилы, выдёргивает из самой себя. — Я могу идти сама.

Он снова хмыкнул, кивая, сейчас глаза были на одном с ней уровне, от слабого освещения Эйва никак не могла понять, что там на самом деле в них происходит, но он ещё раз хмыкнул и отпустил её, потом продолжил спуск, а она подобрав юбки нарядов герцогини отправилась за ним.

“Может действительно тугодум?”

— Спасибо, — поблагодарила его горничная, когда они вышли в нижние помещения.

— Да, — кивнул он и Эйва не стала ждать, когда он там ещё что из себя сможет выковырять, кивнула ему и убежала в другую сторону.

Переделкой нарядов она планировала заняться сама, но вот чисткой пусть занимается Юллин, потому что делать всё одной просто невероятно сложно. И Юлли, конечно, взялась за дело, но всё равно сделала всё не так, как надо и пришлось за ней переделывать, предварительно с ней поспорив, потому что было ощущение, что ошибки все эти были сделаны специально.

К вечеру, как следствие, Эйва валилась с ног. А ещё и это бесконечное ворчание Яци...

Горничная ушла из дома, прошла по тропинке мимо домашних построек и добралась до сенной комнаты, что была рядом с конюшнями. Она знала, что там никого нет, потому что все слуги были в доме на ужине, на который Эйва не пошла.

Она лежала с закрытыми глазами на тюках с сеном, вдыхала приятный запах сухой травы и старалась прийти в себя — провела весь день в перешивке нарядов, но ей это нравилось. Приятная усталость.

Эйва вспомнила театр, когда надо было всё делать быстро, когда наряды должны были быть такими, чтобы передать характеры героев и при этом быть эффектными, яркими, чтобы выделять важных персонажей, или такими, чтобы скрывать массовку, но если в ней есть кто-то тайный, скрытый персонаж, то он должен быть незаметен зрителем до самого своего коронного появления и при этом в самом повествовании быть заметным. И Эйва умела это делать. Она умела создавать прекрасные наряды, её очень ценили — примы хотели, чтобы их обшивала только она, главный драматург обожал её идеи, а какие эскизы она рисовала...

Улыбнувшись теплу воспоминания горничная почувствовала, что не одна. Открыв глаза, уже кажется уже достаточно привычно столкнулась с внимательным и тяжёлым взглядом конюха — мужчина стоял в дверях и молча смотрел на Эйву.

— Просто тяжёлый день, я хотела побыть одна, чтобы собраться с мыслями, — сказала она ему.

Он лишь повёл головой, но взгляда от неё не отвёл.

— Знаешь, Рэндан, — она с трудом вспомнила его полное имя, потому что все называли коротким, — но это странно, вот так на меня смотреть — если ты хотел меня напугать, то у тебя получилось.

Хотя, нет, она вовсе не испугалась, но было интересно, что у него на это будет сказать. Мужчина нахмурился, хотел что-то сказать, но потом передумал кажется, а из-за него в сенник зашла пони, которая тут жила, старенькая и очень дружелюбная. Она прошла мимо Рэнда, подошла к Эйве, которая так и лежала на сене, изучила её, ткнувшись в плечо, начав жевать одежду и горничная уже приготовилась, что сейчас её укусят.

— Она хочет, чтобы ты её угостила, — возвестил конюх.

— Прости, милая, у меня ничего нет, — сказала Эйва, обращаясь к пони, та фыркнула, словно действительно поняла сказанное, и, потеряв к женщине интерес, стала жевать сено.

Эйва посмотрела на мужчину, который так и стоял в двери, не шевелясь.

— Только не говори, что ты тут спишь, а я твоё место заняла, — проговорила горничная, хмурясь и сдерживая пошленькую шуточку про четвероногую подружку.

Горничная всё пытаясь вытащить из него больше чем три-четыре слова. В ванной комнате у герцогов же сказал, а тут снова разучился.

— Нет, мы с Бэлтом спим в комнате, там в кладовых, — ответил конюх, потом цыкнул, обращаясь к пони, ещё раз и ещё. Та повела ушами, обернулась на него и, к невероятному удивлению Эйвы, вышла вон.

— То есть с людьми ты не умеешь говорить, а с лошадьми без проблем? — улыбнулась горничная.

— Я умею и с людьми говорить, — возразил конюх.

— Не знаю-не знаю. Я слышу от тебя преимущественно “хм”, “да”, “нет”, “доброе утро” — это максимум.

Он ухмыльнулся кривовато.

— Я поняла, — улыбнулась она, — с нами просто не о чем говорить, вот с лошадами — другое дело.

— Может и так, — согласился он.

Эйва рассмеялась, потом потянулась и встала.

— Прости, что вторглась в твои владения, — склонила она голову.

— Здесь нет ничего моего. Тут всё принадлежит герцогу, — возразил конюх и вот-вот, сказал-таки чуть больше четырёх слов.

Она снова усмехнулась, чем вызвала у него недоумение. Он кажется хотел спросить, почему она смеётся, но не спросил, потому что Эйва двинулась на выход и вот в очередной раз Рэндан застыл, не давая ей возможности выйти. И вот ведь — пони пропустил и сюда и обратно.

— Можно? — спросила она, глядя ему в глаза и приподнимая бровь.

— Да, — кивнул он, словно очнувшись от сна, неуклюже встал боком в дверном проёме.

И горничную никак не отпускало чувство, что он играет, что он совсем другой. Он не тугодум и не увалень — ведь смог он как-то успеть оградить её от удара дворецкого, когда тот замахнулся. Был быстрым и зубастым. И дело своё знал и руками работать умел. Почему-то казалось, что и говорить хорошо и складно он умеет, скорее всего и читать и писать. Но зачем тогда это представление?

Эйва прошла так, чтобы максимально сильно задеть Рэндана и глаза его полыхнули в отблеске освещения на внутреннем дворе, и нет это были не отблески удачно упавшего света — он играл и вот треснуло, она его задела.

— Эйва, ты чего такая? — спросила Янра, делившая с ней комнату, когда женщина вернулась с конюшни.

— Какая?

— Загадочная, — ответила служанка вдовствующей графини.

— Да нет, просто устала, но это такая радостная усталость, — сказала Эйва, ложась в постель.

— Радостно устала? — удивлённо переспросила Янра. — Вот ведь.

И они захихикали, устраиваясь поудобнее и желая друг другу спокойной ночи.

Неделя подходила к концу, а вестей из столицы всё не приходило. Это было странно и нервировало почти всех — и господ и слуг.

Хоть погода радовала — тепло и сухо.

Госпожа Лана стала надевать перешитые Эйвой юбки, наверх надевая рубашки своего супруга или его брата. Ниилла восторгалась герцогиней и та, действительно выглядела отлично — такая милая небрежность. Вот бы ещё характер такой был.

Эйва успешно перешила ещё пару нарядов, а потом ещё пару.

Но всё же Ланира приказала собираться в столицу, потому что “плевать, я хочу посмотреть своими глазами, что там происходит!”

Горничная вздохнула, изучая кладовую со всякими предметами быта. В данной комнате были стеллажи, на которых было почти всё для одежды и обуви — иглы, нитки, ткани, ремни, верёвки, порошки и пропитки, чистящие средства и так далее и тому подобное. Она потянулась за коробкой, стоящей на верхней полке, кончиками пальцев подцепила и приготовилась, что на неё сейчас провалиться всё, что на этой дурацкой полке стояло.

Эйва зажмурилась и сжалась, но вместо падающих на голову предметов её тело было прижато к стеллажу, а предметопад был остановлен. Открыв глаза, она увидела над собой ухмыляющееся лицо конюха.

И уж сколько было в этом его взгляде сейчас. Будь Эйва чуть послабее то дрогнула бы. Её сковало напряжением, которое исходило от него — он её хотел. И она точно знала это, а ещё знала, что кажется готова сказать да, потому что не было давно такого, не уничтожало волной сжигающего пожара, не тянуло до потери зачатков разума.

А ведь она умела держать себя в руках, всегда умела охлаждать голову и чувства, если было нужно. И сейчас было нужно, потому что ценила свою работу, держалась за это место. Ей было тут хорошо.

Эйва замерла, втягивая запах Рэндана, и отдаваясь низменному инстинкту, может на пару мгновений, на несколько вдохов и выдохов, но застывая в этом мгновении и получая удовольствие, разделяя его с кем-то, почти незнакомым, но так же чувствующим сейчас, как и она. И это порой намного более секретно и тягостно прекрасно, чем любая страстная близость.

И да, мгновение растаяло, она развернулась, улыбнулась, указала ему пальцем на коробку, которая ей была нужна и взяв её у него из рук, ловко выскользнула, оставляя его одного, и точно знала, что он сейчас, так же как она, отдался этому мгновению, вне зависимости от того, насколько был груб, суров и прост.

Глава 13 Ланира

Ланира хотела выть от тоски, что её окружала. Привычные, понятные и главное приятные вещи, сейчас были недоступны и это безумно её раздражало. Никаких прогулок по городу и парку, никаких встреч со знакомыми и друзьями, никаких любовных утех. Сейчас она бы уже и графа перестала крутить, да и даже сынку его сказала “да” — хоть какое-то действие, а не эта липкая и мерзкая скука.

Верон к ней не приходил, спал у себя. И его вообще всё устраивало, он даже счастлив был кажется в этом захолустье и уж конечно невероятно был рад, что свадьбу отложили.

Иан всё ещё злился на Ланиру, сходил с ума из-за сестры и возился со своей сироткой.

Шэйли... Как же эта девица выводила герцогиню из себя — удавить хотелось, а потом себя.

Да ещё дядька со своими — надо вернуть жрицу в храм!

“Как, твою ж, чтобы тебя низшие утащили, урод, как это сделать?”

Но проклятие богини-матушки было делом страшным и Лана, хоть и не была особо верующей, знала, что проклятие работает хорошо, собственно как и благословение. А ей благословение было необходимо.

Герцогиня хотела ребёнка, хотела. Из конечно перекошенной, но всё же щепетильности, из чувства собственной значимости, она не могла себе позволить не утереть нос всем этим тварям, которые смотрели на неё с презрением и задрав головы воротили от неё нос, за её спиной, а в лицо лебезили.

И да, она была в высшей степени удовлетворена тем, что как бы Верон не относился к ней, но позволял ей чувствовать, что именно её рука держала всех этих мерзких напыщенных ублюдков за яйца, и она могла только одним словом сделать так, что Верон их изведёт и глазом не моргнёт. Кажется ему самому нравилась это — извращённая жестокая мстительность.

И кажется это была ещё одна причина для того, чтобы отчаянно желать выполнить свой супружеский долг и подарить супругу наследника. И сделать для этого всё возможное.

— Эйва? — спросила Лана, когда служанка помогала ей одеваться.

— Да, ваша светлость?

— А что происходит со жрицами Йетри, теми, которых возвращают в храм?

Горничная хмыкнула:

— Вы имеете ввиду, когда они выходят из храма в мирскую жизнь? В служение людям или в брак?

— Да, — кивнула герцогиня. — Когда они не выполняют свои обязанности, когда в них разочаровываются, их ведь возвращают в храм?

— Всё верно, госпожа, — подтвердила слова хозяйки служанка. — Их возвращают и там они несут вечный аддыхан.

— Вечный? — переспросила Лана, не понимая, как это так — вечно молиться получается нужно?

— Да, ваша светлость, вечный, — и Эйва повела головой, нахмурилась слегка. — Их запирают в комнатах храма, одних, они получают самую скупую еду: вода и грубый хлеб...

— Запирают? Они не выходят из своих комнат? — переспросила герцогиня.

— Да. И с ними запрещено говорить. Они всё время проводят в единении и молитве.

— Подожди, это как тюрьма, получается? — Ланира была действительно удивлена, для неё было очевидно, что служанка что-то путает. — Они получают, как заключённые, а не как жрицы?

— Они должны искупить вину за то, что подвели богиню-матушку.

— И долго можно прожить так? Это же какая-то пытка...

— Никто не знает, госпожа, сколько они живут, — ответила Эйва. — Об этом не говорят за пределами храмов, а из мира их никто не видит после того как их возвращают.

— Постой, — и это было так странно, так неприятно. — Может ты ошибаешься?

— Увы, — взгляд горничной был полон сожаления. — Я точно знаю об этом.

— Я думала, что их просто возвращают, — пробормотала Ланира скорее себе, чем служанке. — Что они просто живут в храме, больше не могут оттуда уйти, но что их закрывают в комнатах и... и морят голодом? И они только и делают, что молятся? Это ужасно...

За завтраком она смотрела на Шэйли и с одной стороны в герцогине было это

непреодолимое желание избавиться от девицы, тем более, что за это возможно получить благословение и забеременеть, но с другой — такая участь. И дело было даже не в том, что Ланира судила по себе, дело было в том, что внутри было отвращение к её дядьке, отвращение к этой вот воле какой-то там богини — почему нельзя просто жить в своём удовольствии и не думать об этом всём?

В тот день она столкнулась с Ианом на лестнице и точно зная, что никого на втором этаже нет, вцепилась в него, обнимая со спины. Это было скорее отчаянной попыткой сделать всё как было раньше, чем стремление к низменному и плотскому удовлетворению своего голода.

В Иане Ланира находила такую порой, как воздух необходимую поддержку. Он был держателем её секретов, знал о ней намного больше, чем кто бы то ни было, хотя Верон тоже знал, но не так интимно, как Иан, а главное младший Шелран никогда не осуждал её за прошлое.

— Лана, — рыкнул он, пытаясь скинуть её руки.

— Пожалуйста, Иан, — уткнулась она ему в спину. — Ну прости меня, я тебя прошу. Перестань, это же невыносимо. Ну, что ты хочешь, что мне сделать? Иан, мне так плохо без тебя...

— Лана, — он сжал её запястья так сильно, что она всхлипнула от боли, но отпускать его была не намерена.

— Нет, не пушу, — с трудом, но упрямством, прошептала она в него. — Хоть руки ломай.

— Прекрати истерику, — и конечно он смог расцепить её руки и уйти, оставив одну.

Несколько дней она, не в силах оставаться в доме, уходила в поля.

Ниилла её утомляла, Иан возился со своей убогонькой супругой, гулял или выезжал на неспешные конные прогулки, но чаще уезжал один. Верон оставался в доме с хозяйкой — не обращая на супругу никакого внимания, он светился заботой и участием по отношению к помещенной сестрице.

Мучаясь хандрой и не находя поддержки и развлечений, Ланира вспомнила, что умеет рисовать. Нашла в доме всё, что нужно, попросила экономку купить в городе краски, и теперь после завтрака отправлялась на природу, пытаться унять себя.

Стоя где-то в поле, лицом к горам, с целеустремлением безумца кропотливо переносила увиденное на холст. Когда она училась живописи, была лучшей ученицей, именно потому что всё всегда делала на отлично, она просто не могла позволить себе делать хуже, или не достаточно хорошо — Ланира зависела от похвалы так же как новорожденный от грудного молока.

Пейзаж был уныл и скуп на краски, но в этом как раз герцогиня видела что-то такое, особенное, словно проведение — вот она и этот пейзаж и всё такое... никакое!

А ещё было прекрасно, что тут не было ни души, поэтому не нужно было объяснять какого низшего она не берёт с собой сопровождающего, потому как только ненужной обузы ей не хватало, в виде Юллин, например.

В один из этих дней на завтрак появился глава городского совета.

— Простите, ваша светлость, — оправдывался тучный, лысеющий мужчина, смущённо оглядываясь по сторонам. — Я не хотел вас отвлекать, просто лошадь захромала, поэтому я не успел к вам до завтрака.

— Ничего господин Фэдан, — повёл головой герцог и предложил гостю сесть за стол. К

невероятному удовольствию Ланиры её место заняла Ниила, а герцогине пришлось сесть напротив Иана.

— И всё же, завтрак... так неловко получилось, — он снова склонил голову, извиняясь.

— Конюх займётся вашей лошастью, — успокоил его Верон. — Что вы хотели?

— Несколько дел, но я не знаю, стоит ли обсуждать их за трапезой, да и дамам может быть не очень интересно, — стал скромничать господин Фэдан. — Это касается починки моста, некоторых проблем в городе и просьбы отпустить вашего конюха к нам, в Хиит, на денёк.

— Мост и проблемы обсудим после, — согласился супруг Ланы. — А что с конюхом?

— Тот, что работал у вас, ведь после болезни слаб стал настолько, что не может больше работу свою выполнять полноценно. Делает, конечно, но в помощи нуждается иногда, — начал глава городского совета. — И вот Рэнд ваш, как оказалось, очень хорош. И нам очень помогал. Мы зимой сначала к вам сюда ходили.

— О, да, очень хороший, — воскликнула Ниила, сидящая напротив гостя. — Ходили много, бедные, мёрзли.

— Да, потом госпожа, — и он кивнул на вдовствующую графиню, — разрешила ему в город приходить раз в какой-то промежуток времени. И вот сейчас, я понимаю, что это накладно, но...

— Ничего, — ответил герцог. — Я спрошу у Рэндана. На днях полагаю он сможет прийти.

— Спасибо вам, ваша светлость.

Пока они вели эту скучную и неинтересную беседу Ланира перешла в наступление на Иана. Она часто так делала, особенно, когда они завтракали или обедали наедине, без Верона, но и при нём она иногда щекотала нервы, себе и Иану. Герцогиня вытащила ногу из туфли и дотянулась кончиками пальцев до ноги Иана.

Он отреагировал лишь подняв на неё тяжёлый взгляд, полный суровости, но сделать понятно ничего не мог, поэтому пришлось терпеть. Стол здесь был более узким, чем дома, поэтому ступня её легка на колено младшего Шелрана. Он сглотнул, повёл ногой, но Ланира не отстала и потому была удостоена ещё одного уничтожающего взгляда.

Ну и пусть — хоть какое веселье. А если Верон заметит, то вполне возможно разозлиться настолько, что решит уже наконец оказать ей внимание, без которого она вся уже извелась.

Но, к невероятному разочарованию Ланиры, Иан встал из-за стола:

— Простите меня, но мне надо в город, а потом я хотел исследовать дорогу в горы на предмет возможности погулять. Хочу успеть вернуться к обеду.

Верон нахмурился, но ничего не сказал.

— Аккуратнее, господин Шелран, — отозвался гость. — В лесу видели медведя.

— Правда? Спасибо, господин Фэдан, я учту, — и к ярости Ланиры, Иан вышел из столовой, а проходя мимо своей обожаемой Шэйли, пожал её плечо и поцеловал руку.

После завтрака, с трудом дождавшись его завершения, она злая и раздосадованная ушла со своим художественным ящиком и пледом в луга.

Было отчаянное желание быть сожранной медведем и стало интересно — будет ли хоть кто-то по ней скучать. Она дошла до луга, на котором обычно рисовала, плюхнулась в траву и заревела. Осознание, что никому не нужна, было таким острым и болезненным, что сдержать слёзы по себе самой стало невозможно.

Она ничего не нарисовала, поплавав, лёжа в траве, как это всегда и бывало, успокоила себя.

Низшие со всеми ними, Лана докажет, что способна забеременеть, докажет, что способна родить, и она может всех их уничтожить. Да!

Герцогиня взяла себя в руки и встала, решив пойти домой, взять своего супруга за шкуру, притащить в спальню и довести, разозлить, соблазнить, чтобы сделал её счастливой и удовлетворённой.

Отряхнув юбку, Ланира выпрямилась и встретила взглядами с Ианом. Он верхом был на дороге, в сотне шагов от неё. Девушка видела его жуткий, болезненно горящий яростью взгляд — она перешла черту сегодня за завтраком. Но пусть её нихры разорвут на части — Лана не жалела.

Иан направил коня к ней, сначала она просто стояла, потом припустила бежать в сторону реки. Проклятая юбка путалась в ногах, да ещё плед на плечах, и ящик, который ей почему-то не приходило в голову бросить.

Где-то за её спиной Иан спрыгнул с коня и нагнал её уже пеший. Он больно схватил её за талию, Лана всё же бросила ящик, кажется надеясь попасть им в младшего Шелрана, но конечно сделать это не получилось.

Он прижал её лицом к земле, больно заломив руки, потом задрал юбки, с силой раздвинул ноги. Иан был зол, но Ланира захлёбывалась от желания, потому что её он не пугал, этим её он не мог наказать, а вот тем, что не трогал столько времени, игнорировал и был холоден... значит проняла во время завтрака, значит смогла навязать своё желание!

И ей было плевать, насколько грубо он сейчас брал её, молча, с яростью, сминая почти звериным необузданным желанием. В ней играл триумф победителя и она взвыла, достигая вершины наслаждения, ощущая биение и обжигающее бешенство.

— Чтоб тебя, Ланира, — прохрипел в неё Иан. — Какая же ты дрянь!

— Ты не лучше, — ответила она, пытаясь прийти в себя.

Он растянулся возле неё в траве, лежал на спине с закрытыми глазами, почти приведя дыхание в норму.

— Мне было плохо без тебя, — прошептала она ему в плечо.

— Да, бедняжка Ланира — герцогиню никто не трахает и она весьма расстроена этим фактом, — зло ухмыльнулся Иан.

— Пошёл ты, — отозвалась девушка.

— Ты так рассчитывала на столицу, — продолжил он, не реагируя на её ругань, — а оказалась в деревенском захолустье.

— Я не хотела в столицу без тебя.

— Неужели? Что так?

— Почему ты не имел близость со мной, когда я была с Гаяном? — спросила она внезапно, и да, она думала об этом, а из-за свадьбы второго наследника мысль эта стала навязчивой.

— Потому что ты принадлежала ему, — спокойно ответил Иан. Но Лана знала, что он не любил об этом вспоминать. — Но один раз было.

— Правда? — она нахмурилась.

— Ты не помнишь? Впрочем ты была пьяна, Гаян попросил, а я сделал, — Иан открыл глаза и повернул голову, чтобы видеть её. — Он хотел посмотреть.

Лана горько усмехнулась.

— Думаю, что мне слишком понравилось, чтобы он позволил тебе поиметь меня ещё раз, — отозвалась она.

Сколько всего такого творил принц, а эти его странные желания, которые все они, его приближённый круг, исполнял беспрекословно и часто отдаваясь процессу без оглядки на приличия и нравственность. Вот бы все эти священнослужители облезли, узнав об этом.

— Что? — ухмыльнулся Иан, заглядывая её в лицо с деланным осуждением. — Ланира, ай-яй, такие слова и мысли, у леди в голове, и уж тем более герцогини. Что скажут в обществе? — и он рассмеялся.

— Дурак, — она развернулась и легла на спину. — И я не леди.

— Горюешь, что он не сделал тебя принцессой? Или что не увидела его высочество холостым в последний раз? Не переживай, свадьбу отложили, а не отменили. Так что сможешь ещё порадовать его подарком.

— Иди к низшим, Иан.

— Ревнуешь? Расстроена? Только не говори, что любила его, — усмехнулся Шелран.

Лана села, чтобы скрыть от него подступившие к глазам слёзы. Иан её уколол, задел за больное. Она любила Гаяна. Как дура последняя любила, и готова была на всё. И ни в чём не отказывала, была распутной и грязной, потому что он хотел, творила совершенно неприемлемые вещи, закрывала глаза на такое, что и подумать страшно.

И она кажется понимала про какой случай только что сказал Иан — она тогда была очень пьяна, они все были пьяны. Она смутно помнила, как была с кем-то, думала, что с Гаяном, но он был по другую от неё сторону, возле её головы. Он целовал её, шептал что-то... тогда она решила, что просто от опьянения всё перепуталось. Но на деле, она просто боялась признаться себе, что принц всё-таки подложил её под кого-то из своих друзей. А ведь она так горделиво говорила себе, что Гаян её оберегает и ни с кем не делиться, как было с другими его любовницами — говорила себе, что особенная.

Тогда она заменила воспоминания, а сейчас стало так хорошо, что это был Иан. Хорошо, что он, и безумно больно, что ею всё же поделились.

— Ланира? Эй, — младший Шелран сел, а она отвернулась.

Иан усмехнулся.

— Что? По-твоему у меня нет сердца? — не выдержала она, зашипела от досады. — Я не могу любить? Да, я любила его, любила! И нет, я не ревную, я просто не хочу видеть его, не с другой, Иан, просто видеть-его-не-хочу!..

И она подтянула к себе и обняла ноги, заплакала, уткнувшись в колени.

— Неплохо вышло, — сказал Шелран и она вскинула голову, не понимая о чём он. Но Иан говорил про её рисунок — ящик упал, краски вывалились, собственно как и холст с рисунком.

Ланира криво ухмыльнулась сквозь слёзы.

— Мрачновато только, — резюмировал он.

— Так что вижу, то и рисую, — ответила герцогиня и кивнула головой вперёд, указывая на пейзаж перед ними.

— Скоро расцветёт, — заметил Шелран.

— Тогда и исправлю, если доживу. Мне кажется повешусь от тоски раньше.

Иан улыбнулся, положил ей руку на шею, погладил мягко пальцами. Она подалась навстречу ласке, снова чувствуя тяжесть желания.

— Мало? — спросил он, подтянув к себе.

— Да.

— Хочешь ещё? — его шёпот обжёг.

— Да.

И он поцеловал её, ложась на спину и утягивая за собой. Ланира счастливо прижалась к нему, отдаваясь поцелую сильнее, глубже.

— Это моя сорочка? — спросил он, отрываясь от губ и спускаясь ниже.

— Да, я её стащила, — ответила Лана, тая от наслаждения.

— А Верон знает, что ты ходишь в моей сорочке?

— Я и в его хожу, у него я тоже стащила, — улыбнулась она и переняла ведущую роль на себя. Расстегнула рубашку на Иане, стала целовать шею, спускаясь на грудь, потом подтянула юбки, чтобы было удобнее сесть сверху.

— Развлекайся, Ланира, — прохрипел он отдаваясь её действиям. — Ни в чём себе не отказывай, ваша светлость.

И она отдалась этому процессу, потому что так извелась. Нет, она делала себе приятно сама, но ей безумно не хватало сильных мужских рук на теле, сжимающих бедра, или вот этого ощущения плоти внутри, до хрипа торжества, когда едины и лучше, когда злы.

Но и сейчас, когда он успокоил себя, когда уже дал ей то, что она хотела, а сейчас просто отпустил ситуацию — Ланира получала ни с чем несравнимое удовольствие, делая так, как хотелось.

— Что, Верон совсем забросил тебя? — усмехнулся Иан, вставая и приводя одежду в порядок.

— Ему здесь нравится, он в восторге, — фыркнула она. — У меня даже разозлить его не получается. Такой благостно спокойный, что выворачивает.

Младший Шелран рассмеялся и подал ей руку, чтобы она встала.

— Терпи, дорогая.

— Они с твоей Шэйли там прям идеально устроились. У них свои игры, как думаешь? — поинтересовалась она, игриво и тут же её шея была с силой сжата его рукой. На хватанула воздух, Иан тряхнул её и посмотрел в глаза с гневом.

— Не смей, Ланира, — прорычал младший Шелран ей в лицо.

— Прости, Иан, прости, — прошептала Ланира, задыхаясь.

Он отпустил, а она с ужасом поняла, что он сейчас может снова стать далёким, недостижимым и безразличным. Герцогиня схватила брата супруга за рукав.

— Иан, пожалуйста, я не хотела... Иан...

Он выдернул руку, сел на коня, и, не взглянув в сторону Ланы, ускакал в сторону дома.

Проклятая девка! Шэйли так сильно сидела в нём, что даже заикнуться о ней было нельзя. Надо от неё избавиться, как и просил дядя — плевать, что храм похоронит её заживо в комнатухе, где может даже кровати нет... Ланире было всё равно!

Интерлюдия — Инквизитор

Создай.

Переделай.

Раздели.

Изучи.

Уничтожь.

Нет ничего, что ты не смог бы сделать. Твоя обязанность соблюсти равновесие. Цена не имеет значения. Ничто не имеет значения. Истина внутри тебя. Чувства пустое. Их жизнь

ничто.

Всё должно стремиться к идеалу. В этом твоя суть. Так было вечность.

Стремление к идеальному, стремление к правильному. Сила в холодном разуме. Сила в знаниях подобных тебе.

Пока ты не осознал иное. Пока внутри не разрослось то, чего ты не искал. Чувство, от которого бежал.

Ты разобрал её, их всех. Ты хотел покоя. Но видя бесконечные копии, пустые и идеальные, ты их не хотел. Ты хотел её. Её неидеальная душа была идеальна.

Твоё стремление стало пороком. Ты потерял себя и свою сущность.

Тебя больше нет.

Глава 14 Иан

Иан не хотел вестись на провокации Ланы, но она выкручивала его, заземляла. А иногда он терял себя и только она была той, за кого можно было держаться и возвращаться назад. Прошлого не зачеркнуть, от него не отмахаться и славный малый Иан был славным в очень извращённом понимании этого выражения тоже.

Его дружба со вторым наследником была крепкой, а времяпрепровождение чем-то сродни пира во время чумы. Всё летело к низшим богам, всё превращалось в прах, рассыпалось на глазах.

Иан прошёл две войны. Первую рядом с братом, вторую рядом со вторым наследником. Иан спас Гаяну жизнь, так и оказался внутри полного похоти и разврата отчаянного разгула, которому придавался принц.

Второй наследник был красив, был старше Иана на несколько лет, порок сидел в нём так глубоко, что не вытравить ничем. Младший Шелран порой сам себе удивлялся, как не утонул в этом море выпивки и блуда. Он был к принцу ближе всего и казалось увяз так, что выбраться никак нельзя.

Но он выбрался, вступив в союз с Шэйли — не свободный, он уже не мог быть при Гаяне. Тот с сожалением принял весть о потере своего верного друга и кажется любимого партнёра, но в знак расположения устроил Иана на службу в королевскую охрану к первому наследнику. Отказать младший Шелран не мог, потому принял назначение и старался изо всех сил быть достойным его — мысль, что кто-то скажет о блате, по которому он получил своё место, его раздражала.

Но Ланира тащила его назад, точнее она сама была сметена водоворотом пучины распутства, испорчена им до основания. Иан знал, что Лана и до романа с принцем целомудрием не отличалась. Но одно дело, когда тебя обжимали по углам мальчишки-аристократы, ищущие приключений и получающие по голове от папаш за неосторожность быть застуканными, да и папаша в итоге тоже лезли с нежностями и вниманием, а другое окунуться в мир сладострастия без каких-либо ограничений.

Гаян сломал её, а потом струсил вступить с ней в союз. Иан знал, что принц тоже любил Лану. Она была его слабостью. Нежно красивая, как высшая богиня, светлая и такая чистая внешне, внутри она была безумно страстной, горячей и сравниться с ней могли разве что падшие боги. И Гаяну это нравилось. Ему нравилось видеть одно, а получать другое. И он строил её под себя, учил тому, чему нельзя учить приличных глупых наивных очаровашек, которых мамочки держат у своих юбок, а потом отдают по союзу, в котором они будут тупо покорными и чаще всего безумно несчастными.

Любовницы принцы — актрисы, сияющие на сцене; развратные вдовушки, тихони до, а

после словно портовые шлюхи, не понимающие отчего он выставил их вон из своей спальни; дочери разорённых родов, которых родители подкладывали под него, в надежде обрести назад своё благосостояние. И Ланира была из последних, с той только разницей, что в ней не было ни капли знатной крови. Но всё это ни имело никакого значения с ней — Гаян сходил по Ланире с ума.

Да, Иан много раз видел, как второй наследник развлекался, уговаривая своих любовниц на групповые оргии, в которых те терялись, а потом приходили в восторг, переходя черту, откуда уже сложно будет вернуться. Это всегда было последним действием перед концом их романа с принцем — этим он давал себе повод разорвать привязанность, этим делал гарантию, что они будут молчать о том, что с ними было, а главное молчать о самом романе с принцем.

Но Ланирой Гаян не делился, он берёт её. Иан видел, как много раз решался на то, чтобы отказаться от неё, но потом смотрел, как тот же Шелран целует её, как руки его ласкают её тело и у второго наследника сдавали нервы. Тот случай, когда Лана была с Ианом, был только раз и только потому, что отношения принца и младшего Шелрана были очень тесными и близкими. Она единственная, кто не попал на это "последнее действие пьесы", единственная кого Гаян не отдал своим друзьям.

Он просто оставил её, и ей было отчаянно больно, но она даже не представляла, насколько в этом расставании было горечи и, несмотря ни на что, трепетной заботы и любви.

Связь с ней для Иана была чем-то слишком личным, такое нельзя разорвать. Он не чувствовал вины, не было стыда перед братом. До брака с Шэйли Иан не отказывал Лане в её потребностях, тем более знал, что Верону она не нужна. Но после брака он стал менее активным, он стал намеренно избегать супругу брата, зная все её уловки и предугадывая моменты, когда она могла бы прижать его, а он не смог бы ей отказать.

Иан любил Шэйли, он старался уберечь её, оградить от той грязи, в которой вывалился весь с ног до головы. Она была слишком чиста для этого болота гнили и мерзости. Когда был с ней впервые так волновался, что чуть ли не задыхался от тревоги и осознания, что он у неё первый, что должен сделать всё как надо, чтобы ей было хорошо.

А связь с Ланой была как язва — то проходила, то снова начинала зудеть. И он расчёсывал до крови и, как это бывает, получал нескрываемое удовольствие. Потом прижимал стыд, особенно когда смотрел на Шэйли, но всё равно не мог остановиться.

Иан вернулся в дом после поля, где прижал Ланиру. Слова её вцепились в него мёртвой хваткой.

Ревновал ли Иан к Верону? Ревновал. При чём сильно.

Всегда считал, что брат лучше чем он. Не мог избавиться от неуверенности в том, что, несмотря на отвратительный характер, жёсткий и суровый, сухой, до отвращения расчётливый, Верон тем не менее не вывалился в гнилье, как сам Иан.

Старший брат не падал нравственно, как младший. А ещё был честным, дела вёл открыто, хотя конечно были те, кого он уничтожил всего лишь из-за прихоти Ланиры, точнее защищая её "честь", если так можно было об этом вообще сказать. Нельзя было отрицать, что война сильно повлияла на Верона, сломала не только его тело, но и его душу, и Иан чувствовал себя виноватым за это. Однако, признавался себе, что был в некоторой степени до отвращения к самому себе рад — Шэйли боялась старшего Шелрана панически и избегала его как могла.

Сегодня Верон был занят с главой городского совета, а Нииллой занималась Шэйли. Они сидели в зимнем саду — старшая сестра Иана вышивала, а Шэйли читала. Взвинченный словами Ланы, Иан почувствовал облегчение от созерцания этой картины и в итоге пробыл с ними в саду до момента возвращения супруги Верона и зова хозяев к обеду.

Вестей о свадьбе не было. Это нервировало. При чём всех. Они словно ждали, что наконец будут двигаться в каком-то необходимом направлении, но ничего не происходило.

Лана была особенно взвинчена, ей наскучила деревня, она хотела в город, хотела вернуть привычный ход вещей. Иан тоже хотел, чтобы они с Вероном уехали, потому что раздражали, потому что Ланира сходила с ума, сводила с ума его. Ну и конечно она нервировала Шэйли и Нию.

Неделя прошла, пошла вторая, наряды герцогини застряли где-то по пути в Хиит, известий о свадьбе или здоровье священнослужителя не приходило. Раздражение Ланы росло, шипение стало нормой разговора и даже Иану на их "прогулках" не удавалось её унять настолько, чтобы она хотя бы перестала устраивать показательные скандалы.

— Я хочу в Ласцу или в столицу, — заявила Лана за обедом.

— Уймись, мы не отправимся в столицу пока не будет резон для этого, — ответил Верон, державшийся лучше всех остальных.

— Мне плевать, — взвизгнула она. — Я не вынесу здесь ни мгновения больше.

— Ланира, — повёл головой старший Шелран.

— Нет, или ты едешь со мной или я отправляюсь одна!

Верон приподнял бровь, посмотрел на неё и вздохнул с нескрываемой иронией. И конечно это вызвало бурю — она швырнула ложку, встала из-за стола и вышла вон из комнаты. И как оказалось из дома — по копытному стуку о гравий перед домом стало понятно, что герцогиня взяла лошадь и действительно ускакала.

— Верон? — Иан уставился на брата.

— Иан? — брат посмотрел в ответ.

— Ты не собираешься... — младший Шелран нахмурился. — Её надо вернуть.

— Нет, не собираюсь, — отозвался Верон и вернулся к трапезе.

— Ты шутишь? — и уж какой бы не была Ланира, но подобное было недопустимо и откровенно опасно.

— Похоже, что я шучу?

— Верон! Её надо вернуть!

— Тебе надо, ты и возвращай, — отрезал Верон и стало понятно, что ничего он делать с этим не будет.

Иан выругался, встал и вышел.

Он потерял время седлая коня — конюх был в городе, пошёл туда по просьбе главы, а второй мужик, что был с ним, помогал на конюшне, в доме, делал работу садовника и заодно ухаживал за Нииллой, чем Иана страшно раздражал, по просьбе его сестры отправился в город, чтобы что-то там для неё забрать. Конечно сестра забыла, что в город отправился конюх, и можно было бы попросить его сделать то, что ей нужно. Но толку её ругать или просить согласовывать подобные вещи? Она была сама в себе и исправить это было невозможно, приходилось смириться и надеяться на благоразумие окружающих.

Несмотря на то, что Ланира забрала коня Иана, одного из самых быстрых на конюшне, и была очень хорошей всадницей, а ему пришлось взять быстрого, но норовистого, непредсказуемого — тем не менее он смог её догнать до того, как она добралась до города.

— Лана, чтоб тебе, — прорычал он, останавливая её.

— Нет, не собираюсь возвращаться, — прокричала она.

— Ну, мне-то истерику не закатывай, — мотнул головой Иан. — А Верону плевать. Перестань, Лана.

— Нет, нет, — она была такая растрёпанная из-за скачки, взвинченная, — хватит с меня! Мне надоело, я тут скоро с ума сойду.

— Давай сходим в лавку, купим чего-нибудь, зайдём в Литон, выпьем там и поедем назад, — предложил он, потому что вполне возможно в гостиницу уже кто-то добрался из знати, да и может ехали в столицу на свадьбу, но тоже остались здесь, когда узнали, что свадьбу отложили.

Ланира повела головой.

— Сначала хочу знать, что с проклятым мостом и где мои вещи, — заупрямилась она.

— Хорошо, — согласился Иан и так было намного лучше.

Они поехали тихим шагом, младший Шелран настороженно глянул на тучи, что надвигались из-за гор. Дождь был бы совсем некстати.

В Хиите они встретили Эйву, которая сегодня получила выходной день и была в городе, чтобы купить что-то себе в местных магазинчиках. Видели, как их конюх помогал здешнему, который раньше был при поместье. И встретили Бэлта, который тоже узнавал про мост.

Мостов было два — один городской, второй ведущий в дом Шелранов. И, если когда они приехали, плох был только один из мостов, тот, что вёл к ним и его подмыла горная речушка, то сейчас и городской мост стал выглядеть не лучше.

— Если его растащит, то нас тут отрежет от остального мира, — недовольно сказала Ланира, когда они изучали мост.

— Восстановят, — отозвался Иан. — Именно с этим глава и приходил.

— Денег просил?

— Конечно. Поедем в Литон?

— Поедем, — кивнула она, уже кажется совсем успокоившись.

Когда зашли в гостиницу, громыхнуло и дождь-таки добрался до Хиита, при чём раньше, чем рассчитывал Иан. Смысла спешить не было — они остались ждать, когда дождь пройдёт, но в итоге стихия зарядила на всю ночь.

Где-то в стороне от гостиницы, ближе к поместью, раздался страшный гул и Иан постарался успокоить себя, что просто дерево где-то в полях повалило.

— Нам придётся остаться здесь, — он вернулся к Лане, после того, как устроил коней, оплатив постой в конюшне при гостинице.

— В одной комнате? — игриво спросила герцогиня.

— Не мечтай, — ответил Иан, но понятное дело точно знал, что даже если она будет его соседкой, ночьку она ему устроит очень весёлую.

Глава 15 Верон

Верон был взвинчен. Делал вид, что всё хорошо, но внутри сражался с собой почти постоянно. Его раздирали противоречия и тянуло сомнениями.

После этого разговора с Шэйли на балконе, он всё больше утопал в мыслях о прошлом, сожалениях, тяжести от осознания, что тянуло к девушке невыносимо. Отчаянно от избегал её, всеми возможными силами, благо Иан старался посвятить супруге как можно больше времени.

Однако, если не думал о Шэллине, то мысли занимала старшая сестра. Сейчас, к благу,

навалились местные дела и герцог отдался им, потому что появилось хоть какое-то занятие, а не просто сидеть с сестрой, наблюдая за ней. Потому как общаясь с Нией, он ежеминутно думал о том, мог ли он что-то изменить, мог ли предотвратить случившееся.

Верон был виноват, что не придавал значения подозрениям Иана, который неустанно твердил, что сестра в опасности рядом с супругом, который вернулся с войны совсем не тем, кем был раньше. Но старший Шелран считал, что все они вернулись калеками, судил по себе, и сам-то справился, а граф Сэнори нет. Ещё думал, что Иан просто ревнует — он всегда как никто другой чувствовал сестру и любил её без меры. Ну и наконец Верон слишком поверхностно смотрел на младшего брата, считал его легкомысленным и не способным решать важные вопросы, быть причастным к семейным делам, да просто не доверял. И поплатился. Очень жестокую цену заплатил. Никогда себе этого не простит.

Ниилла была всегда такой очаровательной и жизнерадостной. Она умела восторгаться и не унывать даже в самые сложные моменты. И вот это теперь её порок — она стала ребенком навсегда. До конца своих дней будет такой — улыбчивой, неунывающей и расстраивающейся до нервного срыва из-за самой незначительной мелочи.

Верон весьма внимательно наблюдал за Бэлтом и тем, как слуга общается с Нией. Убеждение, что мужчина действительно хорошо воспитан и скорее всего знатный, только укоренялось. Уточнять как так вышло, что теперь занимается самой простой работой обычного слуги, желания не было. Однако было видно, что к сестре Шелранов относиться с невероятным трепетом, обращается с ней очень аккуратно, проявляет тёплую заботу и участие, и скверных намерений не имеет.

Тем не менее Верон старался укладывать её на сон самостоятельно, хотя порой Ниилла упрямылась и просто-таки требовала присутствие слуги. Герцог соглашался, с неохотой, но спорить с ней было себе дороже. Всем дороже.

Он всё никак не мог понять, что делать с двумя мужчинами. Думал, что решит, когда будет в столице, чтобы быть подальше от самой ситуации, потому что обычно принимал решения на холодную голову, отстранённо.

— Верон, надо разобраться с этими мужиками, — выдала как-то Ланира, нежась в ванне.

— Кран ты сама можешь починить? — поинтересовался он, умываясь перед сном.

— Перестань, они же жуткие! Этот, как его, — она кивнула на кран, — похож на каторжника, душегуба. И словно немой. А второй очень странный. Верон, ну правда! И это его отношение к твоей сестре... не знаю — это ведь неприлично, в конце концов!

— Ты говоришь мне о приличиях? — усмехнулся герцог, глядя на неё через зеркало.

— Ох, хватит! Он спит с ней в одной комнате!

— Пока она не уснёт.

— Это он так делает пока мы здесь, а обычно может что другое! — не унималась она.

— Не зря говорят, что люди оценивают других по себе, — Верон развернулся к Лане. — Надеюсь Иан удовлетворяет твои потребности. И вероятно особенно усердно, когда я отворачиваюсь?

— Ненавижу тебя, — прошипела она.

— Неужели? — он склонил голову на бок и сложил руки на груди. — Так избавься от меня.

Ланира зыркнула на него, нахмурилась.

— Что упроще, — пояснил он, — особенно здесь. Затащи меня в горы на прогулку,

потом избавься от меня, скинув с тропы. Можешь заблудиться для убедительности, сейчас не холодно, ночь удастся спокойно переждать в горах. Иан найдёт тебя, ты скажешь в истерике, что я упал. Тебе поверят — ты такая хорошая актриса!

— Верон, ты с ума сошёл?

— Можешь рассчитывать на определённые выплаты, у тебя счёт в банке — уже намного больше, чем твоё приданое. Или, скорее всего так и будет, Иан оставит тебя при себе. Разве плохо? Вдовствующая герцогиня Шелран.

— Прекрати, — прошептала Лана со злостью.

— Правда есть вариант, что он запрёт тебя здесь, с вдовствующей графиней Сэнори, — и Верон развёл руками.

— Ты ужасен, — проговорила она и Верон так и не понял, были ли у неё слёзы в глазах или это из-за пара в ванне. — Ты самый ужасный человек, которого я знаю.

— Неужели, — фыркнул он и оттолкнулся, чтобы пойти к себе, — ты уверена в этом, Лана, дорогая?

Она что-то пробормотала гневно, замахнувшись в него мылом.

— Спокойной ночи, герцогиня, — отозвался на это герцог и вышел, закрыв за собой дверь.

Сегодня, когда она уехала, Верон понимал, что провоцирует его, но он на провокации уже давно не поддавался. А вот Иан поддался. И, стоя перед заливаемым проливным дождём окном, Верон внутренне ругался от отчаяния, потому что "чтоб тебе, Лана, чтоб тебе, Иан!"

— С ними всё будет хорошо? — спросила Шэйли глядя в окно, скромно стоя возле двери гостиной. Герцог даже не заметил, как она зашла. Ужинать они не стали.

— Не переживай, в городе есть гостиница. Летом в ней бывает полно знати, но сейчас там пусто, так что думаю Иан и Ланира там.

И конечно Верон был уверен, что милая девочка даже не думает о том, чем это их приключение обернётся. Каждый судит по себе. А ей было такое невдомёк — он глянул на неё и внутри всё снова взвыло.

Тяга к ней была чудовищной, и благо он такой жуткий, что она просто не подойдёт к нему, ближе чем на десять шагов. А ему будет достаточно их, чтобы остановить себя, этих десяти шагов, будет довольно, для отрезвления.

Оказалось, что из целой толпы домашнего народа, что по странному стечению обстоятельств ушли сегодня в город, оттуда вернулись только Эйва и Рэндан. Оба они промокли, потому что дождь застал их по дороге назад, но приняли верное решение дождь не пережидать.

Ния была опечалена отсутствием Бэлта, раздосадована тем, что не вернулись брат и Ланира, но Верону, с помощью Эйвы и Янры удалось успокоить сестру, она легла спать, выпив свои капли. И он надеялся, что так и будет спать, что гроза не побеспокоит её.

Верон ушёл к себе, но всё никак не мог уснуть, мысли расслаивали его сознание, но тут громыхнуло и крики сестры, последовавшие за этим громыханием, выдернули его в реальность.

В комнате Нии он нашёл совершенно ошарашенную Шэйли. Сестра держала девушку за ночную сорочку, рыдала, безумно шепча, и составило огромного труда снова успокоить её, а потом и сделать так, чтобы она разжала пальцы и отпустила Шэйли.

— Там капли, милая, — сказал он как можно мягче, потому что у девушки был шок, — десять в стакан с водой.

Шэйли потеряно кивнула, с трудом, он видел как руки тряслись, но выполнила его указания, обернулась к Верону и протянула стакан. Рубашка на вороте лишилась пуговиц и кружева, Шэйли придерживала её одной рукой, вцепившись в ткань до побелевшие костяшек.

— Иди спать, скворушка, — проговорил он и отругал себя снова, потому что уже совершил один раз эту ошибку. Поддался этому щемящему чувству, не сдержался и так надеялся, что это слово ничего не будет значить для неё. Хотя с той ночи на балконе всё ждал от неё вопроса и пытался углядеть изменение во взгляде, дающее понять, что она вспомнила, что всё пропало.

Шэйли подняла на него глаза, такие тёмные, полные страха и волнения, влажные от слёз, и он утонул в них. И какое же счастье, что Ния вцепилась теперь в него, и хватка у неё, как у любого безумца, была стальная.

Верон не знал сколько времени прошло. Громыхало ещё пару раз, но сестра, получившая теперь двойную порцию успокоительных капель уснула на этот раз глубоко и теперь уже сон её гроза нарушить не могла.

Он вышел в коридор, осторожно прикрыв за собой дверь и наткнулся на сидящую возле двери Шэйли.

— Что ты тут делаешь? — Верон присел перед ней. Девушка подняла на него заплаканные глаза. — Испугала она тебя?

Шэйли что-то хотела произнести, но из-за слёз получился лишь невнятный всхлип.

— Всё хорошо, милая, — Верон позволил себе погладить её по влажной щеке. — Иди спать, девочка.

Он встал, потянул её за собой, поставил на ноги.

— Иди, скорее, — она была босой, — ноги заледенели, Шэлл. Ну, же!

И ему было просто необходимо оставить её сейчас, потому что внезапно расстояние в десять шагов сократилось катастрофически сильно и это было очень опасно для них обоих. Но Шэйли упрямо мотнула головой, одна рука так и держала порванную сорочку, чтобы не спадала с плеча или скрывала всё, что положено, вторая рука держалась за него. И низшие пусть утащат его, если у него есть силы всё это выносить — Верон нагнулся и поцеловал её. Сердце стучало где-то в висках, он ненавидел себя за эту слабость, но был сейчас самым счастливым человеком на свете.

— Нет, — он сжался, уткнувшись ей в плечо. — Прости, девочка. Прости.

И Верон был готов покинуть её, сбежать, оставить вот такой ошарашенной, потерянной, но ему было нельзя иначе — иначе будет беда. Но если бы всё было так просто. Он преодолевая себя, отступил, но Шэйли не пустила. Он снял с себя одну её руку, но его поймала другая, та, что держала сорочку.

— Вер... — прошептала Шэйли и его затопило отчаянной и обжигающей тоской и жаждой по ней.

Глава 16 Эйва

Эйва была бы счастлива получить выходной в Ласце, ну или в столице — наведалась бы в гости к знакомым. В Хиите же было по сути нечего делать, а в это время года особенно.

Хотя это был ближайший город к горному перевалу и сюда часто заезжали путники, чтобы отдохнуть, а потом двигаться дальше. Но Хииту это не прибавляло ни шика, ни лоска.

Ещё, чуть поодаль от города, была гостиница — вид на горы, сады, хорошее питание, прогулки на свежем воздухе, а ещё лечебные грязевые и солевые ванны. Летом и ранней

осенью место пользовалось популярностью у аристократов и богачей, но сейчас, весной, там было тихо и пустынно. Эйва правда не сомневалась, что после тяжелой вспышки хнийской лихорадки, что случилась у них в королевстве этой зимой, в гостинице в сезон будет не протолкнуться.

С магазинами тоже было не очень — там, где было доступно по деньгам, был скудный выбор, а там, где можно было найти что-то интересное, и цены были заоблачными. Горничная правда заказала пару отрезов ткани, с доставкой к Шелранам, чтобы можно было сшить что-то герцогине и порадовать её, может унять немного её нервозность от всего того, что на неё навалилось и взвинчивало.

В город Эйва ушла вместе с Яци. У поварихи в Хиите была племянница, которая то ли была беременна, то ли родила — Эйва не поняла толком, да и вникать особо не хотелось. Женщины договорились встретиться в середине дня на так называемой главной площади городка, чтобы вместе идти назад.

Перекусив свежей лепешкой, Эйва вышла на площадь, но так как Яци пока не подошла, то горничная отправилась к городским конюшням, что были здесь же, чтобы может быть повидаться к конюхом, работавшим раньше у Шелранов. И нашла там Рэндана.

Его для помощи в конюшне Хиита отпустил в город герцог по просьбе главы городского совета. Эйва застала Рэндана как раз за делом, тот подковывал лошадь, — он был без рубашки, грязный, потный, сосредоточенный и, как всегда, нахмуренный. Горничная встала у ограды, где обычно привязывали лошадей, и стала смотреть за отточенными, уверенными действиями мужчины. Бывший конюх Шелранов помогал ему, успокаивая лошадь или подавая те или иные нужные инструменты.

Когда они закончили, он заметил горничную герцогини, с которой был знаком благодаря визитам хозяев в течении предыдущих лет.

— Эйва? — развёл руками бывший конюх Шелранов, улыбнулся и направился к ней.

— Сэмэл, — улыбнулась в ответ женщина. — Рада видеть.

— Что ты тут делаешь? — спросил он, подойдя и упираясь боком в разделяющие их перекладины.

Эйва на мгновение встретилась взглядами с Рэнданом, поздоровалась с ним, кивая. Он тоже молча кивнул в ответ и отвязал перекованную лошадь.

— У меня выходной, — ответила горничная. Сэмэл присвистнул. — Только не говори, что я не заслужила, потому что работа лёгкая.

— Что? — он очень искренне удивился. — Нет, Эйва, что ты. Особенно с такой хозяйкой — каторга легче. Просто думал — у неё невозможно выпросить выходной.

— Я просила у герцога, — улыбнулась Эйва, а Сэмэл рассмеялся. Смех у него был очень приятный.

Он был достаточно крепким, худощавым мужчиной, ростом чуть выше Эйвы, светловолосым, с живыми карими глазами на простом, но привлекательном и улыбчивом лице. Возрастом немного её младше, но светлые усы и небольшая борода делали его старше.

— Умно, он в тебе души не чаёт!

— Брось, скажешь тоже, — повела головой женщина.

— А то, спасаешь его от её светлости, — заметил на это бывший конюх. — Как там все?

— Хорошо, — ответила Эйва.

— А её милость? — спросил мужчина про вдовствующую графиню.

— Как всегда.

Они помолчали горестно.

— А ты как? — спросила горничная. — Слышала хнийка по тебе прошлась?

— Прошла, — ответил Сэмэл и показал Эйве свои руки. На них были зажившие шрамы от язв, а ещё они у мужчины тряслись. — Видишь? Ходуном ходят. Особенно вот в такие дни, когда непогода. Работу свою не могу выполнять, как следует. Если бы вот не Рэнд, то плохо дело было бы.

— А Рэндан кажется всё делать умеет, — улыбнулась Эйва и перевела взгляд на второго мужчину. Тот глянул на неё через плечо. — И работе только рад.

— Только вот плату не берёт, — посетовал Сэмэл.

— Не нужно мне, — отозвался на это Рэндан. — Я делаю любимое дело.

К Сэмэлу подбежал мальчишка лет девяти, что-то спросил, улыбнулся Эйве и снова убежал.

— Это твой такой большой уже? — спросила она, памятуя, что мужчина был вдовцом и у него был сын.

— Да, дети растут быстро, ещё вчера вроде мне до бедра не доставал. А тут вишь как.

— А где твой брат? — и да, юноша помогал ухаживать за садом, работал вместе с братом в доме Шелранов. Ей стало на мгновение даже не по себе, потому что вдруг умер от хнийской лихорадки, а она и не знала.

— Да он, как заболел, плох был совсем и его удалось в город переправить, в Ласцу. Он там в лекарском доме валялся, с девчушкой помощницей лекарей познакомился. А теперь пишет, что не вернётся.

— Даже так?

— Да, говорит, а чего мне ваша деревня? Чего мне до конца дней герцогам кусты стричь и в навозе ковыряться? — Сэмэл пожал плечами.

— Богиня храни тебя, мальчик, — воскликнула откуда-то сбоку Яци.

— И тебе благости богини, Яци, — ответил мужчина кланяясь поварихе.

— Идём? — спросила у подошедшей к ним женщины Эйва.

— Нет, я завтра приду, — заявила Яци. — У племянницы такая девочка славная, картинка, понянить останусь. С утра приду, передашь, дорогая?

— Передам, — кивнула горничная и глянув в сторону гор и туч, висящих над ними, решила, что надо спешить. — Пойду я тогда. Рада была видеть, Сэмэл.

— Ты заходи, Эйва, — улыбнулся он.

— Да куда там, — отмахнулась она. — Думаешь мне за две недели ещё выходной дадут? Вот Яци может и зайдёт. А я уж как получится.

— В смысле? — нахмурилась повариха, а Сэмэл поддержал вопрос.

— Так священнослужитель преставился всё-таки, узнала на почте новости, — пояснила Эйва. — Теперь свадьбу переделают в похороны, а потом десять дней будут держать простые люди — траур, святые — аддыхан. А там пара дней на свадебное приготовление и уж скорее всего придётся ехать.

— Думаешь не отменит свадьбу второй наследник? — спросила Яци и горничная уже видела, как повариха распространяет слухи и сплетни.

— Нет, думаю не отменит, — ответила она.

— А потом вы в Ласцу? — спросил Сэмэл.

— Не знаю, потом видно будет. Как их светлости решат, — улыбнулась Эйва и махнув им, пожелала блага богов и ушла.

В дороге её нагнал Рэндан.

— Можно? — спросил он, спрашивая разрешения идти с ней вместе.

— Так дорога одна, — пожалала плечами Эйва, рассмеявшись. — Правда ты вдвое быстрее меня ходишь.

Он лишь хмыкнул и она снова хихикнула — так он её этим забавлял, невозможно.

Они прошли больше половины пути, как начался дождь. Сначала он был совсем слабым, противным, но тем не менее они шли, потому что надо было добраться до дома, но потом тучи спустились с гор и полило нещадно, а там и загромыхало.

— Вообще под деревом лучше не стоять, — сказала Эйва, когда они спрятались под развесистым дубом.

— Так и по полю лучше не идти, — ответил ей на это Рэндан. — Да и это не самое высокое дерево.

Она кивнула. Её начала бить дрожь.

— Надо было не ждать Яци, — раздосадованно проворчала горничная.

— Замёрзла? — спросил конюх и, положив руки на её предплечья, растёр их ей.

Эйва подняла на него глаза, вроде не был высоким, но возвышался над ней как гора. Встретилась с ним взглядом. Цвет глаз у него был как у неё — серо-фиолетовым, только сейчас глубоким тёмным, хотя может и всегда таким, а у Эйвы глаза были светлее. Сейчас его взгляд возбуждённо горел и внутри всё ухнуло.

Рэндан прижал её к дереву, нагнулся и поцеловал. Такой требовательный, грубый поцелуй, от которого сразу насквозь пронзает, словно нет возможности терпеть, когда очень сильно обоим хотелось, но всё что-то мешало, а тут вот дорвались. И Эйва задохнулась, его руки легли на ствол дерева с обеих от неё сторон и это было ещё хуже, чем если бы он её обнял. Потому что вот от таких мужчин она всегда теряла голову, от тех, кто был прямолинеен и твёрд в своих намерениях.

Рэндан отстранился, а Эйва всхлипнула, словно захлебнулась и срочно надо было вот под дождь, потому что нужно, чтобы дрожь была от ледяной воды, а не от стиснувшего всё внутри желания. Он нагнулся, чтобы ещё раз поцеловать, но она его остановила.

— Нет, — с трудом выскользнула и встала прислонившись к другой стороне ствола, пыталась отдышаться и успокоится.

Это решение было верным, потому что нечего травить себя, нечего отдаваться безумию, когда нет такой возможности, когда от этого может зависеть твоя работа, когда завтра можно оказаться где-то в другом месте как ей, так и, судя по всему, ему.

— Это потому что я не герцог? — прохрипел конюх, ухмыляясь.

И вот это Эйву задело, она задохнулась гневом, обидой и разочарованием.

— Что? — выдавила она, разворачиваясь к нему, и вlepив пощёчину, вылетела под дождь.

Конечно, ну как она могла забыть, что про неё сказал дворецкий, как она могла не понять, что шрам на шее видно, а такой мужчина, как Рэндан, да понятно, что сделал свои выводы.

Сколько раз она уже вляпывалась в это? Сколько раз мужчины делали такие ошибочные выводы о ней? Некоторые почти сразу, а кто-то мгновенно менялись, сталкиваясь с её увечьем. Было так горько и обидно за себя саму.

Эйва шла по дороге, сметаемая дождём, и даже не сразу сумела понять, как Рэндан поймал её, и утащил под другое дерево, а когда она попыталась начать сопротивление,

закрыв своим телом, на этот раз подняв руки чтобы закрыть свою голову. Начался град. Огромные глыбины, размером в половину куриного яйца падали с неба, били ей по ногам и его по спине.

— Прости, — проговорил он тихо, и горничная удивилась, как смогла расслышать его в таком шуме.

В этот момент где-то громыхнуло, потом возник какой-то жуткий, пугающий шум.

— Что это? — спросила Эйва.

— Может дерево раскололо молнией, а может мост смыло, — ответил Рэндан, опуская руки и делая шаг назад. — Надо идти, пока перестало.

Горничная кивнула и они поспешили по дороге в сторону дома.

— Боги вас хранят, — Янра встретила их на пороге с полотенцами. — Эйва, милая, иди скорее, я ванну сделала. Погреешься.

Женщина благодарно кивнула.

— Спасибо.

Янра побежала на кухню, а Эйва сделала шаг в сторону, как Рэндан поймал её за рукав.

— Прости меня, Эйва, — проговорил он, хмурясь. — Я не хотел обижать тебя.

Она повела головой, принимая извинения, он отпустил. Когда Янра выбежала с кухни, сказать, что налила ему горячего вина, чтобы согреться, конюх уже ушёл.

Горячая вода согрела Эйву, она вылезла, вытерлась и глянула на себя в зеркало.

Волосы намокли и теперь безумными, непослушными вьющимися тяжёлыми локонами. Обычно Эйва заплетала их в косу на ночь, чтобы не путались, днём ходила с собранными сзади, на затылке. Она всегда завидовала таким как Ланира — волосы послушные, лёгкие, можно сделать на голове произведение искусства.

Собственно Эйва умела это делать — сколько актрис королевского театра прошли через её руки? Причёмски она умела делать любые и всегда инстинктивно знала, что какой из девушек подойдет лучше, кому собрать наверх, а кому распустить, кому попроще, кому сложно. Эйва никогда не ошибалась.

А вот со своими волосами она не дружила. Да и вообще с телом своим не очень была в ладах — принимала недостатки, даже шрамы, но как это часто бывает очень хотела, чтобы было иначе. Но толком и сказать наверное не смогла бы что именно — может ноги потоньше, может грудь попышнее, руки и шею изящнее... и так далее и тому подобное.

Эйва фыркнула, ухмыляясь, собрала мокрые волосы в ткань.

Ужинать господу не стали. Эйва спустилась только, чтобы помочь Янре и его светлости уложить расстроенную отсутствием Бэлта и напуганную грозой госпожу Нииллу.

Остаться со слугами на ужин не стала и, поднявшись наверх, переделалась в ночное. Согревшись тёплым вином и укутавшись в одеяло, горничная подошла к окну. Отсюда была видна часть зимнего огорода, часть кладовых, и Эйва невольно вернулась к тому, что произошло между ней и Рэнданом.

Конечно она тоже хотела, чтобы он её поцеловал и было бы глупо говорить, что это не так. Да и понравилось — потянуло же ему навстречу. Но слова мужчины, когда она сказала нет, всё равно больно ранили, правда это её внутреннее желание всех оправдать тоже не дремало, оно никогда не давало женщине спокойно жить.

К ночи успокоившаяся было стихия разошлась с новой силой.

Эйва не могла уснуть, она спустилась вниз, выпить воды, потому что вино хоть и согрело, но стала мучить жажда. Поднимаясь обратно, услышала что-то на хозяйском этаже,

выглянула и увидела, как Верон целует Шэйли. Потом его словно ударило пониманием и сожалением, он отстранился, но девушка не отпустила его. И поддавшись, герцог сгрёб её в объятия и утянул к себе в комнату.

Эйва стояла, прислушиваясь, и по щекам текли слёзы. Ей было так жаль их всех. И Верона, и Шэйли, и Иана, и Ланиру...

Она сама не поняла, как добрела по внутренней части дома до комнат в кладовых, где жили Рэндан и Бэлт.

Эйва стояла перед открытой дверью, видела лежащего на кровати мужчину и снова скрутило воспоминанием о поцелуе. У неё видимо слишком давно не было мужчины, поэтому тянуло желанием, до боли, или... она уже не могла понять, что вообще она здесь делает.

Горничная мотнула головой, отругала себя, потому что снова повелась на порыв, насколько же дурной нужно быть — ведь дала ему понять, что нет, так чего теперь? Надо стараться не дёргать его, и отлично, что встречались с ним только во время трапезы, да и иногда в доме, но редко — будет легко перетерпеть эти пару недель, а потом она уедет и...

— Эйва? — Рэндан её заметил и уйти у неё не было возможности. Она сделала шаг прочь, но тут же была прижата им к стене. — Стой, стой...

Попросить дать ей уйти у неё не вышло — он снова её поцеловал и на этот раз не было никакого смысла говорить нет, негодовать или ещё что-то. Она пришла сама и сейчас, когда его руки сжимали её, просто отпустила ситуацию. Лишь слабый протест, который потонул в силе и требовательности Рэндана, целовавшего её почти с какой-то невыносимой болью. Его желание отозвалось в ней, дёрнуло за собой в пучину.

— Поймал, шельма, тебя, — прошептал в Эйву Рэндан, продолжая целовать и держать так крепко, словно боялся потерять. — Не пушу тебя, лисица.

И этой силы было ей достаточно, чтобы голову повело. Вино, что всё ещё пьянило, перекликнулось с возбуждением, и Эйва пропала.

Рэндан был хорош в своей мужской первобытности — такие не говорят, такие делают. Они получают то, чего хотят, но не просто применяя силу — с ними невозможно сражаться, вместо этого ведёшься, идёшь за ними, отдаваясь, потому что с такими рядом всегда слабая, какой бы сильной и независимой себя не считала.

Она тяжело дышала, приходя в себя, и понимала, что надо уходить. Это было плохо, очень плохо. Дело было не в нравственном падении, не в том, что он на самом деле думал о ней, как о падшей в прошлом женщине. Хотя считают, что таким не поменаться — упала раз и не поднимешься больше. И это было больно, потому что Эйва знала много таких падших и они в основе своей были обычными девушками и женщинами, мечтающими о том же, что и все остальные. Просто жизнь обошлась с ними вот так, а они не смогли ей сопротивляться. Но тут дело было в самой Эйве — ей надо было от него сбежать, чтобы осталось только это и больше ничего. Ничего больнее.

Эйва хотела встать, но Рэндан не пустил, дёрнулся, словно испугался, прижал её.

— Куда? — прохрипел он.

— Надо идти, — выдавила из себя она, потому что нахлынуло всё это, словно лавина.

— Побудь со мной, — попросил он и это было так прямо, открыто и просто.

Эйва замерла на мгновение, потом отдалась своей обиде и даже не на него, а на всех мужчин в её жизни.

— Зачем? Ты же получил, чего хотел...

И да, она знала, что скорее всего заденет его, точнее хотела, чтобы он оскорбился, намеренно уколола, желая поверить, что он нормальный, что он такой, каким она чувствовала его. И не важно, что он после этого на неё не посмотрит, это ей было и не нужно — просто вот этот уступ, за который можно подержаться, чтобы убедиться, что она ещё не на самом дне.

— Что? — он с силой повернул её к себе, на его суровом лице было столько гнева, что казалось будто задушит её сейчас. — Какого...

Эйва сжалась от его ярости, зажмурилась, словно ожидая удара или чего похуже.

— Эйва... — позвал он внезапно спокойно, хотя дыхание было всё ещё яростным. — Посмотри на меня, шельма.

Она открыла глаза и встретилась с его тяжёлым тёмным взглядом.

— Кто тебя так приложил? Не доверяешь никому? Так сильно не доверяешь? — словно в душу смотрел и она хотела отвести взгляд, потому что было невыносимо, но Рэндан не дал. — Нет, Эйва, я ничего не получил, потому что тебя тут не было.

Она хватанула воздух, стараясь не разреветься.

— С чего ты решила, что знаешь, чего я хочу от тебя?

И захотелось исчезнуть, перестать быть здесь и сейчас, потому что не была к такому готова.

— Нет, шельма, нет, — повёл головой Рэндан. — Я хочу, чтобы ты была здесь, хочу чтобы ты пела мне стонами, чтобы постель вся промокла, пропиталась потом и твоим соком, чтобы дрожала, задыхаясь.

Эйва повела головой, потому что говорил он это шёпотом, но так твёрдо и уверенно, что она потерялась только от этого его хрипа в неё.

— Не пуцу, Эйва, — и он прижал её к кровати своим телом, одной рукой он распутил её косу, а другая стянула окончательно сорочку.

И вот тут она уже дёрнулась сопротивляясь, чтобы убраться вон, чтобы не видел её, потому что с этим она не хотела иметь дело, но конечно он не пустил. Провёл пальцами по вертикальному шраму на груди, рука, что лежала на шее, провела там по такому же.

— Кто тебя так? — и Эйва видела в его глазах боль.

Он пробежал глазами по телу, немного приподнимаясь — ниже и ещё два шрама по внутренней стороне бедра.

— А разве не понятно? — ответила она со злостью, отгораживаясь от него ею.

— Не надо, — погладил её по влажной от слёз щеке Рэндан. — Не надо, Эйва. И они старые, очень. В шрамах я разбираюсь. Ты ребёнком была.

И стало понятно, что с ним нельзя так, не получится отгородиться, нельзя будет, как всегда. Эйва мотнула головой, пытаюсь высвободить шею из его пальцев.

— Уничтожил бы, тварь... — он нагнулся и поцеловал её. — Тшшш... Иди сюда, лисичка.

И Эйва захлебнулась в рыданиях, но Рэндан тащил её за собой, как и сюда утянул желанием, так и сейчас — она тонула, а он спасал. И да, кажется он точно знал, чего он хотел и как это получить.

Эйва никогда не спала рядом с мужчиной. Никогда. И думала, что не уснёт, потому что не доверяла. Рэндан был прав — никому не доверяла. Если бывало такое, что оставалась с мужчиной на ночь, то сон был поверхностной дрёмой, даже скорее Эйва просто лежала с закрытыми глазами. Но сейчас уснула.

Открыла глаза, когда за окном было светло, а дождь всё бил по стёклам и это было плохо, потому что означало, что ни Яци, ни Бэлт обратно скорее всего сегодня не вернуться. Да собственно как и Ланира с Ианом, которые тоже, как заметила горничная, были вчера в городе.

Эйва повернула голову, чтобы увидеть Рэндана, который крепко прижимал её к себе всё время, пока они спали.

— Проснулась? — спросил он, не открывая глаз.

Мужчина был весь в её волосах и она хотела вытащить их из под него, потянула.

— Что ты делаешь? — поинтересовался он, не поднимая головы.

— Не удобно же так, они мешаются, — пояснила Эйва.

— Тебе или мне?

— Тебе.

— Мне не мешаются, — ответил Рэндан и открыл глаза. — Не решай за других, шельма. Они у тебя такие красивые.

— Правда? — прикусила губу Эйва, улыбаясь.

— Да, — ответил он и зарылся лицом в её волосы ещё сильнее, потом поцеловал её в шею под ухом. — Ты сама красавица, лисица.

— Ты из Присы? — спросила она.

— Почему ты так решила?

— Потому что там лис шельмами называют.

— Да, есть такое, — улыбнулся он, а рука его скользнула между её бёдер.

— Надо вставать, — прошептала она, хотя желание попёрло наружу по новой.

Он угукнул в неё, но останавливаться был не намерен:

— Сейчас разбуду нас и встанем... — и спорить было бесполезно.

— Эйва, — позвал Рэндан, когда она, отдышавшись после их утренней близости, хотела встать.

— Ммм?

— Обещай мне, что это не всё, что у меня будет от тебя, — он заглянул ей в глаза.

— Обычно так поступают мужчины — одна ночь, а потом делают вид, что не было ничего, — ответила Эйва, улыбаясь, а на деле стараясь себя унять, потому что только влюблённой дурой стать осталось в её тридцать пять.

— Эйва... — он нахмурил лоб, смотрел снова так серьёзно, и снова видел намного больше, чем она могла показать.

Она кивнула:

— Обманешь — не прощу, — прошептала она.

Рэндан притянул её к себе, уткнулся в плечо, втянул запах, потом поцеловал в шею.

— Да.

Эйва как можно тише поднялась на этаж, где спали слуги. Вроде никто не вставал. Она прошмыгнула в комнату и собиралась лечь — хорошо ещё, что постель была разобрана и смята, после её неудачных попыток уснуть. Но лечь не успела.

— Эйва, ты где была? — спросила Янра, проснувшись.

— Воду ходила пить и в туалет, там внизу, чтобы тут не будить никого, — соврала она и глазом не моргнула.

К ним в комнату проскользнула Юллин

— Вы видели? — проняла девушка. — Дождь всё не кончается.

— Застряли наши в городе, — вздохнула Янра.

— Они там веселятся, — недовольно буркнула Юлли.

— Так уж и веселятся, — фыркнула горничная вдовствующей графини.

— Ой, Янра, а я всё спросить хотела, — зашебетала молоденькая служанка, потому что ей некуда было спешить, раз герцогиня в городе. — А у тебя есть кто-то?

— Юллин, — одернула её Эйва. — Что за вопросы, ну?

— Ох, кто знает его... — вздохнула Янра. — Не понятно ничего.

— Что? — не унималась Юллин, загораясь как фитилёк. — Кто-кто?

— Конюх наш, — ответила горничная, а Эйва почувствовала, как сердце остановилось.

Глава 17 Шэйли

Всё это было так неправильно внешне, но так правильно внутри.

Шэйли даже не смогла до конца осознать свою силу и найденную смелость, что позволили ей поймать руку Верона и не отпустить от себя. Отчаянно, словно пропадала, а он был единственным, кто мог бы спасти её, кто мог бы вернуть назад, но в сущности всё вышло совсем наоборот.

Она все эти дни мучилась вспышками воспоминаний, что стали истязать её с той ночи, когда он назвал её этим ласковым “скворушка”. Шэйли сжималась под натиском этих моментов, пыталась найти себя в Иане, но не получалось. Супруг был рядом, но словно не был, и Шэйли не находила такого нужного внимания, отчаянно нуждаясь в нём, тщетно ища опору.

А её тянуло к Верону, она старалась быть, где был он, хотя внутри чувствовала, что избегает её, отгораживается. Расстояние между ними стало невыносимо внушительным и ей было плохо от этого. Шэйли не могла понять почему, и её тянуло узнать об этом.

И теперь эта вспышка, нервная, полная безумия. Как часть грозы, что бушевала на улице. Сумасшествие Нииллы было таким жутким, полным отчаяния и боли. Шэйли не смогла совладать с собой, потерялась, расстроилась. И Верон её поцеловал.

Словно во сне — да, она оказалась во сне, и нет, она не может быть такой порочной, такой скверной... Но ей не хотелось, чтобы он отпускал, не хотелось. Она падала, но в тот конкретный миг падения Шэйли было наплевать, что будет больно, было плевать на запреты, на осуждение, даже на веру было плевать.

Он поцеловал ещё раз и она словно наконец задышала, по-настоящему.

До того не было ничего, а сейчас внутри взорвался целый мир. Шэйли почувствовала себя не менее безумной, чем старшая сестра Шелранов, но она действительно потеряла разум.

— Шэлл, — прошептал Верон, когда они всё никак не могли остановиться, цепляясь друг за друга. — Если ты не остановишь меня, девочка, мы пропадём.

— Пропадём, Вер, — подтвердила она, скорее просто повторяя за ним, чем соображая, что именно он говорил.

— Шэлл... — застонал ей в губы мужчина. — Милая...

— Не хочу, чтобы ты меня отпускал, — прошептала она и словно ударила его, потому что он замер на мгновение, отстранил её от себя, заглянул в глаза.

Шэйли не знала, что там в её взгляде можно было найти, но в нём она видела столько боли, что ей отчаянно захотелось её забрать себе. Ей показалось, что мгновение, которое он смотрел на неё длилось бесконечно, но она сейчас была до дикости смелой, в ней всё бурлило, раздирало на куски, и эти краски мира, ей так не хотелось, чтобы они тускнели.

Она ринулась к нему. Руки скользнули под рубашку, пальцы ощутили все эти шрамы, бесконечные, рваные — они были везде с одной стороны его тела.

— Не надо, Шэлл, — прошептал Верон, но сопротивляться ей он не мог, она чувствовала это — как он становится уязвимым, теряет свою жёсткость, сухую суровость, которую она так боялась в нём.

Шэйли приподнялась на мысочки, чтобы поцеловать его в губы, потом спустилась ниже и в итоге стянула рубашку. Замерла на всего один вздох, а хотелось разрыдаться, потому что стало больно, очень больно и ей хотелось поцеловать каждый из шрамов, как она делала, когда была маленькая...

Это воспоминание, ещё одной вспышкой ударило по ней — она так его жалела. Внезапно она вспомнила, как Иан разозлился на что-то и в гневе кинул камень, попал в брата, рассёк ему скулу, остался шрам, который теперь было и не найти, потому что вся щека была в россыпи шрамов, а тогда Шэйли всё целовала Вера, чтобы не болело и быстрее прошло.

Но вспышка этого воспоминания потонула в другой вспышке — Верон провёл по её плечам и подхватив ткань рубашки, развёл в разные стороны. Сорочка сползла с плеч по рукам и упала на пол. А он подхватил девушку на руки, давая обнять себя ногами и руками, отнёс в кровать.

Верон уже не сожалел и Шэйли чувствовала это, потому что они переступили черту, и да, ещё можно было остановить всё это, но у них не было на это воли.

Теперь была его очередь её целовать и каждый поцелуй обжигал до содрогания. Верон вернулся обратно, поцеловал в губы, а Шэйли потянулась к его повязке на глазу.

— Не надо, — слабо запротестовал мужчина.

Но Шэйли не остановилась, она стянула ткань. Глаз у Верона был, но он был обезображен, на когда-то яркой изумрудного цвета радужке было бельмо. Он зажмурился, а она потянулась к нему и поцеловала его туда.

— Болит, Вер? — спросила девушка сквозь снова подступающие слёзы.

Он нахмурился, сглотнул, потом открыл глаза и взглянул на неё. Слабая улыбка коснулась его губ.

— Не болит, скворушка, — ответил он и она тоже ему улыбнулась.

А потом уже не надо было ничего — потому что Верон стал для неё целым миром. И это было так странно, так до умопомрачения чудесно. Шэйли не чувствовала себя так никогда и она точно знала это. В этот конкретный момент она была едина с собой — чувства, мысли, тело. Невероятное. Волшебное. Яркое...

— Вер, — прошептала Шэйли, прижимаясь к нему. — Ты захочешь вернуть меня в храм?

— Что? Нет! — простонал Верон, прижимая к себе, и, поцеловав её в макушку, лёг так, чтобы видеть. — Я никогда не сделаю этого, Шэлл. Не предам тебя, девочка моя, глупая. И мне так больно видеть тебя, встречаться с тобой взглядами, но не видеть намного больше.

Он притянул её к себе и прикоснулся губами.

— И теперь я не понимаю, как я буду жить — проговорил он с болью, прикасаясь к её щеке. — Как мне справиться с собой и отпустить тебя? Ты вернёшься к Иану, он будет рядом, а я буду сходить с ума ещё сильнее, чем прежде, потому что буду знать каково это слышать от тебя стоны, слова желания, чувствовать твои прикосновения... это невыносимое безумие.

— Вер, — она попыталась найти себя, но она должна была это сказать. — Я так сильно обидела тебя, прости...

— Обидела? Чем? — нахмурился он.

— Отказом тогда, — ответила Шэйли.

— Глупышка, ты не обижала.

— Но ты не вернулся.

— Шэлл, — он зажмурился, втянул в себя воздух, словно силился не расплакаться. — Я был глупым, я даже подумать не мог, что ты забудешь меня, потому что я помнил о тебе. Но ты была такой крохой, когда попала в храм, как ты могла помнить обо мне или даже, если помнила, узнать. Это было...

Он нахмурился, силясь подобрать слова. А она вспоминала тот момент, когда отказала — крик священнослужителя, её страх, непонимание того, что происходит и этот потерянный взгляд Верона.

— Тогда я просто... — прошептал он. — Потому что я не забывал о тебе ни на мгновение времени, что было у меня без тебя. Я считал дни, когда смогу наконец увидеть тебя и забрать. Я был безрассуден, был слишком самонадеян. Вокруг была война. Я так боялся за тебя. Я знал, что воины Парсиан творили с храмами. Мне было так страшно за тебя. Я пришёл за тобой и считал, что ты не забыла меня и что должно было быть очевидным, что я пришёл спасти тебя. Но я увидел испуганного подростка, я должен был понять...

— Прости, Вер, — Шэйли сжалась от этого воспоминания. Как она могла забыть его? Как так вышло, что он стал чужим и в ней остался только страх?

— Я остался в Ханарте, я защищал храм, я бы не смог простить себе поражение, не смог бы допустить продвижение врага даже на один шаг... к тебе...

— Ты там... — она провела пальцами по его израненному лицу.

— Я не мог прийти к тебе, милая. Не мог. У меня было только две попытки, первая закончилась отказом. Ты сказала "нет" мне нормальному, но это, — он мотнул головой, словно пытаясь скинуть её пальцы, но на деле прижимаясь к ним, желая её прикосновений. — Я напугал бы тебя, потому что тогда было намного хуже. И я бы не выполнил обещание, я оставил бы тебя одну. Ты моя самая болезненная потеря, Шэлл. Ещё эта проклятая заколка, я хотел отдать, надо было отдать, но я потерялся... и тогда... если бы я знал, что тогда держу тебя в руках последний раз...

— Заколка? Лошадкой? — она внезапно осознала, эта вещица всплыла у неё в воспоминаниях, с ней вернулось горе от потери, от ожидания, рухнувшие надежды на то, что её спасут. — Ты мне подарил...

— Да, помнишь?

— Деревянные лошадки, черные с белым? — проговорила она с трудом, а Верон кивнул.

Он встал, хотя она не хотела отпускать его, казалось, что пропадёт, как тогда много лет назад. Но Верон достал из внутреннего кармана маленькую затёртую заколку, вернулся и отдал Шэйли.

— Ты купил на ярмарке мне в подарок, — она сжала её в руке, словно это было самое большое сокровище в её жизни. И так и было, ведь по ней она пролила столько слёз. — Я так радовалась. А потом... да... они сказали мне собрать вещи, самые любимые, у меня был чемодан и меня повезли в храм. Я думала это приключение.

И Шэйли не смогла больше сдерживать слёз, потому что Верон тоже плакал вместе с

ней, крепко прижимая к себе. Каждое её слово было для него невыносимым. А она... как она могла забыть, как? И сейчас на неё навалился весь ужас, который она тогда испытала.

— А у меня всё забрали, — Шэйли говорила словно в горячке, как тогда вспоминая маму, которая шептала при смерти слова, полные страха и обреченной пустоты. — Всё-всё, а заколка запуталась в волосах, её не заметили. И я хранила её, я думала, что надо быть сильной, что нужно подождать и ты меня заберёшь...

— Прости, Шэлл, крошка моя, прости, — прошептал Верон.

— Я хранила её, а потом одна девочка увидела и сказала жрице. И она у меня её отняла, — Шэйли осознала это — какое же предательство! Зачем... зачем так с ней обошлись? — Почему? — спросила она, хотя вряд ли ответ успокоит сердце, готовое разорваться на части.

— Потому что вам нельзя иметь связь с домом, потому что храм ваш дом, а всё остальное не имеет значение, оно пустое, — ответил Верон через силу. — Я понял это слишком поздно. Если бы я осознал... впрочем...

Шэйли держалась за него и как же горько было от понимания, что всё могло быть иначе, почему она тогда не вспомнила? Почему не сказала “да”?

Она была бы с ним и не важно, какой он, это всё не имело бы никакого значения, потому что Иан был хорошим и она любила его, ей было с ним хорошо... но вот до этого конкретного момента, потому что Вер оказался для неё всем. От одного его прикосновения ей хотелось перестать дышать, хотелось быть с ним единым целым и чтобы он не отпускал её... что же она натворила?

Верон притянул её к себе.

— Тебе надо уйти, милая...

— Можно я останусь? — и это были такие низкие слова, произнесённые падшей женщиной, которая больше не сможет говорить о свете богини, потому что она отвернётся от неё, но она не хотела от него уходить, ей хотелось быть с ним рядом и пусть завтра она не проснётся, потому что богиня, которой она служила покоряет её, Шэйли не пожалеет об этом.

— Шэлл, — с трудом прошептал Верон. А она потянулась и поцеловала его. — Моя девочка!

И она не знала, но ей было нужно сейчас быть смелой, тем более, раз падать дальше некуда, раз согрешила, то чего теперь горевать?

И в ней проснулась та маленькая девочка, которая была смелой и отважной, и Шэйли сейчас вспомнила её — всё это время девочка эта была расстроена и потеряна, а сейчас её нашли, сейчас ей дали то, чего она хотела, о чём мечтала. И даже самой большой ценой Шэйли хотела сохранить эту девочку внутри себя.

Утро наступило слишком быстро, несправедливо и болезненно. Открыв то, что скрыла от всех ночь. И наверное надо было бы испытать стыд, но Шэйли сопротивлялась.

Верон пошевелился, хотел встать, но она остановила его.

— Не надо, побудь так ещё немного, — голова её покоилась на его груди и слышала, как бьётся сердце. И она так делала прежде.

— Зачем? — спросил Верон. — Что ты делаешь, Шэлл?

— Я слушаю, как бьётся твоё сердце, — ответила она так же, как говорила в детстве. — Хочу запомнить как оно стучит, когда думает обо мне.

И он выдохнул тяжело, потом прижал её к себе так сильно, как мог, чтобы не навредить,

не сделать больно, хотя ей хотелось большего, ей бы не стало больно, даже если бы он сдавил со всей силы.

— Эйва? — позвала Шэйли, когда горничная пришла к ней в комнату, чтобы разбудить.

Девушке всё равно пришлось уйти от Верона и теперь она лежала в кровати и делала вид, что была здесь, а не где-то в другом месте. Врала...

— Да, ваша милость? — повернулась она, потом нахмурилась. — Кажется вам надо провести этот день в постели, госпожа.

— А? — озадаченно нахмурилась девушка, не ожидая подобного от горничной.

— Дождь ещё идёт, а это значит, что герцогиня и брат герцога не вернуться сейчас, — сказала служанка и подошла к ней. — А ещё повариха и слуга вдовствующей графини.

И Шэйли показалось, что Эйва всё знает, словно видела её насквозь, но почему-то в ней не было осуждения или негодования, она будто успокаивала девушку. И на деле это было как глоток воздуха, было так необходимо, потому что Шэйли сама себе сейчас казалась страшно уродливой, грязной, мерзкой, а главное она так жалела, что эта ночь кончилась, что наступило это отвратительное, жестокое утро.

— Да, хорошо, — ответила она служанке. Та улыбнулась, кивнула.

— Принести вам завтрак, он правда весьма скудный.

— Меня это не пугает.

— Я так и сказала Янре — она его приготовила.

— Я просто, просто не хочу есть, — прикусила губу Шэйли. — Можно не завтракать сегодня?

И Эйва улыбнулась так понимающе, так грустно.

— Конечно, ваша милость, как скажите. Вам помочь одеться? Или всё-таки поспите ещё?

— Посплю, — закивала Шэйли. — А герцог встал?

— Нет, — ответила горничная. — Насколько мне известно, он сказал, что пока не будет спускаться. И просил не беспокоить его.

— Ясно.

— Могу я идти? Позовите, если буду нужна.

— Да, хорошо, — отозвалась Шэйли, но потом поймала горничную за руку. — У тебя ничего не случилось, Эйва?

— Нет, всё хорошо, ваша милость, — ответила та.

— Точно?

— Да, всё хорошо. С утра просто немного... укололась, но это пустое, — и горничная улыбнулась. Она так нравилась Шэйли, была такой тёплой.

— Я рада, — закивала девушка.

— Спасибо, госпожа. Отдыхайте! Вдовствующая графиня будет внизу, а вас с герцогом не побеспокоят.

Эйва сказала это и вышла.

И Шэйли ошарашенно уставилась на дверь — зачем горничная это сказала? Она действительно знает? Это написано на Шэйли?

Девушка вскочила с постели и глянула на себя в зеркало. На неё смотрело бледное лицо, но глаза на нём бесовски светились счастьем.

Она вздохнула так горестно, словно хоронила себя.

— Не вздыхай так, — сказал Верон, стоя на пороге. — Дождь дал ещё немного времени.

Но я пойму, тебе решать...

Но Шэйли всё уже решила — он не успел договорить, как она подскочила к нему и обняла, целуя.

Ужасная, совершенно бесстыжая девица... счастливая до исступления.

Интерлюдия — Мир, подлежащий стиранию

— Ава инквизитор, архитекторы из шестьдесят шестой партии почти все разобраны.

— Почти?

— Простите, ава инквизитор, осталась только одна душа. Порядковый номер десять восемь.

— Почему её не разобрали?

— Она в процессе проверки на ошибку.

— Вероятность, что ошибки не будет крайне мала, ничтожна. Изъять и разобрать. И мир, который эта душа создала.

— Простите, ава инквизитор, но её погрузили в мир, который она не создавала. Первый инквизитор приказал. Тот мир предназначен для уничтожения. Его должны были стереть палачи.

— Запустите проверку и перезагрузку мира.

— Да, ава инквизитор.

— Далее отдайте принудительный приказ палачам.

— Да, ава инквизитор.

Глава 18 Янра

Янра была мечтательницей. С детства ей говорили, что она не от мира сего, потому что слишком много хотела от жизни.

Старая герцогиня, бабушка господ Нииллы, Верона и Иана, научила Янру читать и писать. И разрешила брать книги в библиотеке, открыв девочке целый мир. У неё было очень живое воображение и поэтому благодаря книгам она побывала в стольких местах, что и жизни бы не хватило, если посещала их в реальности.

Янра верила, что в её жизни случится чудо. Но случилась война. Она растерзала многих кого физически, кого морально, кого духовно. У Янры война забрала мечты.

Её отец и брат погибли на войне, влюбленный юноша, с которым она вместе мечтала о будущем попал в дом для душевнобольных, навсегда потеряв связь с окружающим миром и уйдя в мир иной, и было бы хорошо, если полный мечтаний, но нет, там было много страха и боли, а Янра горько переживала случившееся и пала духом настолько, что не хотела жить.

А потом герцог привёз израненную госпожу Нииллу, которую Янра знала с детства, которая была всегда добра и участлива к слугам и их проблемам, а теперь стала сама нуждаться.

Забота Янры о госпоже Ниилле была искренней и самоотверженной. Эта женщина ставшая внезапно по злой воле супруга девочкой в теле женщины, была для неё важна, и горничная старалась изо всех сил, чтобы хозяйке было хорошо.

Она заботилась о ней — кормила, мыла, следила за своевременным принятием лекарств, гуляла, развлекала. Берегла, насколько могла. И развлекала — вдовствующей графине нравились её истории, те самые, сказочные и полные волшебства, приключений, истории о воплощении которых в жизнь сама Янра так мечтала в детстве.

А потом молодая женщина заметила, что за ней стал ухаживать Сэмэл. Знаки внимания были робкие и ужасно милые, и может эй хотелось бы какой-то бури чувств, но оказалось,

что скромный букетик полевых цветов, подаренный от всей души может заставить сердце стучать, как ненормальное.

Чувства конюха откликнулись в Янре, она была счастлива всего лишь, когда он ловил её руку, проходя мимо, когда смотрел полным восхищения взглядом, когда думал, что она не замечает. Она любила его сына, очаровательного сорванца, тоже любившего слушать истории Янры, всегда веселящий госпожу Нииллу, а ещё реакция на рассказы у этих двоих была одинаковой. И это тоже было невероятно забавно.

А потом случилась хнийская лихорадка. Было чувство, что с тяжёлой, яростной осенью, набежали тучи не только на небо, но и на жизнь.

— Янра? — Эйва подошла к ней и заглянула в глаза. — Что такое милая?

— Просто, просто, — она не хотела говорить при Юллин, которая, спросив про отношения, всколыхнула тревоги и печали горничной.

Эйва понимающе кивнула.

— Так, Юллин, на тебе дом, давай-ка всё в порядок с девочками, а мы с Янрой на кухню, — проговорила служанка Шелранов строго.

Девушка что-то хотела возразить.

— Хочешь сама готовить на всех? — поинтересовалась Эйва, приподняв вопросительно бровь.

— Нет, — пискнула Юллин и в мгновение скрылась, убежав из комнаты.

— Спасибо, — благодарно повела головой Янра. — Тяжело сейчас об этом. Вроде есть что-то, а на деле... я же не вижу его.

— Сэмэл вчера спрашивал о тебе, — улыбнулась женщина.

— Брось, наверное про всех спросил.

— Да что ему все? Я просто не знала, а сейчас — про тебя просто постеснялся.

— Ты такая хорошая, Эйва — спасибо тебе!

Янра поднялась на хозяйский этаж. Было тихо, поразительно даже, хотя от Эйвы горничная узнала, что вчера вечером вдовствующая графиня не давала спать ни герцогу, ни госпоже Шэйли. Что ж — надо дать им отдохнуть.

Она зашла в комнату к госпоже Ниилле.

— Доброе утро, ваша милость, — улыбнулась Янра, открывая шторы.

— Доброе утро, — ответила женщина.

— Как вы спали?

— Хорошо, — потом Ниилла нахмурилась и прислушалась. — Дождь не перестал?

— Нет, ваша милость, — ответила Янра.

— Бэлт не вернулся? — и такая печаль коснулась её милого личика, что горничной стало её искренне жаль.

— Нет, ваша милость, но думаю, что с ним всё хорошо, он в городе заночевал, как только дождь перестанет идти, вернётся, — улыбнулась ей Янра. — Одеваемся?

Вдовствующая графиня рассеянно закивала.

Когда Рэнд и Бэлт пришли в поместье, Янра безумно испугалась. Ей пришлось взять всю свою волю в кулак, чтобы справиться с ситуацией. Показалось, что если она прогонит их, то скорее спровоцирует на что-то плохое, чем если разрешит остаться.

Да, она не спала, нервничала, места себе не находила, понятия не имела, что делать, если они шальные люди, если пришли грабить, насиловать и убивать. Но ночь прошла спокойно и совесть и вера не позволили ей отпустить их голодными, хотя, конечно, это было

очень опрометчивым решением.

Янра радовалась, что не ошиблась. Несмотря на неразговорчивость и хмурость Рэндана, Бэлт был приятен и обходителен. Он говорил за двоих, был привлекательным и мягким нравом мужчиной.

Хотя вернувшийся Киннан кричал, что они дезертиры и беглые преступники, но за конец осени, зиму и начало весны двое мужчин не сделали ничего плохого никому из домашних, они наоборот поначалу держались даже как-то поодаль, чтобы не смущать девушек, ели отдельно, специально не шли спать ближе к дому. Даже если и были беглецами, то явно не хотели причинять неудобств и беспокойства. А работали не жалуясь и казалось умели вообще всё, по крайней мере неразговорчивый Рэнд.

А потом случилось так, что к Бэлту потянулась госпожа Ниилла. И ведь не объяснишь ей, бедняжке, что это опасно. Что ж с ней делать?

Вдовствующая графиня радовалась ему, словно празднику — такое счастье было обычно от приезда кого-то из братьев, а тут... и Янра безумно переживала, но потом убедилась, что Бэлт очень трепетно общается с молодой госпожой, с робостью принимает её внимание, стараясь помочь Янре.

И эти ночные сидения — за них конечно горничная переживала больше всего, но потом увидела, как мужчина спит на кресле возле постели госпожи Нииллы, сжимая её пальцы в руке и отчего-то защемило сердце, стало грустно до слёз, больно, потому что было в этом столько нежной привязанности, может даже любви, но было понятно, что он не будет использовать её состояние, что испытывает уважение, относиться к женщине с деликатностью и содроганием.

И может Янра была не права, но она оставила их в покое.

— А хотите позавтракаем внизу? — спросила горничная, одев хозяйку.

— С вами? — воодушевилась Ниилла.

— Да.

— А будет хорошо? А брат? А Шэйли?

— Они спят пока, пусть отдыхают, — ответила Янра.

— Я вчера им мешала, — с грустью произнесла госпожа. — Гроза меня напугала.

— Всё хорошо, не переживайте. И завтрак готовила я.

— Почему? А Яци?

— Она тоже в городе.

— Ох, тогда хорошо, — улыбнулась Ниилла, но потом надулась как ребёнок. — Только можно я сяду между тобой и Эйвой, или Рэндом, или кем-то ещё... не сажайте меня рядом с Юллин, пожалуйста.

— Хорошо, ваша милость, конечно!

Когда вдовствующая графиня была одна, без гостей, они часто, несмотря на протесты Киннана, ели все вместе на кухне, потому что ей было грустно трапезничать в одиночестве. Правда иногда компанию ей, по её просьбе, составлял Бэлт, но страшно смущался из-за этого, и скорее это был такой неформальный приём пищи, потому что мужчине не нравилось, что за ним ухаживают за столом.

— Доброе всем утро, — пропела вдовствующая графиня, с улыбкой заходя на кухню

— Доброе утро, ваша милость, — ответили все присутствующие слуги хором.

— Разрешите, я поем с вами? — спросила госпожа Ниилла, но она делала так всегда, не хотела смущать слуг своим присутствием.

— Да, ваша милость, конечно, — ответили ей и она радостная села на место Янры, сейчас рядом как раз сидела Эйва, а сама Янра села на место дворецкого, которое без него сейчас занимала Яци.

— Эйва, а ты была в городе вчера? — спросила Ниилла.

— Да, ваша милость.

— И как там?

— Сэмэл желал вам благ всех, — ответила женщина.

— Ему тоже, — улыбнулась она, потом слегка нахмурила лоб. — А новости есть?

Сводку же не доставят сегодня?

Янра отрицательно покачала головой, а Эйва ответила спокойно:

— Да вроде нет, ваша милость, никаких новостей.

— А как же смерть священнослужителя? — встряла Юллин и все остальные слуги, которые уже знали эту новость, но понятное дело не хотели сообщать о ней госпоже, зыркнули на девушку с нескрываемым негодованием.

— Кого? — нахмурилась вдовствующая графиня.

— Да, мелочи, ваша милость, — поймала её внимание на себя Эйва. — Служитель какой-то умер, не переживайте. Пустое. Он старый был, говорят за сто лет.

— Ой, да? Ну, боги с ним, — успокоилась хозяйка, а Юллин пристыженная всеми присутствующими больше не произнесла ни слова.

— А Бэлт сегодня хотел заниматься огородом, — нахмурилась вдовствующая графиня. — Он там в городе, с ним всё хорошо?

И взгляд её светло-серых глаз обратился к Рэндану.

— Не переживайте, ваша милость. Всё с ним хорошо. Он и под дождём может спать, — ответил слуга, потом сглотнул, поняв, что последнюю фразу говорить не стоило.

— А?

— Не переживайте, он переночевал на постоялом дворе, в Хиите же их много, а в непогоду пускают путников под крышу несмотря ни на что, — успокоила госпожу Янра.

— Да? Хорошо, да... — она кивнула, потом взяла свою кружку горячего шоколада. Нахмурилась и осмотрела кружки слуг. — А остальным нет шоколада?

— Есть, ваша милость, я налью, — и Янра поспешила налить всем горячий напиток. Рэнд отказался.

— Ты не любишь шоколад, Рэнд, — нахмурилась Ниилла.

— Ваша милость, для меня можно попроще что — вода, вот в самый раз, — ответил мужчина, поведя головой.

— О, ты не любишь сладкое?

Рэнд кажется поперхнулся, потом повёл головой, видимо пытаясь найти что ответить.

— Да нет, но после пить хочется, так что, — и он так смешно повёл плечами, а Ниилла медленно кивнула, словно пытаясь понять сказанное.

— Да, — согласилась она, — но всё равно это вкусно.

— Так вам больше достанется, раз я отказался, — ответил мужчина и все, включая хозяйку, захихикали.

— Это очень мило, спасибо, Рэндан!

И он ухмыльнулся, кивая. Янра была благодарна, что несмотря на свою явную нелюдимость, Рэнд всё же достаточно мягко относился к госпоже и старался вести себя с ней не так, как со всеми остальными.

Дальше пошли разговоры о делах в поместье. Порой казалось, что вдовствующая графиня вполне нормально соображает и понимает происходящее.

— Эйва, а можно посадить помидоры, как в прошлом году? Они такие вкусные были, — обратилась она к горничной.

— Да, ваша милость, но нужны семена, — ответила ей служанка.

— У меня есть, — обрадовалась Ниилла.

— Тогда всё хорошо, я сделаю всё, а потом мы с вами вместе посадим.

— Отлично! Спасибо, Эйва!

— Пойдёмте, ваша милость? — спросила Янра, вставая из-за стола. — Надо одеться, чтобы пойти в сад.

— А читать?

— Да, конечно, почитаем, — кивнула ей горничная.

— Но... — она нахмурилась и посмотрела на конюха. — Бэлта нет, а надо читать по ролям. Мы читаем “Восхождение Бирсы”. Ты считаешь с нами, Рэнд?

И Янра стала молиться, чтобы он согласился, потому что знала, что грамоте он обучен, но конечно от такого предложения вполне мог и отказаться.

— Ты же не выгонишь лошадок сегодня? Там же дождь... — в голосе хозяйки было столько надежды. Такие мелочи были важны для неё.

— Конечно, ваша милость, — ответил Рэнд. — Я в конюшне всё сделал. Если вам угодно — я почитаю.

И Янра, стоя за спиной вдовствующей графини сложила руки в молитве, обратила их с благодарностью к мужчине.

— Спасибо, Рэнд! — и Ниилла встала, но потом замерла на мгновение, отдаваясь своим мыслям. Снова глянула на конюха, возвращаясь к ним. — И надо бы проверить мост, когда дождь закончится. Он был плох. Вдруг, что случилось, а мы не знаем.

— Да, ваша милость, — ответил конюх, — не переживайте. Я проверю.

— Возьми лошадь и не скачи короткой дорогой — это опасно, — Ниилла стала похожа на матушку, которая научает своего малолетнего сына. — Хорошо?

— Да, ваша милость, — абсолютно серьёзно ответил Рэнд.

— Хорошо, — и она почти ушла, но резко развернулась и поклонилась. — Простите, что помешала вашей трапезе.

— Вы не помешали, ваша милость... всё хорошо, ваша милость... не беспокойтесь, ваша милость... — наперебой ответили ей слуги.

— Вы все такие милые. Я очень вас всех люблю, — улыбнулась хозяйка и наконец Янре удалось её увести.

И горничная была рада, что бедняжку окружали хорошие люди. Пока лил дождь было спокойно и тихо, чтение прошло отлично, как и обед, который готовила Эйва. После него дождь наконец прекратился. Рэнд оседлал коня и отправился посмотреть мост, вернулся он достаточно скоро:

— Его смыло, — проговорил конюх. — Там два столба и больше ничего. Уровень реки поднялся вдвое.

Глава 19 Рэндан

Рэндан был из тех, кто умел и любил работать, бездействие его даже раздражало. На войне, во время затишья, когда ждали в укрытиях, он всё равно находил себе дело. Парни из его отряда смеялись: “командир, надо же отдыхать или ты не человек?”, но Рэндан лишь

хмыкал на это — говорить он не любил. И сна хватало пары-тройки часов, а четыре или пять были роскошью, сколько он себя помнил.

— Ну, что, Рэндан, умеешь мосты строить? — спросил герцог, когда они стояли перед тем, что когда-то было мостом и пытались понять, что им с этим делать.

— Понимание есть, ваша светлость, — ответил мужчина. — Но я только понтонный мост наводил и пару раз подвесные приходилось мастерить. А тут не пойдёт это.

Старший Шелран кивнул.

— Хорошо, что столбы остались, — проговорил он, хмурясь.

— Там ниже, я нашёл переправу. На лошадях вполне можно на эту сторону попасть, — сказал Рэндан. — Людей бы из города, тогда и мост можно будет быстро сладить.

— Это не проблема, лишь бы тот, что в городе, не снесло, — ответил герцог.

— Не снесёт, — повёл головой конюх. — Я вчера в городе был, видел его. Выглядит не очень, но основательный. Ещё несколько лет простоит и не шелохнётся.

— А вот глава городского совета считает иначе, — герцог глянул на слугу.

— Преувеличивает, ваша светлость, — честно ответил Рэндан. — Но работа у него такая.

— Да... — ухмыльнулся Шелран. — В доме есть книга инженерная, там есть раздел про мосты, со схемами и указаниями.

— Так отлично. Тогда вообще хорошо.

— Я тебе не смогу помочь, я в схемах ничего не понимаю. Я по части расходов и доходов больше, — заметил на это герцог.

— Я разберусь, ваша светлость, — ответил слуга.

— А есть что-то в чём ты не разбираешься, Рэнд?

— Так вот в ваше дело я бы не полез. Дальше сметы.

Верон усмехнулся.

— Боюсь материала в городе не будет, — кивнул он в сторону Хиита.

— Это можно лес с вашего разрешения проредить, — заметил Рэндан.

— В этом тоже понимаешь?

— Отец лесником был, ваша светлость.

— Что-то говорит мне, что ты не только лесник, конюх, коваль, строитель... — и Шелран посмотрел на Рэндана вопросительно приподнимая бровь на не покалеченной части лица.

— Могу землю возделывать, могу егерем, могу лесорубом, охотником, рыбаком, мельником, пекарем, — просто ответил он.

— Проще сказать чего ты не можешь, — усмехнулся Верон. — И ты в пехоте служил?

И вопрос был внезапным, но смысла врать не было:

— Да, ваша светлость.

Со стороны города к ним приближался всадник.

— Это Бэлт? — спросил герцог.

— Он, — ответил Рэндан. — Надо показать, где переправиться.

Его светлость прищурился, задумавшись о чём-то, потом спросил:

— Тогда завтра начнём? Руками я с войны не работал, но выбора нет. Скажешь какая погода будет завтра?

— Пасмурно, но без дождя, — сказал конюх, посмотрев в небо и в сторону гор.

— Даже не хочу знать откуда ты это знаешь, — ухмыльнулся Шелран, поведя рукой.

Бэлт остановил лошадь у разрушенного моста с той стороны реки.

— Ваша светлость, доброго дня, — он учтиво склонил голову и Рэндан в очередной раз фыркнул про себя на манеры товарища.

— Ну, не такой он и добрый, — герцог кивнул на место, где ещё вчера был мост.

— Переправы нет? — поинтересовался Бэлт.

— Есть, ниже, — ответил Рэндан, — я покажу.

— Стой, — и слуга обратился к герцогу. — Там, ваша светлость, ваш брат, ваша супруга и священнослужитель, но у него карета с вещами.

— Что? — словно поперхнулся Шелран. — Какой ещё священнослужитель?

Рэндан для себя заметил, что герцог кажется едва сдержался, чтобы не выругаться вслух.

— Не знаю, ваша светлость, из гостиницы.

— И он жив? — поинтересовался Верон.

— Простите, ваша светлость? — не понял Бэлт.

— Герцогиня его не сожрала? — пояснил герцог. — Она ненавидит святош. Если закрыть её в одной комнате со священнослужителем, то она определённо доведёт его до могилы.

Бэлт замер, переваривая сказанное старшим Шелраном, а Рэндан не удержался, рассмеялся в сторону.

— Простите, ваша светлость, — буркнул он, но тут уже рассмеялся и хозяин, а за ним и второй слуга.

— Ничего, — махнул он рукой. — А где Яци?

Бэлт ещё улыбался, но вопрос ввел его в замешательство. Вполне возможно он и не знал об этом ничего.

— Яци? Повариха? — перестроил молодой мужчина.

— Да, она тоже была в городе, — ответил герцог, недовольно вздыхая.

— Давайте я отправлюсь с ним, — предложил Рэндан, спасая Бэлта. Тем более, что видел вчера Яци и скорее всего Сэмэл знал, где искать женщину. — Заодно переправу покажу.

— А изучать книгу? — поинтересовался Верон.

— Я справлюсь, ваша светлость. Если дадите — я за ночь прочитаю.

— Можешь в библиотеке читать, — кивнул тот. — А в Хиите заодно прижми от моего имени главу городского совета. Можешь пригрозить, что я не буду участвовать в восстановлении городского моста, если он не примет участие в восстановлении этого.

— Понял, ваша светлость, — склонил на военный манер голову Рэндан.

— Торговаться ты тоже умеешь, как я понимаю? — улыбнулся хозяин.

— Да, ваша светлость.

— Тогда удачи, Рэнд.

В библиотеке было тихо и пахло книгами. Почти настала ночь и Рэндан сидел изучая схемы, выписывая на листок нужную информацию и делал для себя заметки. Он уже давно прочитал всё о мостах, теперь ушёл дальше — книга была отличной, на вес золота.

— Читаешь? — вырвал его от изучения Бэлт.

— Да, — кивнул он, не поднимая на мужчину головы.

— Кажется это уже не о мостах, — товарищ подошёл ближе. Из-за присутствия в доме святоши, его к госпоже Ниилле не пустили, хотя она очень расстроилась из-за этого. — Дома на сваях? Серьёзно?

— Отвали, Бэлт, — рыкнул Рэндан.

— Даже свою занозу не заметил, — ухмыльнулся тот, читая заметки на листках.

— Что? — он поднял голову, нахмурился, встретившись с поддевающим взглядом голубых глаз приятеля.

— Да Эйва стояла в дверях, поулыбалась и ушла, — ответил молодой мужчина.

— Да чтоб тебе, Бэлт! — прорычал Рэндан, а внутри всё скрутило, потому что какого низшего подошёл Бэлт, а лисичка не подошла! — Иди спать, засранец!

— Управишься за ночь?

— Да, — как же это раздражало. — Свали отдыхать — завтра работать надо.

Как только Бэлт вышел, Рэндан оторвался от записей и с тоской посмотрел в дверной проём.

Эйва рвала его на части.

Сначала думал, что это оттого, что давно не было у него женщины — последний раз, ещё прошлым летом, мял в поле вдовушку из селения, где они жили и работали с Бэлтом. Здесь не хотелось никого — в доме девки малые все, а Янра явно была несвободна, да и держалась от них поодаль, остерегалась. Когда выбирался в город, был осторожен и вообще мыслей не было найти кого-то себе.

Приезда хозяина дома они с Бэлтом ждали в напряжении и были готовы, чуть что снова рвануть в дорогу, хотя, конечно, его друг по несчастью очень уж привязался к вдовствующей графине. Рэндан был недоволен, потому что привязанности такие ничего хорошего не приносят, но с другой стороны бегал же по сути он, а не Бэлт.

Сам Рэндан хотел уйти, как сошёл снег, но старый дворецкий его невероятно напрягал и мужчина не хотел оставлять с ним девушек наедине.

Однажды зимой, почти сразу, как вернулся после болезни, старик напился до такого состояния, что всех их на мороз выгнал в платьях и туфлях домашних — гонял в доме приспешников низших богов, чтоб его нихры извели! Тогда, конечно, если бы не Рэндан и Бэлт, то было бы бедняжкам плохо, потому что тут негде спастись, да и госпожа в доме осталась с этим пьянчугой.

Рэндан был рад, что Киннан устроил скандал на глазах у герцога и остальных господ. А уж, что попытался руку поднять на Эйву, так вообще, хоть и скверно, но замечательно. Понятно же было, что герцог должен быть человеком адекватным и не мог бы позволить настолько невменяемому слуге находиться рядом со своей душевнобольной сестрой.

Что до горничной, то поначалу, конечно было непонятно, что к чему. Шрам Рэндан увидел, ещё когда заслонил её от удара разгневанного дворецкого. Но когда она на него посмотрела почему-то внутри появилось убеждение, что блудницей она не была. И дальше он только в этом убеждался. Единственно его мучил вопрос, что у неё было с герцогом — уж слишком тот с ней был приветлив, хотя на деле видно было, что человек старший Шелран жёсткий.

Но Эйва была такая, Рэндан даже не знал — не простая. И тогда, когда ругалась с Яци в первый день, а потом курила с ними на заднем дворе, и когда выдворяла его из комнаты с ворохом этих тряпок герцогини в руках... и потом поймал её и застрял в ней, сам не понял, но впервые так захотелось девицу, что свело всё. В кладовой вообще вывернула наизнанку и главное, что знала об этом, шельма, чувствовала, что он её хочет прижать, но, как назло, больше не попадалась и он даже жалел, что, как засранец Бэлт, не работает в доме.

В городе видел, как она говорит с бывшим конюхом, и внутри прям низшие грызлись. И

тут она сказала, что скорее всего через две недели уедет в столицу и Рэндан запаниковал.

И не надо было так жать её, не надо было нахрапом брать, но не стерпел, не удержался. И обидел её тоже очень зря, но мутило от этого подозрения об отношениях с герцогом, сам не понимал причин, но словно ревновал.

Да и плевать, что не понимал, потому что пришла и у он голову потерял напрочь. И задела она его, потому что закрыться пыталась, сбежать.

И понятно, шрамы эти её — когда увидел остальные, с таким трудом унял себя, потому что Эйва так их робко закрывала... ему выть хотелось, что где-то тварь такая есть, которая такое с девочкой сделала, и даже представить было страшно, как она всю жизнь теперь с этим. Ведь все, понятно что, как Киннан, видели одно, но только потому что не встречали настоящих девок меченных, а Рэндан встречал — уж за свою жизнь с кем только не пересекался, с кем только дел не имел.

И теперь, после ночи той, тянуло к ней нещадно, злился, если был рядом, а она на него не смотрела. Хотелось её тепло почувствовать и волосы рыжим водопадом стояли перед глазами.

Но вот мост этот... а Рэндана брал азарт, он должен был всё сделать, как надо. Такую возможность научиться, построить, получить знание, он упустить не мог.

Но ведь и ничего, что уставал — если бы Эйва пришла, у него были бы силы на неё, да он бы просто был счастлив прижать её к себе, уткнуться в неё, потому что вкусная была, мягкая такая, нежная. Но она не приходила и поймать у него не получалось — несколько дней видел только мельком.

Уходя через зимний сад с обеда, направляясь к мосту, чтобы проверить как идёт работа и, если надо, помочь, Рэндан наконец-то поймал Эйву — она копалась с этими помидорами, которые захотела вырастить госпожа Ниилла.

Прислушавшись, понял, что никого нет, поэтому сделал шаг.

— Рэндан? — обернулась Эйва, замечая его присутствие. Но уже в следующий момент он смял её, прижимая к стене и к себе.словно голодный прижался к губам. — С ума сошёл?

— Сошёл, — ответил он честно, задыхаясь как и она. — Ты от меня бегаешь.

— Я не бегаю, — ответила она шёпотом, слабо протестуя, против его рук, и губ, целующих её лицо и шею.

— Бегаешь, шельма, избегаешь изо всех сил. И не приходишь.

— Потому что ты уставший, работаешь весь день, потому что священнослужитель здесь. Да и я уже не говорю о том, что вообще-то ты не один спишь, дуралей.

И Рэндан конечно понимал, что она права, всё было правильно, но так прижимала его тяга к ней, действительно как умалишённый был. Он поставил её ногу на кадку с деревом, задрал юбки.

— Рэндан, — поймала его руку Эйва. — Нельзя тут...

— Нет никого, — ответил он, снова целуя и с удовлетворением чувствуя, как она прогнулась под ним, хоть и держа его за руку, что уже беспрепятственно дала пальцам добраться по внутренней части бедра, до взмокшей плоти. От прикосновения она слабо застонала и Рэндан стал настойчивее, грубее, наслаждаясь ею, чувствуя, как поддалась.

Эйва была невероятно красивой женщиной. Эти её рыжие волосы, глаза светлее, чем его, сейчас подёрнутые туманом, брови рыжие, и длинные ресницы тоже, губы распухшие от поцелуев, мягкие черты лица, тела...

Она отпустила его руку и расстегнула ремень, потом пуговицы на штанах, тёплые

пальцы скользнули внутрь и он с тяжестью втянул воздух, когда рука легла на его возбуждённую плоть.

Эйва не отводила взгляда и Рэндан с каждым её движением и всхлипом чувствовал себя всё безумнее и безумнее. Больше всего не хотелось кончить раньше неё, хотелось вместе, или пусть она, а он уже дойдёт за ней.

— Шельма, — хрипло рыкнул он, держа за талию свободной рукой, чувствуя, что она уже перестала себя контролировать, движения стали ещё более жёсткими, а он и сам был готов сдаться ей на милость. — Давай, ну же...

И Эйва сжалась, потом захлебнулась, втягивая воздух, а он почувствовал, как под его пальцами забилося её естество и отпустил себя. Придержал её коленом, она уткнулась ему в грудь, тяжело дыша. Он облизал пальцы, но не среагировал, как она сделал так же, дёргая снова в болото обжигающего возбуждения.

— Чтоб тебе, шельма! — притянул он её к себе. — Пожалей меня, Эйва!

Рэндан пьянел от неё. Поцеловал и было так мало того, что между ними произошло.

— Приходи сегодня в сенник, — прошептал он ей в губы. — Я буду ждать, Эйва.

— Рэндан, ты устаёшь, я же вижу за ужином...

И он как дурак стал счастливым, что видит, что смотрит всё-таки.

— Всю ночь буду ждать тебя, шельма, — прижал сильнее и она снова застонала и как же было сложно уйти от неё.

Почему-то казалось, что Эйва не придёт.

Он, как назло, заснул, когда вернулся после ужина, и его разбудила обнаглевшая Киля, старушка-пони умудрялась попадать в сенник, когда ей в голову взбрело поесть, а есть она хотела кажется всегда.

— И? — спросил разбуженный и раздосадованный своим сном Рэндан глядя на животное. Значит Эйва не придёт, а если приходила, а он проспал? И он тяжело вздохнул и, протянув руку, потрепал пони за уши.

— Я думала ты меня ждёшь, — спросила Эйва, стоя в дверях. — Но ты нашёл мне замену. Не буду мешать.

И конечно сделала эту попытку уйти, но была поймана.

— Нет, Эйва, нет, — и Рэндан выставил обиженную Килю вон, не выпуская горничную из рук, а потом прижимая к себе, изголодавшись по ней до одурения.

— Янра сказала, что ты в королевском театре работала, — спросил он, лёжа рядом и накручивая её локоны на пальцы.

— Работала, — ответила Эйва, не открывая глаз.

— И что делала? Играла?

— Шутишь? — рассмеялась она. — Играла... нет.

— Почему? — он глянул на неё. — Ты красивая.

— Я сцены боюсь, — Рэндан нахмурился, а Эйва хихикнула и открыла глаза. — Вообще это странно. На самом деле я в театре родилась.

— Родилась?

— Да, — она развернулась и легла на живот, опираясь на руки, чтобы видеть его. — И я там всё делала. Всё. Убирала, готовила, делала декорации, шила костюмы, помогала с образами актёров и актрис. Даже как-то пришлось быть суфлёром. Но сцена...

Она склонила голову, задумалась чему-то своему.

— Я даже, когда убирала на ней, то поворачивалась к залу спиной. Потому что, если

видела зал, даже пустой, то в моей голове он заполнялся людьми и это меня ужасно пугало, — пожал плечами Эйва. — Мастер Одэйн всегда хвалил мою память, даже пытался побороть мою боязнь, потому что считал, что актрисой я буду неплохой, но увы...

— Стой, Одейн? — уточнил Рэндан. — Драматург?

— Да. Знаешь его пьесы?

— Конечно, — ответил он. Да все знали кто это — один из самых известных писателей в их королевстве. Его пьесы ставили как в Королевском театре, так и во всей стране, комедии порой играли даже в захудалых трактирах странствующие артисты.

— Видел? — спросила она.

— Читал, — ответил Рэндан.

— Читал? — она склонила голову набок.

— В театрах как-то не довелось побывать, — он пожал плечами.

— И как тебе?

— Ну... "Кукловод" хорош, а так... — он нахмурился, пытаясь вспомнить, что там ещё читал достойное.

— Подожди, Рэндан, "Кукловод"? — удивилась Эйва. — Трагедия Одейна "Кукловод"?

— Да, а что?

— Она тяжёлая, сложная...

— А я слишком туп, чтобы сообразить?

— Нет, нет, — она помотала головой и стукнула его. — Дуралей! Нет! Просто ты знаешь, что её никогда не ставили на сцене? Лайнан, ну Одэйн, считал, что она не для всех, а что до руководителя театра, графа Рийна, то он вообще сказал, что это слишком.

— По-моему, отличная пьеса, — хмыкнул он. — Как в жизни всё.

— В ней все были несчастны и умерли! — заметила Эйва.

— Я ж и говорю — как в жизни.

Она усмехнулась.

— Где ты её читал?

— У Бэлта были две книжки Одейна — одна с комедиями, а другая с трагедиями. И понятно, что парни на войне не хотели читать трагичное что-то, хватало вокруг — брали комедии. Оставалась вторая.

Эйва рассмеялась.

— А ещё мне нравилась "Восстание короля", — сказал Рэндан, вспоминая название другой пьесы и Эйва кивнула. — И там была маленькая рыжая девочка, неунывающая такая. И она выжила, хотя не была главным персонажем в очевидном понимании, но на деле была. И кажется я знаю, кто эта девочка.

— Брось, — она мотнула головой и опустила её вперёд, отчего волосы закрыли её лицо. — Он писал про всех. Все герои были в театре. И я просто одна из многих.

— Конечно, Эйва, конечно, — и он запустил руку в её волосы, чтобы открыть лицо.

— Правда, Рэндан, — улыбнулась она, и прижалась к руке, которая погладила её щёку. — Но мне нравилось смотреть, как он пишет. Я хранила черновики и рисовала на них костюмы героев.

И вот это его тоже в ней сводило с ума — такая робкая скромность, пугливая. словно её слишком много били, что она каждое такое проявление тепла и участия принимала с такой благодарностью, что щемило внутри до боли. Он потянул её на себя, стараясь доказать, что она заслужила тепло и нежность.

— Что вы с Бэлтом сделали, что бегаете? — спросила Эйва, когда его голова лежала на её коленях.

— Ну, Киннан же сказал, что дезертиры, каторжники... — попытался отшутиться Рэндан хотя безумно захотелось ей рассказать, несмотря на то, что никому не рассказывал.

— Перестань, я в это не поверю, — она мотнула головой, её пальцы гладили его голову и кажется он сейчас урчать начнёт от удовольствия... дожил!

— Почему? — спросил он.

— Ты не похож на человека бегущего от войны и воинской службы, и от работы, даже, если она каторжная, — пояснила Эйва. — Что случилось, Рэндан?

Он вздохнул:

— Хм... — зажмурил один глаз, — после войны уже, в одном кабаке, два служивых поругались между собой. Случилась потасовка, как это бывает обычно — начали двое, а закончили с десятком. И в этой потасовке, те двое — один убил второго. Нечаянно, правда. И убитый был мерзким человеком. Но, тут правда одна.

Он пожал плечами, потому что на деле всё было правильно.

— Разбираться стали, а концов найти не смогли. А я был в том кабаке, и впервые кажется в драке не участвовал, — и Рэндан ухмыльнулся. — Хотя я всегда за, морды-то почистить — милое дело.

Эйва повела головой и улыбнулась.

— Но так получилось, что с убитым у меня ещё в войну закус был, вот мне и припомнили. Взяли меня и повесили убийство.

— А тот человек? — спросила она. — Кто убил?

— Ну, а кто ж на себя будет наговаривать? Так-то в расследовании всё шло не очень — все свидетели пьяны были, никто ничего не помнил, а я не сознавался. Следователи посчитали, что хотя меня знало человека два из свидетелей, но они все меня выгораживают — в полку уважали меня. Но гончие не сдавались, — он поморщился, вспоминая тюрьму и допросы. — Обмяли меня всего, а в итоге ничего — ни признания или того, чтобы кто-то на меня показал. Ну и решили — лет десять каторги и хорошо.

Она вдохнула, нахмурилась и прикусила губу в сожалении.

— Это ничего, я бы справился, ты права — от работы никогда не бегал. А на каторге, разве что еда так себе, а условия не хуже, чем на войне.

— И что случилось?

— А почти перед вынесением приговора приехал в расположение следователь уже из королевской гвардии. Проверяли работу военного трибунала тогда, было серьёзно. И моё дело прям под руку ему и попало. Снова дознания начались, но хотя не поменялось ничего, меня на трибунал привели и приговорили к расстрелу.

— Что? — и шокирована она была так искренне, что ему стало забавно. — Но, а тот, что был виновен? Он знал, что тебя должны расстрелять вместо него?

— Знал.

— И ничего не сказал?

— Я его понимаю, — ответил Рэндан очень сдерживаясь, чтобы не улыбаться, но Эйва была такой милой в своём гневном удивлении.

— Понимаешь? — нахмурилась она ещё больше.

— Ну, у него дом, супруга, детки, есть куда возвращаться, надо дальше жить. А я перекасти-поле — не было ничего и... — мужчина привёл, по его мнению, весомый довод, —

он мне помог сбежать.

— Потрясающе! — взвилась Эйва. — Какое благородство! То есть из-за того, что он успел до войны девице какой-то детей сделать, его жизнь цениться больше твоей?

— Ну, ему надо детей поднимать, воспитывать.

— Чему он их научит? А? Как быть хорошим честным малым? Да? Или как свалить свою вину на другого ни в чём не повинного человека? О, да, он помог тебе сбежать! Какой молодец!

Рэндан смотрел на её такое искреннее и праведное негодование и сдерживать смех уже не мог, а на сердце стало так хорошо, уютно, словно дома оказался, вот так лёжа головой на коленях женщины, которая вьелась в сердце. И больше ничего не хотелось. И ничего и не было кажется теплее.

— Что ты смеёшься? — продолжала гневаться Эйва. — Что смешного?

— Ты смешная, — ответил он и перевернувшись потянул её под себя.

— Перестань! И ты бегаешь четыре года?

— Три с половиной, — ответил Рэндан, — полгода они там следствие вели.

— Вели следствие они, — фыркнула она. — А Бэлт?

— Он просто командиром моим был, тоже помог мне сбежать. Я был против того, чтобы со мной в бега пустился, но уж как вышло... с тех пор в связке, — он погладил её щёку, потом провёл пальцами по морщинкам на лбу. — Да и не такой уж я хороший, Эйва. Я всё думал, что надо сдать. Нам же не всегда честно получалось жить — воровали, где разбойничали откровенно, да и двоих, кажись, я убил всё же. Ну, не считая войны.

— На войне все убивали, а "кажись" твоё... — она фыркнула и закатила глаза.

— Мальчишка, который меня охранял, я его приложил сильно, скорее всего...

— Может быть... — иронично уточнила она.

— И один мошенник на севере, он нам документы должен был сделать, чтобы мы границу перешли, а в итоге сдать нас хотел, шантажом денег пытался вытянуть. Я его пырнул. Мы его оставили. Ушли.

— И он может быть умер? — уточнила Эйва, язвительно.

— Да, — кинул Рэндан, улыбаясь ей.

— А может не умер?

— Эйва... — покачал он головой и прижался к ней, чтобы поцеловать, но она тоже мотнула головой.

— Рэндан... — потом спохватилась: — И это не твоё настоящее имя?

— Моё. Я осенью, в горах сдал сильно, думал, что у меня хнийка, не хотел к людям идти, а потом оказалось, что простуда просто. И мы сюда вышли. Думал, если не пустят на постой, то я пойду в город сдамся. И когда меня Янра спросила, как меня зовут, я был не в себе, и сказал настоящее имя.

— Вы хотели уйти? С началом весны?

— Бэлт не хочет, он к графине прикипел, переживает за неё. Да и... — он почесал за ухом, склонил голову, — я не хотел оставлять девок домашних с безумным пьяницей. Думали герцог прогонит. Но не прогнал.

Эйва задумчиво кивнула.

— Веришь мне? — почему-то ему отчаянно хотелось, чтобы она поверила.

— Я знаю, что ты не плохой человек, — ответила она.

— С чего ты решила?

— Из-за лошадей.

— Лошадей? — удивился Рэндан.

— Да, если бы ты не ценил жизнь человека, то жизнь животного вообще ничего бы не стоила.

Эта женщина... кажется отцепить себя от неё будет невозможно.

— Иди спать, шельма, — проговорил он, целуя её нос.

— А ты?

— А я посплю здесь, — прошептал он ей в губы.

— Ты замерзнешь, ночью ещё холодно.

— Зато умру счастливым, — улыбнулся Рэндан.

— Дурак! — и Эйва стукнула его, но что ему до этого, он был счастлив, как мальчишка.

— Угу... — и он хотел снова поцеловать её, но в конюшне занервничали животные, а пёс, что там спал, начал лаять.

— Что такое? — спросила Эйва, хмурясь и прислушиваясь.

— Подожди здесь, — приказал ей Рэндан и вышел.

В одном из денников нервничал конь.

— Что с ним? — она выглянула из-за плеча Рэндана и понятно, что не послушалась.

— Эйва, а подождать? — шутливо возмутился он. Но она недовольно фыркнула, не хуже норовистой лошадки. — Колит его, надо ходить, — пояснил мужчина, надевая на коня недоуздок.

— Ходить?

— Да, пока не отпустит. Ляжет — помрёт.

— И сколько надо ходить? — уточнила Эйва.

— Пока не отпустит, — повторил Рэндан и улыбнулся её озадаченному виду. — Тут лекарства были, дам, надеюсь до утра полегчает.

— До утра? То есть всю ночь будешь с ним ходить?

— Да, — улыбнулся он, приобняв её и отодвигая в сторону, чтобы вывести коня.

— Это же... — Эйва повела головой.

— Это работа моя, — и как же не хотелось её отпускать, но понятно, что если до того мог хотя бы спать рядом с ней, то сейчас ей надо было бежать в теплую кровать, а не сидеть с ним неизвестно сколько времени. — Беги, Эйва, беги лисичка.

И она, поцеловав его, ушла, но дойдя до калитки, что вела в сад дома, вернулась почти сразу обратно

— Ты чего? — спросил Рэндан.

— Там закрыто, — развела руками Эйва.

— Закрыто?

— Да.

— Вот же, проклятье, — и он ума не мог приложить, как такое могло случиться. — Бэлт рано встаёт — откроет. Иди спать в сенник.

— Не пойду, одна не пойду, — поёжилась она и, обняв себя руками, опёрлась спиной на перекладины внутренней площадки для выгула. Потом посмотрела на него и буркнула: — Там в сене мыши.

— И? — не понял Рэндан, ведь с ним же она там была. И тогда, когда он её в сеннике видел и еле сдержался, потому что уже тогда был готов смять, несмотря на то, что знал всего ничего. — Ты что мышей боишься?

— Не то, чтобы... — она пожала плечами, — просто в театре было сено, чтобы черновой пол посыпать, и, когда я была маленькой, то однажды пошла, распотрошила тюк, а там мышка родила и были мышата. И я...

Рэндан рассмеялся в голос.

— Не шуми! — шикнула на него Эйва, но ей тоже было смешно.

— Ты испугалась мышат?

— Их было много и они копошились, мне показалось, что их там было штук двадцать.

— Двадцать? — и он рассмеялся ещё сильнее.

— Перестань, Рэндан! — надулась Эйва и стало совсем не сложно представить её маленькой. — Если тебе нравится, когда по тебе мыши бегают, то мне нет!

— Иди одеяло возьми, трусишка, — сказал он ей, потому что действительно переживал, что замёрзнет.

Но не успела Эйва сделать шаг, как к ним вышел герцог. Конюх напрягся, да собственно как и горничная.

— Эйва? Рэндан? Что случилось? — кивнул он на коня.

— Кишки колит, — ответил конюх и опережая другие вопросы, кивнул на горничную. — Эйва слышала и вышла спросить, что случилось, а дверь захлопнулась.

Шелран, хмурясь, кивнул.

— Тебе помочь? — уточнил он.

— Нет, ваша светлость, я справлюсь. Не переживайте и простите, что побеспокоили.

— Ничего, — мотнул головой Верон. — Эйва?

И хозяин дома указал ей рукой в сторону калитки.

— Да, ваша светлость, — женщина кивнула.

И пошла следом, потом обернулась на Рэндана, он подмигнул ей, хотя внутри кольнула ревность к герцогу. Почему-то никак не отпускала мысль, что у старшего Шелрана с Эйвой что-то было... а может есть. И Рэндан взвился гневом, конь мгновенно среагировал, дёрнулся в сторону и пришлось успокаивать не только себя, но и животное.

Глава 20 Верон

По началу с мостом пришлось возиться всем. И для Верона это было счастье. Он смог отвлечь себя от сводящего с ума безумия влечения к Шэлл.

Безусловно он переступил черту и шаг этот, сделанный в пропасть, будет им дорого стоить. Но сопротивляться он не мог, да и не хотел — падение это было таким невероятно желанным, таким вожаделенным. И это время, которое дождь дал им провести вместе, было таким сокровенным и полным несбыточной мечты.

Но внутри жгло от того, что испачкал её, потому что самому... чего уж там — а вот Шэллина, другое дело. Надо было оставить ей чистоту, надо было не прикасаться, потому что теперь она тоже будет покрыта скверной, которую взрастит в себе, и та измучает, изведёт её стыдом измены, низостью падения.

И Верон специально не стал смотреть на их встречу с Ианом, потому что и невыносимым было — сам же отдал её в руки брата, но и видеть сожаление в её взгляде...

Иан с Ланирой притащили в поместье служителя единого храма, который отправлялся в столицу на церемонию прощания с первым священнослужителем.

И тут, на самом деле, Верон был с супругой более чем солидарен — он тоже ненавидел прислужников храмов. Ничего общего, по мнению старшего Шелрана, с благодатью и верой, и уж тем более с богами, у этих людей не было. В них было столько лицемерия и надменной

чванливости, что рядом с ними было душно. А уж как выворачивало, когда Верон вспоминал, как бедную Шэйли прижал тот служитель, стоявший над ней и увещающий о том, чтобы не забывала про богиню и её гнев. Но на деле, храм просто не желал отдавать девушку, так как с ней оттуда уходили средства, что оставили её родители в наследство дочери. Алчные святоши.

Верон попросил Эйву постараться не допускать общения служителя и Шэйли. После того, что случилось между ними, ему казалось, что состояние у девушки было шатким, она могла не выдержать и сломаться, и герцог безумно за неё боялся. Горничная была проницательной, понимающей, да и, как почувствовал Верон, кажется всё знала, но, к её чести, о своём знании молчала и вида не подавала.

Работы отвлекали от тяжёлых мыслей, потому что поначалу пришлось не только руководить, но и работать физически. Иан тоже с удовольствием присоединился к строительству — радостно, как ребёнок, валил в лесу деревья под руководством Рэндана.

А на следующий день глава городского совета прислал в помощь людей и тут уже деваться Шелранам стало некуда, пришлось уделить вниманием гостю, который, пока мужчины работали, был в поместье. Однако женщины активно его избегали: Шэйли под ненавязчивым направлением Эйвы; Ланира из-за ненависти ко всему, что касалось веры, она и в богов кажется не верила, а поминала их только ради выгоды; ну а бедняжка Ниилла просто не понимала, что происходит, да и Янра старалась уберечь госпожу от лишних нервов.

Сестра так по-детски искренне радовалась, когда Бэлт вернулся, что слуга не знал, как быть, потому что понятное дело служителя такая встреча напрягла. Хотя все знали о горестном душевном состоянии старшей сестры Шелранов и вдовствующей графини Сэнори, но поблажек люди веры не делали никому. Правда у Бэлта получилось сгладить неудобную ситуацию, а Иан внезапно соизволил помочь, потому что младший брат был тем человеком, который способен был изменить состояние Нии от совершенно плачевного до прямо противоположного — всего одного слова, ласкового жеста, взгляда порой было достаточно, чтобы она успокоилась и стала счастливой и благостной. И Верон чувствовал, что неприязнь младшего Шелрана к Бэлту основана прежде всего на ревности, потому что у кого-то, кроме Иана, стало получаться управлять их старшей сестрой.

Утро и завтрак Верон и Иан провели у моста и, убедившись, что Рэндан отлично справляется с руководством, с неохотой отправились домой.

Погода сегодня наладилась, собственно накануне, как и сказал Рэндан, было пасмурно, но обошлось без дождя, а на сегодня конюх напророчил ясную и тёплую погоду. Как у него это получалось Верон знать не хотел, он уже понял, что Рэнд человек не простой, хотя таким казался. Но герцог уважал тех, кто не боялся делать дело — ещё на войне такие вот младшие офицеры тянули на себе всё и были намного важнее и нужнее любого командира высшего ранга.

В том, что Рэндан был младшим командиром, капралом или сержантом, старший Шелран не сомневался, не верил и в обвинения о дезертирстве. Понятно, что и Рэнд и Бэлт мечутся не по своей воле, но почему-то было чувство, что люди они не злые, а если что и натворили против закона, но не по своей воле, а вынужденно.

Из-за служителя пришлось провести более официальный обед, чем обычно. Гость сидел между герцогом и его братом, потому что нельзя было сажать человека веры рядом с женщиной, если та не является жрицей, но Шэйли сидящей рядом с ним не хотели видеть ни

Верон, ни Иан, поэтому все женщины сидели по другую сторону стола. Лицо Лань выражало все грани эмоционального недовольства, которые она испытывала по отношению сидящему напротив представителю веры, Ния была как обычно мечтательной и заинтересованной, Шэйли смущённой и тихой.

— Мне приятно, что вы разрешили у вас немного отдохнуть, следующие дни будут тяжёлыми и полными испытаний, — поблагодарил гость хозяев.

Ланира кажется с трудом удержалась от того, чтобы недовольно хмыкнуть. Они все понимали, что на деле служитель просто решил — лучше побыть здесь, чем в гостинице, где за всё придётся платить. А тут ещё и слуги обслуживают.

— Мы рады вам, — сдержанно, но как можно мягче, ответил на благодарность Верон.

— Да, служители богов приносят благословение в дом, — улыбнулась Ланира, и конечно гость расплылся в удовольствии, хотя Шелраны прекрасно видели сколько желчи она вложила в эти слова.

— У вас есть жрица, ваш дом полон благодатью, — ответил служитель и посмотрел на Шэйли, которая сжалась под его взглядом.

— Ну, сейчас так вообще вдвойне, — произнесла герцогиня и Верон отметил, что сделала это намеренно, чтобы отвести внимание гостя от супруги Иана.

— Полагаю, что её милость будет проводить десятидневный аддихан, как жрица богини, отдавая честь усопшему и прося блага дому? — а вот служитель от Шэйли никак отстать не желал.

— Нет, не будет, — слишком резко ответил Иан.

— Но... — начал было гость.

— Шэйли болела, она ещё не восстановила силы настолько, чтобы десять дней себя так сильно ограничивать, — Верон постарался говорить мягче Иана. Шэйли же стала совсем бледной и испуганной. Её тёмные глаза были полны тревоги и сомнения.

— Аддихан не может нанести вред здоровью, всё как раз наоборот, — никак не унимался служитель и кажется ещё немного и оба Шелрана прижмут его, наплевав на всякие приличия и правила гостеприимства.

— О, правда? — воскликнула Ланира, приподнимая свою изящную бровь. — Вы хотите сказать, ваша святость, что десять дней стоя на коленях, выпивая только воду и съедая этот ваш кусок грубого хлеба, можно поправить здоровье?

— Эээ, да... — он встретился с ней взглядом и было件нятно, что совершенно ступешался, попал под влияние красоты герцогини, которая виртуозно умела быть милой и одновременно с тем смертоносно ядовитой.

— То есть жрицы в храмах, которые ведут вечный аддихан, живут... сколько? И так же здоровы, как вот эти сельчанки — кровь с молоком? — она склонила голову слегка набок и повела рукой, словно указывая куда-то, определённо в сторону города. — Они рожают десять детей и выглядят так словно могут родить ещё столько же. Я правильно понимаю ваши слова?

— Ну... немного... — служитель начал заикаться.

— Не так? А как? — Ланира слегка нахмурилась.

— Дело же ещё в молитве, ваша светлость, — постарался сдержать лицо гость, но было видно, что получается это с невероятным трудом.

— О, сила обращения к богу. Да, — герцогиня сделала вид, что задумалась, прикусила губу. — А я слышала, что простые люди тоже могут так делать. А что даст, ваша святость,

такой аддихан, например, мне?

— Оу, — гость воодушевился, но не понял, что попал в расставленные силки. — Можно попросить о благе, женской силе, эти слова в молитве обращённые к усопшему человеку веры, который был одухотворён и отмечен богами, а потому он встретится с ними и принесёт эти просьбы. Обычно дают семью, детей...

— Серьёзно? Всем? И тем, кто в храмах? — и вот уже невозможно было её остановить, потому что жернова стали перемалывать священнослужителя безжалостно и беспощадно. — Я думала, что детей без участия мужчины женщине как-то не получить. Но раз так. Я согласна, я буду десять дней усердно молиться, морить себя голодом. Есть этот очень печальный хлеб, поедая который, хоть вы и говорите так, но по-моему сложно выжить?

— Хлеб этот взрастила богиня, семена его её дар... — а гость всё пытался справиться, то ли был дурак, то ли действительно видел перед собой светлое создание, которое нужно было провести на истинную дорогу и заработать себе немного награды от богов.

— Стойте что? — и Верон видел, как она захлопнула капкан на шее служителя. Корпус её подался вперёд, лицо стало томным и таким невероятно притягательным, пуговица на этой проклятой рубахе растянулась и разрез стал глубже положенного, но Ланира не была бы собой, если бы это не выглядело соблазнительно, но при этом никто не смог бы указать на несоблюдение манер. — Я была не очень прилежной ученицей, особенно сложно мне давалось богословие, но я точно помню... Верон, поправь меня, дорогой, разве семена принёс не бог земледелия?

— Так, дорогая, — и конечно он был сейчас полон восхищения, потому что Лана действительно была непревзойдённым игроком и манипулятором.

— Но-но, — служитель старался не смотреть ей в область груди, но все равно глаза его нервно бегали, дыхание сбилось, он стал заикаться, пытаясь отвечать правильно и спокойно, — взрастила их богиня-матушка!

— О, он дал семя, она взрастила, — снова повела бровью герцогиня. Иан изо всех сил старался не рассмеяться, да и сам Верон тоже. — Как хорошо, что богословие изучают детьми, которые не имеют никаких иных знаний о мире и всё понимают буквально. Хотя поправьте меня, если в этом всё не очень буквально, или нет, куда уж очевиднее...

Иан закашлял, Ланира улыбнулась самой очаровательной и тем временем соблазнительной улыбкой:

— Я поняла, как это работает! — она просияла, потом перевела взгляд на супруга. — Верон, я держу аддихан, а ты в эти дни собираешь семя, а потом сажаем и... что ж раньше никто не говорил? Или я ошиблась опять, ваша святость?

Служитель подавился. Герцог улыбнулся и повёл головой.

— Только меня смущает — она всё поливала кровью и это прям совсем как-то жутко, — Лана снова перевела взгляд на гостя. — Можно без этого?

— Да, ваша светлость... — ответил то совершенно потерявшись, покраснев и кажется забыв обо всех приличиях.

— А обязательно приурочивать это к смерти священнослужителя? Или может есть какая-то сводка кто из них где почил, чтобы мы могли не один раз стараться, а то вдруг с первого не получится. Не уверена, что смогу сдержать себя от раннего посева, — и это был точный смертельный выстрел. Она попала в цель, окончательно уничтожив служителя веры.

Верон с трудом сдерживал себя, чтобы не рассмеяться, как и Иан, который всё время кашлял, извиняясь, делая вид, что подавился. Шэйли и Ния хлопали глазами, наблюдая за

всеми ними, и были сейчас растерянными и озадаченными, сторонними наблюдателями. Ланира же осталась бесстрастной и спокойной.

— Ниилла, милая, — не дожидаясь ответа священнослужителя обратилась она к сестре Шелранов, сидящей рядом, — а пойдём пить чай? Думаю стоит оставить мужчин в их рассуждениях, которые слишком сложны для понимания женщин.

И боги, как это было сказано, словно последнего уничтожительного выпада было недостаточно.

— Можно пить чай без обеда? — удивилась Ния, радостно и перевела взгляд на Верона, как на старшего в семье.

— Конечно! Да, ваша светлость? — обратилась к нему же герцогиня.

— Да, Ния, конечно можно, — ответил на это герцог. — Идите с её светлостью.

— Шэйли, солнышко, пойдём? — и хотя девушка была сконфужена таким внезапно мягким обращением к ней со стороны Ланиры, но всё же была счастлива покинуть обед. — Не пристало думать о таких вещах благочестивым дамам. И слушать такое тем более.

И женщины выплыли из столовой. А священнослужитель оказался на грани истерики.

— И что ты устроила? — спросил он, присоединяясь к ней в комнате, во время отдыха после трапезы.

— А что не так? — спросила Лана. — Кажется я была максимально внимательной и участливой.

— А пуговица?

— Это было не специально, — она склонила голову к плечу и подняла брови вверх. — Просто так сложилось.

— Идеально, — ухмыльнулся Верон. — Служитель сказал, что ему нужно предаться молитве, так что ужинать будем без него.

— О, знаю я что там будет за молитва. Может тоже помолимся?

Старший Шелран усмехнулся.

— А завтра утром он нас покинет.

— Я бы воздала хвалу богам, если бы верила в них, — фыркнула герцогиня и протянула супругу руку.

Верон был сдержан с ней в последнее время, хотя его влечение к Ланире всегда было порывистым — он бы вполне мог прожить и без этого.

Она была красивой, несомненно в любом мужчине при взгляде на неё не могло бы не проснуться желание обладать ею. И Верон обладал — он был жесток с ней в постели, но по-другому не получалось, а надо было выполнять этот проклятый супружеский долг, хотя бы иногда. А ещё был зол на самого себя, что не смог иначе выкрутиться и вытащить семью из краха, увести от банкротства, и срывал злость на ней, хотя иногда слышал внутренний злой шёпот, что святой она не была.

Однако были и его уступки ей, когда уничтожал тех, кто пытался её прижать, оскорбить, быть с ней надменным. Это не было извинением, это было своего рода игрой.

Верон был практически всегда беспощаден, когда приходило время платить по счетам. Просто первыми были те, кто так или иначе задевали Ланиру — она была счастлива такой извращённой защите с его стороны. Но на деле Верону всё равно, кого давить — какая разница, кого выжать? А совесть он свою давно продал — значит и грызть было некому.

Да и его властная суровость в близости с ней, Лане нравились, и отзывалась в Вероне, тем не менее, неким внутренним удовлетворением.

А ещё, после ранения ему было сложно с женщинами, и в некоторой степени он был вынуждено верен своей супруге, и она, несмотря на свою неверность, на которую Верон безусловно закрывал глаза, никогда не кривилась от близости с ним, хотя наверное это тоже было частью вот этой её нужды в грубости — его увечия были частью её похотливого наслаждения от его жёсткости.

Но, взяв протянутую руку Ланиры в свою, Верон понял, что скрутило тоской по Шэйли и её мягким, робким, но таким настойчивым прикосновениям. Он не мог сопротивляться — безумно хотел, даже чтобы Шэлл просто была рядом, в ней было столько нужного ему тепла, что он даже не подозревал ничего об этом. И столько было в этом искренности...

— Боги? Ланира, дорогая, — Верон поцеловал её пальцы и отпустил руку, хотя видел, что супруге было нужно больше, — в этом доме сегодня все воздают хвалу тебе.

Она повела плечом и игриво склонила голову.

— Но признаться, я удивлён, что ты помогла Шэйли. Или это тоже было не специально?

— Мне кажется, что никто в этом доме не переживёт, если с ней что-то случится, — ответила она, и кажется сейчас будет попытка его разозлить. — Все так с ней носятся.

— Ланира, — он покачал головой и цыкнул несколько раз.

— Что? А если вот я примусь за это издевательство? И заболею? Или умру? Ты же будешь счастлив!

— Неправда, — ответил Верон и кажется поймал себя на том, что это в целом искренний ответ. Он не желал ей смерти, хотя сейчас ситуация в которой все они оказались была просто тупиковой и... но нет, смерти Ланы он не желал. — Мне будет невероятно уныло без тебя, дорогая. Мы прекрасная пара, разве нет? Стоим друг друга. И... если тебя это утешит — я останусь вдовцом до конца своих дней.

— Причина этому будет...

— Это имеет значение, ваша светлость?

— Нет, — повела она головой, немного замешкавшись. Верон мог бы сказать, что ей стало грустно на какое-то мгновение, но всего мгновение, оно было мимолётным и пустым, а на лице Ланиры заиграла весьма неоднозначная хищная улыбка. — Не имеет, ваша светлость.

Оставив супругу, Верон спустился вниз, и в библиотеке нашёл Шэйли. Она сидела на диване, подтянув под себя ноги и увлечённо читая одну из тех книг, что он дал ей ещё в Ласце.

— Почему ты одна? — спросил он, подходя к ней, и положил руку на спинку дивана, но прежде ласково погладив её волосы и щеку.

— А? — она улыбнулась, слегка хмурясь вопросу.

— Где все? Иан? Ния? Эйва? — пояснил герцог.

— О, Эйва обедает, Иан кажется на конюшне, а Ния в саду — ей Бэлт читает и я не стала им мешать, — пояснила Шэйли и потянулась к его руке.

— Хм... интересно? — кивнул на книгу Верон, опершись рукой на локоть, чтобы иметь возможность взять руку девушки и переплести её пальцы со своими.

— Да. Я почти всё прочла. Найдёшь мне ещё?

— Найду, — улыбнулся он, наслаждаясь такой простой казалось бы лаской, но от этого соприкосновения пальцев внутри становилось так тепло и ещё немного, станет жарко...

— Верон? — и это был Иан. Они расцепили руки, Верон выпрямился и отозвался, как раз заходящему в библиотеку младшему брату. — Шэйли, ты тоже здесь?

— Да, я читаю, — отозвалась она тихо, но достаточно уверенно. Иан подошёл к ней, а Верон обошёл диван и направился к секретеру.

— А ты? — Иан нахмурился, словно был очень недоволен, что старший брат был наедине с его супругой.

— Верон искал вас, а я хотела сказать спасибо, — вдруг вмешалась Шэйли, — за то, что Ланира сделала за обедом.

— Может надо начать с неё? — перевёл на неё взгляд младший Шелран.

— Ну, я сказала, но она мне ответила, что за это ей благодарность не нужна.

— Издеваться над священнослужителем доставило ей невероятное удовольствие, — отозвался Верон. — Что с тобой такое? — и он посмотрел на младшего брата, видя приближение полного негодования эмоционального всплеска.

— Что? — переспросил, огрызнувшись, младший Шелран.

— Иан? — старший брат развёл руками.

— Я хочу уехать? Мы с Шэйли, — ответил тот.

— А? — выдохнула удивлённо его супруга.

Верон понимал, что скорее всего это связано не с ревностью, а просто с тягой младшего брата к развлечениям в городе. Да и Шэйли на деле была сейчас упомянута лишь для соблюдения приличий, а вот, когда дело дойдёт до возвращения, то скорее всего девушка останется здесь, потому что... да понятно, что причин будет много.

— Иан, — начал Верон, но брат его перебил.

— Нет, нет, хватит. Я схожу здесь с ума. У меня почти кончилась увольнительная, а я сижу тут, в этом забытом богами месте...

— Ты решил устроить истерику, как Ланира? — уточнил герцог.

— Не смей, Верон! — с недовольством произнёс младший Шелран. — Со мной это не пройдёт. Мы собираемся и уезжаем, как только мост починят. Сколько там Рэнд сказал? Два-три дня? Вот. И не днём больше.

Верон видел, как сжалась Шэйли, она бросила на него мимолётный, полный обречённости взгляд и да, он был готов хорошенько встряхнуть брата, потому что дело было не в том, что между Вероном и Шэлл произошло, а в том, что сейчас его раздражение пугало девушку до дрожи.

— Уймись, Иан, — строго проговорил герцог и перевёл взгляд на супругу брата. Младший Шелран недовольно выдохнул, понимая Верона.

— Ох, вот вы где? — в библиотеку беззаботно впорхнула Ния.

— Что случилось, милая? — спросил старший Шелран, меняя тон, потому что она была весьма чувствительна к ссорам.

— Я тут прочитала, — и сестра встала возле Иана, взяв его за руку, и тот хотел было отойти, но всё же сдержался, давая ей обнять себя за локоть. — Прочитала про праздник и вспомнила, что мы так давно не проводили весенний праздник в поместье. И раз вы все здесь...

— Ния... — нахмурился Верон.

— Нельзя? Почему? — она искренне озадачилась. — Ведь не проводили из-за меня, но ты сейчас здесь и Иан.

— Из-за смерти главного священнослужителя нельзя, надо траур держать десять дней, — ответил ей младший брат и старшему теперь уже точно захотелось залепить парню затрещину, потому что это был перебор.

Но Ниилла только боязливо отцепилась от Иана и немного смутившись, весьма спокойно произнесла:

— Бэлт и Эйва сказали, что он был старый. Да?

— Да, — кивнул герцог.

— Но он же где-то там умер... не у нас? — спросила Ния, подразумевая Хиит, после произошедшего с ней она стала с трудом понимать географию и ориентироваться в мире, в глобальном смысле. Её мир стал размером с владения Шелранов, в которых она сейчас жила, а всё, что было там, дальше, было как в другом мире, незначительном и неважном.

— Не у нас, — ответил Верон.

— В поминальный аддихан праздники запрещены повсеместно, — снова нагрубил Иан, а Ния обратила свой взор на Шэйли, словно понимая, что на деле она единственная, кто мог бы сказать, как действительно правильно. И взор этот был полон невероятной надежды.

— Ну, вообще-то не обязательно, — ответила Шэйли, и удостоилась весьма сурового взгляда Иана. Однако не стусевалась под ним. — Поминальный аддихан проводят люди веры, они не празднуют, да... но я ведь не провожу обряд, я могу просто ограничить себя в определённых вещах. А вот светский траур...

И Шэйли перевела взгляд на Верона, собственно как и сестра. Глаза Нии светились надеждой, которую потушил Иан, но вновь зажгла его супруга.

— Светский может длиться пять дней, а дальше можно проводить праздник, — ответил герцог. — Да мы раньше и не сможем — из-за моста, точнее его отсутствия.

— Но после сможем? — спросила Ниилла, воодушевляясь.

— Да, — кивнул ей Верон. — Давай, проведём весенний праздник, милая.

— Верон, — у Иана хватило ума прошептать, а не вскинуться с протестом во весь голос.

— Иди, милая, скажи Яци, — обратился к сестре старший Шелран.

Ния радостно кивнула, потом пожала предплечье Иана, улыбнулась Шэйли и убежала из библиотеки.

— Ты с ума сошёл? — перестал сдерживать себя младший брат. — Это невыносимо!

— Иан, хватит!

— Выйди, Шэйли, — приказал он супруге.

— Оставь её, — вступился за неё Верон. — Я не собираюсь это обсуждать. Сделай приятно сестре, в самом деле. Просто праздник, Иан. Не война, и не конец света! А потом езжай, куда хочешь!

И, искренне надеясь, что Иан не станет срывать на супруге злость, он вышел из библиотеки.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он у Шэйли, когда заметил её, стоящую у дверей балкона.

Была уже ночь, но сон на Верона не шёл. Он, как часто это делал ещё в детстве, сидел на перилах балкона с закрытыми глазами.

Когда был подростком, он так чуть не упал, но только страха от того, что чуть не покалечился или не умер, не было, наоборот только подстрекало делать так снова и снова. Иногда в нём поднималось что-то странное, неведомое ему самому, с самой глубины сознания, словно стремление к саморазрушению, но если кто-то пил без меры или тонул в похоти, вёл опасный образ жизни, то Верон Шелран изредка поступал совершенно безрассудно, при чём настолько, что даже отважные глупцы посчитали бы это излишне опасным. Так было и на войне, когда спас Иана.

— Просто не спалось, — улыбнулась она, заметив его и сделала шаг, выйдя на балкон.

— Плохо, — покачал он головой. — Тебе надо спать.

— Но ты не спишь.

— Я другое дело.

— Я не хочу уезжать, — внезапно сказала она, и лицо её стало печальным.

— Я знаю, Шэлл, — ответил он. — Спорить с ним сейчас не стоит, но вполне возможно, что он оставит тебя здесь.

— А ты?

Он нахмурился и он бы всё отдал за то, чтобы остаться с ней. Да вообще навсегда запереться здесь и плевать, что там будет происходить вне их мира. Несмотря на то, что ему было жаль сестру, но иногда он завидовал ей — её безумие казалось спасением от тягости внешней обременяющей своими правилами и несправедливостью жизни.

— А мне нужно будет ехать в столицу на свадьбу второго наследника, — ответил Верон. — Хотя, кажется, эта свадьба вовсе не случится.

— Но если не на свадьбу, то ты тоже уедешь в Ласцу?

— Мне надо уехать, потому что иначе... — он тяжело вздохнул. — Тебе надо без меня...

— Не бросай меня, Вер, — прошептала Шэйли и подошла к нему.

Её пальцы легли на его рубашку, а он обнял её за талию. Она подняла на него взгляд, была такая маленькая по сравнению с ним, смотрела снизу своими тёмными, как омут, глазами и ему становилось тесно в самом себе, хотелось на волю... с ней. Верон нагнулся и поцеловал её в лоб.

— Я с тобой, — прошептал он ей в волосы, прижимая к себе крепче.

Она потёрлась головой и лицом о его подбородок и внутри мужчины потянулось желание, такое яркое, дикое, но его надо было сдерживать, потому что не здесь и не сейчас.

Но как же тяжело... Верон обнял её лицо руками и прикоснулся губами к её глазам, щекам, губам. Почти невесомо, но Шэлл было нужно больше. Она в своей искренности просто не понимала, каких усилий ему стоит держать себя в руках, и сколько невыносимой муки приносит ему это — она рядом и Верону нельзя даже смотреть на неё, не то что прикасаться.

Поцелуй стал почти невозможным. Но он обжигал и причинял боль, и остановить его было словно смерти подобно.

На конюшне беспокойно заржали лошади и стала нервно лаять собака. Верон с трудом уцепился за это, отрезвил себя и оторвался от Шэйли.

— Что случилось? — хрипло, словно разбудили, спросила она.

— Не знаю, — ответил он и хотелось стонать, что заставлял себя оставить её. — Надо посмотреть.

Она нахмурилась, кивнула.

— А вдруг что-то опасное?

— Не переживай, Шэлл, там же Рэндан. Иди спать, детка, — и Верон прижал её к себе а потом оставил, словно оторвал от себя часть.

На конюшне Верон нашёл Рэндана, который заставлял ходить коня Иана, и Эйву, которая стояла у ограды, наблюдая за этим. Она что-то рассказывала конюху, а тот, подумать только, смеялся! Нет, герцог видел, как этот молчаливый и угрюмый мужчина смеётся, например, на мосту, когда старший Шелран пошутил про супругу и служителя, но то было

одно, а сейчас — это был такой заразительный, весёлый и искренний смех. Эйва тоже смеялась и выглядела невероятно счастливой.

Она была очень красивой женщиной, притягательной и приятной, Верону было комфортно в её обществе, словно знал её всю жизнь.

Есть такие люди, которые располагают к себе и им доверяют даже такие скептики, каким был он. Ему всегда было тяжело сходиться с людьми, а уж доверять... но с Эйвой было не так. И ведь ей удавалось найти общий язык почти со всеми в доме — эта черта характера была несомненно её достоинством. И вот даже такого закрытого человека, как Рэндан зацепила, да и, судя по всему, удалось намного сильнее, чем просто по-дружески, расположить к себе.

Верону было даже жаль прерывать этих двоих, они были в такой завидной гармонии друг с другом. И как он такое упустил?

— Простите, что разбудили, ваша светлость? — проговорила Эйва, когда они зашли на кухню.

— Нет, Эйва, — ответил он. — Я не мог уснуть.

— Уже достаточно поздно, — отозвалась горничная. — Может чаю вам сделать?

— И себе, — кивнул Верон, садясь за стол, где обычно обедали слуги.

— Хорошо, — улыбнулась она и поставила чайник на огонь.

— И Эйва, дверь полагаю закрыта уже очень давно.

Она в стеснении пожала плечами, волосы её лежали на плечах красивой огненной рекой, она поняла, что он зацепился за них взглядом, явно смутилась и быстро заплела в косу.

— Я... ваша светлость...

— Не надо, Эйва, — ответил Верон. — Просто мы ничего о них не знаем. Я не хотел бы чтобы тебе было больно. Или ты оказалась в опасности.

— Спасибо, ваша светлость, — и это была искренняя благодарность с её стороны.

— И ты можешь положиться на меня, знаешь ли.

— Кажется это было бы слишком... самонадеянно.

— Нет, это вообще не было бы слишком, — ответил Верон, а Эйва снова смутилась и стала заваривать чай.

Это чаепитие успокоило его, Верон смотрел на горничную и думал о невероятной силе внутри этой женщины. Было понятно, что она многое пережила, но в ней при этом было столько невероятного благородства, столько достоинства. Она была словно не на своём месте, но и здесь ей шло. Как там говорят — человек красит место? Эйва определённо могла бы украсить собой любое. Так странно было это осознать.

— Доброй ночи, ваша светлость, — ответила она, когда они расходились.

— Доброй ночи, Эйва, — улыбнулся он в ответ. — И да, Эйва, не переживай.

— Хорошо, ваша светлость. Спасибо вам.

Поднявшись наверх Верон с тоской замер возле двери в комнату Шэйли и Иана, стало так тяжело, почему-то захотелось, как Рэнд и Эйва, но и те прятались, потому что подобные отношения внутри домовых слуг были делом безнравственным и осуждаемым. На деле Верон, как хозяин, должен был бы немедленно уволить одного из них, а то и обоих, если бы поймал за чем-то непристойным, а другой на его месте мог бы сделать это просто по подозрению.

Он нахмурился и направился к себе. В своей постели обнаружил Ланиру.

“Вот же...” — выругался он и вышел.

Казалось, что мир трещал по швам и должен был бы рухнуть в любое мгновение.

Глава 21 Эйва

Дом в ожидании праздника загудел. Это было так забавно — только священнослужитель уехал, как все словно ожило, словно вот, только-только пришла весна.

После той ночи, когда герцог застал её с Рэнданом, Эйва весьма усиленно конюха избегала. Если до того, как он поймал её в зимнем саду, она не думала об этом, а просто погрузилась в работу, то сейчас действительно старалась, чтобы их вместе не видели. И понятно, что Рэндана это не устраивало.

Эйве вообще казалось, что она немного сходит с ума. Ей было так хорошо, что страшно становилось. И ещё это понимание, что она уедет скоро и скорее всего не вернётся уже в Хиит. Не вернётся и что дальше? Было ли вообще какое-то дальше?

И потому не хотелось тонуть в этом мужчине, но тонула, не хотелось чувствовать его, но чувствовала. Её сводили с ума его решимость и напор, у Эйвы сжималось всё от его шёпота в неё, от грубых рук, которые были при этом такими нежными, а этот его взгляд... словно она нереально восхитительная. Она никогда такого не чувствовала раньше. Ни разу в жизни.

Нет, она знала себе цену. На её веку ей представилась счастливая возможность узнать, что её качества ценят и она может быть нужной и даже незаменимой порой, и всё это придавало какой-то смысл её существованию. Но Эйва никогда не кичилась этим, не гордилась, не стремилась к выгоде, она просто была счастлива, что полезна, а что может получать взгляды полные уважения и сердечного тепла, было просто приятным дополнением. И конечно, если это были дорогие люди — это было вдвойне приятно.

Но взгляд Рэндана был другим. Она порой чувствовала, как сторала от его устремлённого к ней взора — даже если смотрел издали, становилось трудно дышать и жгло так сильно, что хоть вой. Его желание было простым, первородным в своей яростной страсти, и от этого шла голова кругом, но при этом он не был примитивен сам по себе. Эйва млела от его нежности и чуткости. Какой-то такой странно грубой, но невероятно завораживающей и оттого притягивающей к себе.

И ей было страшно найти что-то такое, словно это и искала всю жизнь, но удержать не могла бы, а значит обязательно потеряла бы. И даже это её условие “обманешь — не прощу” было скорее неизбежной установкой на разочарование, на потерю... и Эйва понимала, но страх был паническим и разъедал её беспощадно.

Теперь же, несмотря на то, что герцог дал ей понять, что всё хорошо, но тем не менее... это было сильнее её. И потому она отгораживалась и бежала прочь от Рэндана и этого чувства к нему, которое скручивало нутро до боли.

На весенний праздник принято было одеваться просто, даже если это были хозяйева. Как оказалось, обычно это были красивые, но скромные платья или блузы с юбками светлых оттенков. Конечно господ отличали шикарные шляпки, украшения и прочие аксессуары, но всё же сильно выделяться было нельзя. Дело было не в шике — праздник уходил корнями в древность и словно всех должен был уравнивать, и это было здорово.

Герцогиня поначалу восприняла сие правило с недовольством, но потом видимо сменила настроение на более благоприятное — праздник стал для неё хоть каким-то подобием развлечения, и раз другого ничего не найти, Ланира смирилась с его правилами.

Её светлость долго обсуждала с Эйвой наряд, и в итоге всё то время, что не нужно было посвящать хозяйкам, горничная провела за шитьём нарядов для них. И при этом не забывая

делать всё, чтобы не пересекаться с Рэнданом, который впрочем в доме почти не бывал — мост, обязанности конюха и прочая работа занимали его с утра до позднего вечера.

— Беру свои слова назад, — прошептал Рэндан подойдя к Эйве со спины, когда она стояла в кладовой, погруженная в тщетные поиски ниток нужного оттенка.

Отругав себя, что не взяла всю коробку к себе... вот ведь дура! Она, застыв, как можно спокойнее спросила:

— Ты про что?

— Я обвинял тебя недавно, что ты бегаешь от меня, — ответил мужчина ей в макушку, пальцы почти невесомо коснулись её шеи и горничную, словно молнией сразило. И очень хотелось не реагировать, но дрожь пошла по телу, а Рэндан наверняка это заметил. — Вот сейчас ты действительно бегаешь.

— Не понимаю о чём ты, — и хорошо, что они шептались, потому что голос у Эйвы стал осипшим и глухим.

— Три дня не видел тебя толком. Я с ума схожу, Эйва, — и скрутило, утянуло, беспощадно начало трясти.

— Я занята, Рэндан, и ты занят, — ответила она с трудом, и хотела уйти, а точнее сбежать подальше, на воздух, чтобы дыхание перевести, но он не пустил.

— Не делай из меня дурака, шельма, — прохрипел он в неё. — Тебе запретили? Герцог? Эйва...

— Ничего он мне не запрещал, — и она намерено держала голову склонённой, потому что отчаянно боялась посмотреть в его лицо, заглянуть в глаза.

— Врёшь, лисица, врешь... что у тебя с ним?

— Что? — Эйва вскинулась, снова он её приложил, как тогда под дождём после поцелуя.

— Ты просила не врать. А сама? Ну... Эйва! — давил мужчина, сухо, жёстко, с обидой.

— Да, конечно, что ж ты ещё хотел от меня? Ведь не зря исполосована вся, — с гневом произнесла она. Он с шумом втянул воздух, пальцы сжались в кулак, побелели.

— Рэнд? — крикнула откуда-то с кухни Яци, и Эйва, воспользовавшись эффектом, которые произвели на него её горькие слова, и зовом поварихи, выскользнула прочь из кладовой, прихватив с собой коробку с нитками.

— Рэнд? — снова позвала Яци.

— Иду.

Горничная очень надеялась, что он за ней не пойдёт, замерла на лестнице на мгновение, и слышала, как конюх отозвался и ей показалось, что сказано это было так, словно он задыхался.

Эйва старалась погрузиться в работу и не думать, но получалось не очень. Мысли и переживания множились, она нервничала и то, как получались наряды ей не нравилось.

— Эй, девушка, надо же побереечь себя, — ласково сказала ей Янра, заглядывая в комнату, где Эйва шила.

— Не получается, — отозвалась она.

— Иди перекуси, проветришь. Сидишь тут безвылазно. До праздника ещё два дня. Успеешь. А Яци там пирожки испекла на пробу для угощения, да и госпожа Ниилла очень просила. Ты не завтракала сегодня и не обедала, — здешняя горничная склонилась над работой Эйвы. — А мне нравится. У меня так никогда не получалось. Прямо загляденье!

Она вздохнула и упрямо мотнула рыжей головой.

— Ну хватит, надо передохнуть и всё будет хорошо, — Янра погладила её по спине.

— Может ты и права, — согласилась Эйва, да и действительно хотелось кушать.

Она спустилась вниз с намерением сделать вот это — перекусить и проветрить голову, но всё пошло не по плану.

Уже сотый раз за день Эйва ругалась на себя. Теперь на то, что слишком сердобольная... идиотка! Избегала Рэндана, поругалась с ним, в надежде, что оттолкнёт своими словами, а теперь шла по лугу в сторону дальнего выгула для лошадей, таща корзину с обедом для конюха.

Нет бы отказаться, но Яци попросила и сделала такое скорбное лицо, что отказать было невозможно, да и какие причины? Сказать, что поругались? Вот будет у всех веселье и повод посплетничать от души, ведь Эйва была уверена, что, если об их отношениях с Рэнданом и знают, то скорее всего только Бэлт, но он был чрезмерно благороден, чтобы болтать, а остальных слуг как-то удавалось держать в неведении. И тем более, что слуги эти разбежались кто куда, не желая идти в такую даль, да ещё и к конюху, но не оставлять же его теперь голодным.

“Вот и проветрила голову...” — Эйва тяжело вздохнула, когда увидела загон невероятных размеров, двух лошадей в нём, и лежащего в траве между несколькими деревьями мужчину.

Внутри всё ухнуло, и это была какая-то смесь обиды на его обвинения в связи с герцогом и дурная радость, что ревнует. Ну, нормальная ли она?

Эйва сделала ещё несколько шагов и потянуло сильнее, потому что знала, чем именно скорее всего всё это закончится — противится этому мужчине она не могла. Однако, приняв для себя чёткое решение, только отдать корзину и сразу уйти, уняла трепет и пошла решительнее.

К ней из травы поднялась собака, что жила в конюшне, узнав, радостно завиляла хвостом. Рэндан сел и обернулся, и Эйва могла поклясться, что мужчина с псом были сейчас в одном настроении.

— Эйва?

— Ты далеко забрался. Еле нашла, — она очень старалась говорить спокойно и бесстрастно, хотя внутри всё естество предательски скакало вверх вниз. — Это обед. Яци вспомнила, что не дала тебе ничего.

— И ты...

— Кроме меня некого было попросить, — прервала она, ставя корзину на траву и глядя голову собаки, которая заинтересованно ткнулась носом в принесённое. — Бэлт занят строением лавок для праздника, Янра сидит с госпожой Нииллой, а остальные нашли себе сотню дел, чтобы к тебе не идти.

— Бояться меня, — заключил он, отводя от неё взгляд.

— Видимо да, — буркнула Эйва.

— А ты?

— А я видимо нет, — и она развернулась уйти, потому что надо было срочно, иначе сама уже не выдержит.

— Эйва, стой, — рыкнул Рэндан и конечно... это они уже проходили и не раз, кажется можно записывать в привычку — она уходит, он ловит.

Правда времени на закрепление у них нет.

— Эйва, Эйва, — и мужчина её поймал, обнял сзади, прижимая к себе спиной, отрывая

от земли. Она стала вырываться, и потому он опустился на колени, потянув её за собой, и конечно Эйва не устояла и плюхнулась на траву, почти полностью утопая в его ручищах. — Ну, прости меня, прости, лисичка... я такой дурак.

И было так горестно и так хотелось развеветься, что пришлось зажмуриться.

— Я не хотел этого говорить, но не могу. Скручивает, шельма, с ума схожу по тебе, а как представляю, что ты с кем-то... — и он запнулся, сжимая с такой силой, что кажется у неё все кости сейчас переломаются. Прижался губами к её шее, поцеловал ухо, отчего тело всё дрогнуло, и хотя разум ещё пытался сопротивляться, но тело уже готово было падать вместе с ним хоть в траву, хоть в омут, хоть в грех. — Прости меня, не могу. Не вижу тебя и голову ведёт. Я безумный без тебя, шельма моя.

— Я уеду, Рэндан, меня не будет совсем скоро, — прошептала она с болью, — что ты будешь делать? Надо остановиться... сейчас.

— Поздно, Эйва. Мне страшно, я дни считаю до твоего отъезда, я сойду с ума. Уйду, сдамся, пусть расстреляют, если нельзя так всегда, как вот сейчас, закрою глаза, представляю тебя и умру счастливым.

— Не смей... — и она не смогла сдержать слёзы, нет, она не рыдала, они просто текли из глаз, потому что слишком сильно, слишком больно, слишком безумно.

— Эйва, — прохрипел в неё Рэндан и на мгновение расцепил руки, отпустил её, чтобы снять куртку, и можно было бы убежать, но куда от себя можно бежать, да и не было у неё сил, она хотела того, что он делал. До темноты разума хотела.

Постелив куртку перед ней, Рэндан снова её прижал к себе и жар его тела был таким невыносимым, так его хотелось пустить внутрь... он опрокинул её так, чтобы можно было целовать уже лицо, губы и Эйва сама подалась вперёд, вцепилась в него, потому что на деле всё, что он говорил, всё, что чувствовал, в ней отзывалось тем же умопомрачением. И все эти дни, что бегала от него, до воя по нему тосковала.

Но за мгновение до того, как потеряла голову, растворяясь в его напоре, лавиной сходящей на неё, бывшую рядом с ним такой маленькой и, боги, счастливой, она слабо запротестовала, смущаясь месту. Рэндан только прохрипел в неё, что не важно, да и действительно было не важно.

— Эйва, — позвал он её и она с таким трудом открыла глаза, встретила с ним взглядами. — Я уйду, если так случится, если прижмут нас, я уйду... слышишь? Я не допущу, чтобы тебе было плохо.

И это было просто, и не к месту вроде, но счастье от сказанного было таким всепоглощающим, такое естественно дикое...

Рэндан, зарывав и ругнувшись, кончил быстрее её, но он не был бы собой, если бы она могла рассчитывать, что отпустит её сейчас.

— Измучила меня, шельма, — с досадой прохрипел он, но хватки, которой держал Эйву, не ослабил.

— Рэндан, — мотнула она головой, пытаясь освободиться, потому что даже этого голодного единения было достаточно, чтобы потеряться, и дальше можно было не идти.

Но он сел на колени перед ней, и даже представить эту картину со стороны было невыносимо стыдно, чего уж оказаться внутри. Эйва попыталась прикрыться своими юбками.

— Перестань, — взмолилась она, но незначительным усилием всего одной его руки, её нижняя часть тела была поднята вверх, а ноги закинута ему на плечи. — Рэндан... нет...

И это был такой безнадежный всхлип, потому что его пальцы вошли в неё, двигаясь медленно, но уверенно, Эйва задохнулась, вцепилась руками в дерево, что было за ней, но и этого было мало — Рэндан убрал пальцы, нагнулся и медленно провёл языком там, где они только что были, поцеловал её туда и Эйва со всей силы потянула себя к дереву, потому что это было уже слишком.

— Тшшш, — не пустил её мужчина. — Куда, шельма? Не пущу... так просто не пущу...

И убежать нельзя, и закрыться, стыд прямо поджигал её изнутри, словно она на костре. Так было нельзя, но он же делал, а она кажется голос потеряла, потому что орать хотелось, но получалось лишь хватать воздух, задыхаясь, стараясь не сойти с ума от удовольствия и смущения. Мотнув головой в истерике, она заметила, как конь, что был в загоне забрался на лошадь, которая кажется принадлежала госпоже Ниилле.

— Рэндан, — прошептала с трудом Эйва, — конь...

Мужчина оторвался от неё, давая такую необходимую возможность перевести дух, потом ухмыльнулся и, опустив ниже, чтобы было удобно, вошёл в неё, потому что снова стал возбуждённым, навис над ней, одна его рука легла на её руки, что хватались за ствол дерева, вторая оказалась под спиной, а пальцы легли на шею Эйвы.

— Для этого я тут и сидел, — прохрипел он, целуя её шею, кожу в вырезе, грудь сквозь ткань рубашки, переходя выше к лицу, впиваясь в губы, не сбавляя темпа, двигался внутри неё. — Кобылка непростая, хоть и в охоте, но характер такой, что всё не по ней. А он дурак совсем, обхаживал её, а она брыкалась — то подпустит, то отгонит. Я уж думал, что не получится ничего, но видишь... ей просто воля была нужна. Она на воле стала покладистой, мягкой, открытой...

И Эйву скрутило со страстью, она слушала его шёпот и с каждым словом сгорала всё сильнее и сильнее. И да, он говорил не про них, но и про них ведь, так? И такой потерянной и необузданной она не была никогда, словно он кипятил её кровь, мучил и превозносил одновременно. Эйва выгнулась задыхаясь от нашедшего волнами конца, содрогнулась под Рэнданом, а он зарычал в неё, сделал ещё несколько движений и с такой болью оставил, словно хотел в ней умереть, но было нельзя.

И он всегда был очень аккуратен, несмотря на то, что Эйва чувствовала, с алчным внутренним ликованием, как он теряется в близости с ней, с трудом возвращаясь к разуму, но он находил силы и проявлял эту заботу, а она сходила с ума из-за этого осознания ещё сильнее.

Рэндан подтянул её на себя, устроив на коленях, а Эйва обняла ногами, руками, на деле просто повисла в бессилии, если бы он её не держал, то она бы упала назад. С трудом отдышавшись, она перевела взгляд на животных.

— Это разве не лошадь госпожи Нииллы?

— Она, — подтвердил Рэндан.

— А ничего что... — и голос сбился, горничная вдохнула.

— Нет, Шелраны разрешили, — ответил он на её незаконченный вопрос, поглаживая ласково спину. — Грешно такую славную кобылку, породистую, ладную, без приплода оставлять. Хороша же, ещё немного и нельзя уже ей будет.

— Но ведь этот конь другой породы, — спросила Эйва, хотя в этом мало что понимала.

— Ничего. Похож. Красавец. Характер пока горячит, но это потому что молодой. Я его только учить начал, но видно, что толковый, человека слышит, понятливый. Если получится у них, то будет отлично.

— А её милость? Она же...

— Её Бэлт уговорил.

— Она забудет ещё десять раз, — попыталась качнуть головой Эйва, лёжа на его плече.

— Так он ещё десять раз ей расскажет, — ответил Рэндан, целуя её плечо. — Терпения у него больше, чем травы на поле, да и если жеребёнок родится, её милость будет счастлива.

— Если? Может и не получится?

— Может. Она уже не молода. Шелраны сказали, что кобылка в бремени была дважды, первого заводчику отдали, а второй не выжил, что-то не так пошло. Так что он, — кивнул мужчина в сторону коня, — может зря старается.

— Заводчику? Лар Вайдену?

— Наверное. Хорошая у него порода.

— А человек он отвратительный.

— Знаешь его? — спросил мужчина.

— Госпожа Шэйли его племянница, — ответила горничная. — Он её в храм сдал, когда её родители умерли. Девочка пяти лет помешала ему...

И Эйва горестно вздохнула, а Рэндан прижал её к себе, утешая, хотя на деле понятия не имел об истинных причинах этого вздоха.

— И сколько ты будешь ещё здесь сидеть и ждать? — спросила Эйва, переводя тему разговора.

— Ну, сегодня точно посижу, — ответил конюх.

— Иди ешь тогда, а то всё остынет, — кивнула она на корзину, потому что, если его снова утянет желанием, она точно никуда отсюда не уйдёт.

— Посидишь со мной? Или надо уйти? — спросил он, заглядывая в её лицо с надеждой во взгляде.

— Посижу, если хочешь, — согласилась она, скорее потому что не могла физически никуда идти — ноги не держали.

— Зачем ты так? — с тоской спросил Рэндан. — Ты же знаешь, что хочу.

— Ого, это тесто, как в Мисах готовят, — он уставился на пирог, как на невиданное диво. — Как думаешь Яци скажет как делает его?

— Скажет. Она тебя обожает.

— Правда?

— Да, поёт тебе оды — Рэнд единственный от кого в этом доме толк есть, — передразнила она повариху, а конюх рассмеялся. — Но зачем тебе? — Эйва была искренне удивлена.

— Я разное тесто умею замешивать, — ответил он, пожимая плечами, — но такое не доводилось. Есть доводилось, но рецепта не знаю. Хороший хлеб.

— Что? — удивление усилилось, она всё никак не могла понять этого мужчину, несмотря на то, что вроде был таким простым. А сейчас так вообще словно впервые видела. — Разное? В смысле ты умеешь замешивать тесто для хлеба? И сколько?

— Не только замешивать, я и печь могу, — с улыбкой отозвался он, не переставая жевать. — Шесть.

— Шесть? Рэндан, что?

— Ну, это если не считать, этот мерзкий храмовый хлеб, — фыркнул он недовольно. — Его вообще готовить не надо на деле. Это даже хлебом с трудом можно назвать.

— А вот уехавший священнослужитель считал, что этот хлеб дар богини и он очень

полезен. И даже здоровья добавляет, — и как же она злилась, когда прислуживала на том обеде, слушая этот невероятный бред от этого полного притворной святости служителя богов.

— Да простит меня богиня-матушка, но кажется это не дар, а наказание. От этого дара свинья может сдохнуть, — фыркнул Рэндан. — Служители... сами жрут в три рта, что получше, а жриц вот таким “хлебом” кормят.

— Так, стой, возвращаясь к хлебу, — Эйве было интересно, да и тема храмов и жриц была болезненной и задевающей. Она всегда старалась её не поднимать. — Откуда ты умеешь печь шесть видов хлеба?

— Я работал помощником пекаря, — ответил конюх.

— Когда ты всё это успел? — приподняла бровь Эйва. — Словно тебе сто лет.

— Я рано работать начал, шельма, — ответил Рэндан. — У меня отец умер, когда мне и десяти не было. Работали мама и старшая сестра. А я с двумя младшими сёстрами сидел. А потом мама ногами захворала, работать не смогла больше. И я работать стал, а она дома. С тех пор я и научился мало спать и много работать. В сезон землю обрабатывал, сеял, а потом собирал. Помощником мельника работал. И так далее — за любую работу брался, лишь бы денег заработать и семье помочь.

И он говорил спокойно, но было слышно, что скорбно. А ещё она точно помнила, что он говорил, что ему некуда возвращаться — значит произошло что-то плохое с его семьёй.

— Ты сказал, что у тебя никого нет... что случилось?

— Лихорадка хнийская, — отозвался мужчина. — Как не работали, но всё равно впроголодь жили. Маме на лекарства и помощь врачей всё уходило. А потом, как мор пошёл, так и слегли все. Мне шестнадцать было и я один не заболел. Ухаживал за ними. А потом хоронил.

— Прости, Рэндан...

Он мотнул головой:

— Дом заколотил и ушёл оттуда. Чего мне было там делать? Пока на службу не подался, чему только не научился — привычка без дела не сидеть. Так и осталось.

И они посидели в тишине, он протянул ей воды. А потом спросил:

— А что здесь из себя представляет весенний праздник?

— Не знаю, как везде, наверное, — слегка улыбнулась Эйва, склонив голову набок. — Я в этом доме три года, и была здесь только летом, так что... да и судя по всему не проводили они этот праздник достаточно давно. Видимо из-за состояния её милости.

Он так привычно уже хмыкнул:

— Вот и посмотрим. Наверное как везде.

— Ты посмотришь, потом расскажешь, — улыбнулась горничная.

— В смысле? — с непониманием глянул на неё Рэндан. — Ты не пойдёшь?

— Я не люблю праздники, — ответила она, потом слегка нахмурилась, ступевалась под его пристальным взглядом. — Ну точнее не так. Я... праздник — это хорошо. Все красивые, весёлые. Но я всегда со стороны наблюдала. Знаешь о карнавале в столице летом?

— Да.

— Вот. Мы в театре... труппа всегда представление на улице устраивала, каждый год новое, а я костюмы делать для него обожала. А потом забиралась на верхние балконы, где статуи вирисок и сидела там, смотрела вниз.

И Эйва улыбнулась этому воспоминанию, но с грустью, потому что скучала по той

жизни.

— Почему? — спросил Рэндан.

— Я не люблю толпу, — она пожала плечами и обняла колени, — мне в ней неуютно.

Все эти незнакомые люди... они...

— И ты будешь в доме сидеть? — не унимался Рэндан.

— Да, — хихикнула Эйва, скорее нервно, пытаясь уйти от темы, сделать вид, что она её не задевает. Будто это её незначительная прихоть, а не словно болезнь, от которой паника душит и ужас льдом сковывает внутренности. — Хотела именно это сделать.

— Брось, Эйва. Пойдём вместе. Ну?

И ведь он понимал, так всматривался в неё, а на деле делал вид, что ничего такого. Перенимал её игру?

— Рэндан! — качнула головой женщина.

— Что? — развёл он руками. — Можно же, разве нет. Я надена чистую рубаху.

— Рэндан, боги... — и вот тут она прыснула со смеху. — И у тебя одна рубаха.

— Я постираю, — гордо ответил он. — Это я тоже могу. От меня не будет пахнуть лошадьми и навозом!

— Да меня же это не волновало никогда, — она всё ещё смеясь развела руками.

— Допустим, — никак не унимался он. — Но я всё равно сделаю. Давай, Эйва. Просто погуляем. Я буду с тобой. Ты со мной. Вдвоём.

И ей хотелось. Хотелось сильно-сильно, и с ним можно было, потому что казалось, что он действительно способен унять её страх и защитить от чего угодно, даже от неё самой. И вполне возможно это ощущение было ложным, но как же хотелось тонуть в этом... она и вправду стала безумной с ним и потеряла все зёрна рациональности.

— Только ради чистой рубахи, — ответила Эйва.

— И ещё можно попросить? — радостно улыбнулся он.

— О, есть ещё и просьбы с условиями? — фыркнула она снова начиная смеяться.

— Перестань, шельма!

— Что ты хочешь?

— Не собирай волосы, — озвучил он просьбу.

— Рэндан, — повела головой Эйва, слегка хмурясь.

— Ну чего? — и выражение его лица стало невыносимо милым и так шло вразрез с тем, каким он был весь сам. — Рэндан, да. Ты женщина свободная. Супруга нет, не вдова. Пожалуйста.

— Хорошо, — поддалась она его уговорам.

Глава 22 Бэлт

Когда Бэлт был мальчишкой, то над ним частенько подшучивали в семье. Родители очень хотели дочь, у них было уже два сына и ждали, особенно мама, рождения именно девочки. Но не случилось. Однако характер у него был мягкий, неконфликтный, он был тихим и аккуратным ребёнком, отличался от своих шkodливых, громких и беспокойных братьев, был полной их противоположностью. Конечно это не могло не породить огромное количество злых шуток от них в его сторону.

Самые обидные и злые выходки были чаще всего связаны с тем, что его пытались выставить девчонкой. Бэлт сопротивлялся как мог, но справиться с двумя старшими братьями, игравшими в союзе против него одного, было ему не под силу и чаще всего он проигрывал.

Жаловаться он не любил, да и было понятно, что участие матери могло сделать всё только хуже. А отец не стал бы помогать, потому что был строгим и чёрствым человеком, считавшим, что трудности закаляют характер, а Бэлту это вообще необходимо. Но отец видел только внешнее, до того, что было у младшего сына внутри, ему не было дела. Ему было всё равно насколько стойкий у мальчишки характер, если на лицо он был нежным и очаровательным.

Одна из таких издёвок братьев и привела его к знакомству с Нииллой Шелран. Тогда они гостили у герцогов Парсинар, приходящихся дальними родственниками обоим семьям — семье Бэлта и семье Шелран.

В результате шутки, Бэлт остался на берегу реки, а перед ним была только девичья нижняя сорочка, оставленная братьями, — или иди голым, или надевай, что есть. Понятно, что первый вариант был не приемлем, поэтому мальчик выбрал второй, пусть и унижительный.

Стараясь незаметно пробираться в таком виде в дом, который не был толком знакомым, он налетел на отдыхающую за чтением книги девушку.

Заметил он её слишком поздно, поэтому, когда она подняла на него глаза, было просто нелепо убегать, да и Бэлт немного замешкался, стушевался перед ней. Девушка была в его понимании очень красивой — большие серо-зелёные глаза, овальное лицо с тонкими чертами лица, улыбка лёгкая, полная тепла.

Она глянула на него немного нахмурившись, и Бэлт ждал, что она рассмеётся, внутри он даже сделал это сигналом к своему немедленному отступлению, позорному бегству, но она лишь склонила голову, понимающая улыбка коснулась её губ и заорожила мальчишку.

— Весьма скверная шутка, — произнесла девушка, откладывая книгу. — Думаю тебе не нравится так ходить и хочется скорее привести себя в надлежащий вид?

— Делаете выводы даже не зная меня, ваша милость? — надерзил он внезапно, и сам от себя такого не ожидал.

— Не совсем. Если бы это было обычным делом, то по кустам ты бы не шарился, — сказала она спокойно и встала. — Так тебе помочь?

Бэлт смутился — устыдился своей собственной грубости, ему хотелось, чтобы она помогла, но с другой стороны, он всегда от всех ждал подвоха.

— Мне нужно в дом, но я здесь впервые, — после весьма затянувшегося молчания, во время которого он сражался с собой, а она терпеливо ждала, произнёс мальчик.

— Пойдём, — девушка слегка поманила его рукой, и он не без опаски последовал за ней.

Однако он зря ждал ловушки — она просто провела его в дом, следя, чтобы их никто не видел, даже довела до его комнаты, а Бэлт даже толком девушку не поблагодарил.

Уже за обедом, когда все гости дома Парсинар собрались за общим столом, Бэлт узнал кем была его спасительница. Она же ни словом не обмолвилась о произошедшем, даже когда его старшие братья с нескрываемым удовольствием рассказали остальным гостившим здесь детям о своей шутке.

С тех пор его взгляд был устремлён на неё. И пока были в гостях тогда, и позднее. Что до Нииллы она всегда очень мягко улыбалась ему, но заговорить с ней у него смелости так и не хватило.

А когда смелость появилась, когда понял, что можно попробовать, Ниилла уже стала графиней Сэнори, супругой человека, к которому Бэлт испытывал не просто неприязнь, а

которого откровенно презирал.

А потом всё, плохое и хорошее, смяла, исковеркала и уничтожила война.

Когда они с хворым, измотанным горячкой, Рэнданом перешли через горный перевал и дошли до сюда, он понятия не имел, что дом принадлежит Шелранам. Да и с трудом узнал в странно отрешённой и немного безумной хозяйке обожаемую им когда-то Нииллу Шелран.

После проведенной в сеннике ночи, горничная, напуганная и настороженная, предложила им позавтракать, а Бэлту, когда понял, кто перед ним, кусок в горло не лез, хотя это был первый за очень долгое время нормальный человеческий приём пищи. Мужчина с трудом сдержал нахлынувшие и уничтожающие его эмоции. От Нииллы осталась только эта мягкая улыбка, даже несмотря на безумие, такая же притягательная и полная нежной доброты.

Хозяйка тогда посмотрела на него и на мгновение Бэлту показалось, что узнала, но нет... и уже оставшись, позднее, узнал о том, что с ней случилось, и ушёл по снегу в поля, лёг в снег и разрыдался как ребёнок, потому что справиться с собой было невыносимо тяжело.

Это была такая чудовищная, беспощадная ирония — у него теперь была возможность говорить с ней, быть рядом, даже прикоснуться мог. Только её не было... были лишь безумные эмоциональные всплески, радостные или полные отчаянного страдания, страха, с которым ничего нельзя было поделать.

Вернувшийся в дом после болезни, дворецкий устроил скандал Янре из-за присутствия в доме незнакомых мужчин, при чём ор старик учинил не по причине опасности, которую могли представлять незнакомцы, а из-за разврата, гнили, грязи, греха и ещё какой-то невменяемого вздора.

Ниилле сделалось так плохо, что Бэлта, который всегда был неконфликтным и терпеливым даже в самых опасных и безвыходных ситуациях, потянуло старика удавить. Однако так вышло, что несчастная женщина осела рядом с ним на пол, заливаясь слезами и причитая в страхе, и вцепилась в его штанину, а он не совладав с порывов обнял её, пытаясь успокоить. Дворецкий накинулся было на него с кулаками, но Рэнд встал на пути, а Янра, которая тоже была готова расплакаться, попросила Бэлта унести хозяйку.

Он унёс и, держа в руках, был таким счастливым, дурак, до боли счастливым. Принеся её в комнату и уткнувшись в её колени, мужчина разрыдался, а Ниилла так странно успокоилась, нахмурилась, а потом обняла его в ответ. И так больше его от себя и не отпускала.

— Бэлт? — она встала над ним, хмурясь. — Ты долго ещё будешь делать эту скамью?

— Нет, ваша милость, но мне надо сделать ещё три.

Она надулась, наподобие обиженной девочки.

— Вы же сами хотели праздник, — улыбнулся он.

— Теперь уже не хочу, — ответила она. — Почему Рэнд тебе не помогает?

— Он помогает, просто сейчас занят мостом. Без моста к нам никто не придёт.

— Мост? — стушевалась она, но потом просветлела. — А, да, мост. Он же сломался.

— Да.

— А Рэнд сможет его починить? Ведь тогда к нам на праздник никто не придёт.

— Да, Рэнд сможет, — улыбнулся ей Бэлт.

— Хорошо, Рэнд ведь всё может? — уточнила она, хотя кажется была уверена в том, что слуга всё может.

— Практически, — кивнул мужчина, а хозяйка радостно улыбнулась.

— Ты уже пообедал? — и эти простые вопросы были такими приятными, хотя и понятно было, что задаёт она их просто по привычке.

— Нет, ваша милость.

— А пообедаешь со мной?

— А как же ваши братья и их супруги? — напомнил ей Бэлт.

— Да. Точно. Они будут против, — и на глаза ей навернулись слёзы. — Я соскучилась.

— Я постараюсь доделать быстрее, — и ему захотелось обнять её, чтобы утешить. — И почитаем.

— Правда? — глаза её загорелись.

— Да.

И Бэлт всё это время на самом деле безумно боялся, что его прогонят, как и того, что Шелраны узнают его. Но, к его радости, времени с их последней встречи прошло достаточно много, да и общались они, когда Бэлт был десятилетним мальчишкой, а дальше ни Верон, вечно погружённый в себя, ни Иан, открытый и окружённый друзьями и женщинами, с ним не пересекались. Присутствие на одних и тех же раутах, балах, постановках в Королевском театре, и прочих светских мероприятиях ничего не решали.

А сейчас Бэлт выглядел как угодно, но точно не как сын знатного графского рода, да и старший брат объявил его мёртвым.

Праздник восхваления прихода весны проходил на ближайшем к дому поле. Там были столы с угощением, навесы со скамьями. Глава городского совета устроил ярмарку, гулянья и прочие развлечения, нашёл музыкантов.

Хотя по началу было сомнение относительно происходящего, но в итоге сюда притащился весь город, а так же были гости гостиницы — богатеи и кое-кто из знатных.

Верон Шелран произнёс речь, благодаря жителей Хиита, прося у богов благословения для наступившего года, желая всем здоровья и веселья.

Ниилла была счастлива. Видя её, одетую в простое платье, которое ей невероятно шло, худенькую, хрупкую, у Бэлта щемило сердце.

Он так сильно любил эту женщину и как же невыносимо тяжело было находиться рядом с ней, получая так много, но тем не менее так мало. Ему хотелось других прикосновений, других взглядов, другой заботы, иного рода близости, но он запрещал себе думать об этом.

Он измучил себя, но изо всех сил, раздирая душу до непроходящих ран, заставлял себя видеть в ней сестру, ребёнка... он повзрослел, а она нет. Никак иначе. Потому что иначе, он так боялся переступить черту, а за ней он был уверен, станет темно, холодно и страшно.

— Не хмурься, а то станешь, как я, — фыркнул ему Рэндан, встав рядом.

— О, ужас, — ответил на это Бэлт, принимая кружку с пивом, которое принёс друг.

В войну они были командиром и подчинённым, но иерархия, ранги, положение по рождению, не имеют значения, когда вокруг тебя грязь, боль, море крови и смерть.

Бэлт знал, что на Рэндана можно положиться, он верил ему, а ещё был обязан жизнью. Приговор, который вынес военный трибунал, был совершенно невыносимым, разозлил Бэлта. Он прижал виновного в убийстве, но доказать ничего не мог, поэтому они просто помогли Рэндану сбежать.

Сам Бэлт мог и остаться, но на тот момент уже не было внутри ничего кроме разрушительной пропасти и клубящейся где-то на её дне ярости, поэтому он принял решение бежать вместе с товарищем. И знал, что после военный трибунал его тоже приговорил,

заочно, к десяти годам каторги.

— А где твоя заноза? — спросил Бэлт.

— Ты за своей смотри, — отозвался Рэндан.

— Смотрю.

И он не рассказал другу, что знал Нию до всего этого, скрыл, что был знаком с Шелранами, потому что предвидел реакцию — они бы снова пустились в бега. Рэндан был осторожным и продуманным человеком, если бы знал, что есть хоть малейшая вероятность быть раскрытыми, то рисковать не стал бы.

А Бэлт не хотел уходить и сейчас был невероятно удивлён тому, как у рыжей горничной получилось так цепануть угрюмого и скупого на чувства Рэнда.

Эйва была милой, словно знакомой, очаровательной женщиной. Конечно шрам её Бэлта напрягал, но он лишь раз заикнулся об этом и получил от Рэндана столько хищной угрозы, что больше к этому не возвращался. И ведь было это ещё до того, как друг всё-таки смог добраться до горничной, так что теперь и подумать было об этом смертельно опасно, не то, что сказать.

Бэлт ухмыльнулся и искоса глянул на Рэндана, потом проследил за его взглядом и нашёл Эйву.

Хотя можно было и не искать. Не только милая и очаровательная, но и красивая — на ней было светлая юбка и тёмной лентой по подолу и поясу, светло-зеленая блуза с кружевом, рыжие волосы были распущены и огненными волнами спускались на спину, а непослушные локоны лезли ей в лицо и она, озорно сдувая, их убирала. Пожалуй она была сейчас заметнее, чем даже герцогиня, от красоты которой можно было потерять дар речи.

— Хороша, — заметил он и получил полный грозного предупреждения взгляд Рэндана.

— Смотри в другую сторону, парень, — проговорил мужчина, впрочем восхищение и гордость спрятать не удалось.

— Ты пойдёшь спрячь её, — ответил на это Бэлт и рассмеялся, когда друг снова вернулся взглядом к Эйве, кажется действительно отчаянно желая утащить её от всего веселья подальше.

Толпа росла, Бэлт перекинувшись ещё парой слов с Рэнданом, обсудив кое-кого из пришедших, потерял друга из виду.

— Бэлт, — пропела возникшая из ниоткуда Юллин.

— Да, — отозвался он.

— А не поможешь мне корзину с грязной посудой в дом отнести? — попросила девица, как-то неестественно встав боком.

— Давай, — с неохотой согласился он. Она его невероятно сильно раздражала.

Они дошли до кухни, всю дорогу Юллин что-то говорила не переставая, а Бэлт даже слушать не хотел. На кухне она что-то спросила, он не понял что, лишь рассеянно кивнул, отправившись на выход, но тут же столкнулся с девушкой, которая будто нарочно пошла одновременно с ним в узкий проход.

— Юллин? — он попытался сделать шаг назад, чтобы пропустить её, но не получилось, потому что она прижала его, не давая двинуться хоть в какую-нибудь сторону. — Ты что делаешь?

— А как ты думаешь? — и одна рука легла на его ремень, пытаясь расстегнуть его, а вторая спустилась ниже.

— Так, — Бэлт грубым не был, с женщинами тем более, но тут он опешил и весьма

резко схватил горничную за руки, разведя их в стороны. — Ты ошалела? Или напилась?

— Тебе будет хорошо, — прошептала она, сделав движение корпусом вперёд и пытаясь его поцеловать.

— Нет, не будет, — отрезал он и оттолкнул её от себя, прижав к противоположной стороне прохода так, чтобы иметь возможность выйти.

— Ну, Бэлт, подожди, — прохныкала Юллин, хватая его за рубаху.

А он замер, потому что в дверях, ведущих в служебные помещения дома, стояла Ниилла. Она застыла, осмотрела Бэлта и Юллин, лёгкая улыбка вдовствующей графини исчезла и выражение лица стало озадаченным и потерянным, потом она потупила взор, словно устыдившись увиденного, и поспешно ушла.

— Чтоб тебя нихры сожрали, — ругнулся Бэлт, отцепляя руку Юллин от своей рубахи.

Он нагнал Нииллу в саду и к его ужасу она плакала.

— Ваша милость, — он осторожно поймал её за руку.

— Нет, — мотнула она головой.

— Ния, пожалуйста, — прошептал Бэлт.

— Это потому что я странная, потому что я безумная, потому что я сломанная, — захлебнулась она в болезненном шёпоте.

— Нет, нет, не надо, ты лучшее, что у меня есть, — с болью произнёс он. — Ты всё.

И конечно он понимал, что это не имеет никакого значения, даже не было надежды, что то, что она сказала, было произнесено осмысленно. Но Ния подняла на него взгляд заплаканных глаз и Бэлт мог поклясться, что в них была жизнь, было понимание, была боль... он сделал шаг к ней и положив руку на её шею, нагнулся и прижался губами к её губам.

И нельзя было этого делать, это было страшным преступлением, разрушением, ещё более чудовищным, чем война. Для него, для неё. Но пусть высшие боги простят ему этот грех, и он согласен на вечные мучения в обители низших, потому что она действительно была для него всем.

Ниилла раскрыла в испуге влажные от слёз глаза, потом втянула воздух носом и замерла.

— Бэлт? — шепнула она, когда он выпрямился и погладил её щёку.

— Прости меня. Я очень сильно тебя люблю, — произнёс он, а внутри всё сжалось от боли.

— Даже сломанную? — спросила она так же тихо.

— Любую, — прошептал он.

Ниилла стояла словно во сне, задумчивая, будто пытаясь найти ответ на его слова, на его поступок, но у неё не получалась. Она слегка нахмурилась, часто моргая, смотря куда-то ему на грудь, потом снова посмотрела на него.

И Бэлт уже хотел сказать ей, что надо возвращаться на праздник, или, если она хочет, можно отдохнуть, но не успел.

Она приподнялась на мысочки, её руки обняли его лицо и она его поцеловала. По-настоящему, приоткрыв рот, закрыв глаза, и Бэлт уже почувствовал себя в последней обители, он умер, его клеймили раскалённым железом, его прогоняли через строй и каждое мгновение было ударом меча плашмя.

Он обнял её, прижал к себе и разрешил почувствовать в ней женщину. Ту, которую он безумно любил, ту, которой она была до всего этого кошмара, который сотворил трусливый

безумец.

Но мгновения мимолётны и хрупки — в саду вспорхнула птица, Ниилла вздрогнула и отстранилась, обернулась на шум. И стала снова собой теперешней.

— Бэлт? — слегка улыбнулась она, словно только заметила. — Я ушла с праздника? Надо вернуться?

— Если хотите, ваша милость, — ответил он, сдерживаясь, чтобы не взвыть в голос.

— Давай, — кивнула она и обняла его руку за локоть.

— Да, — согласился он и пошёл с ней обратно в сторону шума, веселья и толпы.

Рэндан так и не вернулся, и Бэлт, уложив спать Нииллу, потому что Янра ушла с Сэмэлом, а хозяева все куда-то исчезали, пошёл проследить, чтобы на поле погасили все костры.

Там ещё было веселье и мужчина заметил сидящего под деревом герцога.

— Ваша светлость, — подошёл к нему слуга.

— Бэлт? Я думал, что ты с госпожой Нииллой, — произнёс Верон, который был достаточно сильно пьян.

— Я уложил её милость спать, ваша светлость, — ответил Бэлт. — Пришёл проверить, чтобы тут костры не оставили нечаянно, когда разойдутся.

— Судя по всему это всё продлится до утра, — не весело ухмыльнулся старший Шелран. — Иди отдыхать, я прослежу.

— Уверены, ваша светлость? Я могу...

— Иди, Бэлт, иди!

— Да, ваша светлость, — и, поклонившись, он отправился в дом.

В комнату к ним с Рэнданом заходил осторожно, потому что предположил, что друг и его рыжая горничная могут быть здесь — ведь понятно, почему они не вернулись.

Заглянул и не ошибся, но только сразу же встретился с совершенно диким, полным ярости взглядом Рэндана, который сидел на своей кровати и прижимал к себе Эйву, держа на руках, как ребёнка. Горничная была одета, и судя по всему спала, крепко сжимая рубаху мужчины в своём кулаке.

Бэлт сразу понял, что случилось плохое — такого лица у друга он не видел с войны.

Глава 23 Рэндан

Такие праздники проводились в деревнях повсеместно по всей стране, преимущественно в начале поры цветения. И уходили корнями в древность.

Поле загудело почти с самого рассвета, и было странно не работать, потому что последние несколько дней он только и делал, что был занят всем подряд. Хотя сидение на поле с лошадьми Рэндан делом назвать не мог. Вообще не очень понял, почему ему это поручили — ведь сидеть и ждать, мог бы любой в доме, а он сам лучше бы скамейки сколачивал или на мосту помогал.

Работать физически ему нравилось намного больше, потому что голова не забивалась мыслями, а тут... когда он прижал Эйву в кладовой, то это было скорее от полного отчаяния — она же и вправду от него бегала, а так как это началось после того, как их застал герцог, определённые выводы сложились в голове в такую прочную стену, что не обращать на них внимание было весьма тяжело, а уж сломать тем более.

Рэндан никак не мог понять, что в ней его так изводило. Каждый раз ловил её взгляда, при чём с таким обречением, будто она последний вздох в жизни. А приближающийся отъезд так просто не давал ему покоя. Он действительно считал дни, а то, что не видел Эйву,

то, что она его избегала, что не приходила ночью, не давая возможности ощутить, словно напиться перед смертью, делало его пустым, немощным.

Рэндан говорил себе, что она всего лишь женщина, что столько их у него было в его жизни, чем эта особенная? Но ответа у него не было, а была только невыносимая тоска по ней, как голодный или умирающий от жажды в пустыне.

И она ведь откликнулась, он же чувствовал, как дрожала от прикосновений. И, обидев её в кладовой, почувствовал, как сделал ей больно, и сам сжался от её слов и, потеряв надежду, что сможет попросить прощения, он внезапно ощутил такую щемящую скорбь, неподъемную и мучительную.

Оттого, когда Эйва пришла к нему с обедом, внутри заскакало дурниной счастье, что сможет поговорить, что сможет попробовать всё исправить.

А дальше... Рэндан от этой женщины пьянел, ему не надо было ничего, кроме как вдохнуть запах её кожи, волос, и всё, можно было пропадать, где угодно и как угодно.

— Рэндан, — подпрыгнула Эйва, когда он словил её, идущей на праздник. — Напугал же, ну!

Он лишь уткнулся в её волосы, лежащие на спине яркой бронзовой россыпью.

— Угу...

— Не делай так, — шепнула она и настороженно посмотрела по сторонам.

— Брось, сегодня всем всё равно, — отозвался он.

Эйва была такой красивой, и, когда начинала смущаться, лицо её становилось лицом девочки, таким чарующим, что Рэндан был готов смущать её до беспамятства, чтобы любоваться этим чудом.

— Знаешь, в чём смысл весеннего праздника? — спросил он, когда они пошли от дома в сторону поля.

— Это древний праздник земледелия, — ответила ему Эйва.

— Не просто.

— Ну, дань богине-матушке, — и она на мгновение задумалась, а Рэндан понял, что воздала хвалу Йетри, — и Варну, богу земледелия?

— А почему все в светлом? — поинтересовался мужчина, прищуриваясь.

— Не знаю, — честно ответила Эйва.

— Потому что в древности все приходили на этот праздник в исподнем.

— Что? — удивилась она, хихикая.

— Да, — кивнул Рэндан. — Мужчины в рубахах и штанах нижних, а женщины в сорочках, что под платьями носили, в которых спали. Жгли костры, ели, пили, пели и... — он многозначительно на неё посмотрел и Эйва усмехнулась. — Отношения Йетри и Варна были определённого характера, — развёл руками мужчина.

— Я знаю, — сказала она, кажется снова начиная смущаться.

— Эй, Эйва, Рэнд, — им помахала рукой Янра, которая стояла у ограды вокруг поля, а рядом с ней стоял Сэмэл. — Вина?

— Давай, — кивнула Эйва и сын предыдущего конюха принёс им две кружки тёплого вина.

Рэндан отдал Эйве обе кружки и усадил её на ограду, под деревом.

— Это между прочим лучшее место, — заметил он, забирая свою кружку. — А знаешь, кого на празднике женщины хотели больше всего в оборот взять?

— Кого? — и она склонила голову набок, отчего захотелось поцеловать её, но Рэндан

сдержался.

— Кострового.

— Это кто за костром следит, — нахмурилась Эйва, потом улыбнулась. — Почему?

— Это были обычно самые стойкие мужчины, потому что нельзя было, чтобы они пили, веселились как все, без памяти, да и с женщинами быть им было не очень можно. Считалось, что так можно потеряться и не уследить за костром. А если разгорится, то понятно, что будет беда.

— И что будет женщине, если она соблазнит кострового? — поинтересовалась Эйва.

— Считалось, что блага будет много, урожая, силы женской до конца лет.

— Какой кошмар, — засмеялась она.

Рэндан весь праздник старался не спускать с Эйвы глаз, потому что её слова про боязнь толпы не были для него пустым страхом. Было что-то вроде подсознательного ощущения, понимания, что это намного глубже, тяжелее. Он не хотел ковырять, тянуть из неё это, как не стал выяснять, что именно с ней случилось тогда, когда она получила шрамы.

Для него Эйва была важной, он видел её хрупкость, надломленность. Она закрывалась при малейшем давлении, а её недоверие было таким ярким, ощутимым, словно можно в руки взять.

И Рэндан терялся, не мог найти выход — ему так хотелось что-то сделать для неё, так хотелось забрать всё это болезненное прошлое, стереть шрамы хотя бы те, что были в душе. Он никогда раньше такого не чувствовал, поэтому действовал на инстинктах, которые в обычной жизни не подводили.

Но праздник — это было чем-то вроде всплеска его собственного эгоизма. Ему хотелось побыть с ней открыто, не прячась по сенникам, зимним садам, кладовым, полям, комнатам, не оборачиваясь, не прислушиваясь — просто стоять рядом, иметь возможность просто говорить.

Эйва понемногу успокоилась, напряжение, что было у неё внутри постепенно отступило и она смогла отпустить свой страх, смогла общаться с окружающими, но Рэндан всё равно был наготове, чтобы вытянуть её отсюда, если понадобится. Для него сейчас имела значение только Эйва и ответственность за то, что попросил побыть с ним, переступая через её страх и неприязнь.

Он подошёл к Бэлту, который выглядел побитым и потерянным, сидел хмурясь, сам в себе, будто на похоронах. Уколов друг друга по-товарищески, посмеялись и того немного отпустило.

Рэндан уважал его, потому что Бэлт был хорошим командиром, внимательным к людям и их нуждам, не был самодуром и слышал даже самых простых солдат, принимал их разумные идеи и доводы, пользовался этими знаниями. А сейчас стал другом, товарищем, на которого всегда можно положиться, они были крепко связаны между собой и очень друг друга ценили.

— Эйва? — крикнула Яци и Рэндан сразу оторвался от разговора с Бэлтом. Нашёл в толпе повариху, которая стояла вместе с Юллин, ещё девочкой из слуг, а так же почему-то хмурой Янрой. С ними, к Рэндану спиной, стоял мужчина из города, низкорослый, худощавый, но видно, что крепкий. — Эй, ты же тоже в театре королевском работала?

Рэндан нашёл глазами Эйву. Она говорила с кем-то из домашних, отозвалась поварихе, но Яци не видела её, всё ещё искала взглядом.

— Это кто с ними? — спросил Рэндан у Бэлта, потому что тот был более общительным.

чаще был в городе по поручениям вдовствующей графини, и знал много кого из Хиита.

— Ты про мужика, что с ними стоит?

— Угу.

— Ревнуешь? — ухмыльнулся приятель.

— Бэлт, — мотнул он головой, оставаясь спокойными и серьёзным.

— Он тоже не местный. Год или два здесь. С владельцем гостиницы дело состряпал — пиво варит, — и Бэлт кивнул на свою кружку. — А Эйва правда в театре работала?

— Да, — кивнул Рэндан и снова стал искать глазами горничную. Но на этот раз не нашёл.

Он напрягся, оттолкнулся от изгороди — потерять Эйву было невыносимо, потому что она тут была сейчас кажется самой яркой женщиной с этим своим водопадом рыжих волос... но её не было.

Рэндан как можно спокойнее обошёл вдоль изгороди, встал там, где она стояла, когда он видел её в последний раз. Отсюда он прекрасно видел Яци, остальных и этого “пивовара”, улыбающегося сейчас Юллин.

Порой Рэндан встречал людей, которые напрягали, у него было словно чутьё на людей с гнилью внутри, он видел их насквозь, никогда не ошибался и сам был порой тому не рад. И этот мужчина был как раз из таких...

Холод сковал внутренности Рэндана, потому что тревога не отпускала, взялась ледяными пальцами за шею, начала хватать за руки.

Он резонно решил, что если что-то случилось, то Эйва должна была отправиться в дом, потому что захотелось бы спрятаться. Рэндан отправился в сторону хода для слуг — в кухне не нашёл, в других подсобных помещениях тоже, осторожно поднялся наверх, в часть дома, где спали слуги, и куда они с Бэлтом не ходили, но и там женщины не было.

Кажется ещё немного и он начнёт задыхаться — Рэндан застыл на лестнице, напротив выхода в хозяйскую часть дома. Конечно он понимал головой, что нет ничего у Эйвы и герцога, но червяк-то уже изгрыз его изнутри, как он его не давил, а ревностью всё равно захлёбывался — может она ушла с Вероном Шелраном?

Зажмурившись до кругов перед глазами, мужчина мотнул головой и спустился вниз. Вспомнив, что с поля можно было зайти в дом ещё через конюшни, он вышел через зимний сад и в самом дальнем углу нашёл Эйву.

Рэндан не знал, что его можно испугать так сильно, не отступал на поле боя, был стойким перед лицом пыток, иной опасности и даже смерти, а сейчас видел её, сидящую в углу, обнимающую свои колени, с волосами скрывающими лицо, маленькую, словно ребёнок — и стало до умопомрачения страшно.

— Эйва, — прошептал он, двинувшись к ней, боясь спугнуть, словно она загнанный в угол зверёк. — Лисичка...

На глаза навернулись слёзы, Рэндан проморгался, осторожно дошёл и сел перед ней на колени.

— Эйва, — позвал он снова, протянул руку, положил на голову. Она вскинулась бледная, как полотно, глаза совершенно безумные, кажется попыталась отшатнуться, но за ней был угол и деться ей было некуда.

Она издавала совершенно отчаянный звук, словно всхлипнула, пытаясь взвыть и Рэндан поймал её.

— Эйва, это я, это Рэндан... Эйва, — и, почувствовав его, она сначала сжалась, потом

встретилась с ним взглядом, а в следующее мгновение вцепилась с такой силой, словно он был единственным её спасением. — Лисичка моя, тише, тише! Тшшш...

Эйва разрыдалась, завывая в него, а он погладил её шею и увидел кровавые следы царапин поперёк шрама.

Осознание было таким яростным, если, пока искал, он откидывал причины её бегства, откидывал мысли, цепляясь даже за глупую ревность полную зависти к герцогу, то теперь задохнулся, словно его ударили под дых и вышибли одним ударом весь дух.

И да, Эйва была сейчас единственным, что было важно, что удерживало Рэндана в себе. За неё цеплялся разум, тонущий в бешенстве и всё разрушающем гневе, почти осязаемого во рту вкуса крови, тяги не просто к убийству, а уничтожению. Рэндан сам прижал её к себе, потому что нельзя было сейчас сорваться, какой бы праведной не была ярость, но надо было быть здесь, с ней.

— Тише, девочка моя, я с тобой, я здесь. Тебя никто не обидит, я не дам тебя обидеть, слышишь? Лисичка моя, рыжик мой. Я сотру любого... слышишь, он тебе ничего не сделает, я тебе обещаю, Эйва... — и хотелось взвыть вместе с ней.

Он обернулся, потому что надо было уйти отсюда, чтобы никто их не нашёл.

— Эйва, пойдём, иди ко мне, — он поднял её на руки, она держалась за его шею и кажется уже была в беспомощности от паники и истерики.

Рэндан прошёл с ней в ту часть дома, где была их с Бэлтом комната, прямо так с Эйвой на руках забрался на кровать, потому что, если отпустит её, пропадёт, да и она, было чувство, что тоже сломается.

Сидя так, он слегка укачивал её и сам кажется впал в сонное бессознательное, из которого его вытянул Бэлт, осторожно заглядывающий в комнату.

— Что случилось? — прошептал товарищ, сразу поняв, что что-то не так.

За окном было уже темно. Рэндан слегка пошевелился, тело затекло, но беспокоить Эйву было страшно, однако она не проснулась.

— Там все разошлись? — спросил он тихо, через силу.

— Почти, — кивнул Бэлт. — Кто-то ещё палит костры.

— Поспишь в сеннике?

— Я под дверью её милости госпожи Нииллы посплю. А то герцог на кострах ещё, а Янра ушла с Сэмэлом. День был бурным, она может плохо спать.

Рэндан кивнул, ему было жаль вдовствующую графиню — она была приятной и видно, что доброго характера женщиной, а жизнь так жестоко с ней обошлась. А Бэлт — было что-то, но Рэндан не лез.

— Не скажешь, что случилась? — спросил, хмурясь, Бэлт.

— Пивовар.

— Что?

— Это он Эйву исполосовал.

— Он содержатель в прошлом? — уточнил Бэлт, снова возвращаясь к мнению, что Эйва в прошлом продажная женщина.

Рэндана передёрнуло гневом. Он глянул на Бэлта и тот, зная друга, тут же повёл головой и примирительно поднял руки.

— Не была она... — и Рэндан даже выговорить слово это не мог, применяя к Эйве. — У неё этих шрамов... её в детстве изувечили.

— Он не один?

— На шее, на груди, на бедрах изнутри два. Изрезал её и...

И этого он тоже сказать не мог, словно обрекал её на этот кошмар снова, проходя его вместе с ней.

— Пивовар? Уверен? — нахмурился Бэлт.

— Да, — кивнул Рэндан.

— Надо было... — друг выругался. — Надо было его...

— Нет. Нельзя. Не сейчас. Сразу на нас подумали бы.

— Он мог её узнать, — прошептал Бэлт. — Уйдёт.

— Нет. Даже если узнал. Такие как он точно выбирают жертв своих, они знают, что те на них не укажут, бояться будут всю жизнь, если выживут. Да и чего ему бояться? Времени столько прошло.

— Что делать будешь?

— Надо подумать, но я его достану, — и он был уверен в своих словах. — Достану.

— Знаю, — кивнул Бэлт, и он действительно точно знал, потому что это было для Рэндана неприемлемо.

Он и в войне среди своих солдат такого не допускал, карал страшно — одно дело война, когда с врагом лицом к лицу, а другое дело вот так несчастных людей мирных мучить.

Для Рэнда всегда все эти девочки, девушки и женщины были как его сестры, в каждой он видел одну из них и потому готов был отстаивать свою позицию, даже зубами грызя глотки тем, кто переступал через человеческое внутри себя и становился нелюдем.

После того, как Бэлт ушёл, Рэндан остался сидеть в темноте, прижимая к себе Эйву, которая проснулась, словно очнулась от забытья, спустя какое-то время.

Она дёрнулась, не понимая где находится, но он прижал её к себе и она подняла на него потерянный взгляд.

— Тише, тише, — Рэндан поцеловал её в висок.

— Я... — она смутилась, потом с трудом разжала пальцы, которые всё это время сжимали его рубашку. — Прости...

— За что, Эйва?

— Я испортила праздник, — прошептала она и сделала попытку встать.

— Нет, лисичка, нет, — мотнул он головой и не отпустил. — Ты ничего не портила, тебе не за что просить прощения. Ты ни в чём не виновата — не говори так, не надо, и думать так не смей. Слышишь? Эйва?

— Просто... просто... — и он почувствовал, как она снова закрывается, теряется в себе.

— Не надо, не надо, — и Рэндану так стало горько, что она чувствует себя виноватой. —

Поговори со мной.

Эйва зажмурилась, мотнула головой, уткнувшись ему в грудь.

— Поговори со мной... — он отчаянно пытался найти что-то, — про дом.

— У меня нет дома, я всю жизнь прожила в театре, — ответила она.

— А какой бы ты хотела? Расскажи какой хотела бы.

Эйва пожала плечами.

— Я не знаю, — и она посмотрела на Рэндана.

— Всё, что хочешь, — ответил он.

— Я не умею жить как ты, — проговорила она, всё ещё смущаясь. — Я ничего не умею, могу жить только в городе.

— Так любой, пусть и в городе. И ты умеешь помидоры сажать, нет?

Эйва захихикала и Рэндана отпустило от её смешков, стало немного легче.

— Меня подруга научила. Это всё, что я могу вырастить. Она была сиротой, её в храм отдали, а она оттуда убежала, — и он почувствовал, как она расслабилась в его руках. — Добралась до столицы, попросилась в театр. Худая была, голодная. Она никогда не унывала. Я очень любила её. И она как-то сказала: “а давай помидоры вырастим в горшках?” И вырастила, и я научилась.

Она замолчала, уходя в себя, потом спросила:

— А на море можно дом? Я правда никогда не была на море. Ты был? — она спросила сквозь слёзы, словно уходя от болезненного воспоминания.

— Да. И можно на море дом, — и Рэндан понял, что надо идти дальше, уводя Эйву от болезненных мыслей. — И помидоры там можно. Что ещё?

— А куриц? Сколько нужно куриц?

— Чтобы мясо?

— Яйца, Рэндан, — улыбнулась Эйва сквозь слёзы. — Я не смогу убить курицу.

— Для яиц несколько, — улыбнулся он.

— Три? Четыре? — предложила горничная.

— Да, нормально. Дом на море, четыре курицы, — перечислил Рэнд.

— Огород с помидорами, — добавила она.

— Да, помидоры.

И они рассмеялись оба.

— А петух? — спросила Эйва.

— Что петух? — нахмурился Рэндан.

— Ну, он нужен?

— Куриц развлекать?

— Да ну тебя, — она уткнулась в него лбом, хихикая. — Знаешь, у нас в театре были куры, и петух, а потом оказалось, что одна из куриц не курица, а тоже петух, только какой-то странный. И повар решил сварить из него суп и, когда хотел зарубить, тот вырвался и убежал.

Рэндан усмехнулся, а Эйва снова захихикала:

— И мы его все ловили, все, даже примы и ведущие актёры. И не могли поймать. Он прям сражался с нами. А потом в гримёрку забрался к моей бабушке, а она сказала, что не даст его зарезать. Так он у неё до старости своей и прожил.

— Серьёзно? — удивился мужчина.

— Да. Он за ней по пятам ходил, как собака. Сначала был такой ободранный, а потом холённый стал, звезда, — и Эйва снова рассмеялась. — А деревья?

— На море?

— Да.

— А какие ты хочешь?

— Ну, персик можно? — нахмурилась горничная.

— Можно.

— А гранат?

— И его, — кивнул Рэндан.

— О, и виноград, — отозвалась Эйва. — По стене.

— Он крышу может испортить.

— Ну и ладно.

— Хорошо, виноград.

— А, и коза.

— Коза? — заглянул ей в лицо Рэндан, удивляясь.

— Я правда не умею их доить, но думаю, что это не сложнее, чем платье сшить? —

Эйва встретила с ним взглядом.

— Не знаю, я не умею платье шить, но козу не сложно доить.

— Я просто молоко люблю, а ещё сыр умею делать.

— Уже не плохо. Кто ещё?

— Собака, конечно. И кошка, чтобы мышей ловила. На море же тоже мыши есть? —

слегка нахмурилась горничная.

— Есть, и ящерицы. Их ты тоже, как мышат, боишься? — спросил он, улыбаясь, припоминая ей историю с мышатами в сене.

— Я не боюсь, ну, просто... перестань!

— Ещё?

— Лодка, чтобы рыбу ловить. Папа меня учил, правда в реке. Но разница не велика же, да? — и во взгляде Эйвы было столько надежды, почти детской, наивной. Такой восхитительно чудесной.

— Не велика, но лучше сетью всё же, — ответил Рэндан.

— Зачем так много рыбы? Что с ней делать?

— Вялить, сушить, солить.

— О, ладно, — согласилась она. — Тогда нужен погреб в доме. А можно лишнюю рыбу отпускать?

— Можно, — улыбнулся Рэнд, уже прям видя, как Эйва поймает десяток, оставит себе одну, а остальные отпустит.

— И собака на берегу будет ждать.

— А дома? Внутри.

— А мне ничего такого не надо. Комната с кухней там, с очагом. Стол... я не очень в домах понимаю. Только спать, чтобы отдельно.

И Эйва посмотрела на Рэндана с вопросом.

— Тогда лучше наверху, или комнату отдельную, но чтобы печь была посередине, чтобы было тепло во всём доме, — сказал он.

— Хорошо, — улыбнулась она. — И чтобы крыльцо было. И гамак.

— Гамак?

— Да, а какой смысл в доме на море без гамака?

И Рэндан рассмеялся, стараясь смеяться тише, но получалось не очень.

— Да, ты права, — и он прижал её к себе сильнее, поцеловав в макушку. — Возьмёшь меня к себе?

— Приходи, — отозвалась Эйва. — Крышу чинить будешь и козу доить.

Рэндан усмехнулся.

— А, да, и хлеб печь. И ты наверняка умеешь ещё что-то выращивать, кроме помидоров.

— Всё, что хочешь, шельма моя, всё, что хочешь, — и он прижал Эйву к себе, потому что она была так нужна, вот этот момент хрупкий и бесценный.

“Не хочу тебя терять”, — произнёс он про себя, но не смог сказать вслух, сам не понимая почему.

Глава 24 Шэйли

Шэйли была уверена, что это был второй праздник, помимо её свадьбы, на котором она присутствовала. Первый был в прошлом году — летняя ярмарка здесь же, в Хиите. Сейчас она правда точно знала, что именно на такой же ярмарке, когда она была маленькой, Верон купил ей заколки в виде лошадок.

Память постепенно возвращалась к ней — воспоминания набегали, как волны, и уходили, но оставляли девушке крупницы прошлого, которое было словно стёрто тем страшным сном, где голос предупреждал о конце мира, а от неё требовали оставить всё как есть.

Шэйли окончательно убедила себя в том, что это сон, и иногда она словно слышала отголоски того, приснившегося ей, кошмара, а ещё чувствовала, что её преследуют. Это не давало ей покоя, но после случившегося между ней и Вероном, немного отпустило. Быть может дело было в самом мужчине, а может нет...

В девушке теперь ожила вторая Шэйли. Она была ужасной, словно обезумевшей, но твёрдость её была непоколебима, и оттого первая Шэйли, потерянная, слабая и мягкая, делала лишь слабые попытки что-то возразить. Именно она всего боялась, её тревожили пустые страхи и кошмарные сны, но, когда её место заменила вторая, стало намного легче.

Вторая Шэйли смело стремилась к тому, что делало её счастливой. Это она сказала, что праздник можно сделать, несмотря на траур, это ей было наплевать на недовольство Иана, она была зла на него, что постоянно бросал её одну, но теперь она же радовалась, потому что, когда он брал коня и покидал поместье, а потом уходила Ланира, прихватив свой художественный ящик, натянув на себя надменный вид, Шэйли стремилась к Верону и ей было так хорошо, что не нужно было ничего другого.

Это было подло, гнусно, отвратительно, но внутри было столько ликования, столько яркого упоения. Она терялась лишь от одного прикосновения, как она была уверена, по-настоящему любимого человека, ей было наплевать на мораль и нравственность, на осуждение общества. Она не отпустит это, не даст этому пропасть, потому что сама тогда пропадёт, истлеет, исчезнет. Внутри всё сжималось с болью — она не сможет без Вера, не сможет даже совсем чуть-чуть.

— Эйва, а грех... он как влияет на отношение богов к нам? — спросила Шэйли у горничной, когда та одевала девушку перед праздником.

— Оу, — нахмурилась женщина. — Не могу знать, ваша милость. Скорее всего дело в том, что будет ждать нас там, за чертой. После смерти.

— То есть там будет наказание? А если то, что ты делаешь... грех, он... — она запнулась. — Если от этого очень хорошо, то... какая разница каково там? Хочется же счастья сейчас, а не потом.

— Наверное да, — кивнула Эйва. — Потому что, а кто знает, что там на самом деле? Потом. Может ничего. И мы зря страдали, хотя могли не страдать.

Шэйли посмотрела на горничную и словно она говорила о ней и Вероне, может даже действительно всё знала. А если знает она, то Иан тоже знает? А Ланира? А все остальные? И ей захотелось исчезнуть, потому что казалось, что без неё будет лучше, чем с ней.

— Знаете, ваша милость, порой счастье требует невероятно большой платы. Не все честные люди могут справиться с этим, — и Эйва завязала пояс платья, нарядного, но очень простого, нежного кремового цвета.

— А ты идёшь на праздник, Эйва?

— Да, я тоже пойду.

— Хорошо, — улыбнулась Шэйли.

— Ты готова? — в комнату зашёл Иан, он был нахмуренным и недовольным, впрочем за последние несколько дней это состояние стало нормой для него.

— Да, — ответила девушка, а горничная присела в поклоне, приветствуя его, потом извинилась и вышла.

На празднике было шумно. Было очень много людей и все они были в светлом. Это было так красиво, так удивительно.

— Что? — спросил Иан, когда она восхищённо выдохнула.

— Все такие светлые, словно цветы среди яркой весенней зелени, — и Шэйли подняла на него глаза, но встретилась со взглядом уставшим и полным сомнения.

— Цветы? — фыркнул супруг. — Ага...

Шэйли ступевалась, поникла, на глаза навернулись слёзы. Ей было непонятно почему Иан так себя ведёт — даже если ему здесь надоело, даже если так хочется в город, но ведь можно же перестать быть таким грубым и сердитым.

Или это потому что он знает? Шэйли прикусила губу.

Они с Ианом подошли к Верону, Ланире и Ние. Герцогиня, как всегда, была невероятно прекрасна. На ней было платье нежного светло-голубого цвета и делало её образ таким потрясающе невинным, чистым, что Шэйли стало не по себе. Ния была одета в светло-зелёное платье, цвет которого перекликался с цветом её глаз, а лицо было благостным и делало её такой восхищающейся всему происходящему девочкой. На мужчинах были светло-коричневые брюки, белые рубашки, жилеты в тон брюкам. Оба они были в сапогах. Если бы не увечья Верона можно было бы сказать, что они невероятно похожи, а ещё привлекательны.

Братья и Ланира о чём-то стали говорить, а Шэйли оглянулась, изучая пришедших людей. На глаза ей попала Эйва и этот суровый конюх, Рэнд кажется, и он улыбался. Они шли вместе от дома и разговаривали. Было так странно видеть этого закрытого, хмурого человека в совершенно противоположном его обычному настроению.

Шэйли перевела взгляд на Иана. Он говорил с Вероном, был раздражён, даже взвинчен. Потом к ним подошли какие-то люди, кто-то из знакомых или... девушка ступевалась, когда её представили — какие-то аристократы из Ласцы и ещё откуда-то. Они были в местной гостинице, направлялись на свадьбу и тоже застряли в Хиите в ожидании новостей из столицы или указаний к дальнейшим действиям.

— Полагаю, что мы в любом случае послезавтра рано утром отправимся в столицу, — услышала она разговор Верона. Подняла на него полный непонимания взгляд.

— Так скоро? — расстроилась известию Ния и Шэйли присоединилась бы к ней, если бы могла озвучить свои мысли.

— Да, дорогая, в этом году мы достаточно долго гостили, — ответила сестре Шелранов Ланира. — Да и полагаю, что Шэйли не бросит тебя и останется, когда Иан уедет.

Шэллина сжалась, на это сопротивление у неё не было сил — она не обладала той остротой ума, которая была у Ланиры, Иана или Верона. Она в такие моменты была скорее, как Ниилла.

Богиня, она всегда была как эта несчастная женщина...

— Иан уедет? — побледнела та, устремляя к самому младшему брату полный отчаяния взгляд.

— Ния, милая, — позвал её Верон, делая попытку отвлечь от расстраивающих вестей. —

Полагаю, что это произойдёт когда-нибудь, в любом случае, ведь у Иана служба. Но сейчас нет смысла обсуждать это. Давай скажем речь, милая? Я вижу главу городского совета Хиита.

И старший Шелран предложил сестре взять его под руку, направившись с ней навстречу к знакомому уже Шэйли мужчине.

Дальше следовала официальная часть праздника, где все они, как хозяйева, должны были обязательно быть в первых рядах, а ещё на лицах должны были быть улыбки и радость.

Шэйли с трудом пережила это, но после ей удалось спрятаться от всех на лавках, которые так усердно сколачивал Бэлт, а потом и Рэндан, все последние дни перед праздником. Лавки расположили под деревьями, чтобы гостям можно было отдохнуть в тени.

Шэйли заметила для себя, что смотрит на всех с завистью — у неё не получалось радоваться, она была этому просто не научена. Всё детство и отрочество она провела в храме и сейчас отчётливо вспоминала много неприятного и болезненного из того своего прошлого. А что до праздников, то их нужно было проводить, так же как и траур, в молитве, умирняя дух и тело.

Правда, глядя на происходящее вокруг, Шэйли казалось, что Йетри должна была бы радоваться, что люди счастливы, веселятся и вспоминают её добрым словом, а не стоя на коленях на каменном полу, не смея поднять головы.

Иан углубился в разговоры и расслабился, он перестал встречаться с Шэйли взглядом, хмуриться или быть недовольным. Он выпил и теперь смеялся, шутил со всеми вместе. С ним почти всегда была рядом Ланира, притягивающая восхитительные взгляды её светлость герцогиня Шелран. И от сидящей в теньке Шэллины не ускользнуло насколько эти двое красиво смотрятся рядом. Этому она тоже завидовала.

Верон был занят — говорил с главой городского совета, потом ещё с какими-то мужчинами. Поначалу с ним рядом была Ниилла, но потом старший Шелран нашёл глазами Шэйли и отправил сестру к ней. В итоге обе женщины оказались отрезанными от происходящего, и если Ния была вполне рада просто находится здесь, то Шэйли было очень тяжело.

Единственная, кто с ними посидел, это Эйва — горничная подняла настроение обеим хозяйкам, но потом внезапно исчезла. Но тут развели костры и Шэйли поняла, что потеряла из виду и Иана, и Ланиру, и Верона. А потом, к её удивлению, Ниилла тоже пропала.

Девушке стало совершенно не по себе и она отправилась вдоль ограждения, потому что сидеть на месте сил не было, думать о плохом тем более. Она дошла до ручейка, который бил из под земли, был окружён огромными валунами и плакучими ивами, закрывающими его от посторонних глаз. Забравшись и сев на камень, Шэйли заметила, что помешала какой-то влюблённой паре уединиться здесь, устыдилась и расстроилась, сама точно не понимая причины.

— Ты зачем так далеко ушла? — это был Верон, он стоял около конца ограды и внимательно смотрел на Шэйли, которая радовалась, что сейчас уже начало смеркаться и рассмотреть её заплаканные глаза и кислое лицо, почти нереально. — Это опасно, Шэлл.

Она хотела извиниться, но тут дёрнулась наружу её злая половинка, которая была огорошена новостью о таком скором отъезде Верона и Ланиры, которая негодовала из-за отношения Иана, ну и конечно была опечалена своей реакцией на праздник.

— Ничего со мной не случится, — буркнула она, срываясь на нём. — Не хотела портить

всем праздник.

— Что с тобой, девочка? — Верон нахмурился и пошёл к ней.

— Ничего, со мной всё хорошо. Просто видимо не люблю праздники, особенно, когда я на них чужая, — ответила она. — Хочу быть как Ния, ей определённо всё равно как на неё смотрят и как всё происходит вокруг, лишь бы было.

— Шэлл, — он подошёл и протянул ей руку. — Что случилось, малышка?

— Не называй меня так, — и кажется она сейчас начнёт говорить лишнее. — И ты уезжаешь, а мне не сказал.

— Иди сюда, — мягко попросил он. — Не заставляй меня туда лезть.

— Когда ты хотел мне сказать?

— Шэлл, — покачал он головой. — Перестань, скворушка.

— Как думаешь, Иан узнает о нас и вернёт меня в храм?

— Да что ж такое? — рыкнул он и привстав на камне, потянул её вниз, она не удержалась и упала к нему в объятия. — Я говорил тебе — ты не вернёшься в храм, Шэлл.

Но если она упрячилась, сидя наверху, пытаясь прийти в себя, то здесь уже не было смысла — он увидел, что глаза у неё на мокром месте.

— Скворушка, — и Шэйли не выдержала и расплакалась.

— Вер, я не хочу без тебя.

— Милая, я никуда не денусь, но так нельзя... так просто нельзя, — с надломом прошептал в неё Верон, прижимая к себе. — Я схожу с ума, Шэлл, я слабый, я не справляюсь, видя тебя с Ианом, зная, что ты спишь с ним рядом...

— Нет, Вер, — и она вцепилась в него, отчаянно, потому что он всё это говорил про неё саму. И как так получилось, и неужели можно ждать справедливости от судьбы, от жизни, от богини-матушки? А ведь Шэйли столько молилась ей, столько перенесла лишений, боли... но всё равно не достойна быть счастливой?

Верон подтолкнул её внутрь укрытия из ветвей ивы, опустил на траву, обнимая девушку.

— Малышка моя, — шептал он, успокаивая её, — прости, я так виноват перед тобой. Прости, Шэлл...

И она не понимала за что он просит его простить, почему? Что он такого сделал? Но она очень-очень злилась на весь свет и на богов, законами, которых все жили вокруг.

Что им вообще всем до них, до людей? Им же наплевать, если боги вообще существуют...

Как-то однажды от голода и безумия бесконечно повторяющейся молитвы, девочка, что жила в одной комнате с Шэйли, та самая, что донесла служителям о заколке с лошадкой, впала в состояние будто забытья, а потом болела, была в горячке, но, придя в себя, сказала, что говорила с Йетри. И ей все поверили, и с тем заставили девочек ещё более усердно молиться, они провели на коленях несколько дней, падали без чувств, сама Шэйли продержалась два дня, а после потеряла сознание, упав на каменный пол и разбив себе голову.

Она вздрогнула от этого воспоминания, а Верон прижал её к себе сильнее. Она подняла на мужчину заплаканные глаза, а потом дальше и появилось ещё одно воспоминание.

— Я знаю это место, — прошептала она изумлённо.

— Да, ты всегда пряталась здесь, когда была маленькой, — ответил Верон.

— А ты меня всегда находил, — добавила она. — Ты вообще всегда знал, где я.

— Не всегда, — он улыбнулся и мотнул головой. — Иногда обходил несколько мест, чтобы найти. Но начинал всегда отсюда.

— А ещё у меня были светлячки в банке, а ты просил всегда их отпустить. А я отпускала и потом убегала ловить новых... — вспомнила Шэйли.

— Да.

— Вер?

— Ммм?

— Тогда было так хорошо. Я хочу назад.

— Я тоже, Шэлл, — он сглотнул, отвечая, — я тоже... очень бы хотел.

— А тебе очень тяжело было меня на руках носить? — почему-то она сейчас поняла, что была такая тяжёлая, а он всегда носил её, потому что она упрячилась и не хотела ходить, ей нравилось у него на руках. Маленькая вредина.

— Что? — Верон удивился вопросу.

— Я же была тяжёлая... наверное.

— Нет, не была, — улыбнулся ей мужчина. — Ты и сейчас совсем не тяжёлая. Худенькая... и крошечная.

— Я люблю тебя, Вер, — прошептала Шэйли утыкаясь в него, и она сказала, а он зажмурился, с болью, отчаянием.

Она понимала, что говорить такое нельзя, что это плохо, да и Иан... как же Иан? Ведь его она тоже любила. В голове был отчаянный и жестокий ураган, который сметал её, уничтожал до основания и не было никакой возможности спастись.

Верон был прав, так было нельзя, но у Шэйли не было никакой надежды, что всё станет как прежде. Она тонула в своём желании быть рядом вот с этим мужчиной, который сейчас обнимал её, которого обнимала она и...

— О, богиня, Вер, тебе больно? — девушка поняла, что держится за него, со всей силы и там где у него были шрамы, а он даже ничего не сказал и вида не подал.

— Нет, Шэлл, ничего, — погладил он её по голове, щеке. И она потянулась к нему и поцеловала.

И как бы ей хотелось никуда отсюда не уходить. Было бы так здорово, как в детстве, вот только это волшебное место, словно другой мир, полный сказок и где сбываются мечты. Где она была безмерно счастлива, потому что могла быть такой какой хотела и было наплевать на всё на свете. И рядом был Вер.

А сейчас? Шэйли хотелось рыдать от обиды, у неё тянуло внутри от страха потери, страха, что всё рухнет и, какой бы из самих себя она сейчас не была, ей так не хотелось, чтобы кому-то было больно.

Но в данный момент было на всё наплевать, она получила немного Верона, снова совсем на чуть-чуть, но получила — он обнимает её, целует её... И Шэйли была так счастлива, пусть воровала, пусть грешила, но сколько внутри было безумного безудержного упоения.

Это ощущение единения было совсем другим, не как с Ианом, словно стремление друг к другу, стремление от которого не было спасения, и оно сдавливало всё внутри, оно сметало все преграды. Шэйли хотелось плакать от горя и при этом она никогда не испытывала столько блаженства.

— Я тоже люблю тебя, Шэлл, — прошептал в неё Верон, сильнее прижимая к себе, когда тело её замерло и вздрогнуло, а потом она задохнулась, как бывало всегда, когда рябь

шла по коже и Шэйли достигала вершины.

Верон проводил её до дома, когда уже наступила ночь. Сам он остался, потому что костры всё ещё жгли. Иана в комнате не было и Шэйли, занявшись собой, приняла ванну, переделалась и забралась в постель.

С поля доносились смех и песни, веселье гудело всю ночь, и на Шэйли не шёл сон, она встала и по привычке пошла на балкон. Где-то на дереве заухала сова, заставляя её вздрогнуть и невольно прижаться к стене. Но не успела она прийти в себя, как заметила движение возле зимнего сада — девушка присмотрелась и узнала Иана, который прошёл по дорожке со стороны конюшен. Она подумала, что он идёт домой, хотела вернуться внутрь, но тут со стороны конюшен, следом за младшим Шелраном, прошла Ланира...

Шэйли замерла, ей хотелось стать одним целым со стеной. Они были вместе? Всё это время? А когда именно она потеряла их из виду?

Девушка втянула в себя воздух, боясь двинуться. Потом вернулась в комнату и залезла в постель, натягивая на себя одеяло. Она всё ждала, что Иан вот-вот вернётся, но он так и не пришёл.

Шэйли с горечью и досадой смотрела на дверь, пока сон не забрал её с собой. Снилось столько всего — она была одна, потом её снова кто-то преследовал, потом она видела Верона и Иана, смеющуюся Ланиру, и Шэйли бежала-бежала, но так кажется и осталась на месте.

Открыв глаза она поняла, что уже утро, а Иан так и не вернулся. Одиночество и печаль прижали её и затопили с головой.

А завтра уедет Вер...

Интерлюдия — Мечта палача

— Я хочу создать мир, — тихо проговорила она.

— Что ты хочешь сделать? — переспросил он, открывая глаза и хмурясь.

— Ты слышал. Я хочу создать мир.

— Мы палачи, мы уничтожаем, а не создаём, — заметил он.

— Ты не пытался. Никто не пытался, — кажется она была раздосадована. Такой он никогда её не видел.

— Перестань третья, ты Война, внутри у тебя только бой и я, Смерть.

И он самодовольно улыбнулся. Они давно не называли своих настоящих имён, использовали эти глупые прозвища, которые им дали смертные души, которых они стирали вместе с мирами, одних за другими.

Он был самым сильным и самым старшим. Он был главным. Первый. Самый жуткий. Но последний — после него не было ничего.

— Я бы хотела попробовать, — заупрямилась она.

Он повёл плечами.

— Мне в твоём мире будет хорошо, думаю там все всех будут уничтожать, — и он ухмыльнулся, а потом посмотрел на её обиженный взгляд и рассмеялся.

— Ненавижу тебя, — шепнула она. И он увидел в ней серьёзность.

— Перестань, — он потянулся к ней, хотел схватить, но не успел. Она была очень быстрой.

— Нет, — мотнула головой и исчезла.

А он выдохнул, недовольно повёл плечом и не понял, что потерял её — она больше не вернётся к нему.

Глава 25 Юллин

Юллин родилась в деревушке, которую последней войной стёрло с лица земли. Но расстройству по этому поводу девушка не испытывала.

Она дала себе зарок никогда туда не возвращаться, когда покрытая дорожной пылью телега соседа увозила её в ближайший город, а она смотрела на удаляющиеся дома и верила, что там впереди её ждёт другая жизнь. Сосед довёз её до города, посадил в дорожную общественную повозку и отправил в другой город к дальней родственнице девочки.

Юллин была сиротой — мать умерла, когда ей было восемь лет, а отец когда было одиннадцать. Жили они просто, отец много работал, был тихим и неразговорчивым мужчиной, сама же девочка всё делала по дому, работала в поле и в домашнем хозяйстве, ухаживая за домашним скотом.

Когда отец умер и Юллин осталась одна, то её хотели отдать в храм, но вмешалась подруга матери и отправила к дальней родственнице отца, продав всё имущество девочки, чтобы собрать денег на дорогу и немного с собой.

Так, проделав долгий путь почти через три области, Юллин оказалась в Ласце.

Дальняя родственница была пожилой, подслеповатой старушенцией, которая придирчиво оглядела девочку со всех сторон, будто та была козой или овцой, а уж никак не ребёнком, потом цыкнула, выругалась, но тем не менее определила девочке комнату и, увидев, что Юлли умеет много чего делать, сговорилась со своей знакомой, поварихой знатного дома на то, чтобы та взяла девочку к себе в помощницы.

Так Юллин попала к Шелранам.

Работать она конечно умела, но не очень любила. Пожив немного в городе и разобравшись в том, что к чему, обладающая весьма живым умом, Юлли сообразила, что по хорошему надо просто найти себе какого-нибудь парнишку, или мужичка, на худой конец, она даже рассматривала вдовцов, пусть и с детьми, против которых она ничего не имела, и можно выбраться из услужения, вступив в брак.

План этот она пыталась воплотить в жизнь много раз, но получалось не очень — самое большое, что удалось сделать это прижать сына зеленщика в хозяйской конюшне. И вроде всё было просто — она делает так, чтобы он вступил с ней в связь, а потом уже берёт его в оборот и вступает в брак за поруганную честь.

Но на деле всё пошло кувырком — он бледнел, потел, заикался, что-то там пропыхтел в неё и она ничего не заметила, хотя от соседских, таких же как она, девушек-служанок, с которыми любила посплетничать обо всём на свете, включая мужчин, Юлли точно знала, что в первый раз должно было быть больно.

Она крепко задумалась о произошедшем, решив не сдаваться и снова взяться за дело, чтобы уж наверняка, но увы — сын зеленщика больше к ним не пришёл.

Однако отчаиваться Юллин не умела, её не тревожили все эти моральные составляющие вопроса, потому что она поставила себе цель и шла к ней, несмотря ни на что.

И вот война, которая спутала её планы, потому что все мужчины ушли воевать, и планы пришлось пересмотреть. Ну, хотя бы из-за понимания, что под крышей в услужении, да ещё и кого, герцогов, ей точно не грозит умереть с голоду. А когда вернулся старший сын хозяев, весь замотанный в бинты и повязки, у Юллин даже появилась идея попытаться очаровать его и стать, а почему нет, его любовницей.

Живя в деревне, много работая и плохо питаясь, она конечно выглядела скверно, но, попав к Шелранам в дом, она стала хорошо кушать, работы было много, но она не была

изнуряющей, и на деле Юлли давалась вполне легко. Поэтому со временем сытой жизни она превратилась в достаточно привлекательную девушку, с пышными, как у её матери, формами тела, большими карими глазами и тёмными густыми волосами. Смотря на себя в зеркало, Юлли могла сказать, что ей определённо нравится то, что она видит, а ещё она замечала, как мужчины смотрят ей вслед и это тешило её самолюбие, заставляя ставить самые высокие планки.

Правда, увидев супругу ставшего герцогом Верона Шелрана, Юллин приуныла. Нрядом с Ланирой любая красавица была страшилищем, чего уж страдать зря?

И потому девушка снова переключилась на простых и понятных ей мужчин своего круга — благо война закончилась и мужчины стали возвращаться назад. Но и тут её ждало разочарование — половина была не очень в себе, а другая искалечена телесно.

Юллин стала понимать, что перспективы по-быстрому выбрать себе мужа не получится, потому что вокруг неё внезапно оказалось намного больше вдов, чем вдовцов, а сыновей мамки держали при себе ещё сильнее, чем раньше.

Ей даже не удавалось никого прижать, чего уже говорить о воплощении своего плана?

Грустно размышляя о своей участи навечно остаться не только в услужении, но и судя по всему девственницей, девушка как-то брела по улицам города, полным военных разных мастей, всякими подозрительными личностями, и даже были улицы на которые было лучше не соваться. И конечно Юллин сама того не поняла, как повернула туда, куда сворачивать было не надо.

Пройдя половину улицы она поняла свою ошибку, но посчитала глупостью возвращаться и идти иначе. Впрочем, было уже некуда деться, за спиной возник сначала один солдат, потом другой, а потом ещё один перед ней.

Юллин по-началу храбрилась, но конечно очень быстро её запал сошёл на нет, и её упирающуюся затащили в какой-то проулок. Звать на помощь было бесполезно, она точно знала об этом — слышала жутковатые истории о таких же, как получается она, несчастных девушках, попавшихся изголодавшимся до женского тела победителям. Сама она и представить не могла, что попадёт в такую ситуацию.

— И что вы притащили? — громыхнул один.

— Ничего себе, — ухмыльнулся другой.

И в ход пошли огромные ручищи, которые стали лапать её, где придётся. Она дёрнулась, вырвалась и глупо посчитала, что ей удалось спастись, но понятно, что её просто отпустили, чтобы было веселее.

Под гогот, насмешки и сальные комментарии, Юлли крутанулась на месте и поняла, что оказалась в западне.

— Вашу ж, — проговорил один из мужчин и схватил её за руку. — Вы ошалели, уроды?

— Ну, капрал, — возразил один из солдат. — Смотри какая ладная вся, сладкая, так бы и съел.

— Руки убери, — сказал капрал, только вот Юллин не отпустил.

— Пожалуйста, отпустите меня, меня там ждут, дома... — и она даже хотела сказать у кого она служит, но потом почему-то решила, что это опасно. Сама не поняла сделанного вывода, но язык прикусила.

— И вправду милая, — согласился тот, который держал и которого обозначили, как капрала.

Он был худощавым, крепким парнем, на вид двадцати с небольшим лет, пара

незначительных шрамов на лице, но внешность у него была даже привлекательная. Если бы не происходившее с ней, то Юлли сказала бы, что капрал был красив и форма ему очень шла.

Она сжалась от дурости своих мыслей, потому что так они были ни к месту, что слов не найти. Он взялся за её подбородок.

— А тебе не говорили, что ходить одной опасно? — поинтересовался он, ухмыляясь.

— Простите... — только и пискнула она.

— Да мы не серчаем, — и её снова кто-то стал лапать, а кто-то потянул за юбку платья, пытаясь задрать его вверх.

— Так, руки убрали, — приказал капрал, и дёрнул её к себе.

— Ну, командир, — расстроено проговорили несколько мужчин.

— Как тебя зовут, детка? — спросил капрал.

— Юллин, — зачем-то ответила она, озираясь по сторонам, ожидая, что снова сейчас кто-то её схватит. Она так надеялась, что он её отсюда выведет, но что-то всё же говорило ей, что так просто она отсюда не уйдёт.

— Капрал...

— Заткнись, а то сержанту вас сдам, — ответил он и снова поймал её подбородок. — На меня смотри, — и этого приказа она не смогла послушаться.

В некотором смысле Юллин могла сказать, что ей повезло.

Ну, как может повезти в такой ситуации? Одну из девушек, опрометчиво свернувшую не туда, покалечили почти до смерти.

А тут капрал взялся за Юлли со знанием дела и, пытаясь найти в происходящем хоть крупицу хорошего, она поняла, что калечить её не собираются.

Начал он с того, что поцеловал её, потом раздел, продолжая целовать и гладить везде, и в какой-то момент она поняла, что не очень помнит про то, что вокруг ещё тьма мужиков, которых она даже посчитать не смогла.

Да и важно ли было их считать? Какая разница? Капрал был первым, а потом...

Вообще он не позволил причинить ей вред, хотя это было совсем уж идиотизмом, но происходящее было как в тумане, однако никто её не дёргал за руки, за ноги, за волосы, её крепко, но не грубо, держало много-много рук, она была сама не своя от смеси ужаса и тем не менее внутри было что-то жаркое жутко пошлое и низменное.

Юллин даже представить боялась, как это выглядит со стороны. И когда пыталась, то ей становилось ещё жарче, чем было. Никто из окружающих мужчин, как она поняла не оставил в ней семени — капрал приказал... Он сказал что-то вроде — “ошалели, мрази, девку брюхатить, в шлюх будете кончать, как жалованье получите, все вон сейчас пойдут”.

И в Юллин в этот момент проснулся очумевший победитель, она сама не поняла, насколько это ужасно, но словно она руководила процессом... а может она просто именно в этот момент помешалась?

— Держи, детка, — капрал положил ей в руку кошелёк с монетами.

Юлли сидела в прострации на каком-то мешке, набитом неизвестно чем, скорее всего это была часть укреплений, что остались в городе с войны. Капрал застёгивал на ней платье, приводя её внешний вид в порядок.

— Прости, детка, прости, если что... и ты невероятно вкусная, — улыбнулся он. — Был бы не на службе, взял бы тебя с собой.

Он выпрямился, потом погладил её по щеке, нагнулся и прошептал в ухо:

— И помойся, как домой придёшь, а ещё приложи себе полотенце влажное и

прохладное туда, — он погладил её по нижней части живота, — а то завтра не сможешь ходить.

И он подмигнул ей, потом поцеловал в губы и ушёл, а она осталась одна.

Ей понадобилось время, чтобы осознать произошедшее, потом она оглядела себя и поняла, что выглядит почти так же, как до того, как они сюда её затащили, только может помятая немного. Она встала, сжала кошелёк и побрела домой.

Когда вернулась, то на неё накинулась Яци, ругаясь, что девушка пропадала не весть где, боги знают сколько времени. И нет, повариха может и волновалась, но она не заметила, что с Юлли что-то не так.

— Я заблудилась, — ответила девушка первое, что пришло в голову.

— Ты что? — взвилась Яци. — Да ты издеваешься?

— Оставь её, — проговорила Миса, которая всегда за неё заступалась перед вечно недовольной поварихой. — Опасно бродить по городу, Юлли. Сейчас беспокойные времена. Слышала, что в горничной Варингов случилось?

— Прости, — и девушке совсем не хотелось рассказывать о том, что случилось с ней самой.

— Ты выглядишь хворой, — заметила Миса. — Иди отдохни.

— Миса! — недовольно воскликнула Яци.

— Я сделаю работу за неё, — ответила блондинка-горничная и Юллин, поблагодарив её, нетвердой походкой отправилась в комнаты прислуги.

Она всё ждала, когда на неё накатит истерика, потому что с ней же произошло что-то ужасное, что-то плохое. И почему она не сказала об этом остальным?

Но вот горничная Варингов была избита, искалечена, сейчас была в лечебнице, а королевские гвардейцы, как говорили среди слуг, пытались найти тех, кто это с несчастной сделал.

Но на деле Юллин была в порядке. Точнее сначала внутри было что-то сродни решительности, что вот её обесчестят, то она пойдёт и утопиться, но сейчас, сидя в кровати после ванны, она никак не могла понять, что чувствует.

Но топиться и вообще умирать точно не хотелось.

Девушке казалось, что она сама согласилась, что она же ни разу даже “нет” не сказала. А вспомнить всех этих военных она не смогла бы ни разу. Даже капрала — ну, разве что только, если бы увидела ещё раз, и то может быть.

И её передёрнуло от воспоминаний о том, как он с ней обращался, внутри появилось такое ненормальное чувство, словно она королева. Вот она дура? Но от воспоминаний стало снова жарко и потянуло внизу живота... она стала пропащей?

Юлли вспомнила про кошелёк, залезла в него и нашла пригоршню золотых монеток. Столько она не получала даже за пару месяцев работы. Она стала шлюхой?

Испугавшись, девушка спрятала кошелёк, а потом и переживания.

Однако с тех пор в ней проснулась невообразимая тяга к близости. Она считала себя больной и поначалу даже пыталась отомолить своё непроходящее желание и греховные мысли в храме, но... как-то у неё случилась связь со священнослужителем и Юллин поняла, что всё вокруг неё не так идеально, как хотелось бы, так какого низшего она так страдает?

И отпустило... ну точнее переживание отпустило, а вот похоть и желание нет. У Юллин не было кажется и дня, чтобы она не грешила, и в городе была возможность прятаться и не попадаться.

Но вот они оказались в поместье Шелранов в Хиите, и Юллин, хоть и настроила себя на воздержание, быстро поняла, что сойдёт с ума намного раньше, чем они вернуться обратно в Ласцу.

Их выезд в горы затянулся и превратился во что-то нереально долгое, а Юллин хотелось выть без мужчины и ничто уже её не спасало.

Двух этих новых слуг она очень быстро списала. Бэлт вообще никого не видел кроме своей вдовствующей графини и девушка искренне не понимала, зачем он вообще возиться с сумасшедшей старшей сестрой Шелранов. Разве только ради денежной выгоды?

А этот огромный конюх был слишком жутким для Юллин, и ещё он всё время как-то странно на неё смотрел, и она думала, что он так смотрит на всех, но потом заметила, как он смотрит на Эйву... понять, что там у них, Юллин так и не смогла, но склонялась к тому, что ничего.

Правда это было странно — Эйва была конечно хорошей, доброй и внимательной, но эти шрамы на теле, очень однозначного толка, никак не давали Юлли покоя, да и подкрепляло подозрения то, что рыжая горничная ничего о себе не рассказывала, чаще молчала и вообще не любила поболтать и посплетничать.

Про мужчин из Хиита девушка даже не думала — потерять место она не хотела, а тут любая ошибка будет стоить ей работы, если герцог или, что ещё страшнее, герцогиня узнают про её похождения. И да, герцогиня сама была хороша, но Юллин оставалось лишь с завистью вздыхать, что хозяйке вот можно, а ей вот нельзя.

Праздник немного её взбодрил, правда не получилось никого прижать — попыталась Бэлта, но чокнутая графиня помешала.

Юллин строил глазки симпатичный пивовар, что жил и работал в гостинице в Хиите. Правда на празднике у них ничего не срослось. Но девушке показалось, что он был бы неплохой партией для неё, снова вспомнились мысли о браке и возможности с его помощью перестать прислуживать.

Но когда она заикнулась об этом, то Эйва зло ей пригрозила, чтобы к мужчине не лезла, а если будет дурой и не послушается, то горничная расскажет обо всём герцогам.

Юллин расстроилась, обиделась и разозлилась на Эйву — вот ведь на деле оказывается какой вредной дрянью может быть. Если у неё не получилось завалить этого нелюдимого конюха, или сама не захотела с ним вступить в близость, то чего на других срываться?

И Юлли была счастлива, что герцог и герцогиня, прихватив Эйву, уехали всё-таки в столицу, но тем не менее, сама она тоже очень хотела в столицу и уже сотню раз пожалела, что попросила у Эйвы помощи — лучше бы рыжая стерва осталась тут, а сама Юллин уехала с герцогиней на свадьбу.

Мысли были очень горькими и болезненными. Юллин припрятала с праздника бутылку с вином и напившись почувствовала себя совершенно опустошённой и печальной. Она уже больше не могла справляться без внимания мужчин, у неё прямо зудило, как нужно было почувствовать мужика, и она решительно направилась-таки к конюху.

Что ж делать, когда выбирать вообще не из кого?

— Ты ошалела? — рыкнул на неё мужчина, который тоже, к невероятному счастью Юллин, был нетрезв.

— Мне очень надо, Рэнд, — и она взобралась ему на колени, оседлав.

— А мне нет, — ответил он и сделал слабую попытку скинуть её с себя.

— Ну, я тебя очень прошу, — уцепилась она за него, и пусть это выглядело жалко, но

она была пьяна и наплевать, как это вообще всё выглядит, главное добраться до цели.

Юллин положила руку туда, где должен был быть его член и с удовольствием обнаружила, что хоть на лице конюха и застыло выражение сурового пренебрежения, но тем не менее его мужское начало не очень согласно с этой позицией.

Или это он размера такого — она восторжествовала.

— Пошла вон, — рыкнул он.

— Я могу сделать хорошо, — улыбнулась Юллин и прильнула к нему, целуя, пока руки расстёгивали ремень на штанах.

Она оторвалась от него, опьянение было очень сильным, голову повело. Она самодовольно улыбнулась, заглядывая в его глаза, он нахмурился, а потом глянул куда-то за Юллин и лицо его, она могла поклясться, исказила боль.

— Эйва... — выдохнул конюх, потом с лёгкостью скинул девушку с себя, она упала и ударилась головой обо что-то твёрдое. А Рэнд выскочил прочь.

— Какого низшего? — обижено выругалась Юлли и уставилась в пустой дверной проём.

Глава 26 Эйва

Собраться в дорогу было очень тяжело. Эйва была расстроена отъездом сильнее, чем предполагала. Когда они должны были уехать в первый раз всё было проще, несмотря на тревогу от возможным неприятностей и ненужных встреч, но тогда она как-то смирилась, а сейчас всё стало совсем тревожно.

Эйва не заметила, как Рэндан влез ей в душу. Она могла бы сказать, что влюбилась по уши, в ней пытались говорить рациональность и здравомыслие, которые никогда ей в жизни не изменяли, но тут Эйва не понимала, что происходит.

Смотрела на него и хотелось быть рядом, как будто он первый мужчина в её жизни. И сколько бы она не убеждала себя, что это глупо, безрассудно, но не могла ничего поделать с собой. Просто сражалась, раздираемая внутренними эмоциями — словно как чувствовала, что нельзя было допускать этого мужчину до себя, но не справилась и вот теперь глаза на мокром месте.

Конечно ужас, который случился с ней на празднике, вывернул её и это было единственное, что гнало теперь отсюда прочь, словно безжалостно жалило. Она задохнулась в панике, когда увидела того мужчину. И казалось, что боль эта уже невозвратна, похоронена, но получилось, что нет — всего одного взгляда хватило, чтобы снова стать беспомощной и слабой, поруганной и изувеченной девочкой, брошенной умирать.

И Эйва понимала, что если бы не Рэндан, то она бы не выбралась, она стала бы такой же как Ниилла, но он словно вытянул её из удушья, с который трясина отчаянного ужаса её поглощала, просто взял и вытащил, не позволяя погибнуть под натиском горя и страха.

— Ты не сказала, что уезжаешь, — это было уже вечером, накануне отъезда, когда она решила проверить вещи герцогини, что были аккуратно собраны в кладовых перед поездкой.

Она с трудом посмотрела на него и встретилась с безумным, полными дикой безысходности взглядом.

— Рэндан, — прошептала Эйва.

— Нет, — мотнул он упрямо головой. — Ты не вернёшься...

— Я не знаю. Они собирались вернуться, но это может поменяться ещё много раз, последнее время мне кажется, что они хотят остаться в столице. Но если вернуться, если госпожа Шэйли будет здесь, ведь я её горничная. Я тоже буду здесь.

— Может, а может нет, — он смотрел на неё словно затравленный зверь и ей стало

совсем не по себе. — Почему у меня чувство, что больше тебя не увижу?

— Давай позже поговорим об этом? — Эйва встала и сделала к нему шаг, но он сделал шаг назад.

— Нет. Не надо, — и ему было тяжело говорить, он отвёл от неё взгляд. Ей, глядя на него, самой стало горестно до слёз. Впрочем ей и так было больно. — Меня не будет. Буду пить, в полях.

— Рэндан...

— Не смогу тебя отпустить, не смогу, шельма.

И мужчина вышел, так и не прикоснувшись к ней, даже не взглянув больше.

Уснуть она не смогла. Ворочилась с боку на бок, скрепя старой кроватью и мешала спать Янре. Поэтому, вздохнув, решила, что нет смысла мучить себя, встала и вышла из комнаты.

Дойдя до комнаты Рэндана и Бэлта, Эйва убедилась, что конюха там нет. Она прошла к конюшням — не то чтобы искала его, что-то говорило внутри, что раз он сказал, что уйдёт, значит так и будет, но всё равно ей бы хотелось с ним попрощаться. Словно и вправду уезжала навсегда.

Эйва прошла по проходу между денниками, погладила морду кобылки вдовствующей графини, когда та выставила её наружу, интересуясь кто это пришёл.

— Интересно, — произнесла горничная, глядя лошадь, — станешь ты мамочкой или нет. Было бы здорово, да?

Она улыбнулась и пошла на выход.

— Эйва, — окликнул её Рэндан. Она обернулась и увидела его на другой стороне конюшни, со стороны того выхода, что вёл дальше в поля. Может он собирался уйти, но его внимание привлекло движение у денников и он решил посмотреть кто это.

— Прости, — прошептала она виновато.

Рэндан в мгновение, как ей показалось, преодолел это внушительное расстояние между ними и сгрёб Эйву, обнимая.

— За что, шельма? — прохрипел он в неё, целуя и поднимая на руки, так чтобы она могла обнять его ногами.

— Не дала тебе уйти, — выдохнула Эйва, зажмурившись, — как хотел.

— Я ушёл, — ответил он, целуя её шею. — Вернулся.

И он снова поцеловал её, от него пахло брагой, но пьяным он не был, или у неё у самой повело голову от этого его напора, жажды её, словно умирал без.

— Вот ведь, — прошептала Эйва с досадой, когда лежала на его груди и силилась не уснуть.

— Что? — спросил Рэндан.

— Спать хочу.

— Так поспи, — отозвался он.

— А ты меня потом не разбудишь, чтобы я не уехала никуда? — улыбнулась она.

— А так можно? — спросил Рэндан и сильнее прижал её к себе. — Спи, лисичка, я разбужу.

И Эйва заснула, а он разбудил, как и обещал.

Он не попрощался, только кивнул, когда она обняла его и пошла прочь, так и остался сидеть на полу пустого денника, не шевелясь.

Вдовствующая графиня была в очень расстроенных чувствах. И от Эйвы не ускользнуло,

что Шэйли тоже. Девушка была так опечалена, что даже взгляда не поднимала на них, наверняка боялась расплакаться.

Герцог с супругой сели в экипаж, Эйва ехала с ними, потому что, по мнению господина Верона, не было смысла ехать двумя экипажами. А ещё, как подумалось горничной, просто не хотел быть с Ланирой наедине столько времени и когда Рэндан вывел им осёдланного коня герцога, это предположение стало весьма очевидным.

Они добрались до Хиита. Получили там какие-то бумаги для герцога, потом перебрались через мост, добрались до заставы, что была на границе герцогства, принадлежавшего Шелранам, но тут были королевские гвардейцы и они остановили экипаж.

Верон нахмурился и вышел к командиру. Говоря с ним, он хмурился сильнее и сильнее, а потом кивнул и приказал кучеру разворачиваться.

— Что происходит? — спросила Ланира, когда он сел в экипаж.

— Возвращаемся, — ответил он.

— Это я поняла, — произнесла она раздражённо. — Почему?

— В столице была попытка переворота, все дороги перекрыты, — отозвался герцог.

— Кто-то умер? — прошептала Лана, бледнея.

— Нет, насколько я понял, всё обошлось, — ответил Шелран. — Но из-за этого запрещено передвигаться без специальных сопроводительных документов. Так что в Ласцу мы тоже не сможем попасть.

— Ты ведь герцог и советник его величества, тебе не нужны документы! — нервно воскликнула герцогиня.

— Увы, Ланира, нужны. Будем ждать, — отрезал он, давая понять, что разговор продолжать не намерен.

Её светлость нахмурила своё прекрасное лицо, хотела что-то ещё спросить, но потом передумала и недовольно уставилась в окно.

Эйва была напряжена известиями. Для неё было важно, чтобы всё с королевской семьёй было хорошо. Но проезжая через Хиит она вжалась в свой угол, боясь даже шелохнуться — она вернулась туда, где был этот страшный человек. Пускай он был где-то не рядом, но тем не менее он был рядом, для неё очень рядом. А она столько лет пыталась избавиться от этого страха, что её найдут и доделают начатое, убьют, как и планировали.

Ей стало тяжело дышать и хорошо, что герцог и герцогиня были каждый в своих мыслях, не замечая горничную — меньше всего ей бы сейчас хотелось оправдываться или придумывать объяснения своему состоянию.

Дом встретил их возвращение очень неоднозначно, но причины возвращения всех взволновали ещё больше.

Что до Эйвы, то она почувствовала себя девочкой, которая радостно кинулась туда, где было хорошо. Ей было необходимы уверенность и надёжность, которую она чувствовала, когда была с ним рядом. Но в конюшнях Рэндана не было и она прошла по внутреннему коридору в сторону их с Бэлтом комнаты.

Рэндан был с Юллин.

Замерев у двери Эйва почувствовала, как внутри что-то с невыносимым гулом взвыло, а потом ударило о неё, причиняя невыносимую боль. Она сжалась и вышла. С трудом пройдя несколько шагов, была схвачена Рэнданом.

— Стой, Эйва, — прохрипел он, хватая её.

— Пусти, — с трудом проговорила она тихо, вполне возможно он не услышал.

Рэндан сжал её с силой, отчаянной, причиняющей боль, но не такую, какая сейчас рвала всё внутри Эйвы.

— Лисичка моя, нет, нет, не было ничего, не было... — шептал в неё мужчина, потом отстранился, заглянул в лицо. — Нет, хорошая моя, не надо...

Ей было отчаянно больно смотреть на него, страшно было встретиться с ним взглядами. По щекам потекли слёзы и она так на самом деле их не хотела, но справиться не могла.

— Эйва, — Рэндан опустился на колени, всё ещё обнимая её. Она зажмурилась, выставила руку вперёд... вчера он делал её счастливой, а сейчас расколотил вдребезги.

— Пусти, — снова проговорила она.

— Эйва...

Она мотнула головой и Рэндан ослабил хватку, и женщина смогла сделать шаг от него, но всё ещё держал её за юбку, словно не мог разжать пальцы.

— Пусти, — уже как в бреду повторила она.

— Прошу тебя... — с болью проговорил он, но Эйва снова мотнула головой и дёрнула юбку. — Да и... шельма, и не надо... к низшим тебя!

Он рыкнул, с силой ударяя кулаком в стену, а она пришла в себя и ринулась наконец прочь.

Эйву много раз предавали. Она много раз видела взгляд, который убивал в ней что-то нужное и важное. Ей казалось, что она уже привыкла к обману и предательству, но в этот раз было совсем тяжело.

Юлли была ветреной девицей, которая не стеснялась своего беспутного, как сказали бы многие, образа жизни. Но Эйва никогда её не осуждала, считая, что у каждого своя дорога, каждый выбирает её сам. И, если Юллин не может прожить без внимания мужчин, то и боги с ней. Но сейчас хотелось выть от боли, хотелось осуждать, проклинать, хотя внутри было это понимание, что чего с неё взять, она такая... да и Рэндан... всего лишь мужчина.

Эйва хорошо знала о том, насколько они непостоянны, насколько легко их можно утянуть в омут желания, сколько о таком слышала и сколько она с таким сталкивалась. Но почему-то она подумала, что Рэндан не такой. Дура...

Эйва с трудом поднялась наверх, легла на кровать и сжалась, молясь, чтобы ей дали возможность прийти в себя, чтобы не трогали...

И кажется боги её услышали — в себя она пришла только к вечеру, заметила движение в комнате и оглянулась. Это была Янра.

— Спи, спи, — кивнула ей женщина. — Я знаю, что ты прошлую ночь не спала, дорога эта бессмысленная ещё. Не переживай, все сегодня сами не свои, всё хорошо. Ты только не заболей.

И Эйва поблагодарила богов.

— Спасибо, Янра, — отозвалась она сиплым из-за рыданий голосом.

Своё состояние она для всех описала как “устала, да и как тут с такими вестями быть весёлой”. Тем более, что пришли дни очищения и можно было так же ссылаться на них, в ответ о своём грустном настроении.

Ни на Юллин, ни на Рэндана она смотреть не могла. Правда конюх и сам почти не появлялся в доме, что даже Яци поинтересовалась в один из дней, не случилось ли что. Бэлт махнул рукой, но что ответил, Эйва не слышала.

— Эйва, — позвала её Ланира, когда горничная помогла герцогине одеться с утра.

— Да, ваша светлость? — хозяйка была подавленной, но как ни странно не устраивала

истерики, была тихой, погружённой в мысли.

— А сколько мы уже здесь торчим?

— Почти месяц, ваша светлость, — ответила Эйва.

— Месяц... — задумчиво произнесла Лана.

— Что случилось, госпожа?

— У меня нет дней очищения, — проговорила герцогиня и подняла на горничную взгляд такой странный, словно только что поняла происходящее. — Я что беременна?

Глава 27 Ланира

Ланира была расстроена и раздавлена.

Её настрой на поездку, смелость, которой она набралась, почти успокоив себя, стали не нужны и в один момент превратились в прах.

Она столько дней старалась держать себя в руках, столько дней пыталась быть хорошей, что самой от себя тошно было. Внутри было какое-то непонятное ей чувство, неуютное, раздражающее. Она словно стояла на шатком полу. Это было уже с ней тогда, когда Гаян просто исчез из её жизни, стал чужим. И сейчас она чувствовала, что это происходит снова. Ланира не могла сказать это себе вслух, но предчувствие, что теряет Верона было почти осязаемым.

И может это было странно, ведь они были не влюблённой парой, души друг в друге не чаявшей. Их партнёрство было прочным и надёжным, потому что было основано на прагматичности обоих. Но Лана верила в непоколебимость их союза, поэтому сейчас чувствовала, что начинает паниковать будто на пустом месте, однако может и нет.

Она отчаянно пыталась ухватиться за супруга, каждый раз бросая ему вызов и, если раньше, он отвечал так или иначе, то сейчас у неё ничего не получалось. Ланира подсознательно, кажется, пыталась вывести его из равновесия, потому что всегда после этого получала то, что хотела, что было нужно. Но теперь он не поддавался.

Сначала она списывала всё на место, потому что Верон всегда здесь чувствовал себя хорошо, меньше раздражался, был спокоен и рассудителен. Поэтому её не удивило то, что он не отреагировал на её истерику с дальнейшей попыткой уехать в Ласцу. Но последствия должны были быть и она понимала это, даже нуждалась в них.

Несмотря на то, что случилось между ними с Ианом, да и вообще несмотря на то, что с ними происходило. Она блаженствовала от внимания младшего брата Верона, была на невероятном подъёме от их близости — в сущности они просто помогали друг другу пережить эти полные обречённой скуки дни в деревне. И Лана не чувствовала никаких угрызений совести по этому поводу.

Однако она вернулась, а Верон ничего не сделал. И вот уже сколько времени она сама тянулась к нему, а он не отвечал. Она даже несколько раз ложилась спать в его комнате, но и это не работало.

А теперь она ждала изменений в своём эмоциональном состоянии, как бывало обычно перед днями очищения, но нет... тут Ланира тоже была сама не своя.

Когда они отправились в столицу и их развернули назад, она должна была бы взвиться, разгневаться, но внутри было лишь радость, что никто из королевской семьи не пострадал, то есть Гаян не пострадал. И больше никаких эмоций.

В рациональности её характера сложно было бы усомниться, поэтому она подождала ещё несколько дней и поняла, что и вправду у неё нет дней очищения и более того, признаков их скорого начала тоже нет.

Когда она осмелилась поговорить об этом с Эйвой, а на деле просто сказать о своих подозрениях вслух, Ланира даже не предполагала, какую эмоциональную бурю это всколыхнёт внутри.

— Ваша светлость, — села возле неё горничная и ласково взяла за руку.

Лана всхлипнула, уставилась на живот, потом посмотрела на Эйву.

— Что такое, хорошая моя? — спросила женщина. — Разве это плохо, вы ведь так ждали.

И нет, дело было не в том, что отцом ребёнка мог быть Иан. Страх был в другом.

— А вдруг это неправда? — прошептала Лана, безуспешно пытаясь не расплакаться.

— Ваша светлость, ну что вы... не надо...

— Я боюсь, Эйва. Мне так страшно. Потому что, если я беременна, если я поверю в это а дни очищения придут? И я снова потеряю ребёнка?

— Не надо о плохом, милая моя, — горничная сжала её руку.

— Я не справлюсь, Эйва. Это так скверно... Эйва... — и Лана расплакалась уткнувшись в руки.

— Ваша светлость, — женщина погладила её по спине. — Всё будет хорошо. Надо верить, я понимаю, что тяжело, но как иначе? Я с вами, моя хорошая. Не думайте о плохом.

— Эйва, не могу, — хотелось унять себя, но внутри было столько обиды, что она полилась через край. — Как я скажу, а потом окажется...

— Не говорите пока, ваша светлость. Давайте немного подождём, дней десять, чтобы убедиться, а потом уже будет радоваться или расстраиваться, — прошептала ей горничная и конечно была права. Всего-то ничего дней нет этих проклятых дней очищения, а Лана уже истерику закатила.

Она закивала Эйве, стараясь перестать плакать, потому что меньше всего хотелось бы, чтобы Верон услышал, стал бы выяснять, что случилось. И сейчас его пренебрежение, с которым он обычно принимал её беды, бывшие для него незначительными, было бы губительно для неё.

— Что случилось? — поинтересовался Верон, когда она вышла к нему, чтобы спуститься к завтраку.

— Просто плохо спала, — ответила Ланира.

Он хмыкнул.

— Ты тоже не важно выглядишь, — решила заметить она, чтобы как-то отвести от себя его внимание.

— Всё пытаюсь понять, что нам делать, — ответил Верон и спросить с чем именно супруга не успела.

— Доброе утро, — пискнула им Шэйли, которая вышла из своей комнаты и столкнулась с ними в коридоре.

— Доброе, Шэйли, — поприветствовал её герцог, а Ланира небрежно кивнула.

Иан был внизу и кажется спать вообще не ложился.

— Тебе надо быть менее озабоченным происходящим, — заметил Верон, обращаясь к брату, когда они все сидели за столом.

— Не могу, — фыркнул тот. — Я даже выбраться отсюда не могу, пока дата на моих бумагах не станет актуальной для возвращения в полк.

— Ты вообще-то не один здесь застрял, Иан, — ответил ему старший брат.

— В отличии от тебя, которому это болотная жизнь очень даже нравится, меня она ни

разу не устраивает!

— Здесь же нет болот, Иан, — заметила Ния, которая была счастлива тому, что все снова вместе сидят за одним столом.

Младший брат глянул на неё тяжёлым и жутковатым взглядом, и даже Лане стало жаль бедняжку. Старшая сестра Шелранов ступала и уставилась в тарелку. Верон же приподнял бровь и кашлянул, давая понять, что Иан нарывается. На это тот ругнулся, выпил залпом свой стакан с водой и отправился вон.

— Ты совсем не в себе, — произнесла Ланира, когда нашла его на ставшем уже привычным для них месте встречи, там где никто их не мог увидеть.

— Взвою скоро, — буркнул Иан, лежащий на траве с закрытыми глазами.

— Ты стал много пить, дорогой, — заметила герцогиня, садясь рядом.

— Мамочку выключи, Ланира, — зло фыркнул он.

— Прости, — вздохнула герцогиня, — но последнее время ты невыносим.

— Да неужели? А ты наоборот, — парировал он и сел.

— Что не так, Иан?

— Всё. Всё, вы все, — и он рыкнул. — Ты такая прям “всё хорошо”, Шэйли странная, словно заразилась слабоумием от Нии... Верон с его... а и, надоели все!

Она уже слышала от него возмущение по поводу Шэйли. Он чувствовал, что что-то не так и постоянно ныл об этом Лане, но когда она заикнулась, что стоит вернуть девушку в храм, то Иан её чуть не сожрал. Больше она об этом ему не заикалась. И сейчас промолчала.

Если бы не знала, что девчонка и вправду блаженная, то заподозрила бы связь между ней и кем-то в доме... Бэлтом этим, хотя он в рот Ниилле смотрел, странно преданно, что выворачивало, так он был похож на пса. Конюх этот понятно, что нет, к нему даже Лана подойти боялась, чего уже говорить о “святой невинности”. Остальные мужчины слуги — мальчишки, да дед-кучер, которому кажется вообще жилось лучше всех сейчас, потому что привёз, потом шатался где-то в городе, потом повёз их безуспешно в столицу и вот снова отдыхал, будто утомился.

Оставался Верон. И у герцогини эта мысль вызывала почти нервное хихиканье — Шэйли видела старшего Шелрана и у неё случался паралич.

Ланира протянула руку к Иану, она не думала, что он будет сегодня в настроении быть с ней в близости, но ошиблась — кажется именно так он избавлялся от внутреннего напряжения. Но уж против она никогда не была, хотя заметила, что последнее время желание стало менее острым, нежели раньше и это тоже тревожило её, говорило, что, вполне возможно, предположение о её состоянии верно. Раньше, в те её предыдущие, неудавшиеся разы, было так же.

— У меня такое чувство, что ты изменился по отношению ко мне, — произнесла Лана, зайдя в комнату к Верону перед тем, как лечь спать.

Он поднял на неё взгляд от бумаг и писем, нахмурился.

— Изменился? — переспросил супруг и она кивнула. — Это как?

— Словно меня нет.

— Хмм. Но вот она ты, — Верон отложил какое-то письмо и приподнял бровь. — Это как если бы мы были влюблены друг в друга и ты упрекала меня в том, что наши чувства остыли, точнее я... что? Разлюбил тебя?

Ланира присела на угол его кровати.

— Да, наверное. Как-то так, — согласилась она.

Её супруг усмехнулся, потом почесал пальцами бровь.

— Какая драма, — он встретился с ней взглядами. — Что такое?

— С самого нашего приезда сюда ты игнорируешь меня.

— Ланира, — Верон покачал головой. — Напомню тебе, дорогая, что перед самым приездом сюда, ты весьма некрасиво себя повела.

— Столько времени прошло? — взвилась было она, но уняла себя. — Даже Иан простил меня.

— Ну, с ним, я думаю, проблем не было вообще, — покачал головой герцог.

— Перестань. И ты понимаешь о чём я.

— Как хорошо, что мы не испытываем друг к другу любви, ну вот в том романтическом понимании этого слова. Это была бы катастрофа.

Ланира хотела что-то ответить, но почему-то именно сейчас эмоции взяли верх и к горлу подступил ком. Лишь бы Верон не заметил...

— Знаешь, если тебе нужно больше, чем я даю, то ты всегда можешь сказать мне об этом, — сказал её супруг. — Я не неволю тебя, ты можешь вернуться к отцу, если хочешь. Сумма твоего приданного сейчас вдвое больше, чем была, или я могу содержать тебя — как тебе будет угодно.

— Ты предлагаешь мне развод? — захлебнулась она.

— Если хочешь.

— И на каком основании?

— Ну, можешь сказать всем, что я несостоятелен в постели, — ухмыльнулся Верон. — Тебя поймут, а я переживу.

— Это неправда! — возмутилась герцогиня.

— Думаешь найдётся кто-то, кто решит проверить твои слова, а потом сообщить окружающим?

— Верон, перестань, — и Ланира уставилась на свои руки, чтобы он не видел её лицо, её глаза, наполненные предательскими слезами. Она стала невыносимо слабой и чувствительной.

— Вот видишь? А если бы это была любовь? — и он фыркнул, а потом слабо рассмеялся. — Мы честны друг с другом, а в любви всё слишком сложно и болезненно.

Она не ответила, умом понимая, что он прав, да и с чего вдруг они вообще пришли к этому разговору.

— Иди спать, дорогая.

— Что-то плохое происходит? — Лана кивнула на бумаги, пытаясь перевести тему и вспоминая его утреннее замечание. А ещё ей так не хотелось сейчас оставаться одной.

— Я пытаюсь понять, — вздохнул Верон. — Всё слишком неопределённо и неясно, да ещё и невозможно отсюда разобраться в том, что происходит в столице. Мы можем оказаться в весьма затруднительном положении, когда станет понятно, что к чему. Ещё эта, кажется неизбежная теперь, судя по новостям, война.

— Наше благосостояние?

— Ну, нищими мы не станем. Однако, скорее всего нам придётся туго. Так что не списывай возможность сбежать от меня, так ты определённо останешься в достатке.

— Не думаю, — ответила ему супруга. — Ты забыл? Я не умею правильно тратить деньги.

Он усмехнулся. И на деле она была рада, что он не скрывал ничего от неё, что был

открыт в своих проблемах. Для Ланы это многого стоило.

— Не переживай, это моя забота, — ответил Верон. — Иди спать.

— Можно я посплю с тобой? — решила попросить она, потому что не хотелось быть одной, да и даже если это просьба выглядит сейчас странной — какая ей разница?

— Поспишь? — супруг приподнял бровь. Ланира закивала. — Ну, поспи. Если хочешь. И чтобы не говорила, что я тебя не люблю.

И она проигнорировала этот его выпад и радостно забралась под одеяло, положив голову ему на грудь, когда он обнял её одной рукой.

— Скоро дни очищения? — спросил Верон, намекая на то, что она перед ними становилась нервной и чрезмерно ласковой. И это укололо Лану, хотя он спросил очень поверхностно, вновь вернувшись к своим бумагам, но всё равно стало больно.

— Наверное, — решила ответить она, унимая себя. Пока ещё рано говорить, что на самом деле всё скорее всего совсем наоборот.

Глава 28 Рэндан

Простить себя Рэндан не мог.

Когда Эйва выдернула юбку, и он взвился злостью, но не на неё — на себя. Он сам виноват. Его лисичка уходила, а Рэндан понимал, что она его не простит. Он её терял.

Вернувшись в комнату, мужчина с гневом, грубо поднял Юллин с пола.

— Ай, — пискнула девица и скривилась от боли, но Рэндану было всё равно. — Ты чего? — надулась она.

— Хотела развлечь? — прорычал он ей в лицо, потом жёстко развернул и, уткнув головой в кровать, задрал юбки на голову. — Развлекай.

Юллин что-то всхлипнула, потом дёрнулась, но через секунду податливо выгнулась ему навстречу и Рэндану стало тошно.

— Вон пошла, — он отшвырнул её в сторону двери.

Девушка взвизгнула, потом ругнулась и, когда он глянул на неё, подскочив на месте, быстро убежала.

Рэндан опустился на колени перед кроватью, уткнулся лицом в постель и взвыл.

В глазах была темень. Молотом стучали в голове слова Эйвы: “обманешь — не прощу” — и он согласился на них. Согласился, потому что это было просто для него тогда, а уж потом, когда она стала для него так важна, так нужна, когда места не мог найти себе без неё, стало ещё легче.

От ужаса осознания схватило горло, сжало с болью... что он натворил?

Ведь, когда мелкая дрянь пришла и вот так с наглостью на него забралась, он даже не понял сначала, что происходит и откуда взялась в девке такая прыть и охота, ведь она явно его до низших боялась. Как и не понял, почему не выставил сразу.

И, чтоб ему, Рэндан видел Юллин насквозь, видел, что она была из тех, кому всегда мало, всегда надо, из тех, кто не скажет “нет”. Да и низшие с ней, ему какое дело? Было...

Девка была пьяна, у него самого голова была не на месте из-за выпитого, из-за отъезда Эйвы, из-за пустоты внутри, что стала пропастью, утягивая его на дно. И нет, не надо было ему её заполнить, да и тем более так — ему хотелось Эйвы. Он от этой женщины голову терял.

И сейчас злость разрасталась, множилась, яростно кусая, впиваясь сотней клыков, травя и уничтожая — хотелось умереть.

Рэндан с трудом сдержался, чтобы не найти Эйву, вцепился в кровать. Он хотел рыдать,

словно маленький, думал, что его не пронять, а тут рвало от гнева и от утраты — точно знал, что потерял женщину, которую кажется любил.

— Что случилось, Рэндан? — спросил Бэлт, когда друг второй день подряд отказался идти в дом на трапезу.

Конюх недовольно мотнул головой.

— Хватит, я тебя знаю, что? — никак не унимался Бэлт. — Это Эйва? Да?

— Юллин на меня забралась, а Эйва увидела, — сухо ответил Рэндан, выгребая грязную солому из денника.

Товарищ цыкнул с недовольством.

— Вот дрянь, — ругнулся он. — Она и мне в штаны лезла. На празднике.

Рэндан ничего не ответил.

— Только не говори мне, что что-то было у тебя с ней, — нахмурился Бэлт. — Не поверю.

— Какое это имеет значение? — ответил Рэндан.

— Так большое...

— Нет, — отрезал конюх. — Она на меня забралась, а я вместо того, чтобы скинуть её и пинком из комнаты выгнать, решил глянуть, что она делать будет. Глянул.

— Рэнд, Эйва тебя простит, брось, — повёл головой Бэлт. — Тем более...

— Что? Она натерпелась, это и дураку понятно, а я добавил, — произнёс он с болью. — Представь, она вернулась, ко мне пришла... ко мне! А я с девкой. Объяснишь, что всё не так, как она увидела? Найдёшь слова? Простишь?

— Вот же проклятье! — товарищ с сожалением ударил ладонью в перегородку денника.

И Рэндан сжал в руке вилы, закрыл глаза, потом нахмурился:

— Меня только... только... знаешь, закрываю глаза и не могу увидеть Эйву, эту мелкую дрянь вижу, понимаешь? Лицо её стоит перед глазами, — и Рэндан дёрнул головой, пытаясь прогнать наваждение, открыл глаза. — Я в дом не иду, потому что увижу девку и сверну ей шею, не сдержусь.

— Мне жаль... — хмуро отозвался Бэлт.

Рэндан действительно не мог найти себе места.

Он и вправду всё закрывал глаза, пытаясь представить Эйву, даже хотя бы вот в ту их последнюю ночь. Когда его потянуло назад, хотя он ушёл в поля, не имея над собой власти, желая остаться наедине с каким-то неподъемным горем, каким стал отъезд Эйвы. Тогда Рэндан лежал в траве, пил, смотрел в небо полное звёзд и не мог понять себя и чувства, что изводили нутро, а потом словно дёрнула нужда вернуться.

Он вернулся, а Эйва уходила с конюшен и его смяло безжалостно. И такая она была невыносимо прекрасная в этот момент, “прости” это её, бьющее наотмашь так, что выбивало дух.

Ему хотелось реветь, что она ему принадлежит, что не может отпустить, что страшно. Так много хотелось бы сказать, но не было смысла, не мог, молчал и, когда уходила, готов был рыдать, прося остаться. Подумал в какой-то момент — может и хорошо, что так, что уехала и осталось только воспоминание.

А теперь... закрывая глаза, он не видел ту его Эйву, красивую, огненную и при этом такую мягкую, нежную, словно он был достоин. Не был достоин, поэтому видел эту мелкую дрянь Юллин, и злился на неё, хотя виноват был только сам — разрушил всё по глупости и слабости.

Через несколько пустых, скручивающих скорбью дней, он принял решение уйти и сдаться.

— Что? — взвился Бэлт, когда были на конюшне одни, и Рэндан сказал о своём решении.

— Я не могу, — отозвался он. — Схожу с ума. Давно надо было так сделать.

— Тебя расстреляют, Рэнд, — громче, чем хотел возразил товарищ, потом справился с собой и заговорил тише. — Это глупо. Из-за бабы!..

— Не смей, мальчик, — прохрипел конюх с угрозой.

— Я не мальчик, Рэндан, — упрямо и не менее зло ответил Бэлт.

— Мальчик. Для меня всегда будешь. И я с собой тебя не беру, — сказал он, повёл головой с настойчивостью.

— Рэндан, я не...

— Оставайся, — перебил его мужчина. — Не знаю... точнее понимаю, понимаю, да. Просто... а... — он небрежно махнул рукой, а потом кивнул в горы. — Перейду горы с той стороны выйду на пост, чтобы у Шелрана не было проблем, да и тебя не искали.

— Всё равно будут искать, — обречённо возразил товарищ.

— Не будут, Бэлт, — ответил на это возражение Рэнд. — Я скажу, что ты мёртв. Могу вообще сказать, что давно.

— Нас летом прошлым вместе видели, — усмехнулся он.

— Будто они пойдут искать свидетелей по деревням. Шутишь?

— А тело?

— А я скажу, что в болотах Яынси, там, куда не покажи, тело можно найти, — проговорил старший мужчина. — Хотят — пусть ищут.

— Тебя обвинят в моей смерти, даже если скажешь, что я сам умер, — возразил Бэлт.

— И что? Два раза не убьют, — ухмыльнулся Рэндан. — А ты останешься со своей занозой. Она уже никуда отсюда не денется, а ты будешь при ней.

Друг мотнул головой, с досадой, обидой.

— Скажи только, — решился спросить конюх, — ты за неё держишься, потому что виноват, или наоборот всё?

— Что? — Бэлт встрепенулся, обомлев, и встретился взглядом с Рэнданом.

— Твоя провинность, — пояснил конюх, — ты из-за неё здесь остался, или то, что случилось было причиной...

— Нет, — перебил друг, замотав головой и сжимая кулаки. — Когда ты узнал?

— Дурака из меня не делай! Сразу, как фамилию вдовствующей графини услышал. Майор, из-за которого тебя провернули, Сэнори был.

— Это... нет. Оно не связано, — Бэлт с трудом опустил на скамью. Тяжело вздохнул. — Я любил её очень, но я и слово при ней сказать не мог. Мальчишка был. А когда нашёлся, то уже поздно было. И поверь мне, при распределении в полку, последний человек, к которому я хотел бы попасть, был Сэнори. Думаю, что братья подсобили, никак не могли уняться, казалось бы... по жизни им поперёк горла стоял.

И друг так невесело ухмыльнулся — об отношениях в семье он не говорил, но Рэндан знал, что с братьями были плачевными. А ещё знал, что старший брат объявил парня мёртвым, вычеркнул из состава семьи, как только Бэлт вместе со своим капралом пустился в бега, а трибунал проговорил к каторге.

— То, что случилось, — продолжил товарищ с болью. — Я спасал людей, Рэнд. Я

предал его, но только из-за людей, потому что он погубил бы всех. Там была почти рота, Рэндан... рота. Почти две с половиной сотни человек! И один приказ трусливого безумца, который хотел их всех погубить ни за что. Бессмысленно и глупо, желая прославиться.

На глаза ему навернулись слёзы и Рэндан видел перед собой мальчишку, который принял очень тяжёлое решение, оставил своего командира в окружении, отступая с основными силами, а потом поплатился за это. Бэлт лишился по сути всего, разжалованный из офицеров в сержанты, потеряв в глазах окружающих честь и имя. Офицеры, проклятые аристократы, считали его пустым местом, правда солдаты любили, потому что парнишка был хорошим человеком и на деле отличным командиром.

— И я не жалел бы, хотя до сих пор порой закрываю глаза и вижу его взгляд тогда, когда я его оставил, — сказал он с трудом. — Но перед ней так виноват...

— Ты не виноват, — возразил старший мужчина, — ты спасал мальчишек и мужиков, у которых родные, семьи, дети. Они благодаря тебе домой вернулись, а могли полечь, без смысла.

— Я его сделал таким, — отозвался Бэлт. — Безумным и...

— Таким его сделала война! — отрезал Рэндан. — А не ты. И ты тоже там был.

— Она могла бы быть...

— Бэлт...

Друг горестно мотнул головой, потом уставился куда-то на улицу и лицо его изменилось.

— Стой на месте, — сказал он Рэндану тихо, стараясь даже губами не шевелить. — Пивовар.

Конюха скрутило с силой, он зашёл в крайний к выходу денник, а Бэлт встал и пошёл навстречу к незваному гостю.

— Доброго дня, — отозвался пивовар.

— И вам, — ответил Бэлт. — Заблудились, любезнейший господин?

На это гость рассмеялся.

— Простите, простите. Но вы ведь один из слуг Шелранов, что зимой тут появились?

— Допустим, — осторожно ответил Бэлт.

— И вы пришли со стороны гор?

Бэлт не ответил, но может кивнул, или ещё как-то отреагировал. Рэндан их не видел. Он даже слышал их разговор с трудом. А ещё внутри крутило яростью — было желание взять верёвку, накинуть на шею твари и придушить.

— Я понимаю, что прозвучит странно, но я пришёл с просьбой о помощи, — проговорил пивовар.

Потом стал говорить тише, и Рэндану стало сложно вслушиваться. Но из обрывков услышанного стало понятно, что ему нужно перейти через перевал в обход заставы, которая сейчас из-за событий в столице была забита гвардейцами. Бэлт на это пошутил, что с незнакомцами такое не обсуждают, но раз так припекло, то он поговорит с другом, потому что мол именно он, имея ввиду Рэндана, но имени не называя, знает как пройти в горах.

Была мысль, что Бэлт говорит это специально, чтобы была возможность утянуть этого изувера в горы и там разделать. И этот план, если к нему шло, был хорош, но тут Рэндан услышал, как гость повысил голос и спросил про Юллин, мол строила ему глазки на празднике, но им помешали уединиться. Говоря об этом, он странно посмеялся. Бэлт на это ответил что-то колкое, что вызвало нервные смешки у гостя, на том они и распрощались,

пожелав друг другу хорошего дня.

Рэнд постарался расслабиться, но...

— А сказали, что у вас в доме есть кто-то из театра королевского? — крикнул мужчина, явно уйдя уже на приличное расстояние.

— А что? — спросил Бэлт.

— Я там работал, может знаю её, — ответил пивовар. — Как зовут её? Мне сказали, но я забыл.

Бэлт ответил, что не знает про это ничего.

И больше не было смысла ждать — Рэндана хватануло за горло гневом, на глаза попались тяпы, которыми тормозили сено. А потом в голове всплыло упоминание о медведе...

Он уже не слышал, что ещё сказал Бэлт, осторожно прошёл в сторону противоположного выхода из конюшни, там в небольшой кладовой были кошки для обуви, которыми пользовались в зимнюю погоду, надевая на обувь. Прихватив их, Рэндан вышел из конюшни и замер, ожидая возвращения Бэлта.

Вот молодой мужчина зашёл внутрь, обернулся, ожидая увидеть друга в деннике, в котором его оставил, нахмурился, потом повёл головой и увидел Рэндана, встретившись с ним взглядом. Всё понял и кивнул, указывая рукой в сторону обходной дороги.

Рэндан уже очень хорошо знал местность, да и, в отличие от уходящего спокойным шагом и ничего не подозревающего пивовара, бежал. Поэтому внушительно его опередил и преградил путь достаточно далеко от дома, близко к реке, успев при этом успокоить дыхание после бега.

— Доброго, — начал было приветствие пивовар, радостно улыбаясь во весь рот, но улыбка сползла с его лица и договаривать он не стал, как только встретился взглядом с Рэнданом. — Ты второй слуга герцога? Конюх? — всё же решился спросить он.

— Тут медведь говорят есть, — ответил на это Рэндан.

— Что? — удивился он.

— Медведь, — спокойно повторил конюх.

— Это же шутка, — ухмыльнулся пивовар. — Его никто не видел, только этот дворецкий из поместья вечно пьяный...

— Ты увидишь...

— Что?

— Эйва её зовут, — произнёс Рэндан, делая шаг навстречу пивовару, который понял уже, что происходит что-то неладное, плохое, опасное. Напрягся, глаза забегали, дыхание сбилось. Он пытался сообразить, что делать. — Рыженькая, помнишь? В театре. Хорошо разделал её?

И да, эта тварь силилась не меняться в лице, но Рэндан уловил изменение. Эйва не ошиблась.

Больше ему ничего не нужно было — быстрый и точный удар рукой, на которую было заранее надето торчащее когтями во все стороны приспособление для перемещения по льду. Пивовар скривился от боли, заскулил, но при этом Рэндан успел уловить движение руки, с зажатым в кулаке лезвием.

— Этим ты их всех резал, или тебе не важно чем? Много их было? — рыкнул он, блокируя выпад свободной рукой, так же с надетыми кошками. И следующим ударом втыкая штыри в шею мужчины, дёргая на себя и оставляя длинные рваные раны. — С тобой ровно

не получится, но мне плевать. Хотя надо было тебя на куски живьём изрезать.

Пивовар захлебнулся кровью, сдавил горло, пытаясь её остановить. Рэндан рванул ту руку, что первая вошла в тело жертвы и так же протянул “когти”, вспарывая ему брюхо. После чего осторожно сделал шаг назад, ожидая нападения, но пивовар осел наземь. Его искажённое болью лицо было словно озадаченным, будто он и предположить не мог, что закончит вот так. А может не думал, что настигнет кара за то, что натворил.

И Рэндан много раз видел такую реакцию. Почему-то подобные твари считали, что они неподвластны наказанию, что нет над ними закона, нет того, кто может выследить их и поступить так же, как они поступали с теми, кого нещадно терзали, думая, что если их и поймают, то их ждёт суд, а там можно и выйти сухим из воды. Такое Рэндан тоже видел, увы, не редко. Особенно на войне.

И поэтому в нём не было сейчас ни капли жалости или сомнения, он верил в то, что делал. Он склонил голову набок, прислушиваясь к предсмертным хрипам умирающего. Потом подошёл к нему и воткнув одни когти в спину, потянул с дороги в сторону леса.

Рэндан был сыном лесника, поэтому много знал о лесе, животных, живущих в нём, и их повадках. И опытный лесник или бывалый охотник, умеющий читать следы, смог бы разобраться в том, что происходившее здесь не нападение зверя, но в этих местах не было хороших следопытов, а лесник был стариком в таком же пьяном маразме, что и его друг, дворецкий Шелранов. А, видя над горизонтом гор сгущающиеся тучи, Рэндан прекрасно понимал, что сейчас навряд ли хватятся этого изувера, а к вечеру дождь смоет следы, так что и опытный следопыт ничего не отыщет.

Правда Рэндан и не боялся обвинений, не боялся, что его поймают, что приговорят за убийство. Он уже смертник — хуже не станет.

Он горестно ухмыльнулся, оставляя тело, и отправился к реке. Там прямо в одежде прыгнул в воду. Она была ледяная, но Рэндана било горячей трясучкой, он стянул с себя рубаху и застирал пятна крови. Вернулся обратно в мокрой одежде, но это его тоже мало волновало.

Дождь к вечеру пошёл сильный и основательный, лил полночи.

И через день с утра, ещё до завтрака, к ним прискакал слуга от главы городского совета и рассказал, что хозяин гостиницы ищет своего партнёра, который варил в гостинице пиво, а теперь бесследно исчез.

— Рэндан, — позвал мужчину герцог, заходя в конюшни.

— Да, ваша светлость?

— Тут такое дело, пропал пару дней назад пивовар из Хиита, — проговорил Верон Шелран. — Но я сказал, что он к нам не приходил.

— Я не видел, — как ни в чём не бывало, спокойно ответил Рэндан. — И Бэлт вроде не говорил.

— Его ищут, хотят по лесам посмотреть, — кивнул герцог. — Но местный лесник...

— Знаю, ваша светлость. Надо помочь?

— Да, ты же можешь? — и старший Шелран улыбнулся этой своей страшноватой кривой улыбкой.

— Могу, ваша светлость, — согласился Рэндан.

И день он таскал поисковую группу, собранную в городе, по лесу с одной стороны Хиита. Потом настояли искать в стороне от поместья — прошёл ещё день. А потом Рэндан вывел их на место, где валялся труп, как выяснилось, называвшего себя Ильтом, пивовара.

В изучение трупа конюх специально не лез, но глава городского совета решил, что это медведь, а лекарь, который был при искавших людях, почему-то подтвердил догадку. Скорее всего просто не желая вникать в происходящее, устав бродить по лесам и желая поскорее вернуться к своим обыденным делам — болячкам стариков и лечению поноса у местных ребятишек.

Бэлт, который тоже был на поисках, услышав заключение главы и доктора, глянул на Рэндана и невесело ухмыльнулся.

Они вернулись в поместье и уже поздним вечером на пороге сенника, где последние дни спал конюх, возникла фигурка Эйвы. Увидев её, он зажмурился, с трудом встал, зная, зачем она пришла.

— Это ведь ты... — тихо сказала она.

И конечно она знала о том, что случилось, и кто был жертвой — весь дом гудел этими новостями. Странно ещё, что до застав дело не дошло. Хотя с переправы гвардейцы до них не спустятся, потому что принадлежат соседнему округу, а местные были достаточно далеко, да и что им в сложившейся обстановке в стране до тела какого-то мужика, задранного до смерти медведем?

Рэндан подошёл к ней и больше всего сейчас боялся, что она отшатнётся от него в брезгливости или ужасе. Правда и одобрения его поступка, он ждал с не меньшим страхом. Но Эйва не шелохнулась.

— Будет охота на медведя, — тихо сказала она. — Глава городского совета попросил.

Конюх кивнул в подтверждение её слов, а горничная подняла на него свои красивые светлые глаза цвета сирени, полные такой невообразимой печали. И у Рэндана вышибло дух.

— Жалеешь его? — спросил он. Она нахмурилась вопросу, было видно, что силится не расплакаться. — Я сделал это, потому что такие не должны топтать землю и причинять зло людям.

— А если... я же могла ошибиться, — прошептала она с содроганием, но Рэндан отрицательно покачал головой. На деле, с облегчением понимая теперь, истинность её расстроенного, потерянного состояния.

— Не ошиблась. И я сделал это не ради прощения, лисичка, — и было сложно говорить. — Я сделал это ради тех, кому он причинил зло и тех кому зло ещё причинил бы. Такие как он не останавливаются сами, Эйва. И я рад, что те, до кого он теперь не доберётся, не узнают какая страшная участь их могла ждать, какую беду они теперь не встретят в своей жизни.

Она кивнула, моргая, и от этого слёзы потекли по её щекам, и каждая была для Рэндана как кислота, разъедающая всё внутри.

— И мне очень жаль, Эйва, что те, кому он зло причинил, не узнают, что можно больше не бояться, можно не оглядываться, пугаясь всего... — Рэндан с трудом сглотнул. Проглатывая слова: — Только ты за всех.

И Эйва так отчаянно сжалась, что он испугался и, хотя давал себе зарок не трогать её, чтобы не причинять боли, но тут не выдержал, притянул её к себе, снова ощущая потерянное тепло её тела.

— Не плачь, лисичка моя, не надо, — прошептал Рэндан ей в макушку, вдыхая ставший таким родным запах волос, снова утопая в горе потери и ненавядя себя.

Эйва заплакала, вцепилась в него и на мгновение показалось, что всё зыбкое может снова стать чем-то основательным, а его чувство к ней было таким... Рэндан обнял её лицо и

поцеловал. И это было неправильно, нечестно по отношению к Эйве, он поступал сейчас самолюбиво, жестоко, но так хотелось вцепиться в этот момент, пусть и злой, но хотя бы так, другого может не быть.

— И мне плохо без тебя, мне больно, что предал твоё доверие, — прошептал ей в губы. — И я мечтаю о твоём прощении, но я хочу, чтобы это случилось не из-за чего-то, а потому что ты так захочешь, потому что буду нужен тебе, потому что ты сможешь довериться мне... ещё раз...

И Рэндан прижался губами к её лбу, потом снова обнял, отчаянно желая утешить, забрать её печаль и боль, и стоял так, пока она не успокоилась. После чего отпустил её в дом и долго смотрел вслед, сглатывая свои слёзы.

Но хотя бы теперь он, сможет вспомнить её лицо, пусть такое горестное, пусть так — лучше, чем пустота. Он и этого он не заслуживал — это было для него слишком много.

Глава 29 Верон

Всё выходило из под контроля и Верона это раздражало. Он привык быть в курсе происходящего вокруг, но сейчас, сидя в горах, отрезанный от мира, он упустил одну новость за другой, всякого рода события и происшествия, да что там — попытку смены власти! Для него, как для одного из советников его величества, это было вообще чем-то безумным.

И главное непонятно почему не сообщили, что такого случилось, что вести до Шелранов не дошли? Верон начинал подозревать, что впал в немилость или что-то ещё.

Эта тревога множилась и росла, к ней добавлялись переживания из-за Шэйли, Ланира вела себя странно, Иан со своими истериками, невозможность выбраться отсюда... а теперь ещё и медведь, который напал на какого-то там пивовара и задрал его насмерть.

Глава городского совета, обливаясь потом и безумно нервничая, попросил герцога посодействовать в снаряжении охоты, чтобы найти и убить животное, которое стало опасным, потому что напало один раз, нападёт и ещё. И Верон не стал бы в этом вариться, но уж больно близко к поместью это случилось.

Он ограничил выход домашних за пределы основных ограждений территории поместья, запретил Ланире уходить рисовать, Шэйли и Ние гулять по ближайшим полям, приказал спускать собак на ночь.

Конечно же Иан при словосочетании “охота на медведя” загорелся, как подпаленный фитиль. На что Верон только повёл недовольно головой, но говорить что-то поперёк брату не стал — состояние Иана было хуже, чем у Нии, и старший брат устал от его нестабильных эмоциональных всплесков.

Егерей Шелран не держал. Охотой здесь никто не промышлял, а основные охотничьи угодья королевской семьи были по ту сторону гор. Так что охоту пришлось возглавить местному лесничему и, хотя Верон был с этим не согласен, но он решил не спорить — попросил только присоединиться к охотникам Рэндана и Бэлта, чтобы присмотрели за Ианом. Из Верона охотник был плохой даже в пору, когда с ним было всё хорошо, чего было говорить о сейчас? Герцог остался дома.

— Можно? — спросила Шэйли, застыв в дверях библиотеки совмещённой с гостиной.

— Конечно, милая, — проговорил Верон. Охотники поднялись рано, почти все в доме ещё спали, когда они ускакали в сторону того места дороги, откуда собирались идти искать зверя. — Почему ты не спишь?

Ланира и Ниилла ещё спали, в это время только слуги начинали просыпаться. Верону пришлось самому разжигать огонь в камине, что был здесь.

— Мне тревожно, — нахмурилась она и пожала плечами, сделала шаг вперёд.

— Не надо, всё будет хорошо.

— Ты не можешь знать это наверняка, — резонно заметила девушка и села на диван, подтянув к себе ноги.

— Ты права, не могу, — согласился Верон.

— Что ты делаешь? — спросила Шэйли кивая на бумаги, за которыми он сидел.

— Это письма от моих людей в Ласце и столице, — ответил он. — Пытаюсь понять, что происходит.

— Не получается?

— Нет. Судя по всему все получают разную информацию. Но из того, что есть, я понял, что некая организация решила сместить правящую королевскую семью и это как-то связано с конфликтом между Тяном и Сандой, — озвучил свои знания Верон. — Но дальше ничего не понятно.

— Почему нас заперли? Нас подозревают в соучастии? — догадалась Шэйли.

— Думаю нет, но проверяют точно, — ответил он. — Из-за того, что сведения разные, у меня есть подозрение, что это старый, как мир, приём — когда, чтобы узнать, кто предатель дезинформируют тех, кого подозревают. А потом благодаря тому, что всплывает...

— Узнают кто предатель?

— Именно так, — кивнул Верон. — Мы же вообще не участвуем в этой схеме. Надо просто подождать и посмотреть, что будет.

Шэйли кивнула.

— Я могу уйти, если мешаю, — сказала она, хмурясь.

— Не мешаешь, останься, — ответил Верон.

Девушка улыбнулась и ему безумно захотелось её поцеловать.

Шэйли была для Верона благостью. Она словно вытягивала из него всё, что было хорошего когда-то, о чём он уже забыл и чем не имел никакого желания или возможности пользоваться. А сейчас было нужно быть мягким и это было так странно. Но это состояние ему нравилось.

Он погрузился в работу и не заметил, как Шэйли уснула на диване, свернувшись калачиком, словно кошка. Дом ожил и наполнился звуками.

— Ваша светлость? — в дверях застыла озадаченная Эйва. Она была одета в простую грубую блузу и сарафан, предназначенные для черновой работы.

— Тшшш, — призвал её к тишине Верон и указал рукой на диван, где спала Шэйли.

— О, простите, — прошептала горничная. — Не убирать?

— Не надо. И камин я растопил. Подбрось пару поленьев и можешь идти, — отмахнулся герцог.

— Может хотите чаю? — шёпотом спросила Эйва, вставая присаживаясь у камина, чтобы бросить в огонь поленья.

— Было бы отлично, — кивнул Верон.

— А её милости?

— Тоже принеси.

— Хорошо, — улыбнулась Эйва и в очередной раз он уловил в ней невероятную уютность и какое-то неуловимое благородство.

Ближе к завтраку проснулась Шэйли, очень смутилась тому, что уснула и обрадовалась чаю, несмотря на то, что тот уже остыл. Не прошло и пятнадцати минут, как коридор ожил

возгласами, потом в дверях комнаты появился всклокоченный Бэлт.

— Что случилось? — спросил герцог.

— Его милость, — выдохнул слуга.

Верон вскочил, как и Шэйли.

— Останься здесь, — приказал он ей.

— Но...

— Прошу тебя, Шэлл, — мотнул он головой, ругаясь на себя за несдержанность и что назвал её не как обычно.

Выйдя в коридор, Верон наткнулся на Рэндана, который нёс Иана.

— Верон! — возмутился Иан.

— Наверх? — спросил конюх у герцога без лишних церемоний, не обращая внимания на весьма помятого младшего Шелрана и его возмущение.

— Да, — кивнул он, Иан попытался что-то возразить, но внимания к своей персоне не получил. Герцог обернулся на Бэлта. — Что случилось?

— Кабан, — ответил тот. — Еле вашего брата прикрыли. Рэндан успел, но ногу его милость повредил.

— Надо бы лекаря, — слабо отозвался глава городского совета, который был здесь же. — Простите, ваша светлость. Так... так плохо вышло...

Мужчина весь вспотел, покраснел, перебирая пальцами шапку и переминаясь с ноги на ногу, стоял посреди холла, словно провинившийся мальчишка.

— А почему лекарь в городе, а не с вами? — нахмурился Верон, очнувшись и отправившись за Рэнданом.

— Так... так получилось... простите, ваша светлость, моя вина...

— Тц, — недовольно цокнул герцог, поднимаясь по лестнице, следом за ним поднялся Бэлт.

Рэндан уже положил Иана на кровать.

— Да хватит уже, я могу и сам идти, — ругался Иан.

— Ты его жизнь спас? — спросил Верон, скорее правда утверждая свершившийся факт.

— Верон, чтоб вам всем! — проорал младший брат.

А конюх упрямо мотнул головой.

— Я не успел, — недовольно ответил Рэнд, — надо было предвидеть...

— Прибедняешься? — отозвался герцог на это.

— Простите, — буркнул конюх.

Бэлт показал рваную рану на ноге, которую слуги зафиксировали, опасаясь видимо перелома.

— Меня кто-нибудь вообще слышит? — не унимался в своём негодовании Иан.

— Слышим мы тебя, — рыкнул на него старший брат.

В комнату пришла Эйва и с ней всё-таки поднялась Шэйли.

— Нет, ты представляешь? — возмутился младший Шелран. — Ни одного боя без ранения, а тут кабан...

— Потому что слишком много на себя берёшь, Иан, — ответил Верон. — Ты не бессмертен.

— Я за лекарем, ваша светлость, — отозвался конюх.

— Хорошо возьми лошадь Иана, она ему пока без надобности, — ответил на это герцог.

— Я встану, чтоб тебя, Верон, — зашипел на него младший брат.

— У Рэндана рана на боку, — заметила Эйва, помогая Иану снять грязную одежду.

Верон приподнял бровь озадаченно — горничная сказала это так буднично, даже взгляда на конюха не подняла, но в этом замечании было столько заботы, что стало завидно.

Герцог перевёл взгляд на слугу:

— Ранен?

— Мелочи, — нахмурился конюх, стараясь повернуться так, чтобы бок не было видно. Но Верон повёл головой и мужчине пришлось развернуться. И действительно была внушительная рваная рана на боку, со смещением на спину.

— Нет. Иди отдыхать! Бэлт, в город, — распорядился герцог, на что мужчина кивнул и вышел. — Я скажу лекарю, чтобы тебя тоже осмотрел, — Верон повернулся к конюху.

— Не надо, ваша светлость, я сам.

— Рэндан, — вздохнул Верон и слуга понятливо склонил голову, потом вышел.

— Эйва, глянешь за ним, — спросил герцог, обращаясь к горничной.

— Да, ваша светлость, — отозвалась она и бровью не повела.

Шэйли всё это время стояла возле двери, нахмуренная и бледная. Она молча слушала разговор, потом случившуюся перепалку между братьями, когда уже кроме них троих никого не осталось, а Иан тоже всячески протестовал против лекаря. Подошла только, когда Верон ругнулся жёстче, чем хотел и вышел, встретившись по дороге к дверям с её огромными тёмными и полными печали глазами.

Прибывший позднее лекарь обработал рану и сказал, что кость не сломана, но на ней трещина, а потому его милости придётся пока полежать в постели. Это требование вывело Иана из себя.

Несколько дней, до тех пор пока лекарь не разрешил ему вновь вставать, младший Шелран сводил всех с ума. Больше всего доставалось Шэйли, которая не отходила от него ни на шаг и в итоге всё недовольство и негодование он лил ей на голову, не жалея.

И Верон был на грани, потому что хотелось ударить Иана за это отношение к супруге, которая делала для младшего Шелрана всё, что он только хотел. И потому что Верон поймал себя на мысли, что ему не хватает этого уединения, которое было у них, когда брат и Ланира покидали дом и отправлялись якобы каждый по своим делам в разные стороны.

Но теперь Ланира никуда не ходила, была какой-то тихой и потерянной, правда это Верон связывал исключительно с тем, что его супруга была заперта здесь без возможности даже скандал учинить с требованием уехать, ну и конечно она переживала за второго наследника — в оставшихся в ней чувствах к принцу у старшего Шелрана тоже сомнения не было.

Через несколько дней в поместье появился посланник его величества, который доставил несколько писем Верону, отчего стало немного легче. По крайней мере Шелраны не были в опале, под подозрением, или ещё в какой опасности гнева правителя.

— Ваша светлость, — застыл в дверях Бэлт.

— Да, — Верон оторвался от писем и нахмурился, потому что вид у мужчины был весьма взволнованным. — Что случилось?

— Там слуга главы городского совета пришёл, посланника к вам провожал, — Бэлт замялся, потом вздохнул. — Дело в том, что в городе девица повешенная. Просят прийти вас или кого-то от семьи.

— То есть меня, — съязвил герцог, потому что кроме него этими делами от семьи мог бы заняться только Иан, а он, и это было известно главе, был не состоянии передвигаться.

Бэлт снова вздохнул и кивнул.

— Рэндан там сейчас, ваша светлость, — напомнил слуга, что конюха отпустили в городские конюшни.

— Да, я помню, но я съезжу, — отозвался Верон и указал на письмо. — Только с этим разберусь. Можешь отправить слугу сказать, чтобы подождали меня?

— Да, ваша светлость.

Через пару часов Верон стоял в комнате в доме лекаря, где в специально отведённом помещении на столе лежало тело умершей девушки.

— Простите, что пришлось вас вызвать, ваша светлость, — оправдывался глава, — но такие дела обычно требуют свидетельства. А раз вы здесь, то я человек вам подвластный и...

— Я понимаю, — устало отозвался старший Шелран, выставляя руку, чтобы успокоить мужчину. — Давайте посмотрим.

За спиной герцога стоял Рэндан, хмурый и молчаливый, но кажется сегодня сильнее, чем всегда. Лекарь засуетился, снимая простыню. Несчастной было всего девятнадцать и Верону определённо было жаль видеть её мёртвой.

— Причина известна? — тихо спросил он, подходя ближе.

— Нет, ваша светлость. Вроде всё было хорошо. Матушка её сказала, что вчера известие получила от отца, что жениха ей нашёл, только привезти на смотрины не может из-за того, что дороги закрыты. Должна была бы радоваться, — вздохнул глава городского совета.

— Тут вот, — кашлянул лекарь, привлекая внимание и немного отклоняя голову девушки в сторону, убирая ворот платья и открывая шею.

— Ох, — выдавил из себя глава, когда увидел шрам идущий вдоль шеи, уходя вниз за ворот. — Ваша светлость, клянусь вам у нас такого нет в городе, уверяю вас, ваша светлость! Мы следим, строго следим! Никаких девок падших, нет такого, ваша светлость, нет! И семья её...

И он продолжил причитать, кажется желая ухватить Верона за руки, но конечно побоялся это сделать.

— Разденьте её, — под все эти оправдания главы приказал герцог лекарю. — Мы подождём.

— Ваша светлость, — опешил глава, когда понял, что они хотят сделать. — За-зачем?

— А вы уверены, что больше нет ничего на ней, нет никаких других следов? Или синяков. Может ей помогли сделать это, а вам и дела нет? И не надо мне говорить, что лекарь вам шрам не показывал до того, как я тут оказался, уважаемый, — грубее, чем хотел, ответил Верон.

Глава городского совета сжался, герцог глянул наискосок в сторону лекаря, который застыл на несколько минут, словно сражаясь с собой, но потом словно вспомнил, что от него хотели и принялся за своё печальное дело.

Верону предложили стул, Рэндан стоял возле стены и смотрел в пол, глава наблюдал за действиями лекаря, будто пытаясь что-то скрыть или увидеть может что-то раньше остальных мужчин в комнате, но может, почему-то пришло в голову герцогу, просто был не в себе и ему такое нравилось...

На девушке нашли ещё несколько шрамов — два на груди, словно крест, один на внутренней стороне бедра. Все они были сделаны явно одним видом лезвия, заживление было одинаковым из чего следовал вывод, что нанесены они были в одно время. О давности примерно в пару-тройку месяцев назад выдал предположение Рэндан, а лекарь согласился с

КОНЮХОМ.

Назад в поместье двое мужчин ехали уже в сумерках, молча, каждый был погружён в свои мысли.

Верон считал, что кто-то быть может в злости или ревности изранил девушку таким образом, или может кто-то надругался над ней, изрезал в попытке скрыть преступление, а она, получив известие от отца о договоре на брак, поняла, что будет опозорена она и семья, вот и нашла вот такой ужасный выход.

Голову старшего Шелрана всё никак не оставляли мысли о шраме Эйвы. Уж очень похож, да ещё и на одном и том же месте. Герцог глянул в сторону Рэндана и конечно, судя по тому, какими по подозрению Верона были отношения между конюхом и Эйвой, мужчина наверняка видел тело Эйвы и...

А что и?

Если у горничной были такие же шрамы, то значит быть беде, потому что Рэндан был из тех, кто умеет быть беспощадно жестоким.

А если был только один?

Может она и вправду была когда-то в ситуации, что пришлось торговать собой? Верона уколола эта мысль — нет, его мнение об Эйве не изменилось бы, но почему-то стало так мерзко, тяжело и невыносимо печально.

Однако вне его желания мысли множились, наслаивались одна на другую, раздражали.

Отдав коня Рэндану, Верон зашёл в дом.

— Добро пожаловать назад, ваша светлость, — поприветствовал его Бэлт.

— Да... да... — кивнул ему старший Шелран.

— Ужин?

— Нет, я не буду, — скривился Верон, потому что от мыслей про еду скрутило тошнотой.

— В гостиной вас ждёт её светлость и её милость, ваша сестра, — заметил слуга.

— Спасибо, Бэлт.

— Что в городе? — спросила сходу Ланира, как только Верон появился в дверях комнаты.

— Я не буду это сейчас обсуждать, — ответил он, глянул на сестру, потом отвёл взгляд, пока та не заметила. — Да и потом не хотелось бы.

— Мы ждали тебя к ужину, — отозвалась обеспокоенная Ния. — Но не дождались. Прости.

— Ничего, милая, — улыбнулся он ей, радуясь, что по его обезображенному лицу весьма тяжело понять, насколько эта улыбка неискренняя и натянутая. — Тем более, что я не голоден.

— Ты поел в городе? — заботливо спросила сестра.

— Именно так, Ния, — соврал он, потом мягко добавил: — Я дома, всё хорошо, можешь идти отдыхать, милая.

Старшая сестра неуверенно улыбнулась, потом глянула на Ланиру и кивнула.

— Хорошо.

И она вышла, а Верон столкнулся взглядом с Ланирой, которая теперь-то, когда Ниилла ушла, определённо ждала объяснений.

— Все могут идти, — чётко произнёс он, глядя на неё, а на деле обращаясь так же к Юллин и Эйве, что были с хозяйками, пока они отдыхали после ужина. — Кроме Эйвы.

И Верон перевёл взгляд с озадаченной и нахмуренной супруги на горничную.

— Эйва останься, — попросил он, уже глядя ей прямо в глаза.

Она смущённо склонила голову. Верон дождался пока Ланира и Юллин покинут библиотеку.

— Сделаешь выпить? — спросил он, садясь за свой стол.

Горничная нахмурилась.

— Давай, Эйва, делай, — кивнул герцог в сторону стоящей выпивки, — и не говори, что не умеешь.

Она подошла к столику.

— И себе, — добавил Верон, видя, что она подготавливает один стакан, после чего был удостоен полного недоверия взгляда. — Не смотри так на меня. Сделай себе выпить, Эйва.

Горничная снова покорно склонила голову и взяла второй стакан. Сделав выпить, она подошла к нему.

— Только не говори, что пить с герцогами не удобно, — заметил он, забирая у неё свой стакан. — Садись.

Но горничная застыла в замешательстве. И оно понятно — герцог внезапно решил выпить со служанкой. Да и манера с которой он говорил — но по-другому как-то не получалось.

— Садись, Эйва, — приказал Верон, — сядь на стул!

Она сглотнула, потом всё же присела на самый край стула.

— Почему мне кажется, Эйва, что ты единственная здесь, с кем можно нормально поговорить? — спросил он, отхлебнув обжигающую жидкость, которая мгновенно ударила в голову, видимо напряжение этого, да и последних, дней было уже не сдержать. — Просто. Без того, чтобы услышать осуждение или увидеть косой взгляд?

— Не знаю, ваша светлость, — отозвалась она. — Я не думала об этом.

— Расскажи мне историю, Эйва, — попросил Верон и ему не хотелось тревожить её, не хотелось, но было нужно.

— Историю, господин? — переспросила женщина и слегка нахмурила брови.

— Да, историю про шрам на шее.

— Это очень давняя история, — горничная напряглась, но было видно, что очень старается быть спокойной, — она уже никому не интересна.

— Мне интересна, — заметил герцог. — Я же спрашиваю.

— Прошу вас...

— Эйва, — перебил её Верон и мотнул головой, давая понять, что отговорки его не устроят.

— Думаю вы и так можете догадаться, — и женщина ушла, как он видел, в глубокую оборону. — По слухам, которые ходят обо мне.

— Мне не интересны слухи, Эйва, — отрезал он. — Я не собираюсь осуждать тебя, не собираюсь копаться в твоём прошлом. Мне в целом на это наплевать, я вижу тебя сейчас и меня всё устраивает.

Она стушеввалась, потупила взор, уставившись в стакан с выпивкой.

— Я спрашиваю, потому что сегодня, в городе, видел точно такой же шрам на девятнадцатилетней девчушке, которая нашла смерть в петле по непонятной всем причине.

И Эйва вздрогнула, словно её ударили, часто заморгала и втянула воздух, потом замерла на мгновение.

— Я... я не могу знать... — мотнула она головой.

— Эйва, пожалуйста! — прошептал Верон.

— Могу предположить, — женщина подняла на него свои красивые, цвета сирени, глаза.

— Предполагай, — одобрительно кивнул он.

— Вероятно виновного уже покарали высшие силы.

— Высшие силы?

— Медведь, — повела плечами горничная. — Его задрал медведь.

— Медведь... — Верон приподнял бровь.

— Может медведь был послан богами? — прошептала она.

— Вот как?

— Я не могу точно знать, я только предположила, — напомнила Эйва.

— Я понял тебя, — ответил герцог. — Кажется я даже знаю имя этого медведя...

— Разве... у медведей есть имена? Или это важно?

— Действительно. Что это я. Не важно, — согласился старший Шелран. — Мне жаль мне очень жаль, Эйва.

— Спасибо, ваша светлость, — прошептала горничная.

— Выпей и иди спать, милая.

— Вы прогнали всех слуг, — заметила она и кивнула на стаканы. — Мне надо...

— Не надо, — снова перебил он, — пусть стоят или, если хочешь, я могу их разбить об стену в порыве праведного гнева.

— Не надо, ваша светлость, оставьте грязными, брань экономки ничто, по сравнению с уборкой стекла из ворса ковра, — слабо улыбнулась горничная, — или его придётся выкинуть. Да не хотелось бы, чтобы ваша сестра поранилась.

— Согласен, тогда тем более пусть стоят.

И женщина встала, сделала глоток, поставив стакан на стол, присела в реверансе и пошла к двери.

— Пусть боги, в которых ты веришь, хранят тебя, Эйва, — проговорил Верон, когда она открыла двери, чтобы выйти.

— Спасибо, ваша светлость.

И да, он теперь не сомневался, что медведем был Рэндан, не было ни малейшего сомнения в том, что именно конюх расправился с пивоваром, который оказался нелюдем и изувером. А по дороге домой мужчина видимо мучился тем, что этого не случилось раньше, чтобы спасти ещё одну несчастную от постигшей её страшной участи.

Верон должен был бы что-то сделать с этим, но на деле был солидарен с Рэнданом, а потому налил себе ещё, потом ещё, и в конечном итоге не стал подниматься наверх, а лёг и уснул в библиотеке прямо на диване.

Проснувшись раньше слуг, он обнаружил, что грязные стаканы убраны, а его кто-то накрыл пледом, и сомнения, что это была Эйва не было никакого.

Глава 30 Шэйли

Шэйли сидела в темноте комнаты и смотрела на спящего Иана — немного уединённого покоя и благостной тишины в безумии последних дней.

Когда принесли Иана, с рваной раной на ноге, с этими его проклятиями во все стороны, она сжалась, окаменела, как это с ней и бывало всегда, от страха и непонимания происходящего.

Сейчас она точно знала, что именно это стало одной из причин её отказа Верону — Шэйли с содроганием вспоминала кричащего на неё священнослужителя. Если бы у неё было хоть немного времени, хоть чуть-чуть возможности подумать тогда, но она просто не получила этого для себя. Шэйли казалось, что она обязательно бы вспомнила Верона, если бы не крик священнослужителя, не его давление на неё. Она никогда не умела с этим справляться и тогда это стало для неё фатальным. И теперь она кажется не изменилась.

Несмотря на то, что она взяла себя в руки и смогла начать делать что-то полезное и нужное, но, тем не менее, негодование Иана всё равно каждый раз делало её беспомощной и слабой. Ей не нравилось, но она не могла ничего с собой поделаться. А он будто не замечал, как у неё сердце в пятки уходит от каждого его бранного слова и эмоционального всплеска, полного негодования и даже какой-то ненависти.

А ещё ей так не хватало Вера... она хотела к нему, хотела, чтобы он её успокоил, сказал, что всё будет хорошо. Но она была заперта в комнате с Ианом, не могла даже выйти на свежий воздух, чтобы не ощутить какой-то неподъемный стыд от того, что бросила его одного. Правда его раздражало всё, и, судя по всему, было видимо совершенно не важно, где Шэйли находится в тот или иной момент времени — она всё равно получала от него невообразимое количество недовольства.

И Шэйли, сделав над собой усилие, встала и вышла.

Была уже глубокая ночь, весенний воздух был прохладен и свеж и так невообразимо пьянил, после пары дней сидения в комнате. Шэйли стояла на балконе в одной ночной сорочке и было даже не холодно. Внутри было столько грусти, столько какой-то необъяснимой тревоги.

Почему-то ей казалось, что Иан поранился из-за неё, что это богиня-матушка наказывает её за то, что она такая плохая, скверная женщина и супруга. Она не может принести благодати в этот дом, потому что на деле всё стало совсем ужасно, она всё разрушила. Весь этот складный порядок, что тут был без неё. А Шэйли надо было оставаться в храме, надо было всю жизнь молиться о благодати для тех, кто был ей дорог, несмотря на то, что она будучи в храме совершенно о них не помнила. Всё это придавливало её и даже вздохнуть было отчаянно больно.

— Совсем он тебя утомил? — тихо проговорил Верон, вытаскивая её из тяжёлых мыслей. Она вздрогнула.

— Всё хорошо, — кажется слишком резко мотнула головой Шэйли.

— Он всегда был невыносим, когда болел. С самого детства. Сводил всех с ума, если болезнь предполагала постельный режим, — он оттолкнулся от дверного косяка и подошёл к перилам балкона, встав на расстоянии вытянутой руки от неё. — Радует только то, что болел не часто.

Шэйли кивнула и улыbnулась.

— Не возись с ним, Шэлл. — предложил Верон. — Иначе он сожрёт тебя. Ты ведь первый раз вышла?

— Я... просто...

— Шэлл, не надо. Ты не виновата, — проницательно заметил он. И она подняла на него взгляд. — Угадал?

— Вер, я... — она хотела оправдаться, и как же не хотелось плакать. Но ей было тяжело и она действительно так сильно к нему хотела.

— Иди сюда, — и Верон протянул к ней руку, а Шэйли с облегчением уткнулась ему в

грудь, радуясь теплу, которое было недоступно для неё из-за всей этой происходящей вокруг суете, теплу, которое было необходимо столько времени, кажется всю её жизнь — и почему всё так плохо?

— Где ты была? — встретил её требовательным вопросом Иан, когда она вернулась в комнату.

— На балконе.

— Ночь же, что ты делала там так поздно? — и он был действительно зол.

— Воздухом дышала, — выдавила Шэйли.

— Ночью? — нахмурился Иан гневно.

— Днём я с тобой.

— А ночью? Бродишь неизвестно где?

И это было обидно. Хотя конечно он имел право злиться на неё, имел... она втянула воздух, но тут внутри напомнила о себе та её вторая Шэйли.

— Брожу? — взвилась она, уставшая от того, что он постоянно прижимает её своей вредностью. — Неизвестно где? На балконе, Иан? Я вышла на балкон подышать воздухом, я никуда не уходила, даже не в сад, не, богиня, в лес! На балкон! Ты мог позвать меня и я бы услышала и пришла обратно.

Он набрал воздух, чтобы что-то сказать, но она не дала. Её понесло и кажется лучше бы окаменела, как это бывало обычно.

— Ты вечно недоволен, словно это я виновата в том, что ты тут лежишь, что охота прошла плохо. Я стараюсь сделать всё, чтобы тебе было удобно, но тебе всё не так, ты на всё мне выговариваешь. Если тебе мешаю именно я, так и скажи! — и не надо было может этого говорить, но сейчас она вообще не была ни в чём виновата, её, низшие всё это разорвите, Верон даже не поцеловал! — Я уйду, оставайся сам с собой, раз тебе так лучше!

И она прошла к ванной комнате.

— Ты куда? — спросил Иан.

— Буду спать в твоей комнате, — ответила Шэйли и прошла через ванную в комнату Иана, где можно было спать на простой кровати на одного, но этого ей было более, чем достаточно.

— Там кровать неудобная, — крикнул ей в спину супруг.

— О, поверь, в сравнении с той, что у меня была в храме это ложе достойное бога, — откликнулась она и легла, накрываясь одеялом. — Двери открыты, если что-то будет нужно позови и я приду.

— Что? — захлебнулся в ярости Иан, но ей было уже всё равно. Пусть злиться. Хоть в храм её возвращает. Надоело! И это был такой отчаянный, но между тем словно детский, бунт. Однако ей стало так хорошо.

— Шэйли, — зарычал он, — Шэйли, иди сюда. Шэй!

Но она не пошевелилась.

— Чего ты орёшь? — услышала она голос Верона.

— О, кому ещё не спиться? Ты тоже на балконе гулял? — Иан перенёс свой гнев на старшего брата. И первой мыслью Шэйли было ринуться туда, чтобы унять супруга, спасти Верона.

— Что? — услышала она не менее возмущённый возглас старшего Шелрана. — Тебя слышит весь этаж, Иан! Весь дом! Если разбудишь Нию...

— То что?

— Будет, чем заняться ночью, потому что я скажу ей, чтобы она легла с тобой и ты будешь всю ночь беречь её сон, раз тебе не спиться, — отрезал Верон. — Где Шэйли?

— Там, — буркнул Иан, видимо указывая в сторону своей комнаты, где она легла. Сейчас девушка прислушивалась, чтобы, если старший Шелран решит проверить её, она могла бы притвориться спящей. Но он не проверил.

— Так тебе и надо. Тебе не надоело пить её кровь и трепать ей нервы? Ей это на пользу не идёт, — проговорил Верон тихо, но в голове всё ещё была угроза.

— Какое тебе дело? Благородного из себя не строй!

— Порой так хочется врезать тебе, — сказал старший брат.

— Так врежь, чего ты? — с вызовом бросил младший Шелран. — Не зря же спасал, давай теперь...

— Иан, — перебил его Верон, рыча. — Не смей, засранец! Я никогда тебя не попрекал этим, нет? Не заставляй меня жалеть об этом поступке. Не заставляй думать, что я совершил огромную ошибку, спасая тебя. Не доводи меня до такого греха!

И после этих слов старший брат вышел, хлопнув дверью, а Иан разразился невероятной бранью. Шэйли тяжело вздохнула и закрыла глаза.

— Шэйли, — позвал её с утра Иан, когда она проснулась и хотела идти умываться. — Шэй, я же слышу, что ты встала. Ну же, Шэй...

Девушка подошла к дверному проёму, что выходил в их комнату из ванной.

— Шэй, прости, — ей показалось, что он и вправду сожалеет. — Иди сюда.

Но что-то внутри упрямылось и она не пошевелилась.

— Прости, я знаю, знаю... я обидел тебя, — проговорил Иан. — Я невыносим, когда болею, когда приходится лежать и не шевелиться. Это не оправдание, Шэй, нет. Просто я схожу с ума, что не могу встать и выйти. Это... иди сюда, пожалуйста.

Он протянул ей руку. Шэйли подошла и подала руку в ответ на его жест. Села рядом.

— Не обижайся на меня, Шэй, — прошептал Иан и слегка поцеловал её пальцы. — С тобой тяжело, я знаю. Если я ворчу или ещё что — просто кинь в меня чем-нибудь.

— Я не умею, — ответила она, улыбаясь.

— А ещё я соскучился, — и он потянул её на себя.

— Иан, тебе нельзя шевелиться!

— Я не буду, ты будешь, — сказал он очень недвусмысленно.

— Перестань, — ответила Шэйли, краснея.

— Почему? — он Иан поцеловал её в шею, хотел поцеловать в губы, но тут в дверь постучали.

— Да, — отозвалась Шэйли, выворачиваясь из его рук, и встречаясь с обиженным взглядом на надутом, как у ребёнка лице. Она хихикнула и пригрозила ему пальцем. — Ведите себя прилично, ваша милость.

— Вот ещё, — фыркнул он.

— Доброе утро, — поприветствовала их Эйва, заходя в комнату. За ней в дверях застыл Рэндан.

— Доброго утра, ваши милости, — кивнул он.

— Рэндан посмотрит, что там со сливом, — пояснила горничная присутствие слуги, а от Шэйли не ускользнуло, что Иан ревностно глянул на ночную сорочку супруги.

— Почему Рэндан уже на ногах? — поинтересовался он тем не менее, когда слуга прошёл в ванную комнату, кстати даже не поднимая взгляда на супругу младшего Шелрана.

И почему-то девушке подумалось, что он не стал бы смотреть на неё даже если бы она была голая. На вопрос же он тоже не отреагировал.

— Потому что говорит, что ему некогда лежать, — пояснила Эйва, накидывая на плечи Шэйли плед и складывая подготовленные для девушки вещи на кресле, что стояло в комнате. Потом подошла к Иану и заставила его снять рубашку, чтобы надеть чистую.

— То есть ему некогда, а мне есть когда? — возмутился Иан.

— Ваша милость, чтобы вам было когда, есть мы, — ответила горничная, после чего откинула одеяло с ноги младшего Шелрана и стала менять повязки.

— Это несправедливо. Я видел его рану, она серьёзнее моей! Но он ходит, а я лежу, — не унимался он.

— У меня есть предложение, но оно вам не понравится, — заметила Эйва, обрабатывая рану.

— Неужели? — повёл бровью Иан.

— Да, давайте, чтобы было справедливо, положим Рэндана рядом с вами. Будете оба лежать.

В ванной комнате издал странный звук Рэндан. И надо было видеть лицо Иана, он кажется открыл рот, чтобы что-то сказать, но потом закрыл его. А Шэйли прыснула со смеху, как и Эйва. Потом рассмеялся Иан и было даже интересно, рассмеялся ли конюх, но почему-то была уверенность, что скорее всего шутку он оценил.

Шэйли решила отправится на завтрак вниз, потому что видимо и вправду очень утомила Иана своим присутствием. Да и вчера, постояв рядом с Вероном, внутри появилась нестерпимая тоска по нему — ей не хватало просто видеть его. И она всё ещё воспринимала происходящее вокруг следствием её нравственного падения, словно богиня не даёт больше благодати, но справиться с собой и своими чувствами не могла.

— Сегодня я слышал смех, — сказал за завтраком старший Шелран.

— Да, — кивнула Шэйли, улыбаясь. — Иан возмутился, что Рэнд уже на ногах, хотя тоже был ранен. Сказал, что это несправедливо, на что Эйва предложила положить Рэнда рядом с Ианом.

— Прекрасная идея, — рассмеялся он.

— Я бы хотела на это посмотреть, — отозвалась Ланира, поддерживая шутку.

— Как он там, совсем утомил тебя? — спросила Ния. — Он ужасен, когда болеет. Просто невыносим.

И Шэйли благодарно улыбнулась и кивнула.

— Когда он был маленьким, всех сводил с ума, если болел. Родители лишь заглядывали в комнату, чтобы проверить как он, но тут же убегали, потому что он всегда устраивал истерики, — проговорила она и это было так странно, будто с ней всё хорошо. — Ну, точнее без мамы и папы всё было хорошо, а стоило им появиться, так начиналась трагедия. Верон вообще старался к нему не приходить. Только я и наша няня, Листэна, взяв всю волю в кулак, сидели с ним, терпя его выходки, ворчание, скандалы и капризы.

Сидящие за столом улыбнулись.

— А вот как-то помню, Верон повредил ногу. Помнишь? — и Ния посмотрела на брата и тот кивнул. — И он был таким тихим, спокойным. Он не выходил из комнаты, даже не пытался. Читал. К нему воспитатель приходил и он продолжал учиться. И знаешь... папа тогда... — она улыбнулась, немного замерев, видимо углубляясь в воспоминания. — Папа тогда сидел в гостиной, дома в Ласце, а Иан бегал вокруг, по гостиной, по библиотеке,

выбегал в сад, потом возвращался, и не останавливался ни на минуту. И папа замер, проследил взглядом за в очередной раз пробегающим мимо Ианом, и сказал “я надеюсь, что боги не дадут нам узнать, что будет если этот ребёнок повредит ногу”, а мама ответила, что “кажется в этом случае проще будет уехать в другую страну”.

И она захихикала, как и остальные присутствующие в комнате.

— И это звучит жестоко, да, — согласилась Ниилла. — Но Иан... однажды у него весь день был жар, он даже глаза не мог открыть, но всё равно хотел встать, а на утро я прихожу, а жар спал, и Иан скачет по кровати козлик. Я возмутилась, сказала про то, что нельзя так, а он мне “но я же в кровати”.

— Да, теперь мы точно знаем, каково это терпеть его, когда у него повреждена нога, — улыбнулся на её воспоминания Верон.

— И в другую страну не сбежать, да вообще никуда не сбежать, — отозвалась Ланира и все рассмеялись, а Шэйли посетило какое-то приятное радостное чувство, за которое хотелось держаться, хотелось в нём жить.

Через пару дней лекарь приехал из Хиита, осмотрел ногу Иана и сообщил, что ему можно вставать и пробовать ходить, используя костыли. И по-началу в младшем Шелране это вызвало невероятную бурю негодования, но потом пришло весьма зыбкое в своём спокойствии смирение, ведь появилась возможность хоть как-то передвигаться. Да и попытавшись упрямо встать на обе ноги, ощутив видимо нестерпимую боль, Иан согласился на костыли.

Теперь из комнаты он переместился в библиотеку и доставал уже всех домашних. Но конечно никто не обращал внимание на его ворчание, лишь кивали и вздыхали, закатывая глаза, выполняя его капризы.

Именно в такой день, когда было солнечно, но прохладно, гравий перед домом наполнился топотом копыт и шумом голосов десятка людей. Вся семья как раз была в библиотеке и Верон, услышав шум, глянул в окно и обомлел.

— Что там? — спросила Ниилла, которая очень тонко чувствовала перемены в настроении окружающих её людей, и особенно своих братьев.

— Это королевская гвардия, — ответил старший Шелран. — Твой отряд, Иан.

— Что? — нахмурился младший брат и хотел по привычке вскочить, но не получилось и он выругался с досады и от боли.

— Чтоб меня, — выругался Верон. — Это первый наследник.

И никто из них толком не успел даже пошевелиться, как в библиотеку, провожаемый Янрой, зашёл мужчина, лет тридцати пяти, как показалось Шэйли. Он был темноволосым, с бородой, усами и бакенбардами, коротко стриженный. Нос был прямой, острый, а глаза светло-серые, живые и внимательные. Он окинул всех присутствующих быстрым взглядом, потом улыбнулся Верону.

— Верон? Простите, что без официального уведомления, — проговорил он глубоким, гулким голосом и сделал шаг навстречу герцогу.

— Ваше высочество, — улыбаясь поприветствовал гостя старший Шелран.

Первый наследник был крепкого телосложения и, как показалось Шэйли, был не очень высоким, скорее всего где-то на полголовы выше самой девушки, и сейчас, когда он встал рядом с Вероном стало понятно, что она не ошиблась.

— Дамы, — мужчина склонил голову поочерёдно в сторону каждой из присутствующих женщин — Нии, Ланы и Шэйли. Потом нахмурился, глядя на младшего Шелрана. — Иан.

Что с тобой?

— Ваше высочество, — поприветствовал его младший Шелран, стоявший сейчас, опираясь на костыль.

— Я отправил тебя в отпуск отдыхать, а не калечится, — улыбнулся гость.

— Повредил ногу на охоте, — пояснил Иан.

— Я всегда говорил, что охота опаснее войны, — отозвался он, смеясь, — В твоём случае видимо однозначно так и есть.

— Ваше высочество, — обратился к первому наследнику Верон, — чем обязаны радости принимать вас?

— Не хотел писать тебе длинные письма, а парой слов ничего не объяснить, но в конечном итоге нельзя же так долго держать в неведении друзей, так что сам решил тебе всё рассказать, лично, — пояснил он. — Заодно проветрился.

И герцог поклонился с благодарностью. В этот момент в библиотеку зашли горничные с подносами, принеся чай, что просили Шелраны до того, как их посетил столь важный гость.

— Мы собирались пить чай, — пояснил Верон, — присоединитесь, ваше высочество, или можем поговорить наедине?

— Да, — кивнул принц слегка рассеянно, потом присмотрелся к горничным, снова нахмурился.

— Ваше высочество, да, это... — попытался выяснить старший Шелран, но тут принц положил руку на предплечье герцога, останавливая его и хмурясь ещё сильнее.

— Эйва? — позвал он горничную. Шэйли, да и все уставились на женщину. Она вздохнула, выпрямилась и обернулась к первому наследнику. — Боги мои... это правда ты? Эйва...

И она кивнула, а его высочество без ожиданий шагнул к ней и сделал совершенно невообразимое — без лишних церемоний обнял, крепко прижав к себе. И Шэйли поверить не могла — ей казалось, что в его глазах были слёзы.

Интерлюдия — Предательство инквизитора

Она лежала рядом с ним и он изучал её шрамы, полученные в бесконечных сражениях. Красивое идеальное тело для идеальной души.

— Зачем тебе создавать мир? — спросил инквизитор.

— Я хочу попробовать. Почему я не могу? — ответила палач.

— Можешь, конечно можешь, — улыбнулся он и внутри у него появился интерес.

А что будет если палач создаст мир? Каким будет этот мир?

— Я научу тебя, — сказал инквизитор.

— Правда? — она подняла на него свои невообразимо прекрасные глаза.

— Да, — подтвердил он своё решение, стараясь сделать это спокойнее, чтобы она ничего не заподозрила. — Только нужно заплатить. За всё нужно платить. Особенно тебе, ведь ты палач, а не созидатель, не архитектор.

— Я понимаю, — она с готовностью кивнула и глаза её загорелись надеждой.

Как ужасно. Как печально. Как прекрасен был мир, что она создала. Как беспощадно он отдал приказ разрушить его.

И сколько горя он испытал, когда глаза её потухли и стали холодными и чужими. Он сломал не только мир, он сломал и её.

Но внутри инквизиторов не может быть чувств. Они мешают изучать, мешают стремиться к идеалу. Чувства рушат красоту идеала.

Тогда почему, видя её потухшие глаза, он чувствовал горе потери?

Почему ему было так невыносимо больно?

Глава 31 Эйва

Ей было так плохо. Невообразимо плохо. Умение быть отстранённой, умение находить в себе силы идти вперёд несмотря ни на что сейчас разбивалось вдребезги.

Она влюбилась.

И это было не впервые в её жизни, но сейчас было так по-особенному больно. Эйва никак не могла признаться себе, что понимала причину — Рэндан был другим. Это был первый мужчина в её жизни, с которым у неё была связь и который был с ней таким... никогда раньше она не встречала подобных ему. При всей внешней жёсткости, грубости, словно каменная глыба, но столь трепетно и внимательно он к ней относился.

Он был камнем, а она словно травинка, что внезапно проросла возле него. И это сравнение тоже выворачивало Эйву наизнанку — оно было таким глупо поэтичным и горьким, досадным и с тем банальным, полным злой иронии, смех сквозь слёзы...

Женщина пыталась отвлечься, пыталась уйти с головой в работу, возилась с одеждой, пропускала через себя переживания Ланиры и Шэйли, кажется стала замечать эту невообразимую трагичность в отношении Бэлта к госпоже Ниилле. А ещё Эйве словно казалось, что она уже видела мужчину раньше, порой свет так падал на его лицо и эти глаза, яркие голубые, полные тоски и сожаления. Она видела их раньше?

Но Эйва мотала головой, пытаясь прогнать от себя эти мысли — понятно же, что на самом деле она свои переживания на всех переносила, а не наоборот. Хотя эта возможная беременность герцогини была действительно невероятно трагичной.

Ланира очень хотела ребёнка, несмотря на то, что говорила будто ей он нужен только, чтобы что-то кому-то доказать, но горничная понимала, что на деле это было слишком простым объяснением, потому что всё было намного глубже. Но все остальные? Чей это ребёнок? Верона? Или Иана?

И Шэйли... ох, малышка так металась между братьями Шелран, её страдание было таким основательным и при этом её робость в стремлении к счастью так очаровывали — известие о беременности супруги Верона подкосит девочку.

И Эйва невольно вспоминала свою умершую подругу, погружалась в воспоминания полные печали и горестей.

И вот потом... потом... Эйва не знала кому можно было молиться в таких случаях — низшим богам? Она столько лет, словно бесконечность, боялась, а теперь тот, кто причинил ей зло, кто надругался над ней, был мёртв... так страшно мёртв.

Когда она слышала о его смерти, а потом узнала подробности, то словно потеряла себя и снова нашла.

Эйва всегда была тихоней, всё держала в себе и она просто тихо ненавидела этого... даже мужчиной она не могла бы его назвать — он был для неё монстром, чудовищем в человеческом обличье. Она рисовала его сущность и рвала на части листки, пытаясь избавиться хотя бы от такого воспоминания о нём.

Но сейчас он был действительно мёртв.

Она замерла в ночи, глядя в потолок, и впервые тени не пугали её, воспоминания стали тусклыми и далёкими, а до этого её начинало душить, ей в такие моменты было так боязно открыть глаза.

Эйва пошла к Рэндану и она точно знала, что это он убил. Потому что не было тут

никаких медведей, не было никаких хищников, кроме того, что был разорван на куски и тело его было найдено брошенным в лесу. И ей не было жутко, она была полна дикой, страшной благодарности, которую нельзя было бы замолить ни перед какими богами, никакими молитвами, исповедями и аддыханами.

А ещё Эйва боялась увидеть в Рэндане триумф, боялась увидеть праздник убийства — было бы ужасно, если бы он сделал это ради того, чтобы вымолить прощение у неё... да и откуда он вообще узнал? Она ведь не говорила ему, не говорила! Как? А вдруг она ошиблась? Ведь столько времени прошло.

Но Рэндан и вправду был другим. И она действительно никогда таких, как он, не встречала в своей жизни. И от осознания становилось ещё больнее, отчаянно, безысходно.

И вот случилась эта охота ни за кем. Горничная и не сомневалась, что Иан невыносим, если его приковать к постели и запретить вставать — он сходил с ума и изводил всех, не имея возможности уехать, чего уж говорить о невозможности выйти вон из комнаты?

Она заметила рану на спине Рэндана и не надо было быть врачом, чтобы понять, что рана серьёзная, а он даже не собирался сказать о ней. Эйва указала на неё и в итоге герцог попросил присмотреть за конюхом.

Конечно же Рэндан, уйдя к себе, не собирался ничего с раной делать — хорошо, если промоет водой, и как-то закроет повязкой, но скорее всего и того не сделает.

— Ты должен был обработать рану и лечь, — заметила она, встав в дверях, стараясь быть бесстрашной, но получалось не очень.

— Не переживай, ничего страшного, — отозвался он, глядя на неё исподтишка. Боялся сорваться, как получилось в сеннике, когда она пришла спросить про убийство, а в итоге ревела в него белугой, а он целовал её, как в последний раз?

— Не переживала бы, да не могу, — отозвалась она. — Мне приказали за тобой присмотреть. Ты его милости жизнь спас.

— Только поэтому здесь? — обижено буркнул конюх.

— Рубаху снимай, — приказала она, заходя внутрь. И да, скорее всего теперь они будут колоть друг друга нещадно, потому что или так, или пропадут оба, снова.

— Эйва, — упрямо мотнул головой мужчина. Прямо как конь.

— Рэндан, — она склонила голову набок, давая понять, что тоже упрямая. — Там лекарь приехал. Я могу сказать, что всё сделала, а могу уйти, и к тебе его пришлют.

Он вздохнул и стянул рубаху через голову, а от горничной не ускользнуло то, что сделал он это с большим трудом, сдерживая себя, чтобы не реагировать на боль.

— Ложись, — сказала она, забирая рубаху, которую надо будет заштопать, если получится, или новую сшить, что было бы уместнее.

— Так делай, — ответил Рэндан.

— Хорошо, — вздохнула Эйва и поставила на табурет ящик, предназначенный для хранения лекарств и перевязочных материалов.

И она успела только рану обработать обеззараживающим и кровоостанавливающим раствором, как Рэндан не выдержал и сорвался.

Он развернулся к ней, и боль уже словно не имела никакого значения, потому что сгреб в охапку, а внутри у Эйвы всё сжалось, метнулось навстречу, и она знала, что будет только хуже, но так тосковала по нему...

— Не могу, Эйва, не могу, прости, нет сил терпеть, нет сил быть без тебя, шельма моя, прости меня, прости, не заслуживаю, знаю, но не могу... — он шептал это и целовал её,

крепко прижимая к себе. И у неё не было сил на сопротивление, ни малейших. Руки её были прижаты между их телами и она просто сжала кулаки, но даже не пыталась упереться ими в него, оттолкнуть. Ей хотелось большего и может дело было в днях очищения, что уже почти прошли, а может просто...

— Рэндан, — простонала она с трудом, даже не понимая зачем сейчас произнесла его имя. В глазах его были слёзы, он уткнулся в её плечо.

— Лисичка моя...

И Эйва замерла, её сводил с ума этот мужчина — столько счастья, нежности и страсти, но рана от того, что он сделал, никуда не делась, да и не рана это была... он отчего-то расколотил её на сотни и тысячи осколков, казалось, что не собрать такое никогда.

— Простите? — позвали где-то в коридоре и Рэндан вздрогнул, нахмурился, отпуская Эйву, и вытирая слёзы кулаком.

Это был лекарь. Он потерялся в служебной части дома, смущаясь извинился, потом осмотрел возражающего Рэндана. Мужчина всё ворчал недовольно, что ничего с ним не случилось, что всё хорошо, но на это лекарь, мягкий и словно постоянно смущающийся маленький человечек, надавил на рану, и Рэндан взвыл, хрипло и надломлено, и было понятно, что ему намного больнее, чем он хочет показать.

Лекарь констатировал, что скорее всего в ребре у Рэндана основательная трещина, вполне возможно, что активность может привести к перелому, поэтому предписал конюху постельный режим. И Эйве подумалось, что для Рэндана это будет так же трагично, как и для Иана Шелрана.

После лекарь заявил, что надо зашить рану. “Шейте”, — буркнул на это конюх и Эйве пришлось сидеть рядом и помогать лекарю. Так случилось, что помогала она одной рукой, а вторую незаметно для лекаря сжимал Рэндан. А какой был у него взгляд, когда ей пришлось провожать лекаря, чтобы снова не заплутал, словами не передать.

Конюху прописали порошки от воспаления и Эйве нужно было делать перевязки. И да, она говорила себе, что это только из-за приказа герцога, но когда шла вечером в комнату Бэлта и Рэндана, чувствовала себя так хорошо, что стало отчаянно страшно, потому что влюблённость проходит, и женщина уже ощутила боль, что раздавила её, когда она увидела его с Юллин, что же будет дальше?

У Рэндана в тот же вечер случился жар. Он был невероятно горячим и сухим. Он открыл глаза потускневшие от горячки, когда она потрогала своей, как ей показалось ледяной, рукой его лоб.

— Шельма, — прохрипел он, едва слышно.

— И давно тебе так плохо?

— Это нормально, из-за шитья, — отозвался он. И понятно, что он наверняка много об этом знает.

— Холодно? Сейчас принесу одеяло ещё.

— Не уходи, — поймал её за юбку Рэндан.

— Я сейчас вернусь, — погладила Эйва его по руке.

Благо кладовые были здесь недалеко.

— Тебе надо порошок выпить, — предложила она, когда вернулась и накрыла его ещё одним одеялом.

— Не надо, само пройдёт.

— Рэндан, — вздохнула Эйва, высыпая порцию лекарства в стакан с водой.

Он прохрипел что-то, явно похожее на отказ.

— Если не выпьешь, то я уйду, — пригрозила горничная.

— А если выпью, посидишь со мной? — принял он игру с торгом.

— Посажу, — согласилась она.

Мужчина с трудом приподнялся на локтях и взял стакан из рук Эйвы.

— Давай, гляну что там, — и она указала на повязку.

— Не надо, завтра с утра.

Рэндан отдал стакан и, как только она поставила его на тумбу, была схвачена им, развёрнута и усажена к стене, а он положил ей голову на колени и обнял обеими руками.

— Что ты творишь? — кажется радостно возмутилась она.

— Чтобы ты не ушла, — прохрипел в неё Рэндан.

— Я же обещала посидеть с тобой, — покачала головой Эйва, но он только хмыкнул и вжался в неё сильнее, и ей захотелось плакать. Так это было искренне с его стороны, так просто и открыто.

Эйва ведь и вправду чувствовала, что он пытается справиться, не трогать её, раз она не разрешила, раз причинил боль. Она положила руку ему на лоб и замерла слушая его тяжёлое дыхание.

И не заметила, как уснула. Открыв глаза, поняла, что лежит в постели, обнимаемая Рэнданом, но при этом укутанная в одеяло. Неужели он сделал это, чтобы была между ними преграда?

Судя по нормальному теплу его тела горячка спала, дыхание тоже перестало быть тяжёлым. Эйва лежала и смотрела на суровые черты его лица. Оно было сейчас спокойным, умиротворённым и даже мягким. Рэндан был из тех, кто пугал своим видом, но был невероятно надёжным. Был...

И Эйва точно знала, что скорее всего Юллин взобралась на него без его желания, а он сейчас даже не пытался оправдаться свалив всё на мелкую дрянь. И это было так просто. Но его внутреннее благородство, основательное, как монумент, не давало ему сделать этого, даже несмотря на то, что сейчас ему было очень плохо. Так же плохо, как Эйве без него.

— Что ты там на мне нашла? — спросил он, не открывая глаз.

— Думаю, как встать и не разбудить тебя, — ответила Эйва, улыбаясь.

Он усмехнулся.

— А я думаю, как встать, чтобы не разбудить тебя.

— Тебе нельзя, Рэндан! — возмутилась женщина.

— По нужде — под себя? — и он открыл глаза, встречаясь с её взглядом.

— Ты не про это сейчас думал, — парировала Эйва.

— Правда? — мужчина приподнял бровь.

— Да, — кивнула она.

— Я не буду лежать, Эйва! — вздохнул конюх.

— Рэндан, нельзя так. А если лекарь прав и у тебя ребро не выдержит?

— Всё оно выдержит, шельма, — заупрямился он.

— Перестань, — Эйва мотнула головой и они сцепились взглядами.

Было видно, что он будто сражается с собой и наверное ещё немного и не важно будет наличие или отсутствие каких-либо преград между ними, плевать будет и на боль в поврежденном ребре...

— Полежи хотя бы сегодня, — попросила Эйва. — Только жар спал, а ты уже вскочить

собираешься.

И он вздохнул, слегка поморщившись от боли.

— Хорошо, — с трудом согласился Рэндан. — Но только сегодня.

— Если без горячки сегодня будешь, — возразила она.

— Эйва, — взмолился он.

— Рэндан, — ответила она, мотая упрямо головой.

— Ладно-ладно, но я ненавижу просто лежать и ничего не делать.

— Я тебе книжку принесу, — и она вспомнила, как видела его в библиотеке, когда он изучал специальную книгу, чтобы построить мост. У него было такое потрясающее лицо.

— Какую? — заинтересовался Рэндан.

— Какую хочешь, — улыбнулась Эйва

— Хорошо, — согласился он.

И она принесла ему книгу и проверяла потом на обеде и ужине, есть ли у него жар. Но всё было хорошо. Он был погружён в чтение и был таким забавным. Эйва ловила себя на мысли что всё закончится, закончится очень скоро, и было горько, больно...

Конечно Рэндан встал на следующий день. Удержать его в постели было невозможно, точнее можно, но она бы на это не пошла. Только радовалась, что смогла найти ему подходящую рубаху на замену предыдущей. Он поворчал, но довод, что она была уже совсем в непотребном виде принял, как и новую рубаху.

Несколько дней прошли в суете и тем не менее Эйва приходила менять повязки на ране Рэндана, хотя у неё было понимание, что это мог бы сделать и Бэлт, но кажется тот специально отстранился, давая им возможность побыть вместе.

Потом случился разговор с герцогом о её шрамах, деликатный, но грустный разговор. Рэндан после поездки в город стал раздражительным и ещё более замкнутым. Ей не удавалось поговорить с ним, надо было бы поднять эту тему, но не хотелось — было больно, мерзко и страшно.

И вот в один из дней парадная дома наполнилась королевскими гвардейцами. И сначала Эйву кольнуло тревогой, что это за Рэнданом и Бэлтом пришли, но потом... тревога превратилась в панику, особенно, когда она узнала гостя, что прибыл к Шелранам.

Эйва хотела спрятаться, чтобы не попадаться ему на глаза, но не вышло — Юллин, которая должна была нести в библиотеку поднос с чаем для хозяев, внезапно пропала с концами. Янра попросила помочь, а причин для отказа у Эйвы не было и было глупо надеяться, что первый наследник не узнает её.

И некуда было скрыться, а она ведь внутри так радовалась, что не попала в столицу, единственно, что тревога за королевскую семью, мучила её, но в остальном Эйва была рада.

И вот она стоит среди библиотеки, взгляды всех Шелранов обращены на неё, а первый наследник обнимает её.

— Богиня хранит тебя, Эйва, — проговорил Жайнэ, отстраняясь и всматриваясь в её лицо, пытаясь встретиться взглядом. — Почему ты... ты пропала из театра...

— Потому что герцог Гилотуволлил труппу, — пояснила она. — Он считал, что раз глава не чист на руку, то и все его работники такие же. Он в один день выставил нас всех на улицу.

— Почему ты не пришла?

— Как вы себе это представляете, ваше высочество? — спросила Эйва, стараясь сохранять это расстояние между ними, особенно при посторонних людях. И конечно от неё не ускользнула обида, которая появилась в его глазах.

Он качнул головой, потом нахмурился, глянул на герцога Шелрана.

— Я займу вашу столовую? — спросил он и понятно было, что это лишь формальный вопрос, потому что отказать ему не могли.

— Конечно, ваше высочество, мой дом — ваш дом, — ответил Верон, озадаченный происходящим, но говорил он это уже им в спину, потому что принц вывел Эйву в коридор и с вопросом глянул на неё.

— Туда, — указала она на дверь столовой.

— И? — уставился он на неё, когда закрыл за собой двери.

— Ваше высочество...

— Хватит, Эйва, — в негодовании отрезал он. — Перестань. Ладно там, но наедине можно же уже нормально общаться?

И он прошёл вперёд, отодвинул стул и указал ей на него:

— Сядь.

Она подчинилась, а первый наследник сел на стул рядом с ней, развернув его к ней лицом.

— Мы страшно переживали, — проговорил он. И Эйва конечно нахмурилась, потому что у неё не было и мысли, что кому-то в королевской семье есть до неё дело, или что они переживают за неё. За неё? — Не делай такое лицо, Эйва.

— Я просто, — попыталась она найти, что ответить. — Прости, но я... я...

— Почему ты... горничная? Что с титулом?

— Ничего.

— Что ничего? Бумага у тебя?

— Что с неё взять, это всего лишь бумага, Жай, — и она назвала его по имени и внутри всё стало так гулко, печальная пустота.

— Эйва, — мотнул он головой.

— Я была в поместье. Там ничего нет, Жай. Война всё уничтожила, а люди... люди растащили, что осталось. Даже фундамента нет, на месте дома всё заросло, а определить, где он был можно только по саду, и то — многие деревья срубили.

Принц нахмурился, вздохнул.

— И я была в архиве. Но там сказали, что книги утеряны, по сути, получается, что я даже не родилась, — прошептала Эйва.

— Этого не может быть, — ответил он. — Я разберусь.

— Не надо, Жай. У тебя столько проблем. Не надо.

— Эйва, ты горничной работаешь!

— Я делаю то, что делала всю жизнь, — она пожала плечами. — Мне здесь хорошо.

— Так быть не должно, — не унимался первый наследник.

Эйва улыбнулась ему и взяла за руку.

— Как ты?

— Не переводи разговор, — мотнул он головой.

— Я не перевожу, я очень переживала.

— Это я переживал, это Гаян переживал! О, когда он узнает...

— Не надо, не говори ему, Жай, — и ей было даже страшно подумать, что может выкинуть второй наследник, когда узнает.

— Он места себе не находил, Эйва, — возразил на это Жайнэ. — Он был убеждён, что Трэйос нашёл тебя. А ты говоришь, чтобы я скрыл от него, что ты жива и здорова?

И сейчас стало стыдно, потому что, если они думали, что ей грозила опасность и в конечном итоге она настигла её, то значит ей было просто необходимо сообщить им, что с ней всё хорошо. Как она не догадалась?

— Давай я напишу письмо, — предложила горничная. — Скажешь, что...

— Эйва, что такое? — перебил он её, заглядывая в глаза. — Что? Я тебя обидел? Гаян тебя обидел? Или может отец или мама?

— Богиня, нет! Что ты такое говоришь?

— Тогда перестань, — ответил первый наследник. — Я не допущу для тебя такого. Я понимаю, что театр был для тебя жизнью, но это?

— Всё и вправду хорошо. Мне здесь хорошо.

— Верон знает?

— Нет, никто не знает, — мотнула она головой.

— Потому и хорошо? Вечно ты прячешься, — первый наследник провёл пальцем по её щеке. — И ведь моё предложение в силе.

— О, нет, Жай, — испугалась его слов горничная. — Это же была шутка, дружеская шутка, не надо!

— Я не шутил, Эйва.

— В любом случае — кто я? Горничная? Как ты себе это представляешь? — она попыталась воззвать к его разуму.

— Я прекрасно себе это представляю, — ответил он. — Я разберусь с архивом, Эйва.

— Но дом, Жай, всё равно дома нет.

— Это тоже не проблема, — ответил он и сжал её пальцы. — Проблема только в тебе, моя хорошая.

— Жай, это смешно, Жай, — прошептала она, и почувствовала, как тонет во всём этом.

— Нет, — и Эйва понимала, что нельзя его переубедить, теперь нельзя. И не понимала, что случилось и почему это происходит. Словно он только и ждал вот этого момента, как найдёт её и... — Для меня нет. У тебя есть время подумать.

И он встал и вышел. Горничная вскочила и ринулась за ним.

— Сколько времени нужно, чтобы построить дом? — спросил первый наследник, возвращаясь в библиотеку, где так же были все члены семьи, словно застывшие статуи. Впрочем это было понятно — теперь Эйве нужно придумать какое-то оправдание, чтобы унять их любопытство.

— Ваше высочество, не надо... — прошептала она свой слабый протест и замерла возле дверей.

— Дом, ваше высочество? — поинтересовался его светлость.

— Да, для титула нужен дом, жилой, так? — и он внимательно посмотрел на Верона.

— Да, ваше высочество, для титула нужен дом, в котором можно жить весь год, — ответил герцог.

— Прекрасно, а размеры?

— Это не важно, — отозвался старший Шелран. — Я после войны видел сметы от дворян, где дома были в несколько раз меньше, чем эта комната. Есть ряд условий, но требований к размеру нет.

— И сколько нужно времени?

— Ограничения только в ресурсах.

— А если ограничений нет?

— Можно управится в месяц, даже меньше.

— Отлично, — кивнул первый наследник и развернулся, позвав кого-то из стоявших в холле людей. Это был секретарь его высочества и Эйва знала этого маленького, худого, лысого и незаметного мужчину. Он прошёл мимо неё, глянул бегло, и было видно, что узнал, но вида не подал.

— Да, ваше высочество, — склонился он в поклоне перед принцем.

— Подними архивные книги из округа Тойн, — и он глянул на Эйву, — я ведь не ошибся?

— Нет, ваше высочество, — прошептала она, смиренно, потому что спорить не было никакого смысла.

— Округ Тойн, да. Мне нужны выписки обо всех членах семьи Эсфил и их титульные листы. Так же нужен дом в Карсе, земле, что принадлежала Эсфилам и у них там было фамильное поместье. И быстро, — отдал приказ первый наследник.

— Да, ваше высочество, — склонился секретарь и вышел.

— Будь любезен, Верон, не спускать с неё глаз, — сказал принц и указал на Эйву. Потом посмотрел на неё: — Им не поздоровиться, если решишь снова пропасть. И это ещё что на всё это Гаян скажет. А с предложением получишь официальную гербовую бумагу.

Она вскинулась, хотела его попросить, но встретилась с ним взглядами и поняла, что нет никакого смысла — он решил. Впрочем, кого она обманывает — он решил очень давно, а она просто отшучивалась, а теперь и вовсе оказывается убежала.

— Я вернусь к ужину, и умоляю, Верон, без излишеств, а то в Киине меня пытались накормить павлином. Святые низшие, ты можешь себе это представить? Я — нет. Мне страшно даже подумать откуда там вообще павлин. Можно обойтись запечённой курицей и деревенским пирогом с картошкой и сыром?

— Да, ваше высочество.

— Тогда до встречи, — и он поклонился всем присутствующим женщинам в отдельности. — Дамы!

Потом подошёл к двери, около которой стояла Эйва.

— И напиши письмо её величеству, да. Ей будет отрадно получить известие от тебя, тем более сейчас, — она кивнула, а он снова обнял её и поцеловал в висок.

— Вообще, Верон, если бы ты не был моим хорошим другом, и я не был так рад найти её живой и здоровой, то разнос ты от меня получил бы знатный — маркизу в горничные. Докатились.

И он отбыл, забрав всех своих сопровождающих, а Эйва со страхом подняла глаза, чтобы увидеть, как на неё ошарашено смотрят все присутствующие. Теперь не удастся оправдаться — надо будет рассказать всё как есть.

Глава 32 Верон

Личный визит первого наследника был для Верона невообразимым признанием и несомненно давал понимание, что Шелранам всё ещё доверяют. Но вот к тому, что случилось после, герцог был совершенно не готов.

Когда первый наследник вышел, уводя Эйву чтобы поговорить с ней наедине, в библиотеке повисла неудобная тишина.

— Это же был его высочество принц Жайнэ? — поинтересовалась Ния, прерывая молчание и заставляя всех очнуться от шока.

— Да, Ния, это он, — ответил Верон сестре, пытаясь понять, что только что произошло.

— Его высочество знает Эйву? — нахмурилась Ланира, глядя на супруга. — Ты знал?

— Нет, — ответил он.

— Может она была его любовницей? — предположил Иан.

На это герцогиня пренебрежительно фыркнула.

— Что? Она же работала в Королевском театре. Оба наследника там бывали, — заметил младший Шелран.

— Романы с примами это одно, Иан, а вот роман с девицей, которая платя шьёт... — и лицо герцогини перекосило брезгливостью.

— Прости, Ланира, но к твоему неудовольствию, Эйва достаточно привлекательная женщина, — заметил Иан.

— Привлекательная, но где она, а где наследник, — заметила герцогиня.

И лицо младшего Шелрана стало угрожающе слащавым — сейчас он скажет про связь Гаяна со шлюхами, или пошутит насчет происхождения самой Ланы.

— Перестаньте оба, — остановил их диалог герцог, взглянув мимолётом на Шэйли, которая кажется не совсем понимала до конца насколько сцена, что они наблюдали была поразительной, и которой не надо было слышать всю ту мерзость, которую мог бы рассказать младший брат о наследниках.

Но Верону тоже было странно видеть такое. Это был не то, чтобы интерес к отношениям между горничной и принцем — просто старший Шелран точно знал, что слухи о любовных предпочтениях первого наследника не были всего лишь злыми слухами. Самому ему было плевать что хочет принц Жайнэ в постели, это не имело никакого значения, но той же Шэйли знать об этом было не обязательно.

Иан и Ланира унялись, но было понятно, что надо будет как-то решить вопрос их заинтересованности.

Через какое-то время его высочество вернулся, спросил про дом. И вид Эйвы, искренне смущённой, даже напуганной происходящем, Верона задел. Наследник пообещал вернуться к ужину, сказал про маркизу у них в услужении и как бы герцогу не хотелось сейчас выгнать всех вон, чтобы поговорить с Эйвой наедине, но было понимание, что в этом случае все домашние не уймутся и замучают её ненужными вопросами или промолчат, но сделают самостоятельные отвратительные выводы.

— Эйва, прости, — начал Верон. — Обо всём этом я бы очень сильно хотел поговорить с тобой наедине, но боюсь мне придётся тогда пересказывать разговор всем присутствующим, поэтому хотел бы попросить тебя...

— Я понимаю, — отозвалась горничная, кивая. — Простите, ваша светлость. Простите, что не сказала.

— Он сказал ты маркиза? Настоящая? Или? — начала кидать в неё вопросы его супруга.

— Ланира прошу тебя... — прервал её Верон.

— Мой отец был маркизом Эсфил. Точнее он не был наследником титула. Отец получил его после смерти старшего брата.

— Ты незаконнорожденная? — снова влезла Лана.

— Да что ж такое, — возмутился на это герцог.

— Нет, ваша светлость, — ответила ей Эйва. — Мой отец состоял в законном браке с моей матерью, а я была рождена в этом браке и у меня есть все подтверждающие мой статус документы.

Она вздохнула, а Ланира наконец унялась и, кажется, решила послушать, что скажет

горничная.

— Мой отец получил титул уже после моего рождения. Мой дядя был пьяницей, бабником и игроком, — проговорила Эйва. — Он потерял всё, влез в долги, авантюры и в конечном итоге погиб на дуэли. Его величество хотел лишить семью Эсфил титула, который принадлежал семье несколько столетий, но её величество встала на сторону моего отца, и титул передали ему, как законному наследнику.

— Он был военным? — спросил герцог.

— Да, — подтвердила Эйва. — Как и все вторые сыны. Но восстановить состояние у нас не было возможности, мы сдавали дом... отец ввязался в авантюру с наёмниками в войне с Сандирин, до её распада. Он погиб там, но несмотря на обещания, семья не получила ни монеты.

— И ты наследница титула?

— Да, — кивнула Эйва.

— Узаконенная или формальная? — уточнил Верон, потому что если формальная, то маркизом должен был бы стать её супруг, а если узаконенная, то маркизой была бы она, передавая титул своему ребёнку вне зависимости от его пола.

— Это уже не имеет значения, ваша светлость, — ответила на это горничная. — Поместья в Карсе больше нет. Война стёрла там всё. А у меня никогда не нашлось бы столько денег, чтобы восстановить его. Или построить дом... да и зачем?

Он хотел сказать о её будущем, о браке, о детях, но внезапно с болью осознал, насколько ей было тяжело жить с этими шрамами на теле, потому что понимал, что у Эйвы были такие же, как у повесившейся девушки из Хиита.

— А наследник? — спросил Иан. — Или дело в твоём прошлом, шрам на спине...

И Верон испытал приступ гнева по отношению к Иану. Он хотел остановить его, но Эйва сделала это сама.

— Вы можете думать, что хотите, ваша милость. Но я всю свою жизнь честно трудилась. Я родилась в театре, да, моя мама родилась в нём. И я никогда не сожалела о своей судьбе. Я знаю о театре всё, я училась в нём. Всему. И я видела все постановки, знаю наизусть десятки ролей в пьесах Одейна, Рэфера и Трэйса. Вы приходили туда и понятия не имели, что всё, что почти всё, что вы видите творение моих рук и воплощение моих идей. И я горда этим, — в глазах её блестели слёзы и Верону стало так больно за неё. Она действительно была такой очаровательной и милой и все эти жестокие обвинения не заслуживала, даже если бы они были правдой. — Вам легче сделать вывод и осудить других и вы правы так проще, я знаю это, потому что всю жизнь живу с этим.

— Вон, — не выдержал её слёз Верон. — Все вышли вон.

Он вспыхнул, повысил голос, потом глянул на сестру, испугавшись, что задел её своим гневом, но она была поглощена сопереживанием горю Эйвы и потому покорно вышла из библиотеки, под руку с Шэйли.

Герцог прошёл за ними, закрывая дверь в библиотеку и обнимая рыдающую горничную.

— Прости, Эйва, прости, — Верон погладил её по спине, стараясь успокоить, а на деле пытаясь наверное успокоить и себя тоже. — Давай, идём.

И они прошли к диванам. Старший Шелран усадил её на диван, потом встал и налил выпить.

— На, давай, Эйва, — улыбнулся он. — Это мы уже проходили.

Она шмыгнула носом, потом выпила.

— Он спросил про дом, потому что решил вернуть тебе титул? — задал вопрос герцог.

— Да, — отозвалась она едва слышно.

— И архивы поднять.

— Да.

— Он хочет помочь, — и Эйва снова сказала своё робкое “да”. — Но ты знаешь всю королевскую семью? То что ты работала в театре не объясняет того, что ты с ними знакома и насколько я вижу достаточно близко.

Она закивала.

— Да, я знаю всех. С детства.

— Он сказал, чтобы ты написала её величеству? — от Верона не ускользнуло, что принц попросил это сделать, потому что королева будет рада, особенно в сложившейся тревожной ситуации.

— Да, — снова ответила горничная и было видно, что она невероятно смущена происходящим.

— Эйва... — и он пытался говорить мягче. — С такими покровителями и всё равно жизнь и работа в театре? Или сейчас — горничной? А предложение? Что за предложение?

— Брака... — прошептала она и нахмурилась, слёзы снова полились из её глаз.

— Он хочет, чтобы ты стала супругой... чьей?

— Его.

— Ого... — не смог сдержать эмоции Верон, чем вызвал слабую мимолётную улыбку женщины. — Прости... а то, что случилось с тобой...

И он нахмурился, сцепил пальцы рук.

— Он всё знает. Они все всё знают, — ответила Эйва. — Тогда... я почти умерла, потеряла очень много крови, до того, как меня нашли. Моя бабушка... она подняла на ноги всю королевскую гвардию, обыскали весь театр и всю столицу перевернули. Но его не смогли найти. Её величество очень переживала из-за случившегося.

“Её величество переживала?” — он был рад, что сдержал этот вопрос. Слишком он был бы презрительным что ли. Но...

— Твоя бабушка? — нахмурился Верон. Простой человек не смог бы поднять на ноги королевскую гвардию.

— Моя бабушка Матильда Кастир, — пояснила Эйва. — Но все знали её под именем Матиль Эйри.

И старший Шелран подавился воздухом.

— Твоя бабушка Матиль Эйри? Сама Матиль Эйри? — удивился он слишком бурно.

— Да, — кивнула она и улыбнулась.

Верон не знал, что сказать — Матиль была одной из самых известных прим столичного Королевского театра. Это была невообразимо красивая и талантливая женщина. Он видел её уже, когда она была дамой в годах, но всё равно — она была невообразимо прекрасна. Так вот в кого у Эйвы такие волосы? Да и красота. Эйва ведь действительно была привлекательной женщиной. Да и благородство... И Верона осенило:

— Постой... её роман с герцогом Рингин, принцем крови? — он вспомнил этот очень известный и громкий слух. — Говорили, что у него был ребёнок.

— Моя мать, — не стала скрывать Эйва. — Именно поэтому её величество к нам так относилась. Она очень любила герцога Рингин, он был её названным отцом и она всегда говорила, что он был ей большим отцом, чем её собственный. Очень страдала, когда он

погиб. И мама была ей другом, что ли...

— И ведь герцог был дальним родственником её величества? — уточнил он, а горничная подтвердила кивком. — И ты ей тоже не чужая?

И Эйва снова кивнула.

— И Жайнэ хочет, чтобы ты стала его супругой, — резюмировал Верон.

— Да.

— Я даже не знаю, что сказать, — честно произнёс старший Шелран. — А Гаян? Его высочество второй наследник?

— Это будет ужасно, если он узнает, что я здесь... это... — и Эйва действительно была удручена, мотнула головой, нахмурилась.

— Почему? Или... прости не могу не предположить, — он вздохнул и тоже нахмурился от неприятия задаваемого вопроса, — зная его...

— Я никогда не спала с ним, — ответила женщина, понимая к чему он подводил. — Ни с ним, ни с Жаем... с его высочеством первым наследником. Мы были дружны. Я была кем-то вроде доверенного лица. Я скрывала то, что нужно, я говорила то, что просили, иногда всего одна фраза сказанная в нужном месте и при нужных людях позволяет добиться очень много.

— Одни слухи, чтобы не было других? — спросил Верон.

— Да. И это тоже, — подтвердила горничная.

— Что ж... я не знаю, что теперь делать — и он развёл руками, глядя на Эйву.

— А можно ничего не делать? — она подняла на него свои заплаканные глаза.

— Эйва? — и стало невыносимо стыдно.

— Можно я просто буду делать то, что делаю, — попросила она, смущённая, печальная и такая хрупкая.

— Ты маркиза, Эйва! Маркиза Эсфил. Твой титул древнее и весомее на деле, чем мой, — ответил Верон и это было правдой. Герцогство Шелран было образовано пару столетий назад, а вот Эсфилы были известны при дворе уже столетий пять, не меньше. В разное время занимали те или иные важные должности, даже секретарями личными были при королях и наследниках.

— Перестаньте, из меня такая же маркиза, как из вас... конюх.

— Я хороший конюх, — ответил он, в шутку горделиво. — Очень даже. На войне нет слуг знаешь ли, а я служил в кавалерии и мой боевой конь, если бы не погиб, подтвердил бы тебе, что я отлично ухаживал за ним.

Эйва рассмеялась.

— Да. Хороший был конь, подарок отца Шэйли.

— Я помню её отца, — сказала горничная.

— Правда?

— Да. Я многих помню.

— А меня?

— Только ваших родителей, — ответила она, улыбаясь.

— И всё же, я не могу позволить тебе... — Верон просто не понимал как теперь быть с ней.

— Пожалуйста, ваша светлость, я понимаю. Я бы ушла...

— Нет, Эйва, пожалей меня! — положил он руку на её держащую стакан руку. — Он ведь не кидает слов на ветер. Если сбежишь и получится, что я не смог присмотреть за

тобой, он и вправду осуществит угрозу.

— Поэтому я не уйду. Но я не могу просто сидеть. И это странно.

— Ты можешь быть нашей гостьей, — предложил герцог и он был бы искренне рад видеть Эйву за столом рядом с ними.

— Нет, ваша светлость... Не надо, это слишком, — запаниковала она, шепча. — Слишком.

— Хорошо, хорошо, тише... Давай, ты останешься при Шэйли, но не как прислуга, а как старшая подруга, — больше ему ничего в голову не приходило, — а Ланира определённо теперь будет обходиться без тебя.

Верон знал, что его прекрасная супруга теперь со свету захочет сжить Эйву, или же полезет ей в душу, в любом случае, превращая жизнь горничной в кошмар.

— Спасибо, — искренне поблагодарила Эйва.

— Так, — кивнул он. — Теперь тебе стоит написать письмо, а мне распорядиться об ужине.

— Курица, да, — кивнула она улыбаясь.

— И пирог с картошкой и сыром, — кивнул Верон, сжимая её пальцы.

Глава 33 Ланира

Первый наследник на ужин не приехал — прислал посланника с письмами для Верона и забрал письмо, которое написала Эйва.

— Почему он не приехал? — спросила Ланира, заходя к Верону, когда услышала, что супруг поднялся и зашёл в свою комнату. — Это из-за нас? Из-за Эйвы?

— Что-то случилось в столице, — ответил ей герцог.

— Но ты не знаешь что? — никак не получалось унять тревогу.

— Нет. Об этом он мне не написал, — вздохнул Верон, раздеваясь.

Ланира подошла к нему, решив помочь.

— А что написал?

— Ланира, — покачал головой герцог, но сопротивляться её помощи не стал. Они все к ужину оделись соответственно требованиям этикета при принятии у себя в гостях члена королевской семьи.

— Что? Я не могу узнать? — нахмурилась она.

— Можешь.

— Тогда расскажи.

— Он написал о ситуации с попыткой смены власти. К сожалению это связано с войной. А со мной он хотел поговорить, чтобы понять насколько нам возможно участвовать в ней.

— По средствам?

— Да, конечно. Я по другим направлениям ничего советовать не могу.

— А про Эйву? — спросила она осторожно.

Внутри после сегодняшнего прочно засела мысль о связи Верона и Эйвы. Лана просто не знала, что с этой мыслью делать, но пока герцог разговаривал с горничной, которая внезапно оказалось целой маркизой, это предположение успело возникнуть, пустить корни, а сейчас разрослось во все стороны уродливым кустом или даже уже деревом.

Для Ланы всё было очень правдоподобно: Верон был с Эйвом милым, он платил ей больше, чем положено, слушал её, даже делал как она предлагала! Здесь, в поместье, он стал совсем отстранённым, а Эйва была такая... Ланира даже не могла сказать точно, какая, но

другая. Определённо, что-то было между ними. Да и горничная так настоятельно советовала Лане не говорить никому пока о беременности.

— Что про Эйву? — спросил Верон.

— Что он написал о ней?

— Ланира, почему он должен был что-то мне о ней писать?

— О, я умоляю тебя, — как же он её этим раздражал. — Это же полный абсурд! Он должен был объяснить.

И она всплеснула руками. Ланира злилась на эту ситуацию.

— Подумать только — горничная на самом деле маркиза! Да ещё и, только вдумайся, полностью законно владеющая своим титулом! Это невиданное дело. За какие такие заслуги такая роскошь?

— Лана-Лана, — покачал головой герцог, вздыхая. — Сколько желчи и яда. А ведь она столько делала для тебя.

— Ничего эдакого.

— Ну, тогда Юллин вполне может устроить? Нет? — повёл головой супруг. — Эйва терпела твои самые безумные капризы, обхаживала тебя, обшивала...

— Ты платишь ей за это, — перебила его Ланира. — И немало!

— Хранила твои тайны, — продолжил Верон. — И судя по всему так и будет хранить дальше.

— А может и не будет? И может не хранила. Ты же много чего знаешь про меня, — заметила она. И это было ещё одной причиной для подозрений.

— Мелочная ты, ваша светлость, зараза, — спокойно ответил на это герцог.

— Да, потому что это странно, — никак не могла унять себя она. — Нет, это возмутительно! И ты знаешь это. Уж, что она там тебе понарасказывала, но, Верон, где твой здравый смысл? Этот шрам ещё. Маркиза, пффф! Маркизой станет продажная девка! Дом ей построит наследник?

И это так нещадно колото. Почему-почему, чтоб вас всех, почему? И Гаян не должен знать, что Эйва у них? Правда? Какого низшего?

— И да, меня это злит, — прошипела девушка. — Просто выводит из себя, потому что у неё понимаешь ли титул, она теперь нам ровня, а я — я никакого права ни на что не имею, потому что у моей семьи титула нет?

— У тебя есть титул, Ланира, — ответил Верон всё ещё очень спокойно, но она видела, что спокойствие это стало ледяным и жутким, однако остановиться уже не могла. Её накрыла истерика.

— Твой титул. И как приятно, что повыше, чем её, но вот такие девицы и пихали в меня шпильки, мелочные завистливые твари. И ставили меня на одну ступеньку с продажными девками. А теперь — даже у продажной девки есть титул.

— А в чем разница между тобой и продажной девкой, Ланира? — спросил Верон и всё было совсем не так, как раньше. Его взгляд был таким страшным.

— Ты... ты не можешь! — мотнула она головой.

— Не могу? Неужели? Уверены, ваша светлость? — приподнял бровь супруг, смотря на неё исподлобья. — Никакой, дорогая. Никакой разницы нет!

На глаза Ланы навернулись предательские слёзы. Она испугалась его, по-настоящему.

— Да, даже если бы титула у неё не было, а она была бы действительно всего лишь шлюхой — у неё больше благородства в ногтях, чем у вас, ваша светлость, во всём

прекрасном теле, — ледяным тоном отчеканил Верон. — И, если так тяжело смириться с этим, то просто закрой свой прекрасный, но такой отвратительно ядовитый рот — да, у неё есть титул, да, она дворянка по крови, а ты просто дочь торгаша, которая получила титул благодаря выгодному союзу, сродни торгу на базаре.

— Ненавижу тебя! — выдавила она, стараясь не расплакаться.

— А мне плевать, дорогая! — повёл головой герцог. — Понимаешь ли, грязный кусок серебра — всё равно серебро, а вот посеребренный кусок грязи — всего лишь грязь.

Ланира всхлипнула, задыхаясь от обидных слов.

— Приятных снов, ваша светлость, — он прошёл к двери в ванную, указывая ей на выход. И не успела она сделать шаг из комнаты, как Верон закрыл за ней дверь, абсолютно не беспокоясь мог ли ударить её.

Она всю ночь просидела в кровати, отчаянно рыдая от горя. Ей было плевать услышат её или нет, на всё было наплевать. Обида душила с яростью и неистовством. В голове всплыли все те моменты унижения, которые она переживала при дворе. Их было так много, но она помнила каждый. И раз за разом, несмотря ни на что, высоко держала голову. А сейчас эти жестокие, причиняющие невыносимую боль, слова от человека, которому она доверяла, оставили в ней огромные дыры, которые кажется так и останутся в ней навсегда.

Всё было так скверно. Отвратительно. Почему Верон так защищал Эйву? Мысли о их связи уже вовсе не покидали её и стало совсем плохо — Ланира не могла потерять Верона.

С утра она отправила вон Юллин, благо хоть Эйва к ней так и не пришла. Верон тоже не зашёл. Герцогиня отказалась спускаться к завтраку, да и не согласилась, чтобы ей принесли его в комнату.

— Что случилось? — возник в дверях её комнаты Иан, когда она отказалась от обеда.

— Ничего, — ответила она, подтягивая на себя ноги. Выбраться из постели она сегодня себя заставить не смогла.

— Ланира, — покачал он головой и прохромал внутрь.

— Я тебя не звала. Иди к своей святой девочке, — буркнула она.

— Выглядишь отвратительно, — и он бесцеремонно, несмотря на её замечание, плюхнулся на кровать. А в глазах Ланы снова появились слёзы. — Мне кажется, или ты последнее время очень много рыдаешь?

— Пошёл ты, Иан, — она отвернулась, чтобы он не видел её лица. — Не боишься, что тебя тут застукают?

— Никого нет, — ответил он. — Ния попросилась на прогулку после обеда, Верон согласился, а я отправил Шэйли с ними, хотя она хотела остаться.

— Конечно, она же так сильно любит тебя.

— Что случилось, Лана?

— Ничего.

Он фыркнул, а потом, как она поняла, растянулся на кровати.

— Брось, иди сюда, плакса, — и Иан дёрнул её локон волос.

— Иан... — зло мотнула головой Лана, потому что эти его действия, небрежность в общении, несмотря на её грубость, делали Лану слабой и излишне чувствительной.

Но он не остановился, потянул её рукав и не успела она выдернуть руку, как он поймал девушку за неё и потянул на себя.

— Не могу быть деликатнее, ваша светлость — нога, — когда она нависла над ним, ухмыльнулся Иан, положив руку ей на шею, притягивая ближе, чтобы поцеловать.

Лана упёрлась в него рукой.

— Ну что? — отстранился он, давая ей немного свободы, но всё равно не отпустив.

— Зачем тебе это? — спросила она, и ему на лицо стали капать её слёзы.

Иан нахмурился, после чего ловким движением поменялся с ней местами — теперь уже Лана была под на кровати, а Иан корпусом возвышался над ней.

— Что, низшие тебя сожри, случилось? — став серьёзным, спросил он.

— Меня все ненавидят, я всем мешаю, поперёк горла стою, грязь, покрытая серебром, вот что случилось, — и она разрыдалась снова от обиды и от злости, что не смогла сдержать себя.

— Грязь покрытая серебром? — переспросил Иан.

Лана не ответила, она закрыла руками лицо, рыдая в рукава своей ночнушки.

— Эй, — позвал младший Шелран. — Лана... Эй...

Она мотнула головой под руками. И тут Иан пошёл в наступление. Она почувствовала, как его пальцы прошли по вырезу рубашки, потом по ткани, очерчивая грудь, губами он через ткань поцеловал сначала одну, потом другую. Потом провёл языком по коже, что была открыта в вырезе сорочки. Остановился на ложбинке на шее, потом перешёл на подбородок. Ланира не хотела, но поддалась — он накрыл её рот своим, одна рука его скользнула ей под спину, а пальцы второй ласкали грудь. Кожа девушки пошла рябью от возбуждения.

— Ну вот, — шепнул он ей в губы, когда она обняла его шею руками, открывая своё заплаканное лицо. — Знаешь, могу сказать, что ты самая красивая плакса, какую я видел.

— Дурак, — всхлипнула она. — Отпусти.

— И я не ненавижу тебя, и ты мне не поперёк горла стоишь, — улыбнулся он, снова целуя её. — Намного приятнее, когда ты принимаешь более возбуждающие позы, ваша светлость. Или когда я у тебя в горле...

Она всхлипнула.

— Ну, что такое?

— Меня никто никогда не полюбит, да? Таковую...

— Какую? — спросил Иан, усмехаясь.

— Таковую какая я есть, — прошептала она.

— Я очень даже люблю тебя такую какая ты есть, другая ты была бы совсем не такая.

И Лана встретила с ним взглядом и фыркнула, давась смешком. Иан же озорно улыбнулся, снова целуя её. И он сказал, что любит её? Правда?

— Иан? — позвала она, на что он промычал откликаясь, но продолжая целовать её в живот, и подтягивая к себе низ ночной рубашки. И ей так захотелось сказать, что она тоже любит его, потому что ведь любит. Любит. И без него не сможет.

Но она ничего не сказала, ничего не спросила, потому что Иан добрался до её ног, потом запустил руку между них, принуждая её открыться его ласке и податься ему навстречу. Лана запустила пальцы ему в волосы и подавила стоны, прикусывая губу. И хотя в доме не было Верона, Нии и Шэйли, а прислуга, скорее всего обедает внизу, но эта опасность быть застигнутыми врасплох была реальной. И при этом придавала остроты их близости.

Он повернул её к себе спиной.

— Стой, подожди, — остановила его Лана.

— Ммм?

— Твоя нога.

— Просто скажи, что тебе нравится быть сверху, — ухмыльнулся Иан и лёг на спину, давая ей возможность взобраться на него.

— А тебе не нравится, когда я сверху?

— Продолжай, — шепнул ей младший Шелран, положив руки на талию и запрокинув голову назад.

— Что бы ты знала, глупая, — улыбнулся Иан, когда она содрогнулась от нашедшего на неё исступления. — Женщина, в момент, когда делает так, как ей хочется, всегда прекрасна. А что до тебя, то вид отсюда вообще шикарный.

И сам он ускорился, потом сдавленно рыкнул и тоже кончил.

Ланира устроилась рядом с ним, уткнувшись в плечо, стараясь отдышаться.

— Ты беременна? — внезапно и спокойно спросил он.

— Что? — кажется пискнула девушка и была тут же снова прижата Ианом к кровати. Он обнял её и внимательно всмотрелся в лицо.

— Мы здесь больше месяца и дней очищения у тебя не было. Я бы не пропустил — мы с тобой почти каждый день вместе.

И Лана не знала, что ответить. Какой реакции она ждала? Что теперь будет?

— Ну, — мягко улыбнулся Иан, целуя её. — Ты чего так перепугалась, ваша светлость? Ты же знаешь, что бывает, если так много и так регулярно грешить.

— Я пока не уверена, — ответила она.

— Брось, Ланира. В прошлые разы было так же, — заметил младший Шелран, убирая прядь её волос ей за ухо. — Ты становилась плаксивой и чрезмерно чувствительной. И тихой. Совершенно переставала скандалить.

Герцогиня сглотнула, пытаясь как-то прийти в себя. Страх разрастался и она в нём тонула.

— Он мой или Верона?

— Я... скорее всего твой.

— И ты расстроена этим?

— Что?

— Что он мой. Хотела, чтобы от Верона, — пояснил он.

— Нет, Иан, нет, — мотнула головой Лана. — Нет.

И младший Шелран улыбнулся, кивая.

— Я думала, что ты... ты...

— Я расстроюсь?

— Да, — прошептала девушка и действительно переживала из-за этого. Она так хотела ребёнка, что на деле даже не думала от кого ей больше хочется забеременеть. Сам факт был счастьем, но почему-то снова думалось, что мимолётным, что ещё немного и придёт пустота потери.

— Дурочка, — прошептал ей в шею Иан. — Будет забавно. Главное, что как понять, чей он? Никак. Будем считать, если родится мальчик, то он будет от Верона, а если девочка, то от меня.

— Почему? — улыбнулась Ланира.

— Не знаю, потому что я так решил.

— До этого ещё так далеко, — проговорила она. — В предыдущие разы...

— Ланира, перестань, — Иан нахмурился и лег рядом с ней на бок, подложив под голову руку. — Не надо думать об этом так.

— У меня не получается иначе, — прошептала герцогиня.

— Так всё просто — главное не останавливаться, да? — и она всхлипнула, утыкаясь в него лбом. — А что там с грязью и серебром? Ты расстроена из-за Эйвы?

— Я не расстроена. Я злюсь. Ты читал письма, которые Верону написал первый наследник?

— Да.

— Что в них?

— Про попытку переворота в одном. А в другом извинения, что не приехал, — ответил брат Верона.

— И ничего про Эйву? — и Лана уже сама не могла бы объяснить, что её так сильно раздражает и выводит из себя. Может Иан прав и это всего лишь беременность?

— Только, чтобы присмотрели за ней, — он пожал плечами. — Никак не могу вспомнить её. Я точно её не видел.

— Почему ты должен был её видеть? Или ты думаешь, что она была близка с Гаяном? Была его любовницей? Но она же горничная. Или кто там? Прислуга. Почему ты должен был обратить внимание на прислугу?

— Ланира, прошу тебя, — фыркнул Иан. — Тебе это не идёт. Это зависть? Глупость? Или что? Мы с тобой про какого Гаяна говорим? Слуги... домашние, дворовые, черновые... девки в тавернах, или дочки селян вон. Шлюхи. Гаяну же плевать. Какая там у них кровь дворянская или не очень.

— Да, типа меня, — отозвалась она.

— Это ты сказала, а не я, — качнул головой Иан и лег на спину. — Но Эйву я бы запомнил. Если Гаян и спал с ней, то это было без меня. То есть до того, как он приблизил меня к себе. Она красивая. Видная. Думаю, лет десять-пятнадцать назад была вообще... а эти её рыжие волосы.

— Пятнадцать лет назад Гаяну было четырнадцать, — заметила Ланира, от слов Иана её укололо ревностью.

— Ну ты же понимаешь, что я не про это говорю?

— Может она любовница первого наследника? Или спала с ними обоими.

Он поморщился.

— Забавная головоломка.

— Ничего забавного, — буркнула Ланира. Ей вчера хватило Верона, а теперь и Иан туда же. — Иан?

— А?

— Ты правда любишь меня? — и она почувствовала себя такой жалкой, что тошно стало от себя.

— Конечно, глупая, стал бы я тебя терпеть? — усмехнулся он.

— Иан, прошу тебя, не бросай меня, — Лана не слышала всех этих шуточек, ей так хотелось, чтобы он никуда не делся, чтобы он был с ней, точно был. Было так отчаянно страшно остаться одной. И почему сейчас?

Мужчина обнял её и поцеловал.

— Никуда я не денусь, дурочка!

И Ланира всхлипнула снова, обнимая его, прижимаясь так, чтобы не потерять и не потеряться самой.

— И тебе надо поесть, — прошептал Иан. — В твоём положении нельзя голодать.

— Я не хочу.

— Лана. Надо есть. Немножко, — он умел быть таким мягким, нежным и внимательным. — Мне распорядиться?

— Я сама попрошу, — ответила герцогиня, а младший Шелран кивнул и с трудом сел, ругнувшись из-за боли в ноге. Начал приводить себя в порядок, чтобы уйти.

— Я думаю, что у Верона есть любовница, — прошептала Ланира, глядя на него.

Иан подавился:

— Что? — рассмеялся он. — Любовница у Верона? Боги, кто?

— Вчера я думала, что Эйва, — серьёзно ответила она.

— О, неужели? — он посмотрел на девушку с нескрываемым озорством во взгляде. — А сегодня, как думаешь?

— А сегодня я уже не знаю ничего, — проговорила она и Иан поцеловал её пальцы.

— Ох, ваша светлость, кажется это самая безумная твоя идея.

— Хорошо бы.

Глава 34 Иан

После ранения, поначалу он не мог найти себе места, а потом смирился и стал созерцать. А что ещё остаётся делать, когда ты прикован к одному месту?

Чтение Иан всегда не любил — бесполезная трата времени. Ему хотелось действия, а это... Младший Шелран смотрел, как Шэйли, сидя рядом с ним увлечённо читает какие-то книжки и его это раздражало. А ещё раздражало то, что она изменилась.

Девушка стала другой, словно далёкой, чужой. Даже, когда он познакомился с ней в храме и она была совершенно напуганной и растерянной, но вот такой как сейчас она не была. И дело было не в отстранённой близости, ему и не очень сильно сейчас хотелось — Ланира изматывала беспощадно, особенно её нестабильное состояние.

Просто Шэйли вообще перестала быть такой, как прежде. Раньше она была мягкой, податливой. Это её стеснение делало её уязвимой, она стремилась к Иану, пытаясь найти в нём пусть и то, чего на деле не было, но он старался как мог, как умел, дать ей, то что она искала, старался любить её, оберегать.

С одной стороны было хорошо, что Шэйли явно шло на пользу находиться здесь — она стала крепче, исчезли синяки под глазами и болезненная бледность лица, что была в ней после болезни и так контрастировала с тёмными глазами и волосами. Но ещё Шэйли стала немного смелее, твёрже. Раньше она никогда бы не стала ругаться с Ианом — в любой ссоре она каменела, замыкалась и тут внезапно стала перечить и даже более того, ушла от него. Конечно, Иан знал, что виноват, знал, что невыносим, но тем не менее поведение супруги было непривычным, иным и напрягало его, изводило тревогой.

И младший Шелран умел слушать себя. Он всегда был чутким к окружающим. Возраст, конечно, скорректировал его характер и это умение стало менее острым, чем в детстве, когда он погружался в сопереживания и становился зависим от них, в ущерб себе. Но и сейчас, если надо...

— Как погуляли? — спросил он у Шэйли, когда она поднялась в комнату после прогулки.

— Отлично, — улыбнулась она. — Погода просто замечательная. Рэндан правда сказал, что через несколько дней испортится.

— Вот как? — повёл головой Иан.

— О, мы видели оленя, — восторженно произнесла Шэйли.

— Неужели?

— Да, я не видела оленя с детства! Я вспомнила, что видела его здесь, когда была маленькой, — и она села на кровать прямо в его ногах, облокотилась на изножье. — С тобой.

Иан нахмурился.

— Ты не помнишь? Мы были с тобой на реке. И ты напугал его, кинув в воду камень, — рассказала она и это было впервые за полтора года, когда Шэйли вспомнила что-то из детства, или поделилась с ним.

— Это была олениха, и я хотел попасть в неё, — отозвался Иан.

— Ты был таким вредным, — она осуждающе помотала головой.

— О, твоя милость, ты была не лучше, — заметил он.

— Это ты учил меня плохому, — улыбнулась супруга.

— Да что ты?

— Я помню, как мы искали этих дохлых лягушек, ящериц и птиц, — Шэйли передёрнуло. — Сейчас я бы ни за что не взяла их в руки. Такая мерзость.

Младший Шелран ухмыльнулся.

— А ещё я вспомнила, что хотела их хоронить, а ты сказал мне, что надо отнести их Верону, потому что он будет счастлив, — заметила она, делая шутливо недовольное лицо.

— Разве он не был? Я просто не мог не порадовать своего любимого старшего брата, — ответил Иан.

— Не был он рад, он делал вид, потому что ко мне хорошо относился и думал, что мне это важно!

— Откуда ты знаешь?

— Он мне сказал, — ответила Шэйли.

— Вот как? Хм... — и как младший Шелран сейчас был зол.

— Что? — она уловила изменение в его настроении.

— Ничего, просто так интересно. Совсем недавно ты заикалась и в обморок готова была упасть, когда он с тобой здоровался. А теперь обсуждаешь с ним свои детские воспоминания, — и Иан с трудом сдерживал себя. — Со мной не обсуждаешь, а с ним да...

— Вот сейчас я говорю тебе о них, и если бы ты был с нами, то...

— А я не был. Как хорошо вам, что не был, — и Шэйли была готова расплакаться от его тона и слов, но Иана уже несло и остановиться он не мог. — Нет, действительно. Если бы я был, то ты бы не смогла поговорить с Вероном. А ведь у вас так много на деле общих тёплых воспоминаний.

— Зачем ты так? — она сглотнула, зажмурилась и по её щеке стекла слеза.

Шэйли встала и пошла в гардеробную, оставив Иана злиться на себя. Он и не знал, что именно его так сильно разозлило — то, что Шэйли оказывается обсуждает с Вероном своё до недавнего времени забытое детство, или что она вообще что-то с ним обсуждает, или это мерзкое чувство, что с девушкой всё не так, как обычно, последнее время.

Иан ревновал её к Верону всегда, и сейчас он уцепился за эту историю и намеренно уколол супругу, потому что надо было куда-то деть растущую тревогу.

Иану было плевать на беременность Ланиры. Было плевать, что Верон скорее всего поймёт, что отец не он, а младший брат. Стыдно тоже не было — потому что старшему Шелрану было наплевать на супругу. Но вот на Шэйли было не плевать.

И эта такая глупая идея Ланы, что у Верона есть любовница, сейчас переставала быть

глупой. Иан просто чувствовал. Не мог объяснить — сидел за столом во время ужина и ощущал своим нутром, что что-то тут происходит. Взгляды, жесты — раньше он не думал об этом и внимания не обращал, а теперь видел, как постановку пьесы смотрел, пьесы без слов.

И он наблюдал несколько дней. Шэйли порой вставала раньше, и Иан находил её в библиотеке, читающей книгу. Там же сидел за делами Верон. И нет, они не разговаривали — но они общались, чтоб их нихры утащили, они общались!

Иан никак не мог понять насколько глубока эта связь. Он пытался уловить, но у него не выходило.

В голове не очень укладывалось, что Верон мог пойти на такую подлость, а Шэйли сделав что-то подобное смогла бы смотреть в глаза супругу прямо и без стыда. Хотя было понятно, что внешность была для такой как она не важна, но Иан всё цеплялся за хлипкие камушки на выступах отвесной скалы из ревностного осознания, что связь их не физическая, не телесная, а больше духовная, основанная может как раз на том, что Шэйли стала вспоминать своё детство, в котором Верон играл кажется самую главную роль.

Иан прекрасно помнил их дружбу — брат всегда был отстранённым, холодным, как мать, но Шэйли... Верон её обожал. Он простил бы ей, что угодно, так возился с ней, что Иан всегда обижался — милой Шэйли всё прощали, а ему доставалось по полной. А после наказания только Ния жалела его.

Когда Шэйли отдали в храм, младший Шелран был слишком мал, чтобы понять всю трагичность произошедшего, а после кажется вовсе забыл о девочке, с которой играл и проказничал, подбивая её на всякие детские шалости.

Однако Иан помнил, как тогда повели себя в семье. Известие расстроило родителей, особенно отца, Ния была полна трагедии, а Верон — брат словно сломался. Будучи неразговорчивым и тихим и до того, как Шэйли появилась в их жизни, с её потерей он стал совсем замкнутым, опустошённым и жёстким. Словно, пропав из его жизни, Шэйли забрала мягкость, что в нём была, когда он общался с ней. Это было в Вероне только для этой девочки, а когда её не стало рядом, необходимость в сохранении такого ненужного для него качества стало бесполезным.

И Иан увидел эту мягкость, когда Шэйли вернулась. Она была скупой и хрупкой. Прежде всего заключалась в том, что Верон очень старательно избегал общения с девушкой, потому что его вид безумно её пугал и расстраивал. И это и было одним из поводов для ревности Иана к брату.

А ещё, вспоминая об этом сейчас, младший Шелран стал думать, что вероятно всё же это очень больно, когда дорогой тебе человек, так к тебе относится, смотрит глазами полными ужаса, а ведь наверняка хотелось бы может не любви, но хотя бы тепла. И как только Иан это упустил? Потому что вот теперь это тепло во взгляде появилось, расцвело и было таким очевидным и ярким, что ревность стала скручивать невыносимо.

— А я хотела сказать, — вечером после ужина, оторвавшись от рояля, улыбаясь, произнесла немного пришедшая в себя после нескольких дней подавленности Ланира. И Иан знал, что она скажет. И был зол, потому что было не время и не место, ведь накануне в очередной раз пытаюсь унять её печаль, просил не делать этого сейчас. Хотя... — Кажется, я беременна.

Она устремила свои голубые глаза к Верону, который нахмурился, приподнял бровь. И на его лице застыло такое непередаваемое выражение — понятно, что он знал, что ребёнок скорее всего от Иана, но показать этого он не мог. Да и не будет. Плевать на деле ведь чей

это ребёнок. И это Иан тоже прекрасно знал.

Младший Шелран встретился взглядом с братом, но тут Шэйли сидящая рядом с Ианом всхлипнула, и не успел он среагировать, как супруга ринулась прочь. И чтоб ему провалиться на месте, если Верон не вцепился в диван на котором сидел, удерживая себя на месте. Старший брат хотел броситься за Шэйли. Хотел...

Иан с трудом встал.

— Будем надеяться, что в этот раз всё будет хорошо, — ответил он, переводя взгляд с Верона на Ланиру.

— Прости, не хотела её расстраивать, — ответила герцогиня, будто виновато потупив взор.

Иан кивнул и прохромал на выход из библиотеки, следом за Шэйли, за его спиной Ния что-то пролепетала, ей что-то ответил Верон.

— Шэй, — она рыдала в комнате. И стало интересно — а она рыдает из-за того, что у неё нет ребёнка, или из-за того, что Верон сделал ребёнка Ланире?

— Не надо, — отозвалась она, сквозь слёзы.

И вот странно — слёзы Ланиры Иана не раздражали, они будили в нём печаль. Ей просто хотелось сказать “перестань, пустое” и приласкать, и он знал, что Лана поддастся, потому что любила творить трагедию сама.

Но Шэйли была другой, её слёзы были такими неподъемными для Иана. Чувство обречённости разрывало на части и он не понимал, как её утешить, точнее предполагал, но каждый раз боялся попробовать.

А сейчас и вовсе потерялся. Он, как злой мальчишка, хотел сделать ей больно, хотя и понимал, что её вины в том, что случилось нет. Да Иан и не знал же наверняка, что что-то действительно случилось.

— Ты с ней переспал? — и он задал брату страшный для себя вопрос. Иан знал каким будет ответ. Знал, что признания не будет, но так же точно знал, что почувствует... он всё почувствует.

— Что? — нахмурился Верон, сидящий в библиотеке со стаканом выпивки.

Было уже поздно, все легли. Иан понятия не имел, что брат сказал супруге на известие и вообще сказал ли хоть что-то.

— Шэйли, — пояснил он, вытаскивая каждое слово с болью. — Ты с ней переспал.

— Ты головой ударился, Иан? — ответил Верон, но младший Шелран уже увидел всё, что было нужно.

— Как ты мог? Чтоб тебя низшие утащили, — и это было больно. Отвратительно и больно. — Ты же...

— Иан, — и они встретились взглядами. — Прекрати этот...

— Зачем? — взвился младший Шелран. — Зачем? Что? Ради чего? Отомстить мне? Теперь двойная радость, да? Ты тут сидишь и думаешь, чей там ребёнок у Ланиры — твой или мой? А если мой, то ты молодец, отомстил. Да?

— Иан, — прорычал Верон и встал.

— Нет, нет, ты... ты... я же сделал как ты просил! — внутри всё рвалось, потому что пока это были только мысли, можно было отстраниться от них, принимая как что-то забавное, но теперь это стало реальностью. Иан смотрел на старшего брата и умирал, словно по чуть-чуть. — Я сделал как ты просил, сделал. Я вытащил её из этой полной проклятой святости тюрьмы, вытащил. Я привязался к ней, я люблю её... и ты...

Он не заметил, как из глаз потекли слёзы.

— Иан, — Верон мотнул головой.

— Но ты не сказал “нет”, сейчас ты не сказал, что “не делал этого”. Ты не можешь.

Глядя мне в глаза, скажи, что не делал этого!

И старший брат отвёл взгляд.

Иан рассмеялся, горьким отчаянием внутри разрывалась бессильная ярость. Душила и рвала на части. Он любил Шэйли, любил. Она была для него чем-то непостижимым, к чему он смог прикоснуться. Он закрыл глаза и всё это ледяной водой лилось на голову, Иан захлёбывался в этой воде, которая нещадно жалила холодом, отрезвляла, глотал её и внутри всё замораживалось, покрываясь льдом, что даже вздохнуть было тяжело.

— Я тебе этого никогда не прощу, Верон. Лучше бы ты меня не спасал.

Верон ничего не ответил. Они сидели в гнетущей, разрывающей своим звоном тишине, каждый погружённый в свои мысли. Пустота, что была сейчас внутри поражала своими масштабами.

Иан вспомнил тот бой, когда Верон спас его жизнь. Глупо закрыв собой. Почему-то тогда младший Шелран плакал не над изувеченным раненым братом, а над раненым конём. Ему пришлось убить его и эта боль слилась с отчаянием, которое его накрыло от поступка брата. Тогда было неизвестно выживет ли Верон и этот страх, что брат умрёт сдавливал Иана до треска в костях. А сейчас в его голове билась мысль — лучше бы старший брат умер.

И это тоже было больно. Не меньше, чем боль от осознания потери Шэйли.

И её лицо тоже стояло в вспоминаемых образах.

Тогда, когда он был с ней в близости впервые и переживал так, словно никогда не видел в своей жизни женщины, потому что взгляд Шэйли был невероятным — влажным, безумным, полным страха перед неизвестностью, потому что она не могла ничего знать о близости. И Иан так боялся напортить всё, потому что знал о близости слишком много, ему даже трогать было нельзя такую как Шэйли, после всего того, что с ним произошло в его жизни.

И сейчас, мысль, что разложение заразно, никак не покидала его голову. Он испортил её? Он сделал всё не так?

— Иан... — уже светлело, когда Верон подал голос. Кажется он просто боялся оставить младшего брата без присмотра.

— Отвали от меня, не надо со мной говорить, — огрызнулся он. — Ты... ты меня убил, Верон.

— Шэйли... она...

— И этого не смей мне говорить, — прохрипел младший Шелран, — не смей...

Старший Шелран вздохнул и больше не пытался ничего сказать.

— Кажется наша семья и вправду проклята, да? — прошептал Иан, глядя в пустоту.

— Да, — едва слышно согласился Верон.

Интерлюдия — Палач против палача

Она стояла среди выжженной яростью и гневом землёй. Вокруг неё было то, что она несла любому миру — война.

Такая, как она, не могла ничего создать. Такая, как она, ничтожна и слаба, такая, как она, не может мечтать. И ей нельзя любить.

Он возник за её спиной. Тот, которого смертные души называли Смертью. Тот, кого она любила. Тот, кто не верил в неё. Тот, кто оказался прав.

— Иди сюда, — приказал первый палач.

Она отрицательно мотнула головой.

— Перестань упрямиться, — вздохнул он и она почувствовала, как протянул к ней руку.

Отскочила от него, оцетинившись, обнажая меч.

— Не смей, — рыкнула она. Больше она его к себе не подпустит.

— Что ты творишь? — он мотнул головой и сделал к ней шаг. Но она смотрела с угрозой и ненавистью. Стало интересно, сможет ли она что-то сделать против него. Да нет... она не будет сражаться. Пусть убьёт её. — Перестань! Это ты... ты, глупая, виновата в смерти этого мира, в смертях всех этих ничтожных душонок. Ты и больше никто. Тот, кто создан уничтожать, не может ничего создать. Не смей думать иначе, это твой конец!

И он был прав. Во всём. Всегда.

— Подойди ко мне, — проговорил он, успокаиваясь. — Хватит. Я простил, что ты пошла за инквизитором. Это было глупо, но пусть так... это пустое. Иди сюда.

Она снова упрямо мотнула головой, стараясь не смотреть в его глаза. Там она тонула. Стыд, боль, пустота... Она виновата.

— Прошу тебя, — он склонил голову, потом заметил её ногу. — Что случилось с твоей ногой?

Она промолчала.

— Это плата? Ты заплатила инквизитору? Ты... ты... подойти ко мне, — отдал он приказ, и на деле она не могла бы сопротивляться.

— Нет, — ответила она с болью. — Нет.

— Я сказал...

— Нет, — сказала она твёрдо и наполнила себя гневом. — Прощай.

И она исчезла, увидев мимолётом, как изменилось его лицо. Этого он ей не простит. Когда они встретятся вновь, он её уничтожит.

Глава 35 Шэйли

В эти дни всё было наперекосяк.

Даже после того, что они узнали после визита первого наследника, Эйва осталась с ней. Она была кем-то вроде помощницы, только при ней, хотя в целом, как отметила для себя Шэйли, отношение к женщине внутри девушки не поменялось. Она и раньше была очень привязана к ней, видела в ней друга, знала, что на неё можно положиться.

Правда Ланира после этой новости стала вести себя очень странно. Всю ночь она прорыдала и Шэйли было так жаль её. Пару дней супруга Верона не выходила из комнаты и не спускалась вниз. Ния даже спросила о её самочувствии.

Шэйли и сама хотела зайти и проведать Ланиру. Ей казалось, что той нужна поддержка, но так же было какое-то понимание, что поддержка именно Шэйли герцогине не нужна и может даже сделать хуже.

Верон же вёл себя так, словно с его супругой всё в порядке.

— Почему ты не переживаешь за неё? — спросила Шэйли робко, когда они гуляли.

— Потому что Ланира обожает драму, милая, — ответил он, вздыхая.

Но Шэйли никак не могла унять себя, а ещё ей было так плохо из-за Иана, его поведения и слов. Невыносимо...

Но прогулки её успокаивали. Ния настаивала, чтобы с ними ходил Бэлт, и получалось, что всё время он был вместе с Нией, давая, сам того наверное не понимая, возможность Верону и Шэйли побыть вместе. Гуляя, она вспоминала детство, теперь уже

предусмотрительно не делилась своими впечатлениями и воспоминаниями с Ианом, чтобы не раздражать его. Но с Вером делилась и была счастлива, когда он смеялся над ней, или с ней вместе.

В один из дней, она почти ушла из дома, но потом решила, что всё же нужно взять шаль. Вернулась. А надо было мёрзнуть, надо было оставить всё, как есть...

Подозрения относительно какой-то связи между Ианом и Ланирой внутри Шэйли бурлили начиная с того момента, как она увидела их возвращающимися один за другим от конюшен в весенний праздник. Но теперь... взяв из комнаты шаль, она озадачилась отсутствием там Иана. В его комнате супруга тоже не было. Но может он остался в библиотеке? Кто его знает?

Она пожалала сама себе плечами и вышла. На этаже было пустынно и тихо. И Шэйли застыла в коридоре, с шалью в руках, глядя в сторону комнаты Ланиры. Неведомая ей сила потянула её туда.

— Давай, ваша светлость, — говорил в комнате Ланиры Иан, — а то Рэнд предсказал плохую погоду. Начнутся дожди и никто никуда не будет ходить гулять.

— Перестанешь меня развлекать? — спросила супруга Верона каким-то странным неестественным голосом.

И Шэйли ждала ответ, но его не было... не было... было совсем другое.

Когда она шла назад, ноги словно предавали её. В глазах были слёзы, внутри всё сжигала обида, но пустота, которая разверзлась от осознания того, что она слышала, свидетелем чему стала, была устрашающе жуткой.

— Что-то случилось? — спросил у неё нахмурившийся Верон.

И Шэйли стало интересно, а знает ли он обо всём этом?

— Ничего, — ответила девушка.

— Шэлл...

— Правда, просто повздорила с Ианом опять, — сама не поняла, как нашлась, что ответить, чтобы не вызвать подозрения у Верона.

На её ответ старший Шелран вздохнул, взял её за руку.

— Пойдём догонять Нию и Бэлта?

Но Шэйли заупрямилась.

— Давай не пойдём? — попросила она.

Он хотел ей что-то ответить, но потом кивнул и утянул в другую сторону. По полю они дошли до реки.

— Я здесь упала, — произнесла Шэйли, вспоминая то трагическое для неё маленькой происшествие. — И вся испачкалась.

— Да, — кивнул Верон, мягко улыбаясь. — И очень расстроилась.

— Платье было красивое. Я его для тебя надела. Ты меня обнял и тоже испачкался, — и она подошла к нему, когда он сел на траву, что была на уступке берега реки.

— Не хотел, чтобы ты плакала, — ответил Верон.

— Ты всегда со мной так мучился, — прошептала девушка, потянувшись и поцеловав его.

— Нет, Шэлл, — мотнул он головой в ответ. — Не мучился.

— Врёшь, — проговорила Шэйли ему в губы.

В глазах стояли Иан и Ланира сплетённые телами, а в ушах были стоны и звуки близости. Может всё правильно? Так и должно быть? Всем по заслугам, всем то, что

заслужили?

— Глупая, — ответил ей Верон и притянул к себе.

И Шэйли хотелось большего, хотелось забыть то, что она только что увидела и услышала, хотя точно не удивилась, точно знала, что так оно и есть. И скорее всего давно, да?

И ведь Вер тоже знает... только она одна не знала. Какая же она наивная дурочка...

— Шэлл, что случилось, девочка? — спросил он, заглядывая ей в глаза. Он так невероятно чувствовал её.

— Я потерялась, — ответила Шэйли с вновь подступающими к глазам слезами. Что она видела в этой жизни, к чему стремилась? Ей просто хотелось тепла, как всем?

Вспоминая себя попавшую в храм, ей казалось, что не было ребёнка несчастнее. И она теперь точно знала, что безумно хотела, чтобы Вер её забрал, но почему она, дура, не узнала его, почему не дала забрать себя, когда он смог прийти за ней? Смог наконец исполнить обещание... он не забыл о ней, а она забыла о нём. И нет, он не обвинял её, Шэйли чувствовала, что он винит только себя, ему больно, до сих пор больно.

— Прости меня, Шэлл, — прошептал Верон уткнувшись ей в плечо.

Она закрыла глаза, пытаясь перестать думать обо всём плохом, что случилось в прошлом и сейчас. Ведь она впервые за несколько бесконечных дней была с Вером наедине. И почему ей нужно стыдиться чувств?

— Вер? — позвала Шэйли. Он оторвался от её плеча, встретился с ней взглядами. И этого было достаточно.

Шэйли растворялась в его руках, безумно хотела больше поцелуев и больше близости. И если внутри и было понимание, что она плохая, то ей хотелось быть ещё хуже, потому что тогда можно, ведь всем можно, а ей нельзя? Даже если это совсем ужасно и стыдно?

Верон спрыгнул с уступа и потянул её за собой. Здесь был песчаный берег, он был скрыт от глаз, но солнце уже нагрело лучами песок и он был приятно тёплым, хотя даже если бы был холодным на это было бы плевать. Расстелив под ней эту проклятую шаль, расстегнув пуговицы на платье и, стянув его верхнюю часть вниз, к талии, Верон стал целовать её шею, плечи, грудь. Шэйли уносило от каждого прикосновения его губ, ей казалось каждый раз, что если будет больше, то она не выдержит, казалось, что этого довольно, но он продолжал и она понимала, что несмотря на чувство, словно она умирает в агонии, это мучение самое прекрасное, что она испытывала в жизни.

“Я люблю тебя, Вер”, — так хотела сказать она, но у неё не хватало сил, воздуха в лёгких, в тот момент, когда хотелось кричать и выть, она забывалась, умирая в его руках. А потом счастье, горькое и такое болезненное заполняло её, и хотелось молчать, чтобы не разрушать связь, которая соединяла их.

Вернувшись домой и встретившись с ехидным взглядом Иана, Шэйли захотелось ударить его. Она сама испугалась от этих мыслей. С ней такое было впервые.

Почему-то вспомнился мальчишка, с которым она играла — вредный, жадный, но весёлый... Иан несмотря на то, что всё время был невыносимым, заботился о ней. Бегая быстрее, ждал, чтобы догнала, помогал забираться туда, куда ей было сложно забраться, учил лазить по деревьям, всегда протягивал руку помощи. Но при этом толкал, щипал, дёргал за волосы, казалось, что ровно так же, как был внимателен, был жесток. Почему?

— Ты вся в песке, — заметил он.

— Сидела на берегу реки, — ответила Шэйли и ушла в ванную комнату, решив ничего

не говорить, потому что ещё слово и она сорвётся — признается в том, что пока Иан развлекает Ланиру, она искренне счастлива быть с Вероном.

И Шэйли продолжала держаться, хотя сил совсем не было — смотрела на Иана и Лану, которая, наконец, решила спуститься вниз, и внутри бурлило негодование, хотя теперь накрыл стыд, потому что она сама была такой же порочной и падшей.

Но новость о беременности Ланиры, всё-таки выбила Шэйли из колеи. Она не смогла сдерживать себя — супруга Верона беременна и это же ребёнок Иана? Девушка ринулась к себе, утопая в горе.

Оно было таким всеобъемлющим, что невозможно было даже расплакаться, чтобы выпустить всё это удушающее, давящее, поражающее страдание. Она всхлипнула там в библиотеке, но это было удушье, а не слёзы.

С трудом поднявшись наверх, Шэйли рухнула на пол, уткнувшись в кровать, натягивая на голову покрывало, пытаясь, как в детстве спрятать себя, чтобы искали. Только, если в детстве ей хотелось, чтобы её нашли, то сейчас не хотелось. Она справилась с удушьем, а когда в комнату зашёл Иан, наконец расплакалась.

Он постоял в дверях, потом вздохнул и вышел. Просто вышел, словно покинул её жизнь, а не комнату.

Шэйли забылась в истерике, а утром, открыв глаза, увидела сидящего в кресле Иана и лицо у него было ужасающе мёртвым.

— Расскажи мне, почему ты плачешь, Шэй? — попросил он глухим, не своим голосом.

Она не знала, что сказать на это. Внутри снова завывало, взвилось ураганом, но укуталось в страх от того, что она видела. Иан был странный. Сам не свой.

— Из-за того, что у нас нет ребёнка, или это просто ревность?

— Что? — проговорила она одними губами.

— Расстроилась, что он трахая тебя, сделал ребёнка своей обожаемой супруге? — пояснил Иан. И лицо его стало злым, жёстким. — Это вероятно больно.

Она втянула воздух, хотела сказать что-то, но он не дал.

— Но я понимаю, — кивнул её супруг, — понимаю. Что это было? Воспоминания? Жалость? Вина? Но ты же по-другому и не могла, да?

— Иан...

— Знаешь, я с детства относился к Верону с таким уважением, злился на него, но уважал. Он был для меня примером, — перебил её младший Шелран, словно в бреду. — Мы такие разные, мы не можем быть долго вместе. Но всё равно, для меня не было мужчины важнее брата. Понимаешь? Не отец, а брат. Отец был мягким. И я любил его, но Верон — я всегда старался сделать так, как он хочет, не шел против него.

И Иан нахмурился, вздохнул и Шэйли увидела боль, с которой он говорил.

— Война сломала его, точнее нет. Он сломался до неё. Ты сломала его. Твой отказ, — и он посмотрел ей в глаза. И она сжалась от этого взгляда, полного колючей пустоты. Ничего от того Иана, которого она знала не было. — Эта его вера в то, что он придет и спасёт тебя. Что ты, увидев его, сразу же бросишь свой проклятый храм, и один его вид перечеркнет столько лет проведенных там, ведь такая привязанность, как была у тебя к нему — она не может просто так пройти. Но она прошла. Ты даже не вспомнила его. И он сломался.

— Иан...

— И он остался там, попросился, решил защищать этот храм, где была ты. Защищать тебя. А я, я просто был с ним.

Он помолчал, будто вспоминая.

— И он ведь всё равно, всё равно о тебе помнил. Его привязанность больше, чем твоя? И ты вспомнила о ней? Или что?

— Всё не так, Иан.

— Это не важно, — снова не дал он ей ничего сказать. — Он попросил и я пошёл тебя спасать, хотя может тебе было и не надо?

И Шэйли видела, что он готов заплакать.

— И ты не помнила всего этого полтора года, ты боялась его, заикалась, когда видела. И я так старался ради тебя... Но вот... Знаешь, сделав это, он не просто уничтожил меня, Шэй... Только ты ошибаешься, думая, что всё это правда. Он не такой, каким ты его помнишь. Он давно закаменел, стал каменным, жестоким. Внутри он такой же как снаружи. Потерпи и ты увидишь. Думаешь, что Ланира не подходит ему? Подходит.

— Как и тебе? — прошептала она, перестав сдерживаться.

— Что? — он вздрогнул, словно очнулся.

— Ты не озвучил причины моих слёз, Иан, — ответила Шэйли. — Она беременна от тебя, а не от Верона. Ты не убивал меня, каждый раз... когда был с ней? Нет? Я сделала тебе больно?

Шэйли показалось, что слова разрывают ей горло.

— Я измучила себя, изгрызла, ходила в сторону реки и хотелось утопиться, думала, что хочу вернуться в храм, и умереть там в молитвах, спасая свою душу... а ты? Ты что-то такое чувствовал?

И это всё было так ужасно. Иан побледнел, взгляд его теперь словно смотрел сквозь неё и Шэйли разрыдалась. Она уткнулась, подтянула к себе колени и уткнулась в них. Слышала, как Иан встал, потом прохромал в сторону дверей.

— Ваша милость? — это была Эйва.

Шэйли вскинулась и увидела, как женщина пропустила младшего Шелрана на выход.

— Эйва... Эйва... — ничего больше девушка сказать не смогла, но горничная, нахмурившись, встретилась с ней взглядом и кивнула.

— Сейчас вернусь, — сказала она и ушла следом за Ианом.

Мгновения в пустоте комнаты были бесконечным кошмаром.

— А теперь расскажите мне, моя хорошая, что случилось, — Эйва вернулась с чайником, заваренного чая. Потом накинула на плечи Шэйли плед.

— Иан, Иан... он... — замотала головой девушка, пытаясь сквозь так и не отпустившие слёзы объяснить свой страх за супруга.

— Я попросила, Рэндан присмотрит за ним, — и от этого стало так легко. — Что? Что такое?

— Я... и... и Верон... я... — и она понятия не имела, как об этом сказать.

— Иан узнал о вас и герцоге? — и Шэйли захлебнулась, было страшно даже вздохнуть. Она смотрела на Эйву и хватала воздух, как рыба на берегу. — Я видела вас в грозу.

— Я... мне так стыдно, — прошептала Шэйли. — Я люблю Верона... и я Иана тоже люблю. И я знаю, что ребёнок Ланы от него...

И осознание скрутило отчаянным страхом и вывернуло наизнанку.

— Ох, милая моя, Шэйли! Как?

— Я видела их два дня назад. И на празднике они были вместе. И ведь всё время уходили... — и девушка разрыдалась, уткнувшись в объятия горничной.

— Девочка моя, не плачьте, — гладила её по спине Эйва.

— Я такая плохая, такая плохая, мне не место здесь, я опорочила себя, опорочила богиню, веру, благодать. Это так ужасно, всё это, — прочитала Шэйли и остановиться не получалось. — Мне нет здесь места, им было так хорошо без меня. Надо дать возможность им меня вернуть, надо самой вернуться. Пусть я умру в храме, в холоде, среди камней, стоя на коленях, моля о прощении, но там моё место, так было, и не надо было надеяться на что-то лучшее, ведь так?

— Не говорите так, хорошая, милая, детка не надо, не надо так говорить, — Эйва погладила её голову и сжала руку. — Порой мы не хозяйева своим чувствам, обязанности, да вся жизнь бьют нас нещадно, и казалось бы, избавиться от чувств было бы так замечательно, правильно. Так было бы легче. Но не выходит. Они всё равно руководят нами. Вы не плохая, нет. Вы просто любите. Любовь она порой намного беспощаднее даже ненависти.

И Шэйли чувствовала, что горничная говорит это, пропуская через себя. Она не была сторонним наблюдателем. Женщине тоже было больно.

— Вы говорили с герцогом?

— Нет, я не смогла сказать про Иана и Лану, но он ведь знает? А вчера... и... сегодня... я не могу... и у него же будет ребёнок. А я... ведь он может быть и от него. Ланира же его супруга. И... и... — и она снова расплакалась.

— Так, — Эйва встала и потянула Шэйли за собой. — Пойдёмте.

— Но...

— Пойдёмте.

Они вышли в коридор и прошли в другую сторону от жилых комнат, в пустующую частю дома, в комнаты, что были гостевыми.

— Сюда, — и Эйва оставила Шэйли.

Время тянулось медленно, но когда пришёл Верон и она смогла обнять его, уткнуться в него, схватиться, переставая тонуть в своём отчаянном горе, всё стало не важно.

— Не смей даже думать о храме, Шэлл, ты не можешь оставить меня, я не справлюсь со всем этим без тебя, — прошептал он сходу. Значит Эйва ему рассказала. — Даже, если это последний раз, когда я могу обнять тебя... твоего взгляда будет достаточно, того, что ты в порядке будет довольно, чтобы я мог справиться и не утонуть в этом. Обещай мне Шэлл, что не бросишь меня, скворушка, прошу тебя.

— Вер...

— Всё пройдёт, всё это обязательно пройдёт... девочка моя... — и ему было тоже отчаянно больно.

Вокруг них всем было так больно.

— Я люблю тебя, Вер...

— И я люблю тебя, Шэлл, безумно люблю тебя.

Иан под присмотром Рэндана дошёл до Хиита, где напился в гостинице. Рэндан послал в город за Бэлтом и они вдвоём вернули её супруга домой. Нога его безумно разболелась и опухла, а ещё Иан отказался подниматься наверх, остался в библиотеке.

Весь дом погрузился в ожидание чего-то гнетущего и страшного.

А на следующий день двор снова наполнился стуком копыт и гулом десятков людей. Шэйли подумала, что было так же, когда к ним приехал первый наследник.

Все они были в столовой, кроме Иана, который отказывался есть с ними за одним столом, теперь вышли в коридор. Туда же из библиотеки, опираясь на костыль, вышел Иан.

Шэйли ожидала вероятно снова увидеть первого наследника, но в дом влетел высокий, красивый мужчина в небрежно расстёгнутым военном мундире чёрного цвета. При виде всех них на лице у него появилась озорная ухмылка.

— И где она?

— Ваше высочество? — нахмурился Верон.

— Брось, Шелран, а? Где моя самая любимая женщина, с которой я по какой-то совершенно идиотской причине не переспал?

Он был невероятно красив, а ведь Шэйли считала, что самый красивый мужчина которого она видела это Иан. Но второй наследник, а она поняла, что это он, — был невероятным. Коротко стриженные черные, как смоль волосы, гладко выбритое лицо с такими мужественными чертами, но при этом такое невероятно прекрасное. Прямой нос, волевой подбородок, глаза серого цвета, озорные, такие же живые, как у старшего брата, первого наследника. И ещё высокий рост, широкие плечи...

На словах о любимой женщине, Шэйли почувствовала, как вздрогнула, стоящая рядом, Ланира. Девушка глянула на герцогиню и увидела, как взгляд её устремился к гостю, зажётся невероятным огнём, удивительным, чарующим.

— Где Эйва? — пояснил мужчина и взгляд Ланиры затух, словно кто-то потушил свечу.

— Я здесь, ваше высочество, — сказала откуда-то со стороны выхода для слуг Эйва.

Он обратился на голос, нахмурился.

— Ты... ты хоть представляешь, как мне хочется удавить тебя, Эйва? — произнёс он хрипло, голосом, полным негодования. — Невероятно!

И мужчина за несколько шагов преодолел внушительное расстояние, которое его отделяло от горничной, сгрёб её в объятия.

— Прости меня, — прошептала она.

— Чтоб тебя, Эйва... если бы не был так рад видеть, ведь и вправду удавил бы! Ты так меня напугала, родная моя, так напугала!

Глава 36 Рэндан

Для Рэндана бесцельное ожидание было невыносимым, сродни издевательствам, пытке. Но сейчас он ждал. Не понимал, чего он ждёт, но сил решить что-то уже наконец не было.

То, что случилось между ним и Эйвой после охоты, сделало его счастливым, разлилось пусть и горькой, мимолётной, но радостью. Он смог обнять её, она далась, рука её ледяная на лбу — так бы умереть, потому что не надо уже ничего, лучше не будет, а вот хуже, как он понимал, может стать.

Смерть девчушки в городе его провернула. Стало так мерзко внутри, привкус гнили во рту — если бы раньше уничтожил мразь, то с девочкой всё было бы хорошо. Образ её тела, бледного, с яркими красными шрамами на нём, всё никак не хотел уходить из его головы и Рэндан грыз себя виной, хотя понятно было, что виноват не был.

Но и этого было мало. В один из дней Бэлт прибежал на конюшню.

— Там кавалерия, — произнёс он, нервно.

— Гвардия? — уточнил хмурясь конюх.

— Да... Уходим?

Рэндан вздохнул, дёрнул недовольно плечами и, пройдя в зимний сад, часть которого выходила на главный вход в дом, глянул, что там на деле происходит.

— Низшие, — удручённо прошептал за его спиной Бэлт, тоже выглядывая во двор.

— Уймись, ты чего засуетился? Синие мундиры, полк святой Вальды — хранители

короны. Им до тебя дела нет никакого, а вот будешь мельтешить — заинтересуются, — спокойно ответил Рэнд и пошёл обратно на конюшню.

— Думаешь, у них нет на нас бумаг? — Бэлт действительно начал нервничать.

— Разве что узнает тебя кто из знакомых, — ответил конюх и глянул на товарища с усмешкой. Тот повёл недовольно головой и фыркнул.

Но после того, как отряд отбыл, Эйва словно пропала.

Если до того, она заходила к Рэндану, проверять как заживает рана, правда он был сам не свой из-за умершей девушки и казалось снова напортил всё только кое-как наладившееся с горничной, то теперь она не только к нему не приходила, она и вниз к слугам не спускалась. Не ела с ними, хотя и Рэндан не ел, потому что всё ещё выворачивало от вида Юллин, но от Бэлта знал, что Эйвы нет.

— Янра сказала, что первый наследник Эйву знает, — рассказал как-то Бэлт, после того, как вернувшись в их комнату после ужина, растянулся на своей кровати. — Обнял её, когда увидел.

— И? — спросил Рэнд.

— Что и? — развёл руками товарищ. — Сама Эйва ей ничего не сказала, странно правда, они же в одной комнате живут. А господа ничего не обсуждают. Как вымерло всё.

И Рэндан тоже ощущал это. Странное чувство оторванности поместья от всего остального мира не покидало его.

А ещё тоска по Эйве была невыносимой. И тревога...

— Рэндан, Бэлт, надо за его милостью присмотреть, — Эйва внезапно возникла на кухне утром, обеспокоенная, полная нервного волнения.

— Эйва, милая, — всплеснула руками Яци, увидев горничную.

— Зачем за ним следить? — отозвался Бэлт.

— Где он? — Рэнд увидел, что это важно.

— Выходит из дома, — и во взгляде её было столько благодарности.

Конюх кивнул и развернулся на выход.

— Рэндан, только...

— Я понял, незаметно, — глянул он на неё через плечо, Эйва улыбнулась и кивнула.

— Спасибо.

Тревога женщины была вполне обоснованной. Его милость Иан Шелран хромал до самого Хиита, там добрался до гостиницы. В ней он попросил налить ему выпить, и продолжил пить, пока не впал в состояние беспамятства.

Рэндан, когда господин Иан был уже в приличном подпитии, сел всё-таки с ним рядом. Младший Шелран что-то промямлил на это, сказал, что нянька ему не нужна, выругался, потом предложил выпить и конюху, что-то вроде “пей или вали”. Ещё не очень внятно, но рассказал пару историй про войну, про брата, всплакнул, снова выругался, а вот потом уткнулся в стол лбом и забылся пьяным сном.

К тому времени как раз приехал предусмотрительно вызванный конюхом из поместья Бэлт. Герцог отдал распоряжение, младшего брата вернуть в дом, так что Рэндан с товарищем выполнили указание.

В доме младшего Шелрана разместили на диване в библиотеке, хотя конюх и предлагал отнести его наверх.

— Что с ногой? — спросила Эйва, которая была с герцогом в библиотеке. — Он ведь в город пешком шёл?

— Дурень... — ругнулся старший Шелран и глянул на рану брата.

— Выглядит плохо, надо было его к лекарю в город, — с сомнением произнёс Рэнд, заглядывая через плечо герцога, видя, что рана весьма скверно выглядит, а нога серьёзно опухла.

— Можно компресс сделать, — заметила Эйва. — Лекарства ему всё равно не дать, он же пьян.

— Сделаешь? — спросил её Верон.

— Да, ваша светлость, — ответила горничная, и от Рэндана не ускользнуло, что на это герцог повёл головой, хмурясь, словно она что-то странное сказала. Хотя может это на конюха выпивка так подействовала, что начал видеть то, чего нет, или ревность опять...

Но он был рядом с Эйвой и так тянуло к ней, в глазах темнело.

— Лисичка, — Рэнд вышел следом за ней, поймал за руку. Она глянула на него с мольбой. — Что происходит?

— Я расскажу, — шепнула она, оглядываясь на лестницу и библиотеку.

— Когда? Тебя будто в доме нет.

— Я приду сегодня, хорошо?

И он нахмурился, кивая и отпуская её.

На обед и ужин она снова не спустилась. Рэндан доделывал дела на конюшне, потому что сидеть без дела было совсем мучительно. Он думал, что Эйва не придёт.

Снова скручивало это состояние, что он её потерял, вот как было уже, но он убеждал себя, что это просто потому что истосковался по ней, потому что понадеялся на то, что всё будет хорошо, что она и вправду его простит, даже появилась какая-то невероятная надежда на будущее. Глупая такая, призрачная, да даже нет — пустая... какое будущее? Он же смертник...

Уже стемнело, когда краем глаза Рэндан уловил, что у дверей конюшни кто-то есть. Это была Эйва. Бледная, как и её сорочка, в которой была, в глазах её была потеря. Он втянул воздух, сделал к ней шаг, внутри разлился страх, что это всего лишь её призрак, видение, которое сейчас исчезнет и это будет всё, что ему останется от неё.

Рэндан остановился в полушаге от женщины. Всмотрелся в белое лицо, такое неживое, в отсветах горящих здесь фонарей. Этот свет не дарил тепла, а словно забирал его. Мужчина прищурился, пытаясь взглянуть в неё, увидеть то, что было скрыто. И видел только горечь, бездну и потерю.

— Что произошло? — спросил он, беспощадно ругая себя за то, что переживал последние дни из-за мёртвой незнакомой девицы, а надо было видеть, что умирает что-то внутри женщины, которая была для него воздухом — её не станет и он задохнётся.

Эйва мотнула головой, в глазах были слёзы. Рэндану показалось, что она хочет уйти, что пожалела о том, что пришла.

— Нет, стой, шельма, — прошептал он и поймал её, притянул к себе, всё всматриваясь в глаза, в лицо. Рэнд не знал, что хотел, или что мог увидеть. — Теперь плохо всё, да? Вот теперь...

Она зажмурилась, слёзы полились из глаз, голова безвольно упала на грудь.

— А я думал, что тогда было больно, но вот как... тогда было плохо, но сейчас... — проговорил Рэнд, пытаясь заглянуть в её лицо. — Объясни мне, шельма...

— Не могу, не хочу... — с горячностью зашептала Эйва, — не надо...

И готовый ловить её, он сжал её, но она не вырывалась, а наоборот — вцепилась в него,

прижалась с какой-то хрупкой решимостью. И Рэндан не стал спорить.

Эйва обняла его шею, потянулась к нему, и взяв на руки, он отнёс её в сеник, усадил на тюк сена, так, что горничная оказалась прямо перед ним. И пусть это было неправильно, но почему-то было чувство, что слова ей сейчас не нужны, ей нужна близость. Слишком грубо, пусть, но это он мог, если она просит, он может сделать её счастливой, хотя бы так.

Она обхватила его ногами, когда он был в ней и всё не отпускало чувство, что это нереально, словно во сне. Хотя был с ней столько раз, но вот этот был таким едва уловимым, ненастоящим и оттого острым, жестоким.

Эйва задрожала в его руках, и Рэндан отпустил себя, принимая, пропуская через себя её дрожь, хотел оставить её, как всегда делал, потому что нельзя было быть опрометчивым и бездумным, но она не отпустила. Он замер, пытаясь осознать происходящее, но было поздно — мужчина рыкнул в неё проклятием, изливаясь внутрь и пугаясь, потому что встретился с её взглядом.

— Эйва... — страх, кажется забрал его голос. — Это последний раз? Больше тебя у меня не будет?

Она с ним прощалась. Теперь по-настоящему.

— Прости... — проговорила она одними губами.

Он упрямо повёл головой, не желая принимать реальность — лучше бы это осталось сном.

— Дай мне слово, что не уйдёшь, пока я буду здесь, — прошептала Эйва, обнимая его, отчаянно прижимаясь всё ещё дрожащим телом.

— Пока будешь, — повторил он, словно в бреду. — Будешь сколько?

— Не знаю.

— Ответь, что происходит, шельма, прошу тебя, — и он с силой оторвал её от себя. Было необходимо понимание, иначе он сойдёт с ума.

— Не могу, не могу, прости, тебе не могу, — замотала головой Эйва, умоляя полным отчаяния шёпотом, давясь слезами. — Пожалуйста, Рэндан, можно хотя бы с тобой останусь самой собой? Я не хочу... просто, чтобы ты знал меня такой, какая я есть на самом деле. И тебе потом скажут, что-то про меня, а ты ответишь, что это всё неправда, потому что я не говорила тебе этого, а значит они все врут... прошу тебя, Рэндан, пожалуйста.

— Тише, тише, лисичка моя, — и он видел, как ей отчаянно страшно, как она теряет себя, и цепляется за него, будто тонет в этой потере, а он был тем, кто может её спасти. Помнить её, говорить о ней — у него не было этого всего, не было времени. С ней было, потому что он оставался с ней, только с ней, даже не видя её, не слыша, просто зная, что она где-то рядом, он был здесь. А без неё не будет ничего этого. И её просьба сейчас... — Я останусь, останусь, лисичка моя, не плачь. Не говори ничего, не надо. Мне не надо.

И он целовал её мокрые щёки, ощущая во рту соль слёз, не зная уже, она это плачет или он вместе с ней. И хотелось целовать, гладить, обнимать.

— Когда я маленьким был, силки на птиц учился ставить, — произнёс он тихо, когда она немного унялась и он сидел на сене, прислонившись спиной к стене, крепко прижимая её к себе. — Отец учил. И мне в силки лисёнок попался. Наверное птицу хотел поймать. Маленький, как бельчонок. Я его выпугал и оставил. А он никуда не убежал. Я его прогоняю, а он отбегает и обратно ко мне. И я его, дуралей, притащил домой.

Это воспоминание было таким ярким, далёким вроде, но сейчас, пропуская сквозь пальцы волосы Эйвы, Рэндан явственно ощущал тепло лисьего меха под рукой.

— Мы с отцом жили в лесу, он лесником был. Ругал меня, когда я лисёнка притащил. А я тогда не знал, что лисята могут далеко от своих нор убежать, — он прикрыл глаза и с грустью улыбнулся. — Но нести обратно было глупо. И он остался со мной. Она точнее. Такая была ласковая, знаешь, и смешная. Спала со мной. И фыркала, когда я её гладил. И как-то мы с отцом домой в селение пошли, к маме, сестре. Младших не было тогда ещё.

Он нахмурился.

— Я шельму закрывал в доме обычно, если мы уходили. Она потому что за мной бегала. И тогда, знаешь, я долго себе говорил, что нечаянно так вышло, что она смогла убежать, что я её плохо закрыл. Но... просто... мне хотелось, чтобы все увидели, что у меня есть шельма ручная... Но селение и лисица это беда... — и Рэндан задохнулся от этого воспоминания, от скорби, и боли первой своей настоящей потери. — Я не смогу без тебя, прости, не смогу, ты мой воздух, Эйва. Я с ума без тебя схожу...

“Не оставляй меня...”

И он хотел сказать ей это раньше, хотел, но не мог, а сейчас, не было смысла в этих словах, но надо было их сказать.

— Рэндан, — всхлипнула она снова.

— Прости, — повинился он, целуя глаза, лоб, прижимая её к себе. — Прости.

— Можно я останусь с тобой? — попросила Эйва.

И Рэндан захотел взвыть. Она говорила про сегодня, но на самом деле про всегда...

И он так силился не спать, смотрел на неё, словно и вправду видел в последний раз. Теперь уже точно. Больше не увидит, не почувствует. Как точно знал, что завтра будет пасмурно, но тепло, как знал, что смерть стоит совсем рядом, как чувствовал, обычно во время боя конец... не свой, а вот того, кто рядом. А теперь это был он.

И последняя близость, когда солнце почти встало, до колкой боли на кончиках пальцев — её кожа жглась, а он уже не помнил о том, что ребро всё ещё болит. Не важно будет, когда расстреляют, потому что вчера, когда его милость был в гостинице, Рэндан видел там офицеров королевской гвардии и на этот раз в зелёных мундирах, а это значит, что найдут... или он сам к ним придёт. Потому что душа отчаянно болела. Внутри сердце рвалось.

Утро забрало у него Эйву. Оставив внутри пропасть пустоты и отчаяния.

А день наполнил площадку перед конюшнями гвардейцами в зелёных мундирах. Бэлт застыл у калитки, не успевая скрыться, и Рэндан видел потерянное лицо друга, а ещё перекошенное ненавистью лицо старого дворецкого Шелранов, который тыкал в их с Бэлтом сторону и кричал проклятия.

Рэндан не стал сопротивляться, Бэлт дёрнулся к дому, но был свален жёстким ударом на землю. Где-то вскрикнула Ниилла Шелран. Рэндан повёл головой в сторону возгласа и увидел побледневшую вдовствующую графиню, застывшую на дорожке возле зимнего сада.

— Не надо, пожалуйста, — прошептала она и хотела было пойти к Бэлту, но путь ей преградил гвардеец.

— Не трогайте её, — рыкнул Бэлт, сплёвывая кровь.

— Вы не можете их забрать без ведома герцога, — внезапно очень решительно произнесла она, — не имеете никакого права! Это наша земля, даже если они преступники, вы обязаны объясниться!

Лейтенант что-то ответил, потом переглянулся со своим сержантом. Тот повёл плечами.

А её милость прошептала “я сейчас” и убежала в дом. И Рэндан мог поклясться, что она

сейчас была самой вменяемой женщиной на свете.

Глава 37 Эйва

На самом деле, несмотря на постоянное внимание, обращенные к ним взгляды, сплетни, закрытость первого наследника и совершенно разгульный образ жизни второго, мало кто действительно знал Жайнэ и Гаяна. Но Эйва знала. И очень любила. Избегала говорить с них, не то что упоминать о знакомстве, при чём достаточно близком.

Нет, она не росла вместе с ними, не было в её жизни чего-то такого удивительного. Хотя Рьена всегда говорила Эйве, что даже то, что есть, это невероятно, правда ни разу не просила познакомить её с кем-то из принцев. Эйве казалось, что подруга просто стесняется и не считает себя достойной того, чтобы быть не только знакомой с наследниками, но и находиться с ними в одной комнате.

Правда это было мелочью — Гаяну было плевать на условности и правила, он окружал себя как дворянами, так и простолюдинами, а порой так вообще полнейшими проходимцами. И что-то говорило Эйве, что Рьена побывала в круге его интересов какое-то время, просто оставила это для себя, в этом они были очень похожи — умели держать язык за зубами.

Сама Эйва много раз отказывала Гаяну прямым и категоричным “нет” на его постоянное: “Эйва, я хочу тебя”. Стыд для второго наследника был понятием удивительно бесполезным — он во всём был открытым и прямолинейным. Невообразимо избалованный мальчишка, который получал всё, что хотел.

Однако Эйва знала его и другим.

Это Гаян упрямо не хотел покидать её, когда она лежала при смерти, избитая, изрезанная, осквернённая и растерзанная. Это он держал её за руку, глядя пальцы и приговаривая, что всё будет хорошо. А потом, когда Эйва была уничтожена страхом, потеряв почти все счастливые воспоминания из детства, не могла выйти из комнаты, в которой жила с бабушкой и матерью, Гаян настоял на том, чтобы её величество разрешила забрать девочку в загородную резиденцию королевской семьи, где оба наследника обычно проводили лето. А потом уговаривал и саму Эйву.

То лето останется с ней навсегда, уютное отношение, тепло людей, которые трепетно и по-родному к ней относились, хотя могли этого и не делать.

Иногда ей казалось, конечно, что это всего лишь прихоть Гаяна, что-то из этих вечных его “я хочу и будет так”. Эйва накручивала себя, что это всего лишь необычное развлечение капризного мальчишки-принца. Но время шло, а его отношение не менялось, хотя менялся он. Становился неуправляемо дерзким, безрассудным, скверным и похотливым. Она видела это разложение. Но как повелось, она попала летом в загородный дворец, и сталкивалась с совсем другим Гаяном.

С одной стороны он был бесцеремонным и наглым, но с другой уязвимым и нежным.

— Эйва, — шептал он ей в шею, когда внезапно сгребал в объятия, подходя сзади. Он быстро перерос её и несмотря на разницу в возрасте почти в пять лет, был выше и внушительнее неё, хоть и младше. — Я тебя хочу.

Красивый, невероятно красивый, молодой, сильный. В его постели была невообразимая толпа, но он сбегал оттуда и в одних нижних штанах прижимался к ней и, совершенно не переживая о приличиях или смущении, просил её о близости.

И это была не шутка, он был серьёзен.

— Нет, — отвечала она.

— Почему?

— Потому что нет. На что я тебе сдалась, Гаян? — спрашивала Эйва, а на деле иногда просыпалось внутри желание, потому что было безумием отказывать такому, как второй наследник. — Если я скажу “да” — всё исчезнет. Что ты будешь делать со мной? Так же как с остальными?

А он упрямо мотал головой:

— Сделаю своей супругой, — заявлял он что-то весьма для себя очевидное.

— Ты с ума сошёл, Гаян?

— Ты красивая, безумно красивая Эйва, — шептал он. — Мне никто был бы не нужен.

— У тебя там в постели первые красавицы и красавцы королевства, — качала она головой. — Что за глупости?

— Нет, — просто отвечал он. — Красота не здесь, она вот здесь...

И Гаян клал ладонь на её грудную клетку.

— Душа у тебя невероятно красивая, Эйва, — и ей хотелось рыдать от этого его простого и такого по-детски открытого признания.

— Иди спать, — ворчала она, смущаясь.

— Там негде, — отвечал второй наследник.

— Выгони их.

— Не могу.

— Почему?

— Они скажут, что это не я. Никто не поймёт. Можно посплю с тобой?

— Хорошо, — отвечала Эйва, вздыхая и улыбаясь. Потом хмурилась шутливо и отрезала: — Только спать.

— Эйва... — хныкал в неё второй наследник.

— Нет!

И она ложилась, а Гаян ложился рядом и обнимал её, утыкаясь в плечо, будто ребёнок. И просил почитать стихи, которые она знала наизусть. И она читала — роли из пьес Рефэра, Одейна, поэмы Блеста. Гаян их обожал.

— Знаешь, — прошептал он как-то, — ты мой якорь, Эйва. Без тебя меня давно бы снесло в открытое море. А рядом с тобой, твоим этим упрямым дурацким непоколебимым, как скала, бесполезным “нет”, я чувствую себя собой, помню какой я.

И Эйва гладила его по волосам, целовала в висок, продолжая читать наизусть поэму Блеста про острова в открытом море, небеса, потерянные души и птиц. Романтичное и очень печальное.

В поисках брата, к ней приходил Жай, ворчал на Гаяна, что тот опять почти голышом залез к Эйве в постель, говорил что-то про честь и приличия. На что младший брат всегда просил его заткнуться, потому что мешает слушать стихи, а что до чести, то мол он готов связать свою жизнь с Эйвой хоть сейчас, и вопрос про честь будет закрыт.

Жай фыркал и ложился на кровать с другой стороны. И уже, когда сон утаскивал за собой Эйву, старший брат пытался вытянуть от неё младшего, но никогда ничего не получалось, и в конечном итоге так они оба и оставались спать с ней рядом.

И да, это было ужасно. Такое падение нравов и сплошной грех, но для Эйвы оба они были скорее братьями, друзьями, родными людьми. И хотя она знала, что то, что между ними происходит, странно и ненормально, но на деле не было ничего более чистого и сокровенного...

Когда Гаян заключил её в свои объятия, ей захотелось разрыдаться. Эта его злость на неё, что Эйва пропала без следа. Она ведь и подумать не могла, что он переживает за её жизнь, думает, что она в опасности.

И конечно это её смущение — ей никогда ничего не было нужно от них. Она была их другом, поверенным, понимающим соратником, той, кто всегда была на их стороне несмотря ни на что, конечно не надо было так поступать с ними...

— Нельзя так поступать с теми, кому дорога, Эйва, — вторя её мыслям, прошептал ей в волосы Гаян. — Нельзя...

— Прости, — всхлипнула она. — Прости меня, родной.

И так было не принято, категорически — нельзя было так обращаться к наследнику, но Эйва точно знала, что, если Жай стерпел её официальное обращение при Шелранах, то Гаян терпеть не будет. Второму наследнику было всё равно в принципе, и уж тем более на Шелранов — половина семьи была у него в постели и к ним было определённое отношение, а Верон был хорошим другом Жая.

— С твоей стороны было ужасно так с нами поступить, — проговорил Гаян, когда вытащил её на улицу из дома, чтобы поговорить наедине. Они устроились на скамейках в саду, он небрежно растянулся, вытянув ноги на стоящую рядом вторую скамью, а Эйве пришлось, как в юности сесть в угол, который он образовал своим телом и, подтянув под себя ноги, обнять их.

— Я не думала...

— Не думала, что я буду переживать? — возмутился принц. — Шутишь? Ты же никогда не была дурой, Эйва!

— Может была?

— Пфф, нет. Добрая и слишком, слишком скромная, — повёл он головой, но уже было видно, что негодование в нём улеглось. — Я уже собирался в болотах Янси твоё тело искать.

— Ты нашёл бы там много тел, — отозвалась она. Место это было страшным. Там велись ожесточённые бои во время войны и в тех местах сгнуло очень много солдат с обеих сторон.

— Ладно, ты может считала меня бесчувственным засранцем, — проговорил он, вздыхая. — Жая бессердечным умником... но мама. Эйва... о маме надо же было подумать. Ты же ей не чужая.

И конечно Гаян был прав — её величество всегда очень тепло относилась к Эйве, считая её маму практически своей сестрой. От этого укора на глаза навернулись слёзы.

— Прости... я была так... потеряна. Театр был моей жизнью. Ты же знаешь, как сильно я любила всё это, любила быть внутри, любила творить эту сказку, создавать из слов действие. И...

— И? — вздохнул он. — Горничная? Серьёзно?

— Я больше ничего не умею, — ответила Эйва.

— Жай прислал официальную бумагу с предложением руки, — проговорил второй наследник.

— Да. Вчера, — подтвердила этот уничтожающий её факт женщина. — Его светлость мне отдал.

— Его светлость... — передразнил её Гаян, — пффф... Почему ты не соглашаешься?

— Гаян, перестаньте... оба.

— Нет. Нет Эйва! Не могу, не проси, — он упрямо повёл головой. — Объясни мне идиоту, что не так.

— Гаян! Ну какая из меня супруга наследника? — выдавила из себя она.

— Замечательная, — отрезал его высочество.

— Я же служанка! Я всю жизнь работаю... я...

— Так это прекрасно, — отозвался он. — Моя работа мало чем отличается от твоей. Разве что не руками работаю. А служение в сути своей такое же.

— Гаян...

— Это правда хуже, чем быть горничной?

Она мотнула головой, упрямо. Это было так безумно, просто слов не найти.

— Ладно, — кивнул Гаян и этот кивок ничего хорошего не сулил. — Нравится быть горничной, будешь ею при мне.

— Что?

— Ты действительно думаешь, что я тебя здесь оставлю? — он приподнял бровь, посмотрел на неё испытывающе. И ей нечего было ответить.

— Я... — начала было Эйва, но не получилось.

— Нет. Я не Жай, я не чистюля, не педант, ненавижу все эти расшаркивания. Ты меня знаешь, — отрезал Гаян. — Я не оставлю тебя здесь. Будешь штопать мои рубахи, а не рубахи Шелранов или платья Ланиры. Я не буду вежливым, терпеливым, аккуратным, деликатным, каким там может ещё быть мой брат. Я приехал сюда с намерением тебя забрать. И я сделаю это. Есть лошадь, не согласна — я тебя силой увезу. Только тогда приготовься к неудобствам в дороге.

И Эйва знала его слишком хорошо, чтобы надеяться уговорить его.

— Гаян, — и она чувствовала, что это в нём не просто так.

— Я с тебя глаз не спущу.

— Что случилось?

Он вздохнул. Прикрыл глаза.

— Отец очень плох после нападения. Здоров, но только физически, — ответил принц. — А у мамы был удар.

— О, богиня... Как она? Почему Жай не сказал?

— Это была причина, по которой ему пришлось уехать так спешно, а я не смог приехать сразу, как узнал, что он тебя нашёл. Если бы не мама, то я бы был здесь на следующий день после него, Эйва.

Гаян мог быть сотню раз безумным пошляком, бабником, игроком, повесой, но он был предан своей семье. Он обожал свою мать и очень уважал своего отца, искренне любил брата.

— Вокруг очень мало людей, которые нам верны, — произнёс он. — По-настоящему. Если бы ты согласилась на его предложение, это бы так помогло...

— Помогло? Чем? — и Эйва не понимала, что её согласие может сделать.

— Это развязало бы мне руки на два года. Я смог бы устранить всех тех, кто сейчас так активно пытается перегрызть нам глотки, — ответил принц. — И тебя я здесь не оставлю ещё и по причине того, что один из этих людей Трэйос. И уже тогда было понятно, что внутри нашего близкого круга есть предатель.

— Ты знаешь кто? — Эйва с неприятием вспомнила, как однажды невольно подслушала весьма неприятный и опасный для неё разговор между двумя приближёнными к королевской

семье придворными. Передала его Гаяну. Это было в последний год войны.

— Теперь знаю, — кивнул второй наследник. — Но поздно — попытка покушения на отца уже была.

— Кто? — всё равно спросила Эйва.

— Линга, — ответил Гаян. И эта женщина была близкой подругой первого наследника, очень близкой.

— Подожди, она же так любила Жая, была предана ему, — Эйва всегда чувствовала ревность этой девушки направленную на неё. — Когда только услышала про свадьбу наследника, о тебе вообще не подумала, думала, что это Жай и Линга.

Его высочество ухмыльнулся.

— Да на деле как-то так и было. Слухи пошли. Свадьба намечалась. Как бы мне было не тошно от всего этого, но благо, что мы выяснили всё до того, как случилось непоправимое. А мой брак...

И Гаян нахмурился. Было понятно, что один брат заменил другого. Спешность замены давала осознание, что выбор невесты был весьма корявым, хотя Эйва и не видела выбранную в супруги второго наследника дворянку.

— Я не хочу просить тебя, не хочу вынуждать... — и было видно, что второй наследник говорит с трудом, — мне неприятно это, даже несмотря на то, что я не понимаю того, что тебе хочется мыть, стирать, обхаживать, но и... аааа...

И он запрокинул голову и потёр глаза. Потом махнул рукой:

— Плевать! — и посмотрел на Эйву. — Но если бы ты сказала “да” Жаю, то ты спасла бы его от всего того дерьма, что льётся сейчас ему на голову во воле Линги, чтоб её нихры сожрали. А меня от брака с женщиной, от которой меня воротит.

И он горько усмехнулся.

— Со мной такое впервые. И мне было бы плевать, если бы я мог хотя бы находиться в её обществе, но я не могу. Я согласился только поэтому, — искренне проговорил Гаян. — Думал — ну, а что такого? Буду её иметь иногда, она будет рожать детей, и ладно. Но я не могу даже смотреть на неё. И понимание, что это навсегда, меня пугает до остоленения. И она будет жить с моим отношением к ней. И да, династические браки порой беспощадны, но я просто не могу справиться с этим.

— Что с ней не так? — спросила Эйва, удивляясь, потому что перед ней сидел человек, унять которого не могло бы и с десяток женщин, при чём самых разных.

— Всё! Всё не так. И я смирился бы, если бы она была, например, красива, не беспросветно глупа. В постели это не важно, а всем им, — он кивнул куда-то вперёд, видимо подразумевая людей, — им-то вообще наплевать умная она или дура. И я бы справился, если бы она была страшна, но умна. Ты ведь знаешь... помнишь Анэту?

— Да, — кивнула Эйва, вспоминая одну из его любовниц.

— Она же была невыносимо страшной. Это её неестественно вытянутое лицо, нос... какой у неё был нос. Тонкие губы, и вся она была такая костлявая... но голос, — и Гаян блаженно улыбнулся. — Какой у неё был голос! Это же божественно было. И она была такая свободная, боевая что ли. Плевать, что была некрасива, было другое. Или Миву? Помнишь крошку Миву?

Эйва хихикнула. Это была очаровательная дочка разорившегося графа, пухленькая, круглая. Как-то одна из придворных девиц зло обозвала её крошкой, стараясь задеть большее, и это прозвище привязалось, но знала бы та девица, что именно из-за этой злой шутки Гаян

обратил внимание на Миву.

— Какая она была? А? И не важно, что была такой... большой... её тело было не важно. Лицо, это милое лицо. А ум? Какой у неё был ум и острословкой была, нихра! Всех этих куриц жеманных делала. Или Матиль?

— Гаян, не смей говорить мне о влечении к моей бабушке! — и Эйва стукнула его кулаком в ногу. — Это мерзко!

— Но она была прекрасна даже в шестьдесят! Нет? — парировал он. — А тут... она уродлива, беспросветно глупа... не за что даже зацепиться. Голос, взгляд, волосы... даже походка. Вроде она благородная, дворянка, её же учили ходить, но я вижу, как она идёт и мне хочется удавиться. Особенно, если она идёт по направлению ко мне. И я знаю, что она найдёт того, кто будет видеть в ней что-то, чего я никак не могу найти. И я буду счастлив за неё, просто я уже устал искать.

— И всё же я не понимаю связи...

— Если ты согласишься на брак с Жаем, я могу отложить свой брак на два года и вплотную заняться вопросами связанными с попытками удавить дом Па'Араст, — пояснил второй наследник. — И так как я почти точно знаю, что отец моей будущей супруги тоже в этом замешан, то от неё у меня тоже будет возможность избавиться.

— Почему два года?

— Столько времени дают, чтобы родился первенец, — пожал плечами Гаян. — А, если не родится, будут снова жать меня.

— Не будет никаких наследников, ты же понимаешь? — прошептала Эйва.

— Да. Но это и не важно — на тот момент, я буду готов к браку. Есть два варианта для меня — как раз один подрастёт до нужного возраста, а другой будет в отчаянии и вполне возможно я браком смогу прекратить войну и расширить границу королевства.

— Не понимаю, — Эйва нахмурилась и склонила голову набок.

— Я думаю в сторону дочери правящего дома Санды. У них нет шансов против Тьена, правда война дело такое. Порой вроде победа очевидна, но... — принц повёл бровью. — А иногда всё решает время. В общем думаю, что нам нужно будет в это влезть. Брак был бы очень кстати. Но исход дела будет ясен только года через полтора.

— А второй вариант? Точнее первый.

— Дочь Лар Вайдена. Ей через два года исполнится восемнадцать.

— Породнишься с Шелранами, — слегка ухмыльнулась она.

— Да... да... супруга Иана ведь его племянница? Лар Вайдена, — уточнил его высочество.

— Да.

— Как Ланира? — спросил он внезапно.

— Видимо беременна, — ответила Эйва.

— О, Верон молодец? — ухмыльнулся Гаян.

— Это всё очень зыбко. Они думаю ещё долго не объявят. Это её четвёртая беременность, — вздохнула Эйва. — И кажется отец Иан.

— Четвёртая? А остальные? — нахмурился второй наследник.

— Неудачно, — прошептала она, а принц продолжил хмурится. — Скучаешь по ней?

— Пффф, — он повёл головой. — Она прекрасна. Мы с ней похожи. Но по Иану скучак больше.

Эйва рассмеялась.

— Ты же любил её.

— Нет. Никогда. Я люблю женщин, которые мне говорят “нет”. Искренне и самозабвенно! — и он погладил её по бедру. — И можно будет сделать так же, как Шелраны. Ты и я... сделаем наследника?

— Гаян, — Эйва снова легонько стукнула его и гневно нахмурилась. — Ужасный, ужасный мальчишка!

— Ну, что Гаян? Что? Ужасный, — и он погладил её ноги, спустился ниже и положив руку на щиколотку, улыбнулся самой своей невинной улыбкой. — Вдруг передумаешь?

Она улыбнулась и замотала головой.

— Ладно, собирайся, а мне надо с Ианом поговорить. Жаль времени нет прижать его. И он так вроде немного не на двух ногах стоит?

— Да...

Но больше она ничего не смогла сказать, потому что возле конюшен началась возня, топот копыт, крики.

— Что это? — спросил Гаян больше у себя, чем у Эйвы.

Мимо них из дома пробежала Ния. Первый наследник нахмурился, свистнул одному из двух своих людей, стоящих возле дверей в сад и глаз с них с Эйвой не спускающих.

У Гаяна была своя собственная охрана. Лучшие гвардейцы — кавалеристы, пехотинцы. Офицеры и простые солдаты. Он набрал их понемногу и отовсюду. Можно было сказать, что это были избранные воины.

Хотя его, как и членов королевской семьи должны были охранять гвардейцы из полка святой Вальды, но Гаяна это не устраивало.

На деле же это были этикие отборные головорезы, при чём как знатные, так и простолюдины. Они были преданы второму наследнику безоговорочно, их чёрно-синие мундиры вызывали у окружающих только одну реакцию — страх. С ними не хотели связываться ни в мирной жизни, ни в бою. Когда-то Иан Шелран тоже носил такой, когда был среди приближённых второго наследника, но после вступления в брак Гаян его отпустил, точнее перевёл в полк хранителей королевской семьи.

Но как правило при втором наследнике всё равно был кто-то из гвардейцев, носивших синие мундиры хранителей королевской семьи. Сейчас именно такой молодец, как видела Эйва, если не ошиблась в знаках различия, в чине майора, подошёл к его высочеству и почтительно склонил голову.

Гаян жестами показал ему, чтобы он глянул, что там происходит. Но Эйва внутренне поняла, что случилось. Сердце забилося как шальное. Быть беде — она точно знала, что Рэндан сдастся, даст себя расстрелять.

— Там зелёные мундиры мельтешат, — ответил майор, вернувшись.

— Хм... — нахмурился второй наследник.

— Гаян, — ей надо было что-то делать. Она знала последствия, но выхода не было. Всё уже было решено. — Выполни одну мою просьбу.

— Хм? — и он приподнял бровь.

— Прошу тебя, — прошептала Эйва. Ей было не до его шуток, хотя он конечно не шутил.

— Что хочешь, любовь моя.

— Помилования.

Он указал пальцем в сторону конюшен и Эйва кивнула.

— Рассказывай.

— Это слуги герцога, — она старалась говорить коротко, потому что каждая минута была на счету. — Они беглые. Военные. Одного приговорили к смерти, второй его спасал.

— За что к смерти приговорили? — спросил Гаян.

— Убийство, — выдавила из себя Эйва.

— Хм...

— Он не совершал его, — мотнула она головой.

— Ты слишком добрая, — слегка улыбнулся Гаян.

— Нет. Он хороший человек, — глаза предательски защипало, хотя она очень старалась обойтись без рыданий. — Они оба очень хорошие.

Ния пробежала назад в дом, лицо её было заплаканным, испуганным и бледным. А возня от конюшен кажется двинулась к ним.

— Обмен? — спросил второй наследник не отрывая взгляда от Эйвы. Ему не интересна была ни Ниилла Сэнори, ни возня зелёных мундиров.

— Гаян... — шепнула Эйва.

— Ты меня знаешь, — сказал он тихо, но решительно и безжалостно. — Даже не пытайся взывать к совести, милосердию и прочим соплям. Если я могу этим воспользоваться, я сделаю это. И ты можешь обижаться на меня, но ты меня простишь. Я знаю. Мы помиримся, потому что любим друг друга, а я расшибусь делая так, чтобы ты была счастлива. И ты сделаешь моего брата счастливым.

— Счастливым?

— Ты всегда умела слышать его, понимать. Принимать. Ты будешь предана ему. Больше ничего не надо.

И Жайнэ был невероятно чутким, уязвимым, скромным и всегда полным стеснения человеком. Его смущало то, каким он был, Эйва знала, что первый наследник пытался изменить себя, но у него ничего не выходило. И она действительно искренне любила его, ей нравилось его общество, а ему было хорошо в её. Как-то Гаян даже заметил, что при ней в Жае нет этого невыносимого смущения, которое в старшем брате очень раздражало младшего. Но всё равно...

— Ну какая из меня...

— Эйва... — он устало вздохнул.

— А шрамы? — вцепилась она за последнюю свою надежду. — Разговоров не избежать. При дворе такое обожают. Я не посмею опозорить...

— Тссс! — поднял руку Гаян и лицо его стало злым. — Я лично вырву язык тому, кто скажет про это хоть слово. Ясно?

Гвардейцы в зелёных мундирах прошли по дорожке, нещадно вытаптывая садовые цветы вдоль неё. Они тащили избитого Бэлта, Рэндан шёл сам. Путь им преградил майор, тот что был в синем мундире.

— Какого? — ругнулся кто-то из зелёных. — Если вы хранители короля вам всё можно? У меня тут смертник.

Лавочки, где сидели Гаян и Эйва были скрыты в зелени.

— Бумаги у них забирай, — крикнул второй наследник. И когда офицер в зелёном мундире повёл головой, то майор просто вырвал бумаги из его руки, и двинулся в сторону Эйвы и Гаяна.

— Господин майор... — крикнул гвардеец.

— Заткнись, а? — ответил офицер из отряда второго наследника.

Гаян забрал бумаги с описанием преступников, обвинениями и их приговорами, стал читать про себя. Эйва не видела написанного. Лицо второго наследника изменилось.

— Ну что? — глянул он на неё.

— Хорошо, — согласилась Эйва. — Я приму предложение Жая.

— Рэндан Ярт, капрал, шестой пехотный, разведотряд. Расстрел.

Он глянул на второй листок и усмехнулся.

— Смотри-ка, — отдал ей бумагу Бэлта.

Эйва взяла в руки лист, пробежала глазами и обомлела, увидев знакомое ей имя:

— А я думала, почему он мне кажется знакомым...

— Не узнала? — ухмыльнулся Гаян.

— Я же видела его мальчишкой! — ответила Эйва.

Он кивнул.

— Верните бумаги, господин майор. Вы препятствуете выполнению приговора...

— Ну, пойдём посмотрим? — второй наследник встал и подал ей руку. — Заодно спесь с зелёных мундиров собьём.

Майор вышел на дорожку.

— Эй, господин майор, бумаги!

Но тут на дорожку вышел Гаян и офицер в гвардейцев побледнел.

— С каких пор уважение к старшим чинам не в чести? — спросил второй наследник, облакачиваясь на перила, что были вокруг сада, отделяя его от дорожки вдоль дома. Эйва встала немного сбоку, но со внутренней стороны сада.

— Ваше высочество, — выдохнул офицер. И все гвардейцы в зелёном склонили головы.

— Как же мне нравится этот эффект, — обратился Гаян к Эйве. — Не знаешь, почему на Жая так не реагируют? Выглядит он суровее.

— Потому что ты засранец? — проговорила она и точно знала, что все эти военные, а ещё Рэндан и Бэлт, сейчас весьма удивились. Но какая уже была разница?

— Не дуйся на меня. Ты бы сделала так же, — и принц махнул листками. — Нет?

Эйва повела головой и глянула на Рэндана. Он был цел, как она и думала — не сопротивлялся. Собирался умереть? Он вцепился в неё взглядом исподтишка, но смотрел... бездна в этих его глазах.

— Ты капрал Рэндан Ярт из шестого пехотного полка имени святого Явушза? — обратился к мужчине Гаян.

— Я, — ответил Рэнд, и тут же получил в бок от стоящего рядом с ним сержанта.

— Перед тобой его высочество, совсем уже? — прорычал сержант.

Эйва сжалась. Удар пришёлся в рану, Рэндан подавился сдерживаясь, чтобы не взвыть. Гаян нахмурился и она очень надеялась, что не заметил её реакцию. Но надежда была весьма хрупкой.

— Да что за? — ругнулся второй наследник, а майор сделал шаг вперёд.

— Он ранен, — сказала Эйва Гаяну. — В ребре трещина. Иана спас на охоте.

Гаян вздохнул и может им было невдомёк, но она точно знала, что значит этот обречённый вздох — сержант только что наверняка был разжалован в простые солдаты, без возможности снова получить какие-то привилегии. И это в лучшем случае.

— Позвольте мне продолжить, знаток этикета? — спросил у сержанта второй наследник.

Тот стусеивался, понял, что сделал что-то не то, опустил виновато голову.

— Ты тот капрал Ярл, который наводил переправу через Слюту? — продолжил Гаян, переводя взгляд на Рэндана.

— Да, ваше высочество.

— И твой отряд взял укрепления в Пире? — задал второй наследник ещё один вопрос. И это было в нём очень удивительным качеством — он очень серьёзно относился к своим обязанностям.

Как и все вторые сыновья дворян его высочество принц Гаян тоже служил. Понятное дело, он был вторым военным лицом в королевстве, после своего короля-отца, главнокомандующего армии. Но тем не менее несмотря на молодость и весьма вздорный нрав, в армии его уважали. Он был честным и справедливым.

И вот это было одним из доказательств его вовлечённости — он знал о каком-то там капрале, какого-то там полка, который сделал во время войны что-то важное. Пусть единичное, но Гаян его запомнил.

— Мы просто туда зашли первыми, — явно смущаясь, ответил Рэндан, — ваше высочество.

— О, это так называется? Почему в бумаге нет никаких сведений о твоих наградах? — спросил второй наследник. — Одна должна быть точно, я сам её выписывал.

На это конюх нахмурился.

— Крест святого Малия, — пояснил Гаян.

— Его забрал капитан, — отозвался Бэлт и наверное тоже получил бы за то, что сказал что-то, но за него предусмотрительно вступился майор, что был с Гаяном.

— Капитан? — переспросил его высочество и перевёл взгляд на Рэндана.

— Бэлт, — прохрипел тот, недовольно поведя головой.

— Да, ваше высочество, — отозвался на это Бэлт.

— Кто? — Гаян посмотрел на него.

— Сиварн.

— Сиварн? — и теперь взгляд перешёл на майора. — Это тот, что в штабе у вас сидит?

Подразумевался штаб полка святой Вальды.

— Безрукий, — кивнул майор.

Гаян ухмыльнулся, а в сад вышли Шелраны — Верон, Ланира, Шэйли и Иан. За их спинами стояла бледная Ниилла.

— Вот забавно, — глянул на хозяев дома Гаян, потом с озорством посмотрел на Эйву. — Знаешь, благодаря кому у Сиварна нет руки?

— Откуда мне знать? — ответила она.

— Благодаря капитану Иану Шелрану, — улыбнулся Гаян. — А ты говоришь, что справедливости нет.

— Нет.

Гаян вздохнул. Взял у майора походное перо и, приказав стоящему перед ним лейтенанту развернуться спиной, подписал один листок, потом другой.

— И заберите у Сиварна награду, — сказал второй наследник, отдавая перо назад.

— Да, ваше высочество, — тот жутковато улыбнулся и почему-то Эйве подумалось, что от этих можно ждать всего и кем бы ни был этот самый Сиварн, но он может теперь и второй руки лишиться.

— Копии у вас приказов этих есть? — спросил Гаян у лейтенанта.

— Да, ваше высочество, — ответил офицер.

— Поставь им мои отметки, — кивнул второй наследник майору, а сам отдал бумаги со своим росчерком о помиловании Рэндану и Бэлту.

— А ты?.. Так и остался поборником чести и совести? — придержал он лист в руках, когда Бэлт потянулся к нему. — Скажи мне, ладно Эйва не узнала тебя, судя по твоей целой части лица, я бы тоже не признал. Но ты-то? Ты тоже её не узнал?

Бэлт уставился на Эйву полными непонимания глазами.

— Ладно, допустим не запомнил красивую девушку, хотя мне это не понятно, — фыркнул его высочество. — Но ту, что спасла твою задницу от посягательств мадам Давье, должен был запомнить на всю жизнь! Если бы Виви до тебя добралась, то война показалась бы тебе полной счастья обителью высших богов. Я знаю о чём я говорю. Она была чудовищем.

И было видно, что Бэлта передёрнуло. Он вспомнил мадам Девье. Совершенно ужасная полная порока тётка, которая крутила мальчиков, развлекая самую отбитую часть дворянства, среди которых были старшие братья Бэлта, а ещё тот самый граф Сэнори, ставший по какой-то совершенно несправедливой дикости супругом милой и очаровательной Нииллы Шелран.

И на деле, хоть и говорили, да и сама Эйва так рассказывала той же Шэйли, но только потому что не надо было знать девочке что-то лишнее, но граф Сэнори и до того, как по нему прошла война, был отвратительным, гнилым и мерзким человеком. Трусом и подлецом. И Ниилле повезло, что, почти сразу после их бракосочетания, его забрала война, жаль только не сожрала. Очень жаль.

А Девье была с ним одной породы. Эйва поморщилась:

— Зачем ты вообще её при себе держал. Жуткая тётка, — буркнула она Гаяну.

— Эта тётка лишила меня девственности, — глянул он на неё из-за плеча.

— О, теперь понятно почему ты такой, — Эйву перекосило. Могла бы догадаться...

— Ну, теперь понятно, что надо было сделать это самой, — парировал он и снова глянул на Бэлта. — Смотри, он вспомнил!

А Эйва встретила взглядами с Бэлтом, потом посмотрела на Шелранов, которые всё ещё были в недоумении.

— Как ты вообще здесь оказался и какого Иан тебя ещё не прибил? Или тоже не узнал? — и второй наследник посмотрел на младшего Шелрана.

— Ваше высочество, — тот был в замешательстве. Хмурился всматриваясь в Бэлта, а потом в Гаяна.

— Да вы прям... даже не знаю... — ухмыльнулся второй наследник. — Маркиза в горничных, сын графского рода садовником, или что он тут у вас творит? Да ещё и ваши знакомые. Иан... ну как так можно? Твои любимые Бланты.

И у младшего Шелрана в этот момент словно лицо слезло. Он стал бледен, глянул на Бэлта и видимо понял кто перед ним. Верон тоже нахмурился, но остался спокоен, в отличии от младшего брата.

— Ты! Ты...

И Эйва не очень знала подробностей, но, судя по лицу Иана, его сейчас сдерживала только нога. Наверное, если бы он был здоров, то Бэлт уже был бы сметён его яростным выпадом.

— Так. Спокойно, — встал между ними Гаян. — Можно подумать, что ты любил графа

Сэнори. Я бы мальцу тоже награду дал, если бы его милость сдох в том окружении. Но увы...

И второй наследник пожал плечами. Эйва нахмурилась — может Тёран Блант, а так на самом деле звали Бэлта, был виноват в том, что случилось с супругом Нииллы?

— Из-за него Ния, — словно подтверждая мысли горничной, прорычал Иан. — И ты... повиниться пришёл? Или радовался сидел, видя, что с ней случилось из-за тебя?

Бэлт хотел что-то ответить, посмотрел с болью, Гаян вздохнул, покачав головой. Верон положил руку на рукав брата, но тот сбросил её, яростно рванув рукой.

— Вот-вот, чего встали? Ваша светлость, я же сказал вам, что они нелядь, — внезапно во всё это ворвался дворецкий Шелранов. Он замаячил за зелёными мундирами, махнул Верону, привлекая его внимания. Пробился между солдатами вперёд и встретился взглядом с Эйвой. — Тьфу!

И она увидела, как перекосило Рэндана. И надо было молиться, чтобы тот ничего не сделал.

— Жаль законов нет шлюх убивать, — прокаркал дворецкий и Эйва забыла, как дышать.

— Что он сейчас сказал? — в полной тишине произнёс второй наследник оборачиваясь на Киннана.

— Гаян, не надо, — она хотела сделать к нему шаг, но между ней были эти дурацкие перила. На неё в недоумении посмотрели кажется все присутствующие военные.

Его высочество повёл головой.

— Дэнар, — крикнул он, и внутри у Эйвы всё похолодело.

Ещё немного её прошлого — во двор из дома вышел здоровенный мужик, под два метра ростом, с огромным во всё лицо шрамом, идущим по щеке. Эйва знала его, и сколько времени прошло с тех пор, как видела последний раз, но серые глаза были всё такими же невероятно ледяными. Он был одним из самых старших среди гвардейцев Гаяна. А ещё в прошлом он был тем, кто её охранял, а ещё знал отца и кажется даже деда.

Он почтительно склонил голову перед его высочеством.

— Тут нашу девочку, — и Гаян кивнул на Эйву, а Дэнар встретился с ней взглядами и ухмыльнулся, — обидели. Шлюхой назвали.

И Гаян уставился на дворецкого. Старик не понимал, что происходит, таращил глаза. Дэнар издал жутковатый звук, этаким рык хищника.

— С нашей девочкой так нельзя, — глухо проговорил он. Эйва знала, что горло у него было когда-то перерезано в бою и оттого он старался не говорить, а если и говорил, то словно задыхался.

И он наступил на дворецкого, глянул на нечаянно вставшего на его пути гвардейца в зелёном мундире, тот кажется исчез под ужасающим, леденящим кровь, взглядом.

— Ваше высочество, он просто пьяница, не надо... он вечно не весть что несёт, — всё ещё попыталась исправить ситуацию Эйва.

Но было поздно. Не было смысла.

Дэнар был человеком абсолютно безжалостным, выполняющим приказы не обсуждая их. А тут ещё дело было в ней.

“Наша девочка” — если старика не убьют, то покалечат.

— Я же тебе сказал, — ответил ей Гаян холодно, и да он всегда держал свои обещания. — Это почти собственноручно.

Дворецкий завопил, глядя на гвардейца в тёмном мундире, потом поперхнулся. Зелёные мундиры расступились. А Дэнар утащил старика прочь. Ниилла, видимо не понимая, что

происходит и испугавшись, что дело было связано с Бэлтом и Рэнданом, ринулась ко второму наследнику.

— Ваше высочество, — она попыталась вцепиться в его рукав и тут кто-то из зелёных мундиров решил, что это опасно, и попытался кажется влезть между ними, на что получил уничтожающий взгляд от второго наследника.

— И, майор, кажется кто-то тут сегодня будет работать садовниками, — Гаян кивнул на вытоптаные цветы. — Чтобы сделали как было.

Майор зло ухмыльнулся, кивая и переводя взгляды на гвардейцев в зелёных мундирах. А второй наследник обратил свой взор на сестру Шелранов.

— Что вы хотели, моя милая Ниилла?

— Я вас очень прошу, очень... их хотят забрать, — она кивнула на Бэлта и Рэндана, который вообще кажется был мёртв. Он не отрывал взгляд от Эйвы и ей было так плохо, так давил, уничтожал этот его взгляд. — Но они хорошие, ваше высочество. Пожалуйста, они очень хорошие.

— Ниилла, моя милость, их не забирают, — ответил Гаян.

— Правда? — опешила она.

— Да. Всё хорошо, не переживайте.

— Спасибо, спасибо, ваше высочество! — улыбнулась она сквозь слёзы. — А вы? Вы останетесь?

— Мне надо ехать, — мотнул он головой.

— Даже на чай?

— Боюсь нет, — и Гаян поцеловал её пальцы. — Но я обещаю заехать, я давно вас не видел.

— Не надо... — с грустью шепнула она. — Не надо. Все обещают и... знаете, все считают меня сумасшедшей.

— Кто? — нахмурился второй наследник.

— Мой брат... — и Ниилла слегка обернулась, потом подтянулась к Гаяну, потому что была ему до середины груди, привстала на цыпочках. Проговорила: — Иан... он даже говорить со мной не хочет.

— Думаю, что Иан просто вредничает, — нагибаясь ей навстречу, прошептал он, перенимая её манеру, и Эйва увидела, как его высочество глянул на младшего Шелрана. — А на деле он вас обожает.

Иан рыкнул, ругнулся, а потом ушёл хромя в противоположную от них сторону.

— И что я всё забываю, — продолжила Ния. — Обещают, а потом... я же всё равно забуду, как они думают. И никто не выполняет обещания.

— Я не считаю вас сумасшедшей и в вашей памяти не сомневаюсь, — и Гаян был таким мягким сейчас, очаровательным. Говорил с ней абсолютно искренне. — И я всегда выполняю свои обещания. Я обязательно приеду. На чай.

Вдовствующая графиня нахмурилась, потом кивнула и деловито сказала:

— Только сообщите когда.

— Не нужно готовиться, — покачал головой второй наследник.

— Я не буду, — уверила она его. — Но мне нужно попросить приготовить вам ваш любимый пирог. С вишней?

В глазах её застыла детская надежда, что она не ошиблась. И Эйва знала, что второй наследник действительно любил пироги с вишней, при чём смешной мальчишка — просто

так эту ягоду он не ел.

— Да, — кивнул он, улыбаясь.

— Только для этого, — пообещала Ниилла.

— Хорошо. Договорились, моя милость, — ответил на это Гаян. — А теперь разрешите мне поговорить с вашим младшим братом?

— Только не ругайте его, — попросила сестра.

— Постараюсь, — проговорил Гаян целуя её в макушку.

После чего он отправился в ту сторону сада, куда ушёл Иан.

— Как мило с его стороны... — прошептала вслед принцу Ланира.

— Что? — посмотрел на неё Верон.

— Про пирог, — пояснила герцогиня.

— Разве я ошиблась, Лана? — спросила Ния, кажется расстраиваясь.

— О, я... — та натянула на себя это своё отвратительное святое выражение лица.

И Эйва разозлилась.

— Нет, ваша милость, вы не ошиблись — проговорила горничная. — Его высочество действительно любит вишнёвый пирог.

— Правда? — Ниилла обернулась на неё и вздохнула, улыбаясь. — Хорошо. А то я начала переживать.

Ланира зло хмыкнула.

— Ну, Эйве намного виднее, она кажется у нас намного больше, чем меченная маркиза с театральных подмостков, — прошипела герцогиня.

— Ты ошалела, Ланира? — Верон глянул на супругу с нескрываемой яростью.

— Оставьте, ваша светлость, — проговорила горничная. — Каждый судит по себе. Всех.

— Задаёшься, Эйва? — с вызовом уставилась на неё белокурая красавица.

— Могу сказать только одно, — и это было низко, но как же достало вот это отвратительное отношение к окружающим, — вы никогда не стали бы его супругой. Даже если бы у вас был титул, да будь вы принцессой крови, это бы не имело никакого значения. Вы слишком ограничены в понимании окружающих вас людей. Вас погубила не ваша репутация, ваша светлость, вас погубили амбиции и непомерное тщеславие. И, как ни странно, бессердечность.

— Эйва? — вдруг воскликнула Ниилла. И все уставились на неё. — Я вспомнила твоего отца.

— Что? — и она была готова услышать что угодно, но не это.

— Твой отец, — и Ниилла подошла к ней, взяла за руки. — Эсфил. Я его вспомнила. Он был на балу в пансионе Гризы Лар Тиир. И ты с ним танцевала. Он ведь был военным? Красный мундир?

И Эйва кивнула, в глазах стало щипать.

— Ты исчезла после этого бала. Нам сказали, что тебя исключили...

— Нет, — ответила ей Эйва. — В пансионе я была совсем недолго. И меня не исключили. Мой папа спросил хочу ли я там остаться, а я сказала, что нет, и он меня увёз.

— А я думала, что это из-за спора с мадам Шандэ из-за Рефэра.

И Эйва рассмеялась:

— Я бы поспорила несмотря ни на что. Она ничего не понимала в этом, — покачала головой горничная. — Она рассказывала нам о чём писал Рефэр, но он и сам не знал о чём писал. Он был пьяницей и трезвым не мог и двух слов связать. Начинал пить с утра и за ним

ходил человек, которого нанял граф Рийн, хозяин театра, чтобы тот записывал за гением его мысли. И потом всё это превращалось в пьесы, которые все считали неподражаемыми. А Рефэр вообще на трезвую голову даже не знал, что это его пьесы. Помню на одной из премьер он подошёл ко мне и спросил: “скажи мне, рыжая девочка, какой идиот написал этот несусветный бред” и кивнул в сторону сцены.

— А ты что? — спросила Ниилла.

— Я ответила, что это написал один забулдыга, но все считают, что это был он, мастер Рефэр, и что ему надо пойти на сцену, потому что всем этот бред нравится. Он кивнул и пошёл. А потом вернулся после поклона и сказал — “какой позор, как можно писать такую муть и под моим именем”.

— Скажи, как он умер, — прохрипел вернувшийся из-за сада Дэнар.

— В белой горячке спутал коня с женщиной, — проговорила Эйва. — Конь не оценил и пробил гению голову копытом. А Блест на это хохотнул и сказал, что конь просто был поклонником Одейна, а Рефэра не жаловал.

Ниилла рассмеялась совсем нормальным смехом, а ведь история о подобном должна была бы её расстроить.

— Рефэр был знатным гавнюком, — прохрипел Дэнар.

— Тебе виднее, ты с ним пил, — ответила горничная. А потом посмотрела на сестру Шелранов. — А что до пансиона, то я могла творить, что хотела. Моя прабабушка была его попечителем.

— Прабабушка? Вдовствующая герцогиня Ригиин? — и это Ниилла тоже помнила. Удивительная чистота сознания наша на женщину.

— Да, — кивнула Эйва.

— Глянула и сказала “о, богиня, ещё одна актрисулька рыжая родилась”, — бухнул Дэнар.

— Спасибо, — ответила ему Эйва, удивляясь тому, что он так давно её знает. Даже странно, но впрочем — страшные события стёрли память женщины о детстве. — Но ни я, ни моя мама, не были актрисами.

— Бабка шикарной была. На десять поколений вперёд, — заявил он.

— Всё-то ты знаешь, — проговорила Эйва и кивнула в сторону, куда гвардеец утащил дворецкого. — Что ему сделал?

— Шею свернул. А надо было четвертовать, — сказал он.

— Дэнар, — покачала головой горничная.

— Пошли, маркиза моя, — и он кивнул в сторону. — Его высочество.

Эйва в панике глянула на Рэндана. Сцепилась с ним взглядами кажется намертво. Дэнар взял её под руку.

— Вещи заберёшь? — спросил он.

— У меня ничего нет, — проговорила горничная и это было правдой. — Документы и папины награды у поверенного в столице, а другие вещи нам взять из театра не разрешили. Ни мои записи, ни рисунки. А больше у меня ничего нет и не было никогда. Украшения бабушки театр присвоил.

Дэнар кивнул:

— Разберёмся, — прохрипел он.

И они, встречаясь со вторым наследником в дверях, зашли в дом.

— Сходи, капралу отдай, тому который смертник, — проговорил Гаян, когда они шли

по холлу к выходу, протягивая Дэнару значок отличия своего отряда. Эйва знала, что это значит — Гаян предложил Рэндану вступить в отряд его охраны.

Она с вопросом уставилась на второго наследника.

— Переведу его к себе. Он же ещё на службе. Грешно таких молодцов в повинные отряды отправлять. Я ценю дельных людей — разве ты удивлена?

— Нет...

Она обернулась на стоящую в дверях в сад Шэйли. По щекам девушки текли слёзы, она глянула куда-то в сторону, потом посмотрела на Ланиру, которая вцепилась в Верона с самым надменным из своих видов.

Они вышли из дома, после тени сада солнце ослепило Эйву.

Сев верхом на лошадь, она ещё раз глянула в сторону дома. Изнутри её заполняла пустота — вот она и потеряла себя.

Глава 38 Шэйли

Шэйли стояла и смотрела вслед уходящей Эйве. Девушка, чувствовала себя потерянной, пыталась осознать происходящее, но не получалось.

Горничная шла рядом со вторым наследником, за ними шёл это совершенно жуткий, невероятно огромный дядька, от вида которого леденела кровь. Будто он выбрался из обители низших богов.

Вдруг второй наследник что-то ему протянул, дядька взял это, кивнул и развернулся к ним. Он шёл на Шэйли, а ей казалось, что она не может двинуться с места, её заполнило чувство беспомощности — если она не найдёт силы пошевелиться, то он сметёт её со своего пути.

Палач...

Это слово всплыло в голове и она встретилась с ним взглядами.

Ава палач...

Шэйли окаменела.

— Шэй, — и Иан, вернувшийся из сада, может со вторым наследником, она не видела, ругнувшись, дёрнул супругу на себя, давая этому чудовищных размеров военному пройти. — Ты чего? — нахмурился младший Шелран.

Жуткий дядька вышел, не обращая на них всех никакого внимания, и направился к Рэндану. Отдал ему что-то.

— Решать тебе. Повинный отряд или при втором наследнике. А девчонку ты иначе и не увидишь больше, — прохрипел он, словно задыхался на каждом слове.

Конюх нахмурился, уставился в ладонь. Лицо его было таким... Шэйли не могла бы найти слов... словно он умер.

И внутри Шэйли было столько непонимания — что случилось?

Гвардеец развернулся.

— За вещами его высочество скорее всего всё же пришлёт, — проговорил он, обращаясь к герцогу, словно знал его. — Подготовьтесь, ваша светлость.

— На каком основании его высочество вообще нашу горничную забрал? — вдруг возмутилась Ланира и Шэйли почувствовала негодование Верона.

— Потому что может, — мужик этот расплылся в кривой улыбке и из-за шрама лицо стало таким зловещим, до крика.

— Это не ответ, — не унималась герцогиня, кажется тоже знала этого головореза.

— Ланира, — рыкнул на неё Верон, одёргивая.

— Завистью не подавитесь, милочка, это вас прополоскали и выплюнули, а здесь предложение есть, согласие тоже, — прохрипел Дэнар. — На свадьбе, смотрите, винишком не поперхнитесь.

И он рассмеялся так страшно, что Шэйли сотряслась, вцепившись в Иана.

— И помните, что за своим ртом надо следить, — он сделал движение корпусом вперёд, навис над ней, словно гора. — Займите его, чем привыкли, а то не глянут, что вы вся из себя герцогиня нынче — разделите участь дворецкого своего. Мне так вообще плевать, кому обратно в глотку слова запихивать.

— Это угроза? — и кажется она вообще его не боялась, а вот Шэйли сейчас в обморок упадёт от страха. — Я...

— Догоните его? — перебил её жуткий дядька, взглядом показывая в сторону уходящего принца. — Скажите, что вы там про меченных маркиз пели?

И вот тут Ланира задохнулась. Она открыла было рот, но ничего не сказала.

— Я с удовольствием вашу шейку сверну.

И она побледнела, вцепилась в Верона, но тот ничего не сказал, хотя супругу от жуткого мужика заслонил.

— Дэнар, — подал голос Иан. — Хватит, майор.

И он перевёл свой жуткий холодный взгляд на младшего Шелрана.

— Только из уважения к вам, капитан Шелран, — прохрипел он, кивнул на военный манер, развернулся и отправился за Эйвой и вторым наследником.

Шэйли затрясло. Она никак не могла унять себя. По щекам ручьями текли слёзы. Внезапно она осознала, что будто стоит в чистом поле, а на неё надвигалась чёрная, непроницаемая неизвестность. Ничто. Оно поглощало всё вокруг и вот-вот должно было сожрать и саму Шэйли.

В ней всколыхнулось что-то потерянное, но основательное. Она закрыла глаза и оказалась внутри невыносимого, беспощадного вихря, что тянул её за собой.

Перед ней возникали картинки, как отражения в осколках зеркала, словно Шэйли была внутри сна, сна наяву. Она ухватилась вниманием за один из осколков.

Двор, сад в цветах и зелени. Столица. Дом второго наследника. Внутри, как в военной крепости, везде гвардейцы в тёмно-синих, почти чёрного цвета, мундирах. Шэйли видела Рэндана, идущего за другим военным. Конюх тоже был в форме, вот такой, как на всех вокруг. Его привели на конюшню, показали лошадей. Он слушал, кивал.

— Тут даже слуги военные, — проговорил гвардеец. — Даже девицы из прислуги.

— Хм... — так привычно её слуху отозвался Рэндан.

— Его высочество сделал это, чтобы, если что не так будет с их стороны, спросить с них, как с военных.

Рэнд понимающе кивнул.

Шэйли откуда-то знала, что где-то в этом доме есть Эйва. Она словно поплыла, ища женщину, и нашла в том самом невероятно красивом внутреннем саду.

— Точно не пойдёшь? — стоял над ней этот жуткий Дэнар.

— Нет. Справляйся без меня, — ответила Эйва, не отрываясь от вышивания.

— Как хочешь, милостивая госпожа, — прохрипел на это дядька со шрамом. — Только это никого не спасёт, а даже наоборот.

И он поклонился ей и ушёл, оставляя женщину одну.

Шэйли видела, какая Эйва потрясающе красивая — на ней не платье горничной, а вот

такое, какие носила сама девушка, или даже нет, какие носила Ланира. Волосы в причёске — переплетённые витиеватые косы, спускались ей на плечи и закрывали шею. А какое невероятное благородство...

— Чего грустишь, любовь моя? — это был второй наследник.

Шэйли обернулась на него. Какой же всё-таки красивый мужчина. Невероятный! Ей захотелось зажмуриться, но в этом сне или что это такое, сделать это было нельзя, поэтому она видела его перед собой и ей становилось не по себе — такая от него исходила мужская сила, завораживающая, возбуждающая.

— Не надо было позволять Дэнару театр тормозить, — проговорила Эйва печально.

— Надо. Пусть развлекается, — ответил Гаян, усмехаясь. — Мне нужно во дворец. Пойдём со мной? Мама будет тебе рада.

Женщина слегка кивнула в согласии.

— Твои тоже идут добровольцами? — спросила она, закрепляя иголку в вышивке.

— Да, — ответил принц. — Но у меня с ними уговор — не больше одной пятой отряда. А то я без людей останусь. Хороших и верных людей.

И Эйва снова кивнула, оставила вышивку и пошла к нему.

— Никак не избежать войны? — печально вздохнула она.

— Боюсь, что нет, — проговорил его высочество. — Не грусти, любовь моя.

И он подмигнул ей, потом поцеловал в висок, приобнял за плечи, утягивая за собой.

Шэйли, как в тумане потянулась за ними, но её будто бы сдержало что-то, она остановилась, прокрутилась на месте и оказалась в комнате.

Это был другой день. Прохлада. Внутри огромной комнаты было тихо и потрясающе красиво — настоящие королевские покои.

— Я не жалею, малышка, — прохрипел где-то уже знакомый голос Дэнара и Шэйли невольно сжалась. — Никогда и ни о чём. Только об одном.

И он так горестно вздохнул, что Шэйли решила найти его срочно, потому что её и убеждать не надо было, что такой человек способен на жалость и сожаление.

— Он мёртв, — тихо отозвалась Эйва.

И её Шэйли видела — женщина сидела перед зеркалом. На ней была ночная сорочка. Волосы влажные лежали на плечах, она только закончила расчёсывать их и теперь смотрела, замерев, на своё отражение в зеркале.

— Мёртв? — переспросил Дэнар. И Шэйли нашла его — он стоит у дверей, скрытый тенями.

— Да, — подтвердила Эйва. — Рэндан его убил.

— Рэндан? — нахмурился жуткий дядька. — Капрал Ярт?

— Да. В Хиите, — женщина говорила с трудом, едва слышно, но комната была огромной и её было хорошо слышно. — Я с... ним... с ним столкнулась, увидела на празднике. Думала, что ошиблась. А Рэндан... не знаю, как понял... я не говорила. Но убил его. Сказали, что медведь задрал, — и по щекам Эйвы потекли слёзы.

— Точно это он был? — спросил жуткий дядька.

— Да. Рэндан сказал. А потом в Хиите девочка ещё... умерла... и на ней шрамы были, как у меня, свежие совсем. Значит действительно он был.

Дэнар подошёл к Эйве, присел на одно колено рядом с ней и обнял. И она обняла его в ответ, рыдая в мундир.

— Тебе легче хоть немного стало? — спросил жуткий дядька.

— Да, да... — кивнула Эйва.

— Ну и хорошо. У меня теперь тоже отлегло, — он погладил её по голове. — Блага богине?

И Эйва мотнула головой, потом прорыдала что-то вроде “света богине”.

Оставив женщину, после того, как она успокоилась, Дэнар, утягивая за собой безвольную в своих действиях Шэйли, пошёл по прохладным коридорам и вышел в душный летний вечер.

— Где капрал Ярт? — спросил он у группы гвардейцев, которые упражнялись в стрельбе.

— На конюшне, командир, — ответили ему. И Дэнар направился туда.

— Эй, капрал, — прохрипел дядька, когда нашёл Рэндана, стоящего возле загона для лошадей, внутри которого был невероятно красивый вороной конь. — Получается?

И Дэнар кивнул в сторону коня.

— Да, — ответил Рэнд.

Жуткий дядька снова вздохнул. Встал рядом с конюхом Шелранов.

— Она была первым ребёнком, которого я в руки взял в своей жизни, — проговорил он, наблюдая за конём. Рэндан нахмурился, глядя на Дэнара. — Мне как раз в тот день семнадцать исполнилось. Я был адъютантом её отца. И мать её рожала в театре, конечно. И повитуха высунулась за дверь, а там только я. Она мне и пихнула в руки ребёнка. Что-то там надо было с мамкой сделать, что им всем не до дитя было.

И он махнул рукой, ухмыляясь.

— Как пихнула, так я и застыл. А они же в этом их театре все снуют туда-сюда. И Эвка такая же была маленькой — белка, не иначе. Туда сюда, только хвост этот её рыжий. Мельтешил, — и на этот раз лицо его озарилось улыбкой.

И Шэйли поверить не могла насколько он стал мягким, приятным. Рэндан повёл головой, слушая.

— И вот стоял я там и не знал, что мне с ней делать. И вздохнуть боялся, потому что — а вдруг закричит? Война не страшна была, а дитё — жуть. И тут девка какая-то их театральных бежала мимо. Говорит: “ой, это у Матиль внук или внучка родились?” А я откуда знаю. Ребёнок и ребёнок. Мне ж не сказали ничего, — повёл он плечами. — Глянул я на эту девицу, а она испугалась. Я уже тогда здоров был с тебя наверное, и рос потом, вишь? Убежала, а потом сжалилась надо мной и вернулась. Показала, как ребёнка надо держать.

И он замолчал, переводя дух — видно было, что говорить ему было сложно.

— Она меня никогда не слушалась, засранка. Убегала, а я же орать не мог на неё. Тогда только глотку мне рубанули, голоса не было вообще. Как гвозди слова выплёвывал. И вот прохриплю ей: “Эвка, а ну стой”, а она будто не слышит меня... а сама поглядывает и хохочет. Любил её мелкую, на руках носил.

И он снова улыбнулся так открыто. А потом выпустил из себя воздух с силой, лицо его стало хмурым, жутким:

— Хорошо, что её отец погиб и не видел того, что с ней случилось. Он любил её безумно. Он бы не пережил, — мотнул головой Дэнар. — Я с ним был, тогда на войне, хотел его останки перевести, но так и не смог. Похоронил его в общей могиле. Место запомнил. А потом Эвку туда возил, аккурат перед нашей войной дело было. Мама умерла её, а перед смертью сказала, что была бы счастлива с супругом вместе быть похоронена. Вот мы прах и отвозили.

И Шэйли хмурилась, слушая. Вроде говорил он спокойно, но голос этот глухой, сам он мрачный.

— А тогда я, когда вернулся и её увидел, если бы мне под руку кто попался — я бы не посмотрел кто... уничтожил бы. Как пелена кровавая, — и он стал зверем. Злым, опасным. Шэйли было жутко быть рядом и слушать его. — Я всю столицу эту проклятую изрыл — притоны, подворотни, подмостки, кажется подо всеми камнями эту тварь искал. Но много времени прошло... много... ушёл. Я потом, когда в службе был где, всё искал, никак унять себя не мог. Но только девиц находил. Каждая такая как она — шрамы эти, — и мужчина втянул воздух жутко, с какой-то нереальной яростью. — А она детство забыла. Всё, что было хорошее, меня тоже не помнила. Боялась даже.

И Дэнар повёл головой. Шэйли поняла, что он говорил о том, что случилось с Эйвой, с том, откуда у неё был шрам. И даже больше — девушка почему-то знала, что шрамов было больше и внезапно в сознании появилось знание о произошедшем, отчего скрутило с болью и горем.

— Эйва мне сказала, — проговорил он. — И отпустило. Жаль не я, но...

И Дэнар глянул на Рэнда. В глазах жуткого гвардейца Шэйли видела слёзы.

— Командир? — окликнул кто-то и Дэнар повёл головой, небрежно кулаком ткнул в свой глаз, потом прочистил горло и сплюнул.

— А? — отозвался он.

— Тут из города от ювелира коробки. Тебе сказали.

— Ставь, — приказал Дэнар и кивнул на лавку.

— Неужели решил себе колье прикупить? — пошутил гвардеец.

— Ща я тебе колье на шею изображу, как у меня, — ответил на это Дэнар и гвардеец предусмотрительно предпочёл уйти прочь.

А жуткий дядька подошёл к скамье.

— Вишь, побрякушки бабки Эйвы, — сказал он обращаясь к Рэндану, кивая на коробку. — У них-то не было ничего, иногда вообще голодали. Матиль всё хотела продать их, но ни Эйва, ни её мать, не разрешали. Матиль хотела, чтобы Эйва тогда на них восстановила дом, чтобы титул был при ней. Но видишь — из театра выставили, а камни себе оставили, словно они не её. А Матиль их герцог дарил, дед Эйвы.

И Дэнар встретился с Рэндом взглядами:

— Отнесёшь ей? А то мне выпить надо. Стар стал для всех этих соплей.

Рэндан кивнул ему и тоже уставился на коробку.

Эйва была одна, Шэйли видела, как писала что-то. В комнату постучали и женщина, несмотря на то, что была в рубашке, с накинутым на плечи пледом, разрешила зайти.

Шэйли никогда не замечала между Рэнданом и Эйвой что-то, ни разу, и то, что видела сейчас, было так невообразимо странно, безумно, а главное било по ней чувствами, что были между этим мужчиной и этой женщиной.

Она спасла его от смерти ценой своего брака с первым наследником — и это тоже было знание, которого не могло быть внутри Шэйли, но оно было.

— Дэнар сказал принести, — проговорил Рэндан и показал ей коробку.

— Туда можно, — женщина указала на столик.

И Рэндан сделал шаг, ставя коробку. И Шэйли не хотела, чтобы он уходил. Или это чувства Эйвы?..

Защемило внутри, будто сердце остановилось.

Но, сделав шаг в сторону дверей, Рэндан обернулся и кажется всего пара шагов — Эйва вскочила ему навстречу, стул упал на пол, плед сверху, и этот поцелуй кажется самое запрещённое, что видела Шэйли в своей жизни. Столько в нём всего, что даже близость между Ианом и Ланирой, свидетельницей которой она стала, не была настолько сотрясающей сознание девушки.

Эйва и Рэндан утопали друг в друге. Шэйли хотела отвернуться, но у неё не вышло, зажмуриться тоже не получилось, девушка сжалась, стараясь не смотреть, но взгляд тянулся к тому, что между ними происходило. Жар захватил её целиком.

— Шельма, — зарычал в Эйву Рэндан, перенося одной рукой на кровать, задрал её сорочку и продолжил целовать — грудь, живот, ниже... — Воздух мой. Истосковался по тебе. Смерти подобно.

И Шэйли не понимала, как вылезти из этого — нельзя же так, нельзя смотреть так бесцеремонно, вмешиваясь в чью-то сокровенную близость.

Эйва втянула воздух, сдерживая стоны, когда Рэндан, потянул её за ноги и стал целовать лоно. Волосы женщины разметались по кровати, она расставила руки вцепилась в покрывало, натянула на себя, скрываясь в нём и, Шэйли чувствовала, сгорая от стыда и жара страсти.

— Лисичка... — выдохнул Рэндан и Эйва глухо взвыла, подалась к нему навстречу, поведя бёдрами, выгнула дугой спину и содрогнулась. — Да, моя шельма, иди ко мне.

И он вытянул её из под натянутого покрывала, вцепился в губы своими губами. Эйва стала раздевать его, а он стащил с неё сорочку, накрыл своим телом.

И у Шэйли наконец получилось отвернуться. Она горела вместе с ними — стыд, желание... страсть.

Словно умирала...

— Ты будешь среди тех из отряда, кто уйдёт на войну? — спросила шёпотом Эйва, когда они лежали вместе в постели. И, если отвернуться получилось, то с “не слушать” у Шэйли было сложно. Она полыхала от услышанной между ними близости.

— Да, — ответил он.

— Рэндан... — выдохнула Эйва.

— Прости, шельма... Я уйду воевать, — он говорил тихо, с таким страшным спокойствием. — И меня найдёт моя пуля. Получу её прямо в сердце. И вот эти мгновения, пока буду умирать, вспомню то, что сейчас вижу, пальцы тебя ощутят, тепло кожи, волосы твои между ними. Лисичка моя... Я выдохну свой последний воздух твоим именем...

Эйва всхлипнула, и Шэйли невольно глянула на них. Женщина уткнулась в него, такого огромного, что только вот эти её волнами рыжие волосы были на подушке и было понятно, то она там есть, внутри его объятий.

— Не могу так. Не могу. Лучше смерть, чем мука эта. Видеть тебя и не иметь возможности прикоснуться, — прошептал Рэндан, глядя волосы Эйвы, целуя её лицо, пальцы рук, которые хватались за него. — Я бы ушёл, построил бы тебе дом, как ты хотела. На море.

И она подняла на него заплаканные глаза:

— Виноград, гранат, персик, четыре курицы и петух, коза, кошка и собака. Гамак из сетей. Лодку бы сделал. Ловил бы рыбу и ждал бы тебя, — проговорил он с болью. — Если бы знал, что ты придёшь, Эйва, я бы ждал. Год, два, десять, двадцать. Пусть ты пришла бы в последний день моей жизни. Я бы подождал. Но ты не придёшь. А я не хочу по-другому. Не

хочу, лисичка.

И Шэйли чувствовала их страдание одно на двоих. Она тоже плакала.

— Мне нужно видеть тебя, трогать, целовать, любить, — продолжил Рэнд. — Я хочу быть с тобой и смотреть, как ты меняешься. Стареешь. Станешь ли ты сухой, или округлишься, станешь мягкой, тяжёлой? Морщинки твои на лице, волосы поседеют или нет. Мне всё равно. Я хочу всё это видеть.

И Эйва расплакалась, снова уткнулась в него.

— Говорить с тобой, улыбаться, смеяться, спорить, ругаться, — а он потёрся щекой о её волосы. — Злиться, когда не могу доказать тебе что-то, называть тебя в порыве бессильного раздражения глупой, а потом жалеть об этом. И ты обидишься на меня, а я буду просить у тебя прощения. Вымаливать его. И ты меня простишь, и я буду изводить тебя собой, буду любить тебя до потери сознания.

Рэндан взял Эйву за подбородок, чтобы видеть её лицо, стал целовать заплаканные глаза, слизывать слёзы с щёк.

— Сутки, двое, лишь только прерываясь на короткий сон и воды попить. И ты вся будешь влажная, уставшая, но не сможешь отказать мне. Я буду печь тебе хлеб, а ты будешь делать сыр, будешь ругать меня, что я соль забыл купить, а я возьму тебя прямо на столе в кухне, и ты взмокнешь, а я оближу тебя и скажу, что мне соль не нужна, потому что ты моя соль... И больше ничего мне не надо.

Эйва мотнула головой, задыхаясь, и Шэйли сделала тот же жест, всхлипывая и разделяя их горе.

— А это... — и Рэндан тоже плакал, — нет, Эйва... лучше смерть, чем видеть тебя, стоящую рядом с другим мужчиной, перед священнослужителем и дающую брачные клятвы. Лучше смерть...

И плача вместе с ними, Шэйли закрыла руками лицо. А потом оказалась на месте боя, и увидела Рэндана, которого сразила пуля. Она видела, как расплзается кровавое пятно, слышала, как, оседая на землю, в этом невыносимом шуме боя, он выдохнул имя Эйвы. Всё как и сказал.

Шэйли встала над ним. И знала, что Эйва этого не перенесёт — знала, как и всё другое, чего знать не могла, что женщина увидит сводку с именем Рэндана среди погибших, и упадёт в обморок, знала, что сляжет в необъяснимой горячке, что с ней будет Дэнар, а потом и его высочество принц Гаян. Второй наследник будет плакать, прижимая Эйву к себе, будет наизусть читать ей поэму об острове и корабле, и женщина умрёт на его руках.

Девушка всхлипнула. Бой шумел. Она тонула в нём. Смотрела на Рэндана. А потом... потом... рядом с ним лежал Иан...

Бледное бескровное любимое ею лицо, лишённое красок, пустые глаза, обращённые в небо.

Шэйли взвыла, опустилась на колени. Руками вцепилась в его такой же как на Рэндане мундир.

— Нет-нет-нет... — она замотала головой и её скрутило вихрем, тем же, что притянул её к Эйве и Рэнду.

Осколки знания врезались в неё и резали беспощадно, но ухватиться за них уже не получалось.

Иан не простит ей измены, он не сможет быть с ней рядом. Он вернётся на службу ко второму наследнику, наденет чёрно-синий мундир и уйдёт на войну между Сандой и

Тьеном. Он погибнет там, как и Рэндан.

Узнав об этом, Ланира взвывает, а её горестный плач будет стоять в ушах, застывшей во всём этом кошмаре Шэйли. А потом Ланиры не станет. Из-за потрясения смертью Иана, она потеряет ребёнка, и умрёт сама. Но на смертном одре, она проклянёт Шэйли и Верона.

И слова её злым ядом будут течь по их венам.

Перед кончиной Ланира напишет полное желчи письмо, где обвинит Шэйли в падении и предательстве богини, заветов веры, и отправит его в храм. За Шэйли придут и Верону придётся отстаивать её, он сделает всё, чтобы она осталась с ним, но...

Они будут вместе, но ничего не сможет в этой жизни сделать их счастливыми.

Пустота внутри и снаружи.

Шэйли забеременеет, но тоже потеряет ребёнка. Тяжесть греха придавит её и она станет не менее безумной, чем Ниилла.

Перезагрузите мир, ава архитектор?

Вихрь снова беспощадно ударил по Шэйли, она словно открыла глаза, хотя на деле не закрывала их. Она всё ещё была в саду, Ланира всё так же держалась за рукав Верона и с злостью смотрела на уходящего Дэнара.

Всё, что видела Шэйли было лишь будущим, которое случится. Она знала... видела... сотворила... она — архитектор.

Шэйли — архитектор и может перезагрузить мир.

И она закрыла глаза и всё вокруг неё разрушилось, осыпаясь прахом.

Интерлюдия — Архитектор

"Добро пожаловать в высшую директорию. Напоминаем, смертные души должны покинуть директорию в обозначенное время, в противном случае будут уничтожены. Директория начнёт обратный отчёт. Будьте бдительны. Внимание... повторяем..."

Шэйли открыла глаза. Она была в пустоте, но вокруг стремительно выстраивались стены главного зала директории. Она думала, что перезагрузила мир, но в итоге её выкинуло на самый верх?

И тут она поняла, что она не одна.

С ужасом она оглянулась и увидела Верона, Ланиру, Иана, Нию, вцепившуюся в Бэлту Рэндана, принца Гаяна, Эйву и этого жуткого Дэнара.

Их тоже затянуло? Но... и тут до неё дошло почему вокруг них так яростно вещает предупреждение об уничтожении смертных душ.

Этот отвратительный вездесущий голос, который выводил её из себя.

— Что за...

Ругнулся кто-то, но Шэйли не поняла чей это был шёпот, потому что тут всё вокруг дрогнуло, словно кто-то ударил по гонгу. Платформа, на которой они стояли, полностью прогрузилась в главный зал первой директории. Дальше только инквизиторы. Шэйли сковало ужасом — её разберут!

— Ава архитектор? — обратился к ней механический голос и Шэйли обернулась. Перед ней была так называемая основа. Не живая, пустая оболочка, полная чего только можно — знание, умение, оружие, безграничные возможности преображения, но не имеющая души.

— Я... — прошептала Шэйли.

Но договорить ей не дали. Основа поднесла к её глазам сканер и ослепила, считав данные, потом бесцеремонно взяла за руку.

— Процесс запущен, — проговорил голос над ними.

— Подтверждаю, — произнесла основа. — Душа номер один точка один точка ноль три точка шесть шесть точка один ноль восемь. Ранг архитектор. Класс высший. Партия выдала ошибку. Вас должны разобрать. Стремление к идеалу главная функция директории.

И Шэйли знала, что это значит. Вот теперь точно всё... она не перезагрузит мир отсюда, все они, что попали с ней сюда будут уничтожены, как и она, потому что разобрать равно убить.

— Архитектор, подтвердите...

Шэйли втянула воздух, но тут основа зависла, издала странный звук, потом проговорила ещё несколько слов на совершенно разных языках...

— Под... т...т... ди... т... по... те...

Её механическая голова обвисла, а зал пошёл рябью. И из этой ряби стали появляться хранители директории. Они множились один за другим и их стало столько, что не сосчитать.

— Да чтоб вам...

И Шэйли наконец поняла, что произошло — основу сломала Эйва. Архитектор встретила со взглядом цвета сирени. Ловким, совершенно отработанным движением, словно делала это бесконечное количество раз, Эйва обломала конечность у основы. В ней был встроен передатчик. Женщина повела головой, словно потянула шейю. И сделала шаг с платформы.

Как только ноги её коснулись пола в зале директории, Эйва стала меняться, — платье исчезло, вместо него стандартный для души штаны, топ, сапоги... нет один, часть второй ноги была не настоящей — протез, и Шэйли точно знала, что от смертоносен. Руки оголились и на них появилось бесчисленное количество росчерков, в некоторых местах их было так много, что они сливались в тёмные полосы и разобрать написанное могли бы только машины. Росчерки — это же возраст? История души...

Сколько же она существует?

Длинная шея, спина со шрамами в районе лопаток. Волосы короткие-короткие, но всё ещё рыжие. Она глянула через плечо на Шэйли.

— Перепиши его. Просто перепиши...

И Эйва... нет...

— Добро пожаловать в высшую директорию, душа номер один точка один точка ноль точка один точка четыре три. Мы приветствуем вас, ава палач. С возвращением.

Эйва — палач...

— Живо, Шэйли! — приказала ей она и из рук, словно вырос меч, ложась в её руку. Она ударила мечом по основанию платформы и та пришла в движение, после чего Эйва приняла боевую стойку, а хранители директории начали наступать.

— Шэйли...

Кто-то позвал её, но кто она не поняла. Она попыталась отпустить себя, всмотреться внутрь и как ни странно поняла, что нужно сделать.

“Внимание. На головную директорию произведено нападение. Внимание... потеря души высшего ранга... в системе ошибка. Ошибка...”

Глава 39 Рэндан

Он открыл глаза от нестерпимой боли. Внутри всё рвалось на части. Эйва... Война... его воздух... и он снова потерял её.

Хотелось выть.

Он осмотрелся. Рядом с ним была эта девица, Шэйли... архитектор!

Внутри всё рычало — да чтоб тебе, как он мог так подставиться?

Надо было остановить её тогда, догнать бы смог, что ему? Надо было, а не возвращаться обратно в мир, свернул бы её тонкую шейку и отправил в головную директорию с той душонкой, которая умоляла её перезапустить мир.

— Ты... — взревел он, схватив её за горло с силой впечатал в стену.

Они были в том же загородном доме Шелранов близ Хиита. Второй этаж. Окна в пол ведущие на балкон, с которого открывался вид в сад. Внизу Бэлт и эта его блаженная госпожа, он одет не как слуга, она смеётся, вокруг шустрят дети. Двое. Тоже смеются, визжат.

В голове появилось понимание — эта дрянь переписала мир, перезагрузила, но с поправками?

— Ты что натворила? — прохрипел он.

— Переписала мир, — ответила архитектор, задыхаясь, моргая, глядя на него своими огромными тёмными, как бездна, глазищами, полными слёз боли и страха.

Он ослабил хват. А так хотелось свернуть ей шею.

— Верни меня назад, — прорычал он ей в лицо.

— Что?

— Назад, в главную директорию. К инквизиторам. Быстро!

— Я не знаю как, — мотнула она головой, сжимаясь под его натиском.

— Что значит не знаешь? — он поверить в это не мог. — Ты перезагрузила мир, дура. Какого ты вообще натворила?

— Я... я... — и сейчас эта идиотка разрыдается, а значит ничего уже не сделает. Пусть и высшая, но такая слабая душа, как все архитекторы.

— Мне нужно к ней, — и страх мерзко расплзался внутри него. — Нужно, она погибнет. Она не справится с инквизиторами. Они разберут её и тогда я потеряю её навсегда. Верни меня назад.

И если бы он только мог... если бы знал... снова. Опять...

Боль была невыносимой, а ещё сознание стало путаться. Как и тогда, когда он вернулся из-за того, что эта дурная девица, бракованный архитектор, не захотела сделать так, как было надо.

— Всё из-за тебя. Всё, — мотнул он головой. Сознание Рэндана заполняло его. Боли смешивалась, горечь потери и отчаяние. Слишком много и слишком больно.

Он снова мотнул головой, отпустил девчонку, которая вжалась в стену и смотрела на него с ужасом. Ударив себя по голове, снова и снова, пытался вытравить человеческие мысли, человеческое сознание.

— Да чтоб тебе... — вытащил из сапога перочинный нож, разложил и воткнул в предплечье.

Девица пискнула, закрыв ладонями рот. Он зыркнул на неё, ухмыляясь — боль физическая вернула его назад. Но надолго ли, было непонятно.

— Рэндан, — прошептала девчонка. — Ты тоже... тоже...

— Что? — рыкнул он.

— Высшая душа? — спросила она еле слышно.

— Я палач! — взревел он.

— Но Эйва тоже палач? — архитектор нахмурилась, замирая. И было видно, что внутри неё было сожаление от того, что произошло.

Это на деле было так ужасно. Почему его передёрнуло только здесь, почему он как истукан стоял там, словно не в себе был. Завис, он, завис! Поверить в такое было просто невыносимо.

— Ты действительно тупая такая? — взвился он на девчонку, хотя злился на себя. — Да! Да! Ты же слышала! Видела!

— Четыре три, — прошептала она. — Вас всего четверо?

— Ты совсем? — зло рыкнул он и захотелось приложить её головой о стену. — Да, мы первые, нас было только четверо. Стиратели миров. Предвестники конца. Всадники апокалипсиса.

И он ухмыльнулся:

— Какие только названия не генерировала нам система. Болезнь, война, голод, смерть. Морбус, беллум, фэймс, мортем. И в каждом мире что-то своё. Смертные... — пренебрежительно фыркнул он. — Суть всё равно одна — тотальное уничтожение. Без спасения.

— А ты? — спросила она.

— Я — четыре один. Первый из четырёх, но последний. После меня ничего. Я Альфа и я Омега. И ты... мелкая... — он зло ухмыльнулся. — Если бы знал, что так будет...

— А Эйва? — и она сказала это имя, а палач снова рвануло чувствами Рэндана, на деле его собственными чувствами.

— Моя Белла, моя Война, моя Трэсса, моя Третья... моё торжество, моя кровь...

— Воздух, — прошептала она и он нахмурился, уставился на неё. Она же не могла знать, впрочем архитекторы на многое способны. — Прости, я просто... я увидела немного будущего... — словно пытаюсь оправдаться проговорила она.

— Что? — нахмурился палач.

— Я не знала про тебя, точнее про Рэндана и Эйву, — мотнула головой девица, оправдываясь. — Я увидела... очень сильное чувство, и Рэндан погиб, он ушёл на войну и не вернулся, а Эйва не смогла пережить это. Её это сломало.

— И что? — взревел он, а внутри снова рвануло потерей. Как Рэндан стоял там безвольно и понимая, что любимая женщина отдаёт себя, чтобы спасти его никчёмную жизнь, умирал внутри. И вспоминал, как она рыдала в него накануне, говоря, что не хочет, чтобы он забывал её настоящую, просто Эйву, а не какую-то там знатную даму, у которой есть титул. — Что с того?

— Там в будущем было только страдание, — всхлипнула архитектор. — Иан погиб рядом с Рэнданом. И Ланира... и...

— Да плевать! — какие же они все глупые, слабые. Но он слишком долго скитается, жизнь бесконечна и беспощадна. Он привык. — Мир не существует без страдания. Тогда это неправильный мир. Такой нельзя создать. Дура, страдание часть жизни.

— Но... но... ведь... — девица пыталась найти, что ответить.

Но, конечно он понимал — что она видела? Это был первый её мир. Да ещё и обречённый на стирание. Как и сама она. Ошибка партии. Последняя из десяти, кого ещё не разобрали, создавая новых архитекторов.

— Убери страдание и все чувства с ними. Радость, надежда, любовь... — палач попытался объяснить. — Всё это тоже пропадёт. Да, не будет горя, боли, ненависти. Но и противоположного не будет. Это есть основа твоей жизни. Как можно этого не понять?

— Я... я просто... — архитектор не понимала.

Да и ладно, ему нужно было спешить, он это знал. Времени не было:

— Мне надо назад, — снова наступил на неё палач. — Думай! Ты же перезагрузила мир, когда мы попали в высшую директорию?

— Кажется нет, — ответила она. — Точнее я хотела, но меня выдернули туда они. И вас вместе со мной.

— Чтоб тебе, — осознание было как удар. — Тебя хотели разобрать! Ты попыталась перезагрузить мир, и тебя нашли, пока ты сидела тихо, как обычная смертная душонка, они не могли найти тебя. Но при попытке перезагрузки, нашли и вытянули наверх.

Он понимал, что это был крах всего.

— Ещё раз? — прошептала она.

— Нет. Теперь ты им не нужна, — с горечью ответил палач. — Она поменяла тебя на себя. Она намного более важная и весомая добыча, чем какая-то там душа ранга архитектор. Тем более с ошибкой в коде.

— Прости, — выдавила из себя архитектор.

— На что мне твоё "прости"? Знаешь сколько я её искал? — и скрутило, взвыло, пошло трещинами. — Сотни миров, тысячи жизней...

— Почему? — спросила она.

А что он мог ответить? Ничего. Ярость жгла безжалостно. Палач обречённо рыкнул, повёл головой, делая шаг назад.

— Ответь ей, давай, ава палач.

— Вер, — прошептала девчонка и ринулась было к нему. Но он сделал шаг из тени коридора на свет. И она застыла в изумлении. Это был герцог, но он был другой. Не было шрамов на теле и на лице кроме одного — рваная рана через глаз. Герцог ухмыльнулся.

— Ты... — прорычал палач, понимая, кто перед ним.

— Я... — кивнул он. — Что же ты, расскажи почему ты потерял такую трепетно хранимую тобой душу, первый палач.

— Вер... — непонимающе прошептала девица, так и не понимая, кто перед ней.

— Ава инквизитор, — прорычал палач, а хотелось сплюнуть. Нет, хотелось стереть в прах. — Первый из трёх.

— Что? — она обернулась на палача, распахнула глаза.

— Ты почти переписала мир, — тихо сказал инквизитор, обращаясь к девчонке.

Она снова посмотрела на него, потом едва слышно, обречённо ответила:

— Не знаю, у меня не получилось...

— Потому что ты хотела переписать и его, — и инквизитор кивнул на палача. — А его нельзя переписать — он целый.

— А ты не очень, — рыкнул палач.

Инквизитор ухмыльнулся.

— Бессильно рычать это всё, что ты можешь? — проговорил он спокойно. — Как обычно.

— Верни мне её. Это из-за тебя... ты забрал её.

— Нет, первый палач, это ты сам! Ты сам сделал это. Вспомни, — и инквизитор был прав, причиняя невыносимое страдание. — Её желание было смешным для тебя. Это ты сказал ей, что её удел разрушение, что она не сможет ничего создать.

И палач повёл головой, снова теряя себя, переплетаясь с воспоминаниями Рэндана, становясь таким же как он — честным, открытым, сочувствующим... человеком.

— Нет? — а первый инквизитор в лице герцога Шелрана продолжал уничтожать, каждым словом причиняя невыносимые страдания. — Да. Ты сказал, что она война и ты неотделим от неё, как и остальные палачи, которых тогда уже потерял. Ты запретил ей думать отдельно, словно она принадлежала тебе. Ты усмехнулся, унизив её мечту, которой у неё быть не должно. Ты потерял её до того, как я сделал её тем, что она есть. До меня. Ты оттолкнул её, а она пришла ко мне.

Палач взвыл:

— Инквизиторы забрали наших с ней братьев. А ты научил её создавать. Но на деле. Она страдала, когда создала то, что было обречено, — и он видел как ей было больно, пока она стояла посреди разрушенного почти до основания созданного ею мирка. — А ты всего лишь провёл эксперимент.

— Нет, — ответил инквизитор. — Это я был тем кто разрушил её мир. Я. Это был мой приказ. Её мир был хорош. Спокойный и открытый, немного наивный, но красивый. А я залил его кровью, отдав приказ на уничтожение. Ты прав, я хотел понять природу ошибки в её коде. Она не должна была стремиться к чему-то такому, но так отчаянно этого желала. Мне надо было понять. Совершенно новая ошибка.

И это было слишком. Его девочка, нужная, важная девочка. И его нетерпение, первый палач так не хотел, чтобы она менялась. И он нашёл её тогда, уничтоженную, разбитую и добавил...

— Но её неидеальность была откровением. Я понял это слишком поздно. В этом и был смысл, — проговорил тем временем инквизитор. — Идеальное стерильно и не имеет никакого смысла. Моё стремление к созданию идеального было ошибкой. Это и есть главная ошибка кода всей директории. А может и нет. Может сопротивление и есть основа всего. И инквизитор должен изучать, наблюдать, он не должен вмешиваться в процесс. Но я... Я сломал её мир. Я сломал её. И я никогда не прощу себе этого. Потому что... любил её.

И палач поднял голову и встретился с полным сожаления взглядом.

— Инквизитор не может любить, — отрезал он, ревностно. Как же странно — даже в теле Рэндана он ревновал Эйву к Верону. Даже это было для них троих неизменно.

— Как и палач! — был ответ. — Разве нет? Любовь противоестественное правильному чувству. Чувство стремления к кому-то, необходимость сплетения душ. Уродство в идеальном. Для продолжения жизни это не нужно, но оно появляется всё равно. Сколько не трави, не уничтожай. Настоящая любовь — это единственное чувство, что стремиться к создателю, тянется к вечному. И получается, что уродство основа всему. Ошибка — основа.

Инквизитор повёл головой и усмехнулся.

— Я понял это. И поплатился за это знание. Я был разобран своими же. Второй и третья инквизиторы раскидали меня по сотням миров, надеясь, что я никогда не смогу восстановить себя и я принимаю эту кару за то, что найдя в себе обратную сторону любви — разрушение, я предал создание, которое любил так сильно.

Горечь в этих словах резала слух палача.

— И ты тоже подтверждение этого... сотни миров, тысячи жизней, — тихо проговорил инквизитор. — Ты ищешь её, твоё нутро зовёт её, тянется к ней. Создание, что было твоей душой, одно в нескольких. И ведь ты всегда находишь её. Вспомни все эти свои тысячи жизней. Ты всегда находил её и всегда терял. Фатальные ошибки, порой пустые и нелепые, ты разрушал связь, которая есть между вами. Это твоё наказание.

Его лицо исказила жестокая улыбка:

— И меня оно устраивает.

— Прекратите это, ава инквизитор... — а они кажется и забыли, что девчонка-архитектор всё ещё здесь. Она встала между ними, обратилась к первому инквизитору, плача. Прося. — Вер, зачем ты так? Пожалуйста. Это наказание не только для него, но и для неё... ведь теряя его, она страдает... ей больно как и ему. Очень больно. Она умирает каждый раз...

— Ему плевать, — прохрипел палач.

— Не надо... — прохрипел зло инквизитор. — Я тоже наказан. И не говори, что тебя не радует это. Я собираю себя. Некоторые мои части утеряны навсегда, и это сделали палачи. Уничтожили до основания миры, где была часть меня. И каждая моя жизнь напоминает мне о том, что я разрушен. Всегда... я такой, — и он указал на лицо.

— Палачи? Мои братья, которых инквизиторы перебрали, потому что были недовольны, искали ошибки, пытались наказать меня и третью? Или их копии? — взвился палач с болью. — А теперь инквизиторы поступят так же с ней. Ты же забрал себе часть её, у тебя есть её код. Призови её назад.

— Прости, я сделал слишком много копий. У меня ничего не осталось, — повёл головой инквизитор. — Это было до того, как я понял, что идеальное мертво. До моего падения, до разрушения меня самого.

— Вер... — девочка взяла инквизитора за руку. В ней скорее всего уже снова сплелось две сущности — архитектор и Шэйли.

— Ты начала переписывать мир, — посмотрел на неё инквизитор. — Но он не твой. Этот мир изначально был с ошибкой.

Девчонка нахмурилась.

— И ты переписала судьбы важных для тебя людей. Важных для Шэйли.

— Да, — она кивнула.

— А ты? — спросил инквизитор.

— Я? — архитектор удивилась, впрочем палач тоже.

— Шэллина, — инквизитор вздохнул. — Почему...

— Я не имею значения, — ответила она с горячностью, перебивая его. — Я не хотела, чтобы все страдали.

— Глупышка моя, — и инквизитор погладил её по щеке.

А у палача внутри стала умирать надежда. Может если он умрёт, то сможет вернуться наверх до того, как снова переродится в каком-нибудь очередном мире? Или его схватят? Его обязательно попробуют поймать.

— Ты знаешь, что ты переписала мой код? — спросил инквизитор. — Почти восстановила его — то, что, как я думал, утрачено навсегда.

— Я? — удивилась девчонка, смотрела на инквизитора с сомнением.

— Дело в ошибке твоей партии, — ухмыльнулся он. — Как это ни странно. Я помогу тебе перезагрузить мир.

И вот теперь палачу всё стало понятно. Понятно зачем первый инквизитор так с ней ласков сейчас. Ему нужна её сила, сила архитектора, чтобы закончить себя самого.

— Не вздумай. Никогда не верь инквизиторам! — прорычал палач.

— Я... — она посмотрела на него со страхом.

— Глупая! Он заберёт недостающий код себе и сломает тебя, так же как сломал моих братьев, как сломал третьего палача, как сломал Эйву.

И девица перевела взгляд на инквизитора.

— Он прав, — тот не стал отпираться. — Мне нужна часть тебя. Но я верну её тебе назад.

— Не верь! — предостерёг её палач.

— А он? — спросила архитектор, указывая на первого палача. — А Эйва?

— Я попробую, но не могу обещать, — и инквизитор посмотрел на него. — Скорее всего придётся ждать, потому что вытащить душу высшего класса, да ещё и ранга палач, поменявшую себя на другую душу, сопротивляющуюся внешнему... Третья ведь не пойдёт.

— Я не верю тебе, — ответил палач, хотя внутри забились надежда, желание верить, попробовать, но и тонуть в ложной эйфории он не станет. — Это может быть копия. Сколько ты наделал?

— Копии идеальны. Во всём. Если третья вернётся, то в момент вашей встречи будет палачом и у неё не будет части ноги. И она будет уязвима. Она предала тебя, ты можешь убить её в этот момент. Ты узнаешь, не ошибёшься, потому что имеешь право первого.

Палач содрогнулся, слыша это, а с ним и Рэндан, для которого не было ничего важнее жизни Эйвы. Боль в руке уже отпускала и чувства человека, которым он был в этом мире, возвращались к нему, тянули, рвали на части. Потеря Эйвы была невыносимой, как и для первого палача потеря третьей.

Когда она ушла, когда пропала и он осознал, что не вернётся к нему, оставила его, внутри чернотой разлилась бездна, такая страшная, такая чудовищная, что палач и преставить не мог, что он вообще может найти что-то настолько его пугающее. Он отправился за ней, покинул высшую директорию, перестал слышать зов инквизиторов и своего долга. Всё, что было важно — третья.

И первый инквизитор был прав — он всегда находил её. Каждый раз, сколько бы миров не прошёл следом, сколько жизней не прожил... находил свою девочку, находил и терял, потому что предавал, потому что смертный не мог преодолеть обиду внутри высшей души.

— Ава палач? — прошептала архитектор, вытаскивая из боли воспоминаний, всматриваясь в него своими, словно бездна, глазами.

— Не верю... инквизитору не верю! — он упрямо мотнул головой. — Кто помешает тебе забрать её себе?

— Зачем? У меня есть она... — и инквизитор указал на девочку. И как бы не хотелось верить, что чувства Верона Шелрана, если они были у него к этой девочке, хоть какие-то, сейчас выкручивают инквизитора, так же как палача выкручивали чувства Рэндана, но недоверие к самому инквизитору были сильнее.

— Ложь! — отрезал палач.

— Хорошо, — сказала тихо архитектор.

Первый палач ринулся к ним, чтобы остановить, но не успел — мир вокруг него дрогнул и осыпался.

“Внимание, перезагрузка мира завершена.”

Глава 40 Шэйли

Она открыла глаза и резко села.

От этого голова заболела, а в глазах помутилось. Она зажмурилась, стараясь понять, что происходит и где она находится. Только обрывки воспоминаний, как вспышки.

Глаза тёмные, цвета фиалок, смотрящие со злостью. Запах крови. Ярость и страх. А потом чьи-то руки обняли её и она утонула в тепле. Погружаясь во тьму.

Открыв снова глаза, она увидела брачный браслет на своей руке. Тонкие пальцы. Сорочка с длинными рукавами, кружевом из, она точно знала, Яллы.

И... она забыла, как сама выглядит!

— Госпожа Шэйли? — после слабого стука, в комнату вошла женщина лет тридцати. Светлые волосы под зелёным платком, мягкое круглое лицо, светло-серые добрые глаза, курносый нос, ямочки на щеках, аккуратные губы. На ней была сероватая блуза, зелёного, как высохшая трава, цвета жилет, и такого же цвета юбка в пол. — Доброго утра, уже проснулись?

— Доброго, — отозвалась она, пытаясь понять, кто перед ней.

— Как вы? Выглядите ошеломлённой. Плохо спали? — спросила женщина и, подойдя к шторам, открыла их, впустив в комнату свет утра.

— Да, — прошептала в ответ.

— Ну, ничего. Завтрак вас взбодрит. Чего-то особенного хотите?

— Не знаю, — и хотелось рыдать. Она старалась держаться, но видимо получилось плохо.

— Ох, не надо, госпожа, не расстраивайтесь из-за такого пустяка, — женщина небрежно махнула рукой. — Я схожу посмотрю, что там и как, принесу самое вкусенькое.

И она подмигнула Шэйли, направилась к двери.

— Примем ванну и станет легче, — женщина вышла.

— Миса? — позвал кто-то там, снаружи, куда вышла женщина и она отозвалась, прикрыв за собой дверь комнаты.

Так это была Миса, а она Шэйли?

Что-то смутное заворочилось в сознании. Она вздохнула, оглядела комнату — большая, уютная спальня. В стене напротив дверь. Кровать большая, тумбы по бокам, комод, ворсистый мягкий ковёр, ещё одна дверь, зеркало...

И она встала, подойдя к нему. В зеркале отражалась девушка лет двадцати пяти, не больше. Бледная кожа, брюнетка, волосы заплетены в косу доходящую до середины спины. Глаза у неё были карие, большие, лицо худое, но круглое, аккуратный чуть вздёрнутый нос, брови тёмные, ресницы. Эта Шэйли достаточно приятная.

Она перенесла взгляд с отражения на себя, глянула вниз, осматривая, та же ночная рубаха, что уже видела, с пышными рукавами. Шэйли приподняла подол, потом сняла ночнушку — тело было стройное, грудь совсем небольшая, стройные ноги, низ тела наверное немного тяжелее верха, но в целом приятная женская фигура. Она встала боком.

— Кхм, — и она подскочила и натянула рубашку назад, обернулась и увидела озорной взгляд.

Она знает этот взгляд.

— Эй, — в дверь ворвался мужчина. Красивый, высокий. На нём тёмно-синий мундир. — Уже встали? Доброе утро, Шэй.

И он обнял её, поцеловал в лоб, а она невероятно обрадовалась, что успела надеть обратно ночнушку.

— Тебя стучать не учили, Иан?

И у неё будто закружилась голова.

— И тебе, доброе утро, Верон! — ухмыльнулся гость. — А чего вам стучать? Вы такие скучные — не думаю, что увижу что-то странное или шокирующее. А её голой я уже видел.

И Иан плюхнулся на кушетку.

— В пять лет, — заметил Верон.

— Пффф, а что-то изменилось?

И это было смешно. Она улыбкунулась и глянула на Верона. Вер... правда?

— Ладно, я на самом деле пришёл сказать, что я пришёл, — и Иан торжественно расставил руки.

— Очень интересно, — произнёс на это Верон. — Ещё что-то важное?

— Теперь я планирую пойти спать.

— Всё?

И она поняла, что знает, что они братья.

— Да, вечером расскажу новости столицы, — ответил Иан.

— В нетерпении, — Верон мотнул головой. — На сколько тебе дали увольнительную?

— Хотели на пятьдесят дней, но это слишком — терпеть вас столько времени, это перебор, — и Иан глянул на неё, подмигнул. — Пара недель — не больше.

— А то девицы в столице остынут до окоченения смертного?

— Да. Именно.

И с этими словами Иан встал

— Кстати, Ланира Пагарт беременна, — заметил он, словно между делом.

— От его высочества? — спросил Верон бесцветно.

— Да кто ж её, заразу, знает? — пожал плечами младший брат. — Но второй наследник ищет ей партию теперь.

— Надеюсь тебя в кандидатах нет?

— Верон, — Иан закатил глаза. — Во-первых, Гаян меня слишком любит, чтобы скормить этой белокурой нищре. Во-вторых, я в своём уме. Зачем мне такая вздорная девица? Красивая, да, но... и вообще — это вам надо, чтобы я вступил в брак, а мне не надо. Мне и так хорошо. Вы вот купаетесь в этом вашем “счастье на двоих” и высшие с вами.

И он состроил такую смешное кислое выражение лица.

— Иди уже спать, — фыркнул Верон.

— Ага. Увидимся на ужине.

— К обеду не спустишься?

— Ну, я всю ночь был в седле, — повёл головой Иан. — Спешил твоё перекошенное радостью лицо увидеть. Дай отдохнуть. Имею право вообще спать хоть весь отпуск.

— Один в постели? — закивал Верон.

— Да. Может я устал от компании?

— О, ну тогда вперёд. Удачи.

Иан шутливо поклонился и вышел, но не закрыл дверь.

— Богиня, кого я вижу, — воскликнул он в коридор. — Миса. Солнышко моё.

— Ваша милость, перестаньте, я же уроню, — взвизгнула женщина.

— Теперь это моё, — возвестил Иан из-за двери.

— Это завтрак её светлости, — возразила Миса.

— Нет, мой, — ответил он. — И ещё кое-что.

— Ваша милость... — кажется выдохнула служанка.

— Ты прав, Верон, — крикнул Иан. — Одному спать скучно.

Тот прошёл к двери и закрыл её.

— Вер... — прошептала она.

— Да, — кивнул он, улыбаясь и вернулся к ней. — Что ты там пыталась рассмотреть?

— Я... — она покраснела, вспоминая в каком виде он её увидел до того, как Иан ворвался в комнату.

— Только два месяца, Шэлл, — покачал головой Верон и погладил её живот. — Рано. Скоро всё будет, потерпи. Поможешь мне?

И он показал ей зажатые в руке запонки.

— Да. — кивнула она и стала вдевать запонку в прорези. На его руке был такой же как у неё брачный браслет. — Ты уходишь?

И ей отчаянно не хотелось оставаться одной. Будто, если он уйдёт всё станет ненастоящим и холодным. Страшным. С ним было тепло и он словно укутывал её в невидимое одеяло. Такое странное чувство.

— Да, — кивнул Верон и склонил голову. — А что?

— Нет... ничего... — промямлила она, устыдившись своих мыслей. Может ему надо, а она тут хныкает.

— Хочешь, чтобы я остался? — спросил он, склоняясь к голове, целуя волосы.

— Я... нет... — смутилась она.

— Шэлл, просто попроси, — прошептал он. — Скажи: “Вер, останься со мной”.

— Вер, останься со мной, — сказала она и посмотрела на него.

— Хорошо, — улыбнулся он, выпрямляясь.

— Ты уверен?

— Там и без меня всё работает, — ответил Верон и обнял её. — Чем хочешь заняться?

— Ничем, — ответила она, и с радостью утонула в его смехе.

— Отличный план, — одобрил Верон.

— Но, можно немного скорректировать? — спросил он и приподнял одну бровь.

— А? — нахмурилась она не понимая.

И Верон нагнулся и поцеловал её.

Конечно. Да. Она — Шэлли. Она безумно любит своего Вера. И счастлива, что он её супруг. Шэйли потянулась к нему, обняла за шею. Вер подтолкнул её к кровати и приподняв уложил на постель.

Она тонула в радости от его прикосновений, его тепло было таким необходимым. Верон стянул с неё сорочку, целуя обнажившееся тело, Шэйли задохнулась от счастья, потянулась к нему раздевая и тоже целуя его кожу на идеальном в её понимании теле с несколькими шрамами, оставшимися после войны.

Почему-то вспышкой пришло осознание, что она будто видела другое — видела множество шрамов на Вере, видела его лицо обезображенное наполовину. Она замерла, вдохнула.

— Что? — нахмурился Верон, останавливаясь и смотря на неё с волнением.

— Нет, — повела головой Шэйли. — Просто...

И она обняла ладонями его лицо — шрам был один, лишил его глаза, но для неё красивее лица не было. И не будет... только разве что лица их детей.

Шэйли потянулась и поцеловала его. И он ответил на поцелуй, утаскивая её в океан обжигающего неуголимого, кажется, желания.

— А у тебя с Ианом всё хорошо? — спросила она внезапно. Нужно, почему-то просто необходимо было знать.

Верон прижимал её к себе после близости, глядя волосы.

— В смысле? — не понял он вопроса.

— Ты не злишься на него?

— Нет, что? Почему ты так решила? — нахмурился он и заглянул ей в лицо.

— Мне приснилось... — прошептала она, смущаясь.

— Ох, Шэлл, это просто сны, — повёл он головой и целуя её в лоб. — Лекари же сказали, что такое бывает. И Ниилле тоже снились плохие сны в это время, помнишь?

Она кивнула, осознавая, что беременна.

— Правда с его приездом снова придётся держать себя в руках, потому что вы двое, — и он ухмыльнулся. — Словно вам до сих пор пять и семь лет.

Шэйли хихикнула.

— Юллин просится назад.

— Просится назад? — нахмурилась она, пытаясь вспомнить кто это. Вроде девочка из горничных.

— Да. После того, как она сошлась с этим найденным ею на улице слепым капралом, — он вздохнул. — Не знаю. О чём она думала? Правда у неё всегда были странные мысли в голове. Но это... он ослеп не на службе, побирался потому что выплат военных ему не хватало. И вот она просится назад.

— Ну...

— Нет, Шэйли, — мотнул он головой. — Ты слишком добра. Я сказал Яци решать. Если ей нужна помощница, то пусть берёт её к себе. А если нет, то горничной она не станет.

— А капрала не Рэндан зовут? — спросила она, сама удивляясь вопросу. Юллин помнила с трудом, а тут какой-то слепой капрал.

— Что? Её? — он нахмурился. — Нет. Откуда ты взяла это имя?

— Не знаю, — пожала она плечами. — Может в войну в сводках видела что-то и запомнила?

— Может. Кстати, о горничных — Сэмэл просит руки Янры.

И Шэйли знала, что Сэмэл это конюх из поместья в Хиите, а Янра горничная, что там живёт и присматривает за домом.

— Разрешишь?

— Наверное.

Он задумался, поглаживая её по спине. И это было так приятно.

— И, да, раз Иан приехал, — заметил Вер, — то можно к Ниилле и Тёрану наведаться. Правда, после посещения их дома, детей вообще перестаёшь хотеть. И родительство становится какой-то карой, а не счастьем.

И он так забавно фыркнул, а Шэйли захихикала. Она вспомнила Нию, Тёрана и их двоих детей, скачущих в весёлых играх.

— У меня нет и сотой доли терпения Тёрана, — хмыкнул Верон.

— Но меня ты терпел, ваша светлость? — заметила Шэйли вспоминая какой она была вредной в детстве.

— Хм... Думаешь любовь придаст мне терпения?

— Несомненно.

— Будем надеяться, — вздохнул Верон.

— Ты будешь прекрасным отцом, — прошептала Шэйли, целуя его в плечо.

— Твоя вера в меня невообразимо прекрасна, — ответил он, улыбаясь. — Я и сам так в себя не верю.

— Потому что люблю тебя, Вер.

— Я тоже люблю тебя, скворушка, — и он притянул её к себе и она утонула в этом невообразимом надёжном и безграничном, исходящем от него, тепле.

Эпилог

Он вступил на берег и втянул морской воздух. Тишина была щемящей, пробирающей до костей, но такого как он было невозможно напугать.

Время здесь не двигалось. И здесь не было ничего кроме него и того, что было при нём.

Пёс, которому он так и не дал имени, ткнулся в ногу мокрым носом, радостно виляя хвостом и приветствуя хозяина.

Вытащил на берег лодку, перевернул её вверх дном и поднявшись по склону, он застыл, вглядываясь в пустоту берега. Даже крабов не было или орущих дурных чаек.

Там, неподалёку, был ещё один рыбацкий дом, но до него нельзя было дойти — сколько не иди, всё равно словно остаёшься на одном месте. Дом не отдалялся — просто расстояние до него не изменялось, даже если бежать. Каждый раз всматриваясь в ту сторону, казалось, что если там появится жизнь, то всё обретёт смысл.

Но нет... движения, жизни... нет.

Над головой сгустились тучи. Он вздохнул и пошёл к своему дому. Построил его сам и кажется, что живёт здесь вечность. Крыльцо с гамаком из сетей, одна комната внизу — кухня со столом, место со сплетёнными циновками и парой лоскутных одеял, вокруг очага, открытого с одной стороны и закрытого с другой стеной. Там за стеной было место для справления нужды и место, чтобы помыться. Хотя ему хватало и моря.

С верхнего яруса к нему спрыгнула безымянная кошка.

— Потрохов вам охота? — спросил он, глядя на животных.

Пёс проскулил что-то и припал к полу, вильнул хвостом. Кошка уркнула и ласково ткнулась ему в ногу.

Он ухмыльнулся и бросил пойманную рыбу в кадку для мытья, что стояла в кухне. Действия такие бесполезные, но такие нужные, чтобы не сходить с ума. Разделав рыбу, он сварил похлёбку.

Громыкнуло где-то над головой и жалобно заблеяла за стеной коза, жившая в пристроенных к дому сенях, куры забеспокоились вторя ей кудахтаньем.

Он глянул на пса, но тот и ухом не повёл — наелся и спал возле дверей.

Начался дождь, который к ночи превратился в бурю. Непривычно ледяной, ветер словно сошёл с ума — выл во всех щелях. Кошка забилась куда-то между тёплой стенкой от очага и низкой постелью, что он сделал на верхнем ярусе. Выше была только крыша. Добротная, как оказалась, получилась — несмотря на стихию бившую в неё так отчаянно, даже не скрипела и не подвывала.

Сон не шёл. Внутри было такое невообразимое беспокойство — сколько он уже здесь? Ему казалось, что бесконечность. Бесконечность его бессмертной жизни проведённой в ожидании.

Самое горькое было, что может и ждать было не нужно, может она не придёт... её разобрали одни инквизиторы, а его запер другой.

Пёс начал нервничать.

Спустившись вниз, он нахмурился и прислушался. Только стихия. Но пёс всё равно что-то слышал — быть не может, что у псины слух лучше, чем у палача. Идеального создания для убийства.

Он вышел за дверь и моментально промок от попытавшейся его смести стихии.

Всмотрелся вниз — только тьма и буря в ней.

Но уйти почему-то не получалось. Его тянуло туда вниз, к морю. И он двинулся туда, ведомый призрачной надеждой, болью и пустотой, что была в нём без неё.

На берегу было пустынно, так же как и всегда. Он осмотрелся. Ничего.

Из-за спины выскочил выбравшийся из дома пёс и побежал вперёд.

Он побежал за псом.

Её тело было наполовину в воде, с невероятным количеством резанных и колотых ран на руках и ногах, и, вполне возможно, что её выдернули прямо из самого того боя, начало которого он видел в главной зале высшей директории.

— Бэлл, — выдохнул и поднял её на руки.

— Смерть, — прошептала она, хватаясь за него.

— Я, это я, любимая моя, я...

И он понёс её к дому. Пёс бежал впереди, убегая и возвращаясь, подвывая и скуля, словно тоже ждал её прихода.

Её всю трясло, кровь моментально впиталась в его одежду.

— Сейчас, сейчас, потерпи немного...

Она была раненой вне директории, при переходе могло случиться всё что угодно — переход нужно осуществлять целым, а тут об этом и речи не было.

Положив её на пол у очага он закинул в него поленья, чтобы стало теплее, потом снял с неё одежду. Ноги не было... это была настоящая третья, значит у инквизитора получилось её вытащить. И плевать, что они могут быть заперты в этом ничто, лишь бы она не впала в “пустынное” пограничное состояние — не умрёт, потому что бессмертна, но и в сознание не придёт, и будет бродить только внутри миров, смертной душой, без возможности выбраться.

Нет, он это переживёт, будет находить её ещё тысячи раз, но дело не в нём, а в ней...

— Забери меня, первый, — тихо прошептала она мольбу о смерти.

— Нет, нет, всё будет хорошо, — ему стало страшно, как тогда когда потерял.

— Ты ведь можешь. Твоё право.

— Ты моя жизнь. Не будет тебя и меня не будет. Я потерял второго и четвёртого. Тебя не потеряю. Ты всё, что у меня есть.

И он снял мокрую одежду, взял её на руки и поднялся с ней наверх.

— Сейчас согрею, потерпи...

Растирая её руки, пальцы, ноги, он всё не мог унять собственную дрожь. Словно это снова обман, ложь и её здесь нет.

— Третья. Белл? — позвал он. Она застонала, с трудом открыла такие же как у него глаза. — Не оставляй меня, любимая.

— Прости...

— Нет, это ты меня прости. Ты можешь всё, всё... и всё, что ты делаешь прекрасно. И то, как ты любишь меня, тоже. Я сделал тебе больно. Мне было страшно. Я боялся, что потеряю тебя. Прости меня.

— Я люблю тебя, первый.

И он подался вперёд, подтягивая её к себе, обнимая и прижимая, стараясь согреть теплом своего тела. Уже к рассвету, она стала теплее и дыхание её стало ровным.

Она пошевелилась, открыла глаза, провела рукой по его щеке, и он отдал себя на волю тянущего в бездну желания обладания. Они так давно не были вместе в этом своём истинном обличье. Целуя каждую её рану, шепча просьбы о прощении, он чувствовал, что теряет себя.

А мир снаружи пришёл в движение, наконец...

Третья застонала, когда они стали едины, вцепилась в него со всей силой, что в ней была, причиняя нестерпимую, но такую полную торжества боль.

Нашёл, он её вернул... теперь не отпустит. Она простила, а значит всё теперь будет иначе, в каком бы обличье они не были друг с другом — и скорее всего этот смертный мир заберёт палачей внутрь себя теми, кем они и были в нём.

Но было не важно. Первый палач был счастлив.

Почувствовав шевеление Рэндан открыл глаза. Его накрывала волна ярко-рыжих волос. Он пошевелил рукой, которая обнимала её за талию. Эйва застонала.

— Шельма моя, — Рэндан словно не видел её сотню лет.

— Ммм?

— Иди ко мне, — и он подался вперёд, чтобы поцеловать её в плечо, шею, за ухом.

— Нет, Рэндан, ужасный ты, — запротестовала она, — отстань, всю меня измучил уже, дай поспать.

— Нет, потом, — и желание было таким острым, таким неутолимым.

— Ну же, только под утро угомонился, как дождь этот пошёл никак от меня отстать не можешь, словно век не виделись.

— Может и не виделись, — ответил он. — Я так чувствую.

— А я умру от того, что там уже ничего не чувствую, — фыркнула Эйва. — Сотрёшь меня... что делать будешь?

— Страдать. А потом умру, — прошептал он и перебрался ниже, подтянул к себе. — Давай всё зацелую и пройдёт.

Эйва взвизгнула, смеясь, потом выгнулась, отдаваясь навстречу его рукам.

— Иди лучше кур кормить и козу доить... низшие тебя утащи...

И она ворчала, ругаясь на него, но дыхание было тяжёлым, утягивающим в омут.

— Моя шельма... моя... — хрипел в неё Рэндан, когда она пошла дрожью в его руках, поджала пальцы ног.

— Ненавижу тебя, — задыхалась Эйва от конца.

— Нет... не ненавидишь, — отпустил он и нагнулся, чтобы поцеловать живот, потом грудь. — Жить не можешь.

— Не могу, — ответила она, обнимая его и отвечая на поцелуй, когда он добрался до её губ.

И внизу, в погребе, скисла похлёбка, ветер беспощадно трепал гамак из сетей, в скалах жались друг к другу и орали ошалелые неугомонные чайки, а из того дома, что был вот там недалеко так же на берегу, выглянул на улицу старый почти беззубый рыбак, глянул на море и небо, ругнулся, понимая, что дождь будет идти весь день и в море выйти не получится.

Больше книг на сайте - Knigoed.net